

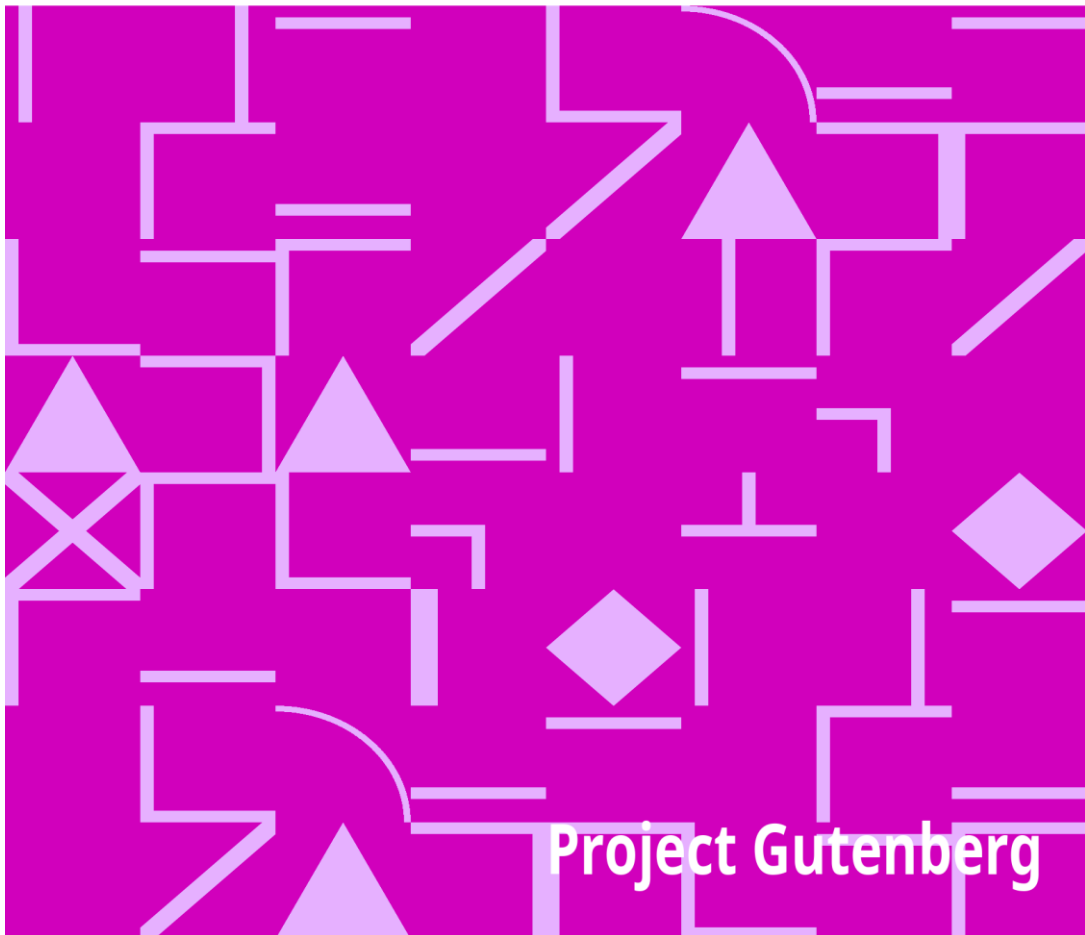
Жизнь Наполеона Бонапарта. Том 1 (из 4)

Уильям Миллиган Слоан

The Life of Napoleon Bonaparte. Vol. 1 (of 4)

William Milligan Sloane

Содержание

ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

УИЛЬЯМ МИЛЛИГАН СЛОАН

ПРЕДИСЛОВИЕ К БИБЛИОТЕЧНОМУ ИЗДАНИЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

ГЛАВА I.

Введение.

ГЛАВА II.

Семья Бонапартов на Корсике.

ГЛАВА III.

Рождение и детство Наполеона [1].

ГЛАВА IV.

Школьные годы Наполеона [2].

ГЛАВА V.

В Париже и Валансе [6].

ГЛАВА VI.

Частные занятия и гарнизонная жизнь.

ГЛАВА VII.

Дальнейшие попытки писательской деятельности.

ГЛАВА VIII.

Революция во Франции.

ГЛАВА IX.

[Бонапарт и революция на Корсике.](#)

[ГЛАВА X.](#)

[Первые уроки революции.](#)

[ГЛАВА XI.](#)

[Черты характера.](#)

[ГЛАВА XII.](#)

[Революция в долине Роны.](#)

[ГЛАВА XIII.](#)

[Буонапарт, корсиканский якобин.](#)

[ГЛАВА XIV.](#)

[Буонапарт, французский якобин.](#)

[ГЛАВА XV.](#)

[Якобинская герига.](#)

[ГЛАВА XVI.](#)

[«Ужин в Бокаре».](#)

[ГЛАВА XVII.](#)

[Тулон.](#)

[ГЛАВА XVIII.](#)

[Генерал-якобинец.](#)

[ГЛАВА XIX.](#)

[Перемены в войне и дипломатии.](#)

[ГЛАВА XX.](#)

[Конец ученичества.](#)

[ГЛАВА XXI.](#)

[Преддверие успеха.](#)

[ГЛАВА XXII.](#)

[Бонапарт, генерал Конвента \[50\].](#)

[ГЛАВА XXIII.](#)

[День парижских секций.](#)

[ГЛАВА XXIV.](#)

[Брак по любви и интересу \[58\].](#)

[ГЛАВА XXV.](#)

[Европа и Директория \[64\].](#)

[ГЛАВА XXVI.](#)

[Бонапарт на большой сцене \[66\].](#)

[ГЛАВА XXVII.](#)

[Завоевание Пьемонта и Милана \[67\].](#)

[ГЛАВА XXVIII.](#)

[Непокорный завоеватель и дипломат.](#)

[ГЛАВА XXIX.](#)

[Бассано и Аркола.](#)

[ГЛАВА XXX.](#)

[Властный дух Бонапарта.](#)

[ГЛАВА XXXI.](#)

[Риволи и капитуляция Мантуи.](#)

[ГЛАВА XXXII.](#)

[Унижение папства и Венеции \[69\].](#)

[ГЛАВА XXXIII.](#)

[Предварительные условия мира — Леобен.](#)

[ГЛАВА XXXIV.](#)

[Падение Венеции.](#)

[КОНЕЦ ТОМА I](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта Гутенберг «Жизнь Наполеона Бонапарта». Том 1 (из 4)

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: Жизнь Наполеона Бонапарта. Том 1 (из 4)

Автор: Уильям Миллиган Слоун

Дата выпуска: 22 января 2008 г. [Электронная книга № 24360]

Язык: английский

Кредиты: Произведено Тьерри Альберто, Генри Крейгом, Кристин П. Трэверс и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА. ТОМ 1 (ИЗ 4) ***

[Примечание переписчика: очевидные опечатки исправлены, все остальные несоответствия оставлены в оригинале. Орфография автора сохранена.]

Наполеон Бонапарт в 1785 году, в возрасте шестнадцати лет.

Из наброска, сделанного товарищем; ранее находился в Musée des Souverains, сейчас в Лувре.

ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

УИЛЬЯМ МИЛЛИГАН СЛОАН

Доктор философии, доктор гуманитарных наук, доктор юридических наук
Профессор истории Колумбийского университета

ПЕРЕРАБОТАНО И ДОПОЛНЕНО ПОРТРЕТАМИ

ТОМ I

НЬЮ-ЙОРК
THE CENTURY CO.
1916

АВТОРСКИЕ ПРАВА, 1894, 1895, 1896, 1910
THE CENTURY CO.
Опубликовано в октябре 1910 года

ПРЕДИСЛОВИЕ К БИБЛИОТЕЧНОМУ ИЗДАНИЮ

Эта биография Наполеона была впервые опубликована в 1896 году в виде книги: в 1895-96 годах она выходила сериями на страницах журнала Century Magazine. Судя по объемам продаж, ее прочитали десятки, если не сотни тысяч читателей; она получила широкое освещение в критических журналах обоих миров. На протяжении этих четырнадцати лет спрос на нее был очень большим и стабильным, учитывая размер и стоимость томов. Поэтому и издатели, и автор пришли к выводу, что публике необходимо библиотечное издание, и, руководствуясь этой уверенностью, книга была частично переписана и полностью переработана.

В основном это та же книга, которая прошла через столько изданий. Но в некоторых отношениях она была дополнена. Часть, относящаяся к периоду молодости, была несколько расширена, личности ближайших окружения Наполеона в некоторых случаях были более широко описаны, были добавлены новые главы, посвященные континентальной системе, покупке Луизианы и эпохе Святой Елены. В целом текст был удлинён примерно на одну десятую.

В силу ограниченного объема автор свести к минимуму количество ссылок и сносок. На самом деле, в отношении Наполеона очень мало спорных вопросов, которые не являются предметом мнения: доказательства были так тщательно отсортированы, что было достигнуто существенное согласие в отношении фактов. Соответственно, в начале глав или разделов были введены краткие списки хороших справочных материалов для тех, кто желает расширить свои знания: эксперты знают, как поступить. Интересным фактом, который проливает свет на незначительную ценность сносок, является то, что, несмотря на обширную переписку с моими коллегами, за все эти годы я получил только один запрос об источнике двух утверждений и один запрос о доказательствах, на которых были основаны определенные мнения.

Предыдущие издания были дубликатами книг: текст, написанный мной, и комментарии с изысканными иллюстрациями, выполненные другими авторами. Это расхождение очень сбивало с толку серьезных читателей; в этом издании подобной путаницы не будет, поскольку иллюстрации ограничены портретами.

При подготовке этих томов к печати, составлении списков ссылок для третьего и четвертого томов и переработке библиографии мне помогал доктор Г. А. Хаббелл, которому я выражаю свою признательность.

Уильям
Нью-Йорк, 1 сентября 1910 г.

М.

Слоун.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы XVIII века европейское общество начало свои усилия по избавлению от так называемого благожелательного деспотизма и обеспечению своих свобод в рамках конституционной формы правления. Борьба началась во Франции и распространилась на наиболее важные страны континентальной Европы; ее влияние было сильно ощутимо в Англии и даже в Соединенных Штатах. Пройдя через фазы конституционной реформы, анархии и военного деспотизма, движение на время казалось провалившимся, и, судя по внешнему виду, после Ватерлоо абсолютизм был сильнее, чем полвека назад.

Но сила революции была лишь сдержана, а не исчерпана; и пробуждению общего интеллекта, укреплению национального чувства и формированию чувства общего братства между людьми, вызванному революционными борьбами этой эпохи, Европа обязана той свободой и свободным правительством, которыми сейчас пользуются ее народы. К концу этого периода национальная власть больше не находилась в руках аристократии или королей; она перешла к третьему социальному слою, который по-разному называли средним классом, буржуазией или третьим сословием, то есть группой людей, столь же не желающих делиться властью с массами, как и короли. Тем не менее, начавшийся переход нельзя было остановить, и с тех пор продвижение всеобщего мужского избирательного права было соразмерно способности трудящихся классов ( ) принять и использовать его, пока, наконец, в настоящее время, какой бы ни была номинальная форма правления в любой цивилизованной стране, ее стабильность полностью зависит от поддержки всего народа. То, что является основой любого правительства — власть кошелька — перешло в их руки.

Это важное изменение, конечно, было бурным — самым бурным в истории цивилизации, поскольку оно оказалось самым всеобъемлющим. Следовательно, эта эпоха является наиболее интересной, поскольку она была драматичной в высшей степени, выдвинула на первый план людей и личностей, которые входят в число величайших всех времен, и продемонстрировала последующим поколениям самые важные уроки в самом ярком свете. По общему мнению, выдающимся человеком того времени был Наполеон Бонапарт, покоритель революции, буржуазный правитель, имперский демократ, верховный полководец, реформатор гражданского права, жертва обстоятельств, которые использовала его высокомерная амбиция, но которые его непревзойденное мастерство не смогло контролировать. Гигантский по своим пропорциям и сатанинский по своей судьбе, он был самой трагической фигурой на сцене современной истории. Пока люди его поколения и следующего поколения были еще живы, было почти невозможно узнать правду о его

действиях или мотивах; а определить его место в общей истории было еще менее осуществимо. То, что он писал и говорил о себе, было, конечно, продиктовано желанием представить себя в лучшем свете; то, что писали и говорили другие, было предвзято либо из-за преданности, либо из-за ненависти.

До недавнего времени казалось, что никто не мог обсуждать его или его эпоху, не проявляя таких сильных личных чувств, которые искажали его суждения и выводы. Отчасти это было связано с отсутствием перспективы, но в основном с незнанием фактов, необходимых для трезвого подхода к этой теме. В этом отношении за последнюю четверть века произошли постепенные, но радикальные изменения, поскольку группа беспристрастных ученых-исследователей в течение этого времени занималась подготовкой материалов о его жизни, не прибегая к отстаиванию той или иной теории о его характере. Европейские архивы, долгое время тщательно охранявшиеся, были открыты; была опубликована дипломатическая переписка наиболее важных периодов; были изучены семейные документы и напечатано множество ценных мемуаров. Таким образом, стало возможным проверить одно свидетельство другим, опровергнуть ложные представления, устранить эмоции — короче говоря, установить нечто вроде правильного обриса и точных деталей, по крайней мере в отношении того, что этот человек действительно сделал. Те скрытые тайны любого человеческого разума, которые мы называем мотивами, всегда будут оставаться для других умов в значительной степени предметом мнения, но очень справедливое представление о них можно получить, если определить фактическое поведение действующего лица.

Это исследование в основном было проведено специалистами, и его результаты были опубликованы в монографиях и технических журналах; кроме того, большинство этих исследователей были учеными из континентальной Европы, каждый из которых писал на своем родном языке. Поэтому его результаты в целом не были доступны широкому кругу читателей ни в Америке, ни в Англии. Кажется весьма желательным, чтобы они стали доступными, и именно этим и занимался автор. В то же время он утверждает, что является независимым исследователем в некоторых из наиболее важных областей, которые он охватывает. Его исследования продолжались в течение многих лет, и он имел привилегию использовать оригинальные материалы, которые, насколько ему известно, не использовались другими. В конце книги приводится краткий отчет о документах, касающихся детства и юности Бонапарта, с которыми автор ознакомился, а также о частях французских и английских архивов, которые были великодушно предоставлены в его распоряжение, вместе с краткой, но достаточно полной библиографией опубликованных книг и статей, которые действительно имеют научную ценность. Количество томов, посвященных Наполеону и его эпохе, огромно; за исключением упомянутых, очень немногие из них имеют какую-либо ценность, кроме как в качестве литературных курьезов.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА СТРАНИЦА

- I. ВВЕДЕНИЕ. [1](#)
- II. БОНАПАРТ НА КОРСИКЕ. [20](#)
- III. РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО НАПОЛЕОНА. [35](#)
- IV. ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ НАПОЛЕОНА. [48](#)
- V. В ПАРИЖЕ И ВАЛАНСЕ. [60](#)
- VI. ЧАСТНЫЕ ЗАНЯТИЯ И ГАРНИЗОННАЯ ЖИЗНЬ. [73](#)
- VII. ДАЛЬНЕЙШИЕ ПОПЫТКИ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. [83](#)
- VIII. РЕВОЛЮЦИЯ ВО ФРАНЦИИ. [100](#)
- IX. БОНАПАРТ И РЕВОЛЮЦИЯ НА КОРСИКЕ. [111](#)
- X. ПЕРВЫЕ УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ. [123](#)
- XI. ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА. [135](#)
- XII. РЕВОЛЮЦИЯ В ДОЛИНЕ РОНЫ. [148](#)
- XIII. БУОНАПАРТ, КОРСИКАНСКИЙ ЯКОБИН. [160](#)
- XIV. БОНАПАРТ, ФРАНЦУЗСКИЙ ЯКОБИН. [180](#)
- XV. ЯКОБИНСКАЯ ГЕРИРА. [199](#)
- XVI. «УЖИН В БОКАРЕ» [212](#)
- XVII. ТУЛОН. [222](#)
- XVIII. ГЕНЕРАЛ-ЯКОБИНЕЦ. [236](#)
- XIX. ПЕРЕМЕНЫ В ВОЙНЕ И ДИПЛОМАТИИ. [247](#)
- XX. КОНЕЦ УЧЕНИЧЕСТВА. [260](#)
- XXI. ПРЕДДВЕРИЕ УСПЕХА. [272](#)
- XXII. БОНАПАРТ — ГЕНЕРАЛ КОНВЕНТА. [287](#)
- XXIII. ДЕНЬ ПАРИЖСКИХ СЕКЦИЙ. [302](#)
- XXIV. БРАК ПО ЛЮБВИ И ИНТЕРЕСУ. [313](#)
- XXV. ЕВРОПА И ДИРЕКТОРИЯ. [324](#)

- XXVI. БОНАПАРТ НА БОЛЬШОЙ СЦЕНЕ. [339](#)
- XXVII. ЗАВОЕВАНИЕ ПЬЕМОНТА И МИЛАНА. [352](#)
- XXVIII. НЕПОКОРНЫЙ ЗАВОЕВАТЕЛЬ И ДИПЛОМАТ. [363](#)
- XXIX. БАССАНО И АРКОЛА. [378](#)
- XXX. ВЛАСТНЫЙ ДУХ БОНАПАРТА. [393](#)
- XXXI. РИВОЛИ И КАПИТУЛЯЦИЯ МАНТУИ. [406](#)
- XXXII. УНИЖЕНИЕ ПАПСТВА И ВЕНЕЦИИ. [419](#)
- XXXIII. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ МИРА — ЛЕОБЕН. [430](#)
- XXXIV. ПАДЕНИЕ ВЕНЕЦИИ. [444](#)

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Наполеон Бонапарт в 1785 году, в возрасте шестнадцати лет. [Фронтиспис](#)

На противоположной странице

Мари-Леттиция Рамолино Бонапарт «Мадам Мэр» — мать Наполеона I. [50](#)

Шарль Бонапарт, отец императора Наполеона, 1785. [96](#)

Бонапарт, главнокомандующий армией Италии. [176](#)

Жозефина. [226](#)

Мари-Жозефина-Роз Ташер де ла Пажери, называемая Жозефина, императрица Франции. [276](#)

Бонапарт. [326](#)

Карта Северной Италии с изображением походов 1796 и 1797 годов. [354](#)

Жозефина, императрица Франции. [374](#)

Карта, иллюстрирующая кампанию, предшествовавшую Кампо-Формиоскому договору 1797 года. [414](#)

SI QUID NOVISTI RECTIUS ISTIS,
CANDIDUS IMPERTI: SI NON, HIS UTERE MECUM

Гораций

ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТА

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

Революционная эпоха в Европе — Ее доминирующая фигура — Государственная система Европы — Мощь Великобритании — Слабость демократии — Ожидательное отношение континента — Выживание устаревших институтов — Американская революция — Философские софизмы — Руссо — его заблуждения — Корсика как центр интереса — ее география — ее правители — народ — Сампiero — революции — испанский союз — король Теодор — французское вмешательство — верховенство Генуи — Паоли — его успех как освободителя — его план союза с Францией — политика Шуазеля — репутация Паоли — рассказ Наполеона о Корсике и Паоли — Руссо и Корсика.

Наполеон Бонапарт был представительным человеком эпохи, которая ознаменовала начало XIX века. Хотя по происхождению он был аристократом, по образу жизни, образованию и качествам он не был ни тем, ни плебеем; он был типичным простым человеком своего времени, демонстрирующим здравый смысл поколения, которое мыслило в терминах, ставших распространенными благодаря философии XVIII века. Его эпоха была самой бурной и в то же время самой плодотворной в истории мира. Но прогресс, достигнутый в ней, не был совсем прямым; скорее он напоминал продвижение путешественника, мчащегося по спиральным туннелям Сен-Готард. Спасаясь от сурового севера, он на тяжелом поезде « » мчится на юг, к выходу из туннеля. После некоторого времени, проведенного в темноте, он выходит на свежий воздух. Но на первый взгляд цель не становится ближе; направление, возможно, меняется на противоположное, небо становится более угрожающим, холод более интенсивным. Только после нескольких последовательных попыток такого рода достигается кульминация, преодолевается вершина, и перед взором открывается вид на солнечные равнины. Такие переживания более характерны для всего человечества, чем для отдельного человека; муза истории должна отмечать и записывать их со спокойствием, с оптимизмом и надеждой, рожденными более обширными знаниями. Движение цивилизации в Европе в конце XVIII века было направлено вперед и вверх, но порой оно было не только извилистым, медленным и трудоемким, но и бесплодным в плане немедленных результатов.

Мы должны изучать эпоху и окружение любого великого человека, если искренне желаем узнать правду о его сильных и слабых сторонах, врожденных склонностях и целях, неудачах и успехах, временных событиях и долговечных, конструктивных, заслуживающих похвалы

достижениях его карьеры. Это, безусловно, гораздо более верно в отношении Наполеона, чем в отношении любого другого героического персонажа; нежное благоговение иногда возносило его на небеса, а злобная ненависть часто низвергала его в ад. Каждая нация, каждая партия, фракция и клика среди его собственного и других народов судили его с точки зрения своих собственных интересов и оправданий. Любая возможность прочесть секреты его жизни заключается скорее в справедливом рассмотрении этого человека в контексте его времени, о котором известно многое, чем в попытке психологического анализа его загадочной натуры, о которой, несмотря на полноту нашей информации, известно мало. Многочисленные факты его карьеры не являются фактами, если не рассматривать их в свете не только великой национальной жизни, но и континентального движения « », которое в свое время охватило всю цивилизацию, не исключая Великобританию и Америку.

Государства Европы — сестры, дети Священной Римской империи. В процессе формирования сильных национальностей с различиями в языке, религии и институтах эти отношения были почти забыты, а в условиях интенсивного соперничества в более поздний период о них не всегда вспоминают даже сейчас. Однако они настолько близки, что в любую эпоху можно проследить общее движение, которое охватывает их все. К концу XIV века они обрели свою современную форму в территориальном и расовом единстве с более или менее абсолютной монархической формой правления. XV век стал свидетелем укрепления монархии, возрождения изобразительных искусств, великих изобретений, пробуждения духа открытий, умственного пробуждения, которое начало призывать всю власть к ответу. Шестнадцатый век был веком Реформации, события, которое слишком часто преуменьшают церковники, видя в нем только раскольнический характер, и которое историки недостаточно подчеркивают как наиболее значимое политическое событие любой эпохи с точки зрения возникновения и развития свободных институтов.

В XVII веке в Англии торжествовали политические идеи, адаптированные к новому состоянию общества, которое возникло, но подрывавшие тираническую систему, которая выполнила свою работу, великую и добрую работу по созданию народов и установлению социального порядка из хаоса. Какое-то время казалось, что островное государство станет доминирующей силой во всей остальной Европе. К середине века его пример вдохновил весь континент идеями политических реформ. Долгая кампания, которую оно и его союзники вели с переменным успехом против Людовика XIV, возглавлявшего консервативные силы латинской крови и римской религии, закончилась неблагоприятно для последних ( ). В конце Семилетней войны не было ни одного англичанина в Европе, Америке или колониях на другом конце света, чей пульс не бился бы чаще, когда он видел, как его родина торжествует во всех уголках земного шара.

Но именно эти успехи, усиливая горечь поражения и все, что с ним связано, помешали, среди прочих причин, торжеству конституционного правления в любой точке континентальной Европы. Швейцария была удалена и недоступна; ее маяк демократии ярко светил, но его лучи едва проникали за пределы горных долин. Голландская республика, ослабленная коммерческим успехом и управляемая конституцией, которая своей сложной системой сдержек и противовесов была сатирой на организованную свободу, стала скорее предупреждением, чем образцом для других наций.

Другие члены большой европейской семьи государств представляли собой любопытное зрелище. Со всех сторон царило веселое доверие к будущему. Настоящее было как можно хуже, но оно принадлежало прошлому, а не будущему. Истина была за границей, чувствовали философы, и должна была восторжествовать. Феодалные привилегии, угнетение, пороки и продажность в правительстве, нищета бедных — все это постепенно исчезнет. Человеческий разум никогда не был столь острым, как в XVIII веке; его деятельность характеризовалась разумностью, надеждой и тщательностью. Естественные науки, метафизика и исторические исследования делали гигантские шаги вперед, а политические теории, ослепительные как никогда раньше и никогда после, были повсеместны. Их влияние в оптимистичном обществе, ожидающем наступления тысячелетия, было настолько велико, что они полностью вытеснили результаты наблюдений и опыта в сфере управления.

Но ни рычаг, ни точка опоры пока не были достаточно сильны, чтобы сдвинуть с места инертную массу традиционных форм. Монархи по-прежнему льстили себе представлениями об отцовском правлении и божественном праве; дворянство по-прежнему требовало и пользовалось необоснованными привилегиями, унаследованными от эпохи, когда их предки владели не только этими привилегиями, но и землей, на которой они находились; горожане по-прежнему цеплялись за свои дорого купленные хартийные права, которые теперь считались врожденными свободами, как за нечто, ниспосланное свыше. Таким образом, они ожесточились до грубого самодовольства, опасного для них самих, и до безразличия, которое было угрозой для других. Большое сельское население, живя в той или иной степени в крепостном рабстве, все еще стонало под искусственным гнетом общества, которое уже ушло в прошлое. Номинально крестьянин мог владеть определенными участками земли, но он не мог беспрепятственно наслаждаться воздухом, дующим над ней, ручьями, протекающими по ней, или дикими животными, которые на нее вторгались или жили на ней, в то время как со всех сторон на него обрушивались раздражающие требования труда, товаров или денег.

Короче говоря, цивилизованный мир находился в одной из тех переходных эпох, когда институты продолжают существовать после того, как убеждения и условия, которые их сформировали, полностью исчезли. Инерция такой твердой оболочки ужасна, и хотя иногда эрозионная сила агитации и дискуссий достаточна, чтобы ослабить и разрушить ее, чаще всего только вулканический огонь социальных потрясений достаточно силен для этого. Первый такой шок произошел внутри самого англоязычного мира ( ), но не в Европе. Американские колонии, оценив и применив к своим условиям принципы Английской революции, начали и с помощью Франции завершили движение, которое создало в другом полушарии Американскую республику. Слабое и шаткое в своем младенчестве, но становящееся все сильнее и поэтому мягче, его пример сразу же стал подсказывать великие и мирные реформы английской конституции ( ), которые последовали впоследствии. Угрожая абсолютизму сильным контрастом, который ее граждане представляли по сравнению с подданными других стран, она с тех пор является моральной опорой либеральных движений во всем мире. Сама Англия, вместо того чтобы ослабеть, укрепилась благодаря своему ребенку, выросшему до независимой зрелости, и теперь континенту Европы был представлен двойной пример процветания при конституционном правлении.

Но величайшим доказательством человеческой слабости является то, что нет движения, каким бы благотворным оно ни было, нет учения, каким бы здравым оно ни было, нет

истины, каким бы абсолютной она ни была, которые не могли бы быть настолько расширенными, настолько раздутыми, настолько подчеркнутыми, что теряют свою идентичность. Одновременно с политическими спекуляциями XVIII века появились буря и напряжение романтизма и сентиментализма. Крайности болезненных личных эмоций считались полезными для повседневной жизни, в то время как средний путь применения идеалов к опыту был полностью заброшен. Последний нигилизм мало отличается от концепции совершенного возрождения человечества путем отбрасывания старого только потому, что оно было старым, которая во второй половине XVIII века торжествовала среди философов и умников. Конечно, у них был заменитель для всего, что было отменено, и дополнение для всего, что осталось незавершенным.

Даже стабильное мировоззрение американцев было заражено вирусом чистых теорий. Подчиняясь духу времени, они включили в свою письменную конституцию, которая в основном была лишь изложением их глубоко укоренившихся политических привычек, схему, подобную схеме коллегии выборщиков, основанную на какой-то громко звучащей доктрине, или исключили из нее, подчиняясь преобладающей и временной экстравагантности протеста, какую-то фундаментальную истину, такую как христианский характер их правительства и законов. Если и существует где-либо христианское протестантское государство, то это Соединенные Штаты; если когда-либо в письменную хартию и вносилось какое-либо бесполезное изобретение, то это было изобретение коллегии выборщиков. Добавление в документ конституции неопределенной теории или упущение существенных национальных качеств мало или вовсе не повлияло на нашу последующую историю.

Но дело обстоит иначе в обществе, все еще находящемся под гнетом феодального угнетения. Выдумки, такие как теория договора о правительстве, развенчанная здравым смыслом Берка; политические обобщения, такие как некоторые параграфы Французской декларации прав, каждый пункт которой сейчас и здесь читается как банальность, но тогда и там был яркой революционной новинкой; эмоциональные стремления к какой-то неопределенной утопии — все это упало на плодородную почву и дало обильный урожай, в основном соломы и стеблей, хотя и было немного хорошего зерна. Мысли того времени были мощным фактором, определявшим ход и характер событий во всей Европе. Ни одна нация не осталась совершенно равнодушной. Центром волнений была Франция, хотя маленькое кальвинистское государство Женева породило пророка и писателя того времени.

Руссо был человеком с небольшим образованием, но с большой проницательностью. Не создавая почти ничего нового, он излагал идеи других с острой ясностью, часто изменяя их в ущерб им, но придавая форме, в которой он их писал, вид соблазнительной практичности и реальности, что само по себе выводило их в сферу действия. Изучая Европу в целом, он обнаружил, что ее социальные и политические институты настолько застыли и невосприимчивы, что, по его мнению, она неспособна к движениям без предварительного общего краха и распада. Он рассуждал, что никакие законы не могут быть приняты, потому что нет средств, с помощью которых могла бы выразиться общая воля, настолько жесткими были абсолютизм и феодализм. Великолепные исследования Монтескье, которые открыли французам вечные истины, лежащие в основе конституционных изменений в Англии, просветили и очаровали лучшие умы его страны, но они были слишком серьезными, слишком холодными, слишком сухими, чтобы тронуть быстрый, яркий темперамент народа в целом. Это была работа Руссо. Совершенный в своем литературном мастерстве, он

подложил топор под корень дерева в своей яростной атаке на господствующее образование, искал новую основу для правительства в своей своеобразной модификации теории договора и построил замену системы сентиментальной морали, чтобы заменить старую авторитарную, которая, как считалось, лежала в основе всех распространенных несправедливостей в религии, политике и обществе.

Вся его конструкция не имела оснований ни в истории, ни в разуме. Но народное воображение было очаровано. Вся хрупкая обстановка в комнатах общественного сознания исчезла. На ее место пришли новые эмоции, новые цели, новые санкции. Был печальный недостаток этических определений, чрезмерный иконоборчество в отношении религии, но было много высоких представлений о возрождении общества, о свободе, братстве, равенстве. Влияние этого движения было буквально повсеместным; оно ощущалось везде, где люди читали, думали или разговаривали и были связаны, пусть даже отдаленно, с великим центральным движением цивилизации.

Ни одна страна и ни одна семья не могли, по всем внешним признакам, быть дальше от главного русла европейской истории XVIII века, чем остров Корсика и малоизвестная семья по имени Буонапарт, которая жила там с начала XVIII века. Однако эта изолированная земля и эта неизвестная семья не просто были втянуты в движение, они иллюстрировали его наиболее характерные фазы. Руссо, хотя и ошибочно, предсказал Корсике великое будущее, заявив в своих письмах о Польше, что это единственная европейская земля, способная к переменам, к созданию законов, к мирному обновлению. Она была маленькой и отдаленной, но она почти стала воплощением его любимого и основополагающего догмата о человеке в естественном состоянии, о порядке, возникающем из конфликта, о правительстве, основанном на общем согласии и взаимном согласии между управляемыми. Поэтому взоры всей Европы давно были обращены на Корсику. Там, более чем где-либо, обстановка мировой драмы казалась полной в миниатюре, и в последней четверти XVIII века действие быстро разворачивало сюжет, представлявший всеобщий интерес.

Высокий горный хребет делит остров на восточную и западную части. Первая часть имеет более пологие склоны и более плодородна. Обращенная в сторону Италии, она в средние века была тесно связана с этим полуостровом; будучи более богатой ресурсами, чем другая часть, она была более открыта для внешних влияний и по этой причине более свободна в своих институтах. Неровная западная часть оказалась в большей степени под гнетом феодализма, имея тесную связь по симпатиям и некоторые кровные узы с греческими, римскими, сарацинскими и германскими элементами во Франции и Испании. Однако коммунальное управление восточным склоном в конечном итоге преобладало и на западном, и различия в происхождении, богатстве и занятиях, хотя и были порой причиной внутренних разногласий, были ничтожны по сравнению с общими характеристиками, которые объединяли население всего острова в одну национальную организацию, столь же единую, как и их островная территория.

Население этого небольшого государства было в основном итальянского происхождения ( ). Незначительные связи с родиной они по-прежнему поддерживали в сфере торговли и благодаря образованию своих специалистов в итальянских школах ( ). В то время как небольшое меньшинство зарабатывало на жизнь ремеслами или мореплаванием, основная масса населения зависела от сельского хозяйства. Как нация, они давно перестали следовать курсу общеевропейского развития. Они были подданными Греции, Рима и халифата,

германо-римских императоров и республики Пизы. Их последним правителем был Генуэзский союз, который к тому времени деградировал до ненадежной олигархии. Первоначально объединенные с этим государством на условиях, которые давали острову «оратора» или защитника в генуэзском сенате и признавали самые дорогие привычки выносливого, простодушного и примитивного народа, они постепенно были брошены на произвол своих собственных ошибок, чтобы их недостойная госпожа могла оправдать свою тиранию их беспорядками. Сельское хозяйство пришло в упадок, а мелкое разделение пахотных земель в конечном итоге сделало их возделывание практически невыгодным.

Среди народа, изолированного не только как островитяне, но и как горцы, старые институты особенно живучи: институт вендетты, или кровной мести, сопровождаемый клановым устройством, никогда не исчезал с Корсики. В веках генуэзского правления ношение оружия закрывало глаза, ссоры стали повсеместными, и часто семейные союзы, охватывающие значительную часть страны, противостояли друг другу в незаконном насилии. Феодалная знать, немногочисленная, не была признана и не смогла развивать промышленные искусства в безопасности дорогостоящих крепостей, как это делал ее класс в других местах, в то время как самые лучшие участки земли, не принадлежавшие ей, постепенно поглощались монастырями, что поощрялось Генуей как способ, вероятно, облегчающий управление буйным народом ( ). Однако человеческое животное процветало. Грубо одетые в домотканое, мужчины и женщины культивировали простоту одежды, превосходившую только их скромную жизнь. Не было никакого богатства, кроме полей и стад, поэтому их деньги были обесценены и почти бесполезны. Социальные различия между дворянами и крестьянами сохранялись только в традициях, и все классы смешивались без какого-либо чувства превосходства или неполноценности. Элегантность манер, утонченность, грация не были целью, а существовали только благодаря естественной утонченности, которая была редкостью среди народа, в целом простого до грубости. Однако физически они были замечательны. Всех посетителей поражали спокойствие и уверенность в себе их лиц. Женщины не были ни красивыми, ни стильными, ни аккуратными. Тем не менее, их считали скромными и привлекательными. Мужчины были более впечатляющими по внешнему виду и характеру. Среднего роста и мощного телосложения, с черными волосами, красивыми зубами и пронзительными глазами; с хорошо сложенными, ловкими и мускулистыми конечностями; трезвыми, храбрыми, надежными и наделенными многими другими первобытными добродетелями, корсиканцы были востребованы повсюду как солдаты и служили во всех армиях южных континентальных государств.

В своих периодических борьбах против генуэзских посягательств и тирании корсиканцы произвели целую плеяду национальных героев. Один из них, Сампиеро, в XVI веке на короткое время присоединил Корсику к владениям французской короны и считался типичным корсиканцем. Темнокожий, воинственный и мстительный, он отличался острым умом и тонким суждением. Простой в одежде и привычках, не зараженный роскошью, царившей в то время при дворах Флоренции и Парижа, где он прожил значительное время, он мог без колебаний убить свою жену, когда она отдала себя и ребенка в руки его врагов, чтобы предать его. Гостеприимный и щедрый, но неукротимый и страшный; резкий, диктаторский, безжалостный и безжалостный; дитя своего времени и своего народа, он является воплощением первобытной энергии, физической и умственной.

Подчинение такого народа более сильной силе было угрюмым, и в течение долгого столетия, которое последовало за этим, энергия, обычно проявляемая в упорядоченной

жизни, казалось, не угасла, а была направлена в русло их страстей и их физических сил, которые были готовы в любой момент прорваться в разрушительном насилии. В 1729 году началась череда революционных взрывов, и наконец в 1730 году общинные собрания объединились в национальный конвент, избрав двух вождей, Колонна-Чеккальди и Джаффери, чтобы возглавить попытку поднять нацию на борьбу и сбросить невыносимое иго. Английские филантропы снабдили их военными припасами. Генуэзцы были разгромлены в нескольких сражениях подряд, даже после того, как они привлекли на поле боя восемь тысяч немецких наемников, купленных у императора Карла VI. Корсиканские авантюристы, находившиеся в чужих странах, с простодушной красноречивостью отстаивали свои свободы при каждом дворе, наполняя Европу энтузиазмом по поводу своего дела, и устремились обратно, чтобы сражаться за свои дома. Временный мир на условиях, удовлетворявших все их требования, был наконец заключен благодаря вмешательству императора.

Но два избранных вождя и третий патриот, Раффаэлли, попавшие в плен к генуэзцам, были безжалостно заключены в тюрьму и освобождены только по приказу Карла. Под руководством тех же лидеров, теперь еще более раздраженных плохим обращением, началась и продолжалась новая агитация, на этот раз за отделение и полное освобождение. Выбранным помощником Джаффери ( ) был молодой человек из хорошей семьи и с отличными способностями, Гиацинт Паоли (Hyacinth Paoli). В сложной ситуации, сложившейся в то время в европейской политике, единственным доступным помощником был король Испании, и к нему корсиканцы теперь и обратились, но его обязательства заставили его отказать. Оставшись без союзников и какой-либо земной поддержки, благочестивые корсиканцы наивно бросились под покровительство Девы Марии и решили более твердо, чем когда-либо, обеспечить свою независимость.

В этот кризисный момент во главе значительной группы, насчитывающей несколько сотен человек, появился известный и любопытный немецкий авантюрист Теодор фон Нойхоф, который, заявив, что он представляет симпатию великих держав к Корсике, приготовился провозгласить себя королем. Поскольку в бурю любая защита приветствуется, народ принял его, и 15 апреля 1736 года он был коронован. Но хотя он говорил правду, когда утверждал, что представляет симпатию держав, он не представлял их силу и снова и снова терпел поражение в столкновениях с войсками Генуи. Олигархия теперь заключила союз с Францией, которая опасалась, что остров может попасть в руки более враждебных и сильных соперников; и до конца года недолговечная монархия закончилась исчезновением Теодора I Корсиканского из своего королевства, а вскоре после этого, несмотря на его героические усилия, из истории.

Правда заключалась в том, что некоторые националистические лидеры не забыли старую патриотическую склонность к Франции, существовавшую со времен Сампиеро, и сами поддерживали связь с французским двором и кардиналом Флери. В феврале 1738 года французская армия высадилась на берег и была разгромлена. Затем была отправлена подавляющая сила, и восстание пошло на убыль. В конце концов Франция, хотя и испытывала сильное искушение удержать завоеванное, сдержала свое обещание, данное Генуе, и разоружила корсиканцев; с другой стороны, однако, она позаботилась о своих интересах и попыталась успокоить островитян, гарантировав им национальные права. Однако горечь была настолько сильна, что многие патриоты бежали в изгнание; некоторые, как Гиацинт Паоли, выбрали жалованье Неаполя для себя и своих последователей, другие

приняли предложение Франции и сформировали, согласно давней традиции, корсиканский полк наемников, который поступил на службу в армию короля. Среди последних были два довольно известных человека, Буттафуоко и Саличетти. Полумеры Флери оставили Корсику, как он и намеревался, готовой попасть в его руки, когда созреет подходящий момент. Даже патриотические лидеры теперь уже не были в гармонии. Те, кто находился в Италии, принадлежали к старой бескорыстной линии и с подозрением относились к своему западному соседу; других обвиняли в том, что они более амбициозны для себя и не заботятся о свободе своей страны. Однако обе группы утверждали, что являются истинными патриотами.

Во время войны за австрийское наследство на мгновение показалось, что Корсика будет освобождена благодаря попытке Марии Терезии свергнуть Геную, которая в то время была союзником Бурбонов. Национальная партия вновь поднялась под руководством Гаффори, на помощь ей пришли полки Пьемонта, а английский флот сдал в ее руки Сен-Флоран и Бастию. Но мир в Аахене (1748) оставил ситуацию практически такой же, как и до войны, и в 1752 году с Генуей было заключено новое соглашение, неудовлетворительное для обеих сторон. Оно было фактически продиктовано Испанией и Францией, поскольку Англия была отчуждена ссорами и мелкой завистью корсиканских лидеров, и просуществовало только до тех пор, пока продолжалась французская оккупация. Под руководством того же бесстрашного Гаффори, который в 1740 году был избран вместе с Матра главным командующим, генуэзские « » вновь были изгнаны из высокогорья в прибрежные города. На пике своего успеха смелый партизан стал жертвой семейных распр и личной злобы. Под влиянием его отчаявшихся врагов был организован успешный заговор, и осенью 1753 года он был подло убит.

Но величайшим из этих национальных героев был также и последний — Паскаль Паоли. Предрасположенный к своей задаче по рождению, способностям и превосходному образованию, этот молодой человек в 1755 году был назначен генерал-капитаном острова, фактическим диктатором в свои двадцать девять лет. Его успех был столь же замечательным, сколь мудрыми были его меры. Были введены правила проведения выборов, что позволило создать сильную организацию в рамках слабых демократических институтов, которые до этого мешали достаточной единственности действий в беспокойные времена. Из разрозненных отрядов добровольцев была создана армия, а бандитизм был подавлен. Были приняты и введены в действие мудрые законы, в том числе закон, согласно которому мститель за кровь считался убийцей, а не героем, как это было раньше. Кроме того, в городе Корте, который был центром либералов, поскольку являлся естественной столицей западного склона, соединенного трудными и легко защищаемыми путями со всеми мысами, бухтами и промежутками скалистого и изрезанного побережья, были заложены основы университета. Генуэзцы были постепенно изгнаны из внутренних районов и в конце концов заняли только три портовых города.

Благодаря умелой дипломатии Паоли создал временный разрыв между своими угнетателями и Ватиканом, который, хотя и был вскоре устранен, тем не менее позволил ему вернуть государству важные владения и помешал римской иерархии использовать свое огромное влияние на суеверный народ, чтобы полностью подавить движение за его освобождение. Его крайний и просвещенный либерализм замечательно проявился в его приглашении евреям, с их трудолюбием и устойчивыми привычками, поселиться на Корсике и жить там, в полной мере пользуясь гражданскими правами, в соответствии с

традициями своей веры и предписаниями своего закона. «Свобода, — сказал он, — не знает вероисповедания. Оставим такие различия инквизиции». Под влиянием этих факторов торговля начала процветать. Были построены и укреплены новые гавани, а оснащение нескольких канонерских лодок для их защиты ознаменовало небольшое начало флота. Высокомерные мужчины Корсики, на время изменив свою природу, начали трудиться своими руками бок о бок со своими женами и наемными помощниками; сельское хозяйство, промышленность и искусство получили импульс, который обещал быть долговременным.

Правление Паоли не было полностью свободным от беспорядков. Время от времени происходили восстания мелких группировок, таких как та, которую возглавлял Матра, разочарованный соперник. Но в целом они не имели большого значения. До 1765 года националисты неуклонно продвигались вперед, выигрывая сражения, несмотря на огромное превосходство противника, благодаря своей воинственной натуре, которая ставила честь превыше всего и, по словам средневековой хроники, «без ропота терпела бдения и муки, голод и холод в своем стремлении к — которое могло даже без боли встретить смерть». В конце концов, в результате беспрецедентного успеха во внутренних делах, возникла необходимость в разработке внешней политики. Идея Паоли заключалась в заключении с Францией союза на условиях признания независимости Корсики, обеспечения исключительной торговой взаимности между ними и обещания военной службы с ежегодной данью с острова. Эта идея Франции как защитника без административной власти поддерживалась большинством патриотов.

Но Шуазель, министр иностранных дел при Людовике XV, не хотел иметь дело с таким фантастическим планом. Всем было ясно, что остров больше не может оставаться во владении своих прежних хозяев. Он нашел удобный инструмент для осуществления мер, необходимых для его предполагаемого захвата, в лице сына корсиканского беженца, позже прославившегося Бутафуоко, который, нося воду на обоих плечах, втерся в доверие к старым друзьям своего отца, и в то же время на протяжении многих лет успешно работал французским чиновником. Корсика должна была быть захвачена Францией в качестве утешения для национальной гордости, небольшой компенсации за потерю Канады, и он был готов стать посредником. 6 августа 1764 года было подписано временное соглашение между Генуей и Францией, по которому первая должна была на четыре года уступить все свои суверенные права и те немногие места, которые она еще удерживала на острове, в обмен на вмешательство второй, чтобы сорвать план Паоли по обеспечению фактической независимости. По истечении этого срока Франция должна была выплатить Генуе миллионы, которые ей задолжала.

К этому времени слава Паоли распространилась по всей Европе. Как государственный деятель, он умело использовал европейские интриги, связанные как с союзом Бурбонов и Габсбургов, заключенным в 1756 году, так и с союзами, возникшими в результате Семилетней войны, для обеспечения максимальной выгоды для своего народа и его дела. Как генерал он находил выгоду даже в поражении и организовывал свои небольшие силы с максимальной эффективностью, проявляя благоразумие, мужество и способности. Его личный характер был безупречен, и его можно было без опаски ставить в пример. Он был убедительным оратором и мудрым законодателем. Полный сочувствия к своим отсталым соотечественникам, он знал их слабости и мог избежать последствий, одновременно признавая их достоинства и в полной мере используя их. Прежде всего, он обладал широким кругозором философа, полностью понимая соотношения и взаимосвязи эпох и народов ( ),

не стремясь поднять Корсику исключительно в ее собственных интересах, а ища в ее возрождении рычаг для поднятия мира на более высокий уровень. Он был настолько великодушен, влиятелен, дальновиден и всеобъемлющ, что Вольтер назвал его «законодателем и славой своего народа», а Фридрих Великий посвятил ему кинжал с надписью «Libertas, Patria» (Свобода, Родина). Темные стороны его характера заключались в том, что он был властным и произвольным; настолько властным, что приучил корсиканцев искать руководства и защиты, тем самым мешая им обрести личную независимость и уверенность в себе. Ожидая на каждом шагу импульса от своего обожаемого лидера, становясь робкими в момент, когда требовалось принять решение, они не оказались на высоте своей задачи. Без своего народа Паоли оставался философом; без него они в последующие годы стали пословицей и пассивно попали в руки менее благородного повелителя. В этом отношении сравнение между ним и Вашингтоном, которое так часто проводится, совершенно не выдерживает критики.

«Корсика», — писал в 1790 году молодой человек, которому суждено было придать этому имени еще больший интерес, чем Паоли, — «Корсика была добычей амбиций своих соседей, жертвой их политики и своей собственной упрямости... Мы видели, как она взяла в руки оружие, потрясла жестокую власть Генуи, восстановила свою независимость, жила счастливо мгновение, но затем, преследуемая непреодолимой судьбой, вновь впала в невыносимое унижение. На протяжении двадцати четырех веков эти сцены повторяются снова и снова; те же изменения, те же несчастья, но также и та же смелость, та же решимость, та же дерзость... Если она и дрожала на мгновение перед феодальной гидрой, то только настолько, чтобы распознать и уничтожить ее. Если, ведомая естественным чувством, она целовала, как рабыня, цепи Рима, то она не затягивала с их разрыванием. Если, наконец, она склонила голову перед лигурийской аристократией, если непреодолимые силы удерживали ее двадцать лет в деспотическом плену Версаля, то сорок лет безумной войны поразили Европу и сбили с толку ее врагов».

То же перо писало о Паоли, что, следуя традиционным канонам, он не только продемонстрировал в конституции, которую он разработал для Корсики, историческую интуицию, но и нашел «в своей беспрецедентной деятельности, в своей теплой, убедительной красноречивости, в своем ловком и дальновидном гении» средство, чтобы защитить ее от атак злобных врагов.

Такова была страна, судьбой которой так интересовался «век просвещения». Монтескье использовал ее историю, чтобы проиллюстрировать утрату и восстановление привилегий и прав; Руссо полагал, что этот маленький остров однажды поразит всю Европу. Когда последний был изгнан в изгнание за свои высказывания и перед бегством в Англию, Паоли предложил ему убежище. Буттафуоко, который представлял мнение, что Корсика для своего же блага должна быть включена в состав Франции, а не просто перейти под ее защиту, за несколько месяцев до этого также пригласил женевского пророка посетить остров и набросать конституцию для его народа. Но ловушка была расставлена напрасно. В письме, в котором с помощью изящных фраз отклонялась эта задача по причине плохого здоровья автора, были написаны следующие слова: «Я считаю, что под руководством своего нынешнего лидера корсиканцы не имеют ничего бояться от Генуи. Более того, я считаю, что им нечего бояться от войск, которые, как говорят, Франция переправляет к их берегам. Это мнение подтверждается тем, что, несмотря на движение, такой хороший патриот, каким вы, по-видимому, являетесь, продолжает служить стране, которая их посылает». Паоли был того

же мнения и оставался при нем до своего резкого пробуждения в 1768 году. [\[Вернуться к оглавлению\]](#)

ГЛАВА II.

БОНАПАРТ НА КОРСИКЕ.

Французы оккупируют Корсику — Паоли обманут — Договор между Францией и Генуей — Бесплодное вмешательство Англии — Паоли в Англии — Проблемы Великобритании — Введение французской административной системы — Политика Паоли — Восходящая звезда — Происхождение Бонапартов — Корсиканская ветвь — Их дворянство — Карло Мария ди Буонапарте — Мария Летиция Рамолино — Их брак и натурализация в качестве французских подданных — Их судьбы — Их дети.

1764-72.

Предварительная оккупация Корсики французами была, по-видимому, формальной. Однако процесс продолжался до тех пор, пока формальность не стала реальностью, пока укрепления морских городов, уступленных Генуей, не были заполнены войсками. Тогда впервые текст конвенции между двумя державами был передан Паоли. Шуазель объяснил через своего агента, что в первом разделе король гарантировал безопасность и свободу корсиканской нации ( ). Но, без сомнения, он забыл объяснить двойную игру во второй части. Таким образом, в итальянской версии корсиканцы в ответ должны были принять «все правильные и надлежащие меры, продиктованные их чувством справедливости и естественной умеренностью, чтобы обеспечить славу и интересы республики Генуя», в то время как во французской версии они должны были «уступить генуэзцам все, что «они» считали необходимым для славы и интересов своей республики». Кто были «они»? — Корсиканцы или генуэзцы? Паоли был сосредоточен на признании независимости Корсики; он был полностью одурачен в отношении вероломства « » во втором разделе, значение которого, согласно дипломатическому обычаю, определялось интерпретацией, которую язык, использованный в одной форме, накладывал на язык, на котором была написана другая. Объединив два перевода, итальянский и французский, второго раздела и интерпретировав один другим, генуэзцы по-прежнему оставались арбитрами поведения Корсики, а обещание свободы, содержавшееся в первом разделе, оказалось бесполезным.

Прошло четыре года: на первый взгляд, они прошли без событий, но на самом деле Шуазель хорошо использовал свое время. Через Буттафуоко он поддерживал регулярную связь с той меньшинством корсиканцев, которое желало присоединения. Благодаря умелому манипулированию частными враждами и неограниченному использованию денег, это меньшинство вскоре превратилось в большинство. К концу 1767 года Шуазель начал раскрывать свои карты, потребовав для Франции абсолютного владения по крайней мере двумя крепкими городами. Паоли ответил, что это требование было неожиданным и требовало обсуждения с народом; ответ был таким, что нельзя ожидать, что король Франции будет вмешиваться в дела Корсики, не получая при этом каких-либо выгод для

себя. Чтобы выиграть время, Паоли выбрал Буттафуоко своим полномочным представителем, отправил его в Версаль и таким образом попал в ловушку, тщательно подготовленную для него его противником. В качестве компромисса он согласился, чтобы Корсика присоединилась к лиге Бурбонов и Габсбургов. Больше он не мог пойти на уступки из любви к своим диким, свободным корсиканцам, и он таил в себе тайную уверенность, что, поскольку Генуя больше не в состоянии утвердить свою суверенитет, Франция никогда не позволит другой державе вмешиваться и поэтому, ради мира, может принять такое решение.

Но великий французский министр был мастером дипломатии и не собирался сдаваться. В своих планах по Корсике ему нечего было бояться сопротивления со стороны Европы. Он знал, насколько Англия была скованна силой парламентской оппозиции и беспорядками в своих американских колониях. Сардинская монархия все еще была слаба и дрожала под пристальным взглядом своих сильных врагов. Австрия не могла действовать, не нарушив союз, столь важный для ее благополучия, а бурбонские дворы Испании и Неаполя с удовлетворением относились к расширению семьи. Кроме того, нужно было что-то сделать, чтобы спасти престиж Франции: ее американская колониальная империя была потеряна; блестящая политика Екатерины и последующие победы России на Востоке угрожали тому, что осталось от французского влияния в этом регионе. Настал благоприятный момент, чтобы вновь подражать англичанам: захватить столь же ценную точку на индийском пути, как Гибралтар или Порт-Махон, и возродить надежды на восстановление, если не колониального господства среди наций, то по крайней мере того равенства, которое было разрушено Семилетней войной. Поэтому, не теряя времени, переговоры были завершены, а Буттафуоко уволен. 15 мая 1768 года, после того как была определена цена, был подписан окончательный договор с Генуей, по которому она уступала Франции право суверенитета, и Корсика окончательно перешла из ее рук. Паоли обратился к великим державам с протестом против этой произвольной передачи, но тщетно.

Кампания по порабощению началась сразу же, и Буттафуоко вместе с несколькими другими корсиканцами вступил в службу против своих соотечественников. Солдаты Королевского корсиканского полка, который находился на французской службе и был сформирован под влиянием его отца, категорически отказались сражаться со своими братьями. Французские войска, уже находившиеся на острове, были немедленно усилены, но в течение первого года окончательного конфликта преимущество было полностью на стороне патриотов ( ); более того, 7 октября 1768 года была одержана одна существенная победа, победа при Борго, которая вызвала ( ) смятение в Версале. Паоли вновь надеялся на вмешательство, особенно со стороны Англии, чьи либеральные настроения совпадали с его интересом в удержании Корсики от Франции. Из Великобритании были отправлены деньги и оружие, но это было все. Поведение британского министерства было впоследствии вспомнено Францией как прецедент для оказания помощи американцам в их восстании против Англии.

Следующей весной из Франции была отправлена армия численностью не менее двадцати тысяч человек, чтобы быстро и окончательно завершить завоевание. Предыдущий год кровопролитных и ожесточенных конфликтов привел к значительной дезорганизации патриотической армии. С огромным трудом удалось отвлечь небольшие отряды горных жителей от все более необходимой защиты своих домов и очагов. Однако, несмотря на распад перед лицом такого подавляющего превосходства и несмотря на нехватку как

обычных боеприпасов, так и самых необходимых средств к существованию, войска Паоли продолжали ожесточенное и героическое сопротивление. Только после нескольких месяцев разрушительной, душераздирающей и безнадежной войны их лидер, полностью разгромленный в сражении, известном как битва при Понте Нуово, наконец сдался. Исчерпав силы и лишившись ресурсов, он стал бы легкой добычей для французов, но они были слишком мудры, чтобы взять его в плен. 13 июня 1769 года, благодаря их попустительству, он бежал на материк на двух английских судах вместе с тремястами сорока своими самыми преданными сторонниками. Его целью была Англия. Путешествие было долгим, триумфальным шествием из Ливорно через Германию и Голландию; почести, которыми его осыпали либералы в городах, через которые он проезжал, были такими, какие обычно оказывают победителям, а не побежденным. Доброжелательно принятый и развлекаемый, он прожил следующие тридцать лет в Лондоне, получая от правительства двенадцать сотен фунтов стерлингов в год в качестве пенсии.

В 1770 году король Франции, по-видимому, мирно владел корсиканским суверенитетом, который, как он утверждал, купил у Генуи. Его администрация была быстро и легко введена в должность, и нигде не было никакого вмешательства со стороны иностранных держав. Филантропическая Англия обеспечила Паоли, но больше ничего не сделала, поскольку была занята преобразованием своих партий. Старая партия вигов распадалась; новый торизм неуклонно утверждал себя, принимая презрительные меры по угнетению американских колоний. Кроме того, она вскоре была настолько поглощена своей великой борьбой по обе стороны земного шара, что интерес к Корсике и Средиземноморью надолго остался в подвешенном состоянии.

Но установление французской администрации в новой приобретении короля не прошло гладко. Партия, выступавшая за присоединение к Франции, выросла, и, стремясь примкнуть к победителям, теперь, вероятно, значительно превосходила по численности старых патриотов. Вначале это большинство верно поддерживало завоевателей в попытке, почетной для обеих сторон, сохранить как можно больше из системы Паоли. Но назначение интенданта и военного командующего, действующего в качестве королевского губернатора с правом вето на законодательство, было необходимым. Это неизбежно разрушило старую демократию, поскольку в любом случае существование таких должностных лиц и социальные функции таких должностей должны были создать квазиаристократию, а ее власть опиралась бы не на народные привычки и добрую волю, а на французскую армию. Поэтому ситуация была откровенно признана, и была проведена полная реорганизация потомков старой знати, из которых был выбран совет из двенадцати человек для поддержки и одобрения губернатора. Духовенство и третье сословие были также формально организованы в два других сословия, так что с духовенством, дворянством и простолюдинами Корсика стала французским *pays d'état*, еще одним провинциальным анахронизмом в хаосе королевской администрации. Классовая вражда материка могла быть легко перенесена на остров, и так и произошло; конечный успех этого процесса не оставил желать ничего лучшего. Кроме того, самые важные должности в были переданы французам, а резиденция правительства была перенесена из Корте, столицы высокогорья, в низменные города Бастия и Аяччо. Таким образом, первобытная вражда между жителями высокогорья и низменности возобновилась, и в последующих волнениях патриоты, перешедшие на сторону Франции, либо утратили влияние на своих сторонников, либо перестали поддерживать правительство. Старые вражды повсюду возродились и усилились, пока, наконец, пламя не разгорелось в открытом восстании. Конечно, оно было подавлено, но это

было сделано с жестокой тщательностью, память о которой долгое время препятствовала формированию на острове естественного чувства дружбы к французам. Те, кто исповедовал такие чувства, не пользовались большим уважением.

Возможно, Паоли ошибся, не признав неразрывные узы расы и языка, которые так сильно притягивали Корсику к Италии, не обратив внимания на склонность демократически настроенных горцев к Франции, не проявив сочувствия к привязанности горожан к родине и не использовав свое влияние для укрепления естественного союза между островными итальянцами и жителями полуострова. Однако, если мы посмотрим на Сардинию, то время, кажется, оправдало его. Между этими двумя островами-побратимами нет большой разницы в том, что касается их отсталости, но французский департамент Корсика, по крайней мере, не менее развит, чем итальянская провинция Сардиния. Окончательное присоединение страны Паоли к Франции ( ), которое в некоторой степени было результатом его склонности к французскому протекторату, достигло, однако, одной цели, которая сделала невозможным отделить ее от хода великих событий, от числа могущественных действующих лиц в истории. Странно, что в изгнании он жаждал появления второго Сампиеро, который бы обладал физической силой, а сам он стал бы Ликуртом. желание Паоли было наполовину исполнено, поскольку на Корсике должен был родиться воин, более великий, чем Сампиеро, который благодаря тому самому союзу, которому так долго сопротивлялись, должен был стать хозяином Франции и обладать властью, достаточно сильной, чтобы разрушить как тирании, так и династии, тем самым подготовив почву для законодательства, близкого к собственным справедливым и мудрым представлениям Паоли о законодательстве.

Кроме того, этот человек должен был быть типичным корсиканцем. Родившись в агонии своей родины, он должен был объединить в себе все важные качества своего народа. Как и они, он должен был быть невысоким, с прекрасными глазами и красивыми зубами; умеренным; скромно, даже скудно одетым; щедрым, благодарным за любую, даже самую маленькую услугу; властным, мужественным, невозмутимым, пронизательным, решительным, красноречивым; глубоко религиозным, даже суеверным; вспыльчивым, непостижимым, лживым, иногда мстительным, а часто прощающим, презирающим женщин и их чары; и, прежде всего, хвастливым, тщеславным и страстно жаждущим славы. Его гордость и воображение были варварскими в своей безграничности, его клановость была свойственна самой примитивной цивилизации. Во всех этих отношениях он был корсиканцем; другие черты характера он приобрел в стране своего воспитания благодаря французскому образованию как в делах, так и в книгах; но в конце концов он был корсиканцем от колыбели до могилы; в первую очередь корсиканцем, а уже во вторую очередь французом, а его космополитический облик был не более чем маской, которую он мог снимать и надевать по своему усмотрению.

Этот отпрыск должен был произойти из рода, который сначала носил имя Бонапарт, или, как позже писали в геральдической этимологии, Буонапарт. В других частях Италии были ветви того же рода, или, по крайней мере, с тем же именем. По крайней мере три города претендовали на то, чтобы быть резиденцией семьи с таким отчеством, и один из них, Треviso, обладал документами, подтверждающими эту претензию. Хотя другие члены его семьи основывали свои абсурдные притязания на княжеское происхождение на этих недостаточных доказательствах, сам Наполеон был ими мало впечатлен. Он был склонен заявлять, что его родословная начинается с него самого, либо в Тулоне, либо с 18 брюмера. Каким бы ни было происхождение корсиканских Буонапартов, оно не было ни королевским

от брата-близнеца Людовика XIV, считавшегося Железной маской, ни императорским от рода Юлиев, ни греческим, ни сарацинским, ни, короче говоря, чем-либо из того, чем его объявляли позже придуманные и лживые генеалогии. Но она была почти наверняка итальянской и, вероятно, патрицианской, поскольку в 1780 году тосканский дворянин с таким именем завещал скудное имущество своему дальнему корсиканскому родственнику. Первоначальным домом семьи была Флоренция; позже они по политическим причинам переехали в Сарцану в Тоскане, где на протяжении нескольких поколений люди с таким именем занимались адвокатской практикой. Род прервался в 1799 году со смертью Филиппа Буонапарте, каноника и состоятельного человека, который, хотя и признавал своих родственников на Корсике, обмениваясь с ними гостеприимством, тем не менее завещал свое имение родственнику по имени Буонакорси.

Корсиканская ветвь семьи была довольно влиятельной в своих последних местах проживания, отчасти благодаря своим итальянским связям, отчасти благодаря значительным земельным владениям, а отчасти благодаря официальным должностям, которые они занимали в городе Аяччо. Как жители равнин и горожане, они симпатизировали своей родине — провинции Корсика ( ) — и Генуе. В последние годы XVI века республика разрешила Иерониму, тогдашнему главе семьи, добавлять к своему имени отличительную частицу «ди», но итальянский обычай не допускал ее использования, и она была возрождена только позднее и то лишь на короткое время. Согласно записям, девять поколений проживали на корсиканской земле в течение двух с четвертью веков. Они, очевидно, были уважаемыми людьми, поскольку вступали в брак с представителями лучших семей острова; Орнано, Коста, Боцци и Колонна — это фамилии, встречающиеся в их семейных архивах.

Прошло почти два столетия, прежде чем великий герцог Тосканы в 1757 году выдал официальные патенты, подтверждающие дворянство Буонапарте. Их получил Иосиф, дед Наполеона. Вскоре после этого он объявил, что герб семьи представляет собой *«корону графа, щит, разделенный двумя полосами и двумя звездами, с буквами В. Р., означающими Buona Parte, на красноватом фоне, полосы и звезды синего цвета, тени и корона желтого цвета!»* В буквальном переводе, насколько это возможно при таком сомнительном языке и конструкции, это означает: «Графская корона, щит с двумя косыми чертами и двумя звездами, с буквами В. Р., означающими Buona parte, поле герба красное, косые черты и звезды синие, буквы и корона желтые!» На языке геральдики это будет: «Гюльс, две косые черты между двумя голубыми звездами с буквами В. Р., обозначающими Буона Парте, или; увенчанные графской короной того же цвета». В 1759 году тот же правитель присвоил ему титул патриция. Карл, сын Иосифа, получил аналогичное звание от архиепископа Пизы в 1769 году. Эти факты имеют существенную историческую ценность, поскольку благодаря им семья была должным образом и справедливо признана дворянской в 1771 году французскими властями, и в результате, через восемь лет, самый прославленный потомок рода стал, как признанный аристократ, подопечным Франции, которая все еще была монархической страной. Читая между строк такого повествования, создается впечатление, что недолговечная семья корсиканских юристов испытывала некоторые трудности в сохранении влияния, соразмерного их происхождению, и поэтому стремилась извлечь всю силу, которую могла, из ушедшего величия, легко забытого их соседями в их скромных обстоятельствах в более поздние времена. Еще позже, когда все бывшие аристократы были подозреваемыми во Франции, и когда пятно дворянства было достаточно, чтобы уничтожить тех, на ком оно лежало, Наполеон отрицал свое происхождение: обычное

расследование на предмет правдивости не проводилось, и он остался на свободе. Этим спасением он был обязан отчасти положению, которого достиг, отчасти тому факту, что претензии его семьи основывались на происхождении, столь малоизвестном в то время, что подвергало претендентов добродушным насмешкам.

Никакая задача не была ближе сердцу Паоли, чем объединить в одну нацию две фракции, на которые, как он обнаружил, был разделен его народ. Соответственно, когда Карло Мария ди Буонапарте, единственный ный отпрыск, от которого зависело продолжение рода этой малозначительной семьи из низменности, появился в Кортэ, чтобы продолжить свои исследования, незнакомец был принят с лестной добротой и, вероятно, как гласит одно из свидетельств, был назначен на должность, приносящую доход и почет, в качестве личного секретаря Паоли. Новый патриций, согласно обычаю, распространенному среди корсиканцев его класса, решил получить степень в Пизе, и в ноябре 1769 года он был удостоен звания доктора права этим университетом. Было рассказано много приятных и, вероятно, правдивых анекдотов, иллюстрирующих дружеские отношения молодого адвоката со своими товарищами по учебе. Есть также рассказы о его убедительной красноречивости и его влиянии как патриота, но они звучат мифически. Короче говоря, организованные усилия лстивых поклонников, которые , если бы это было возможно, осветили бы всю семью, чтобы повысить известность Наполеона, привели к появлению басен и искажению фактов до такой степени, что всю правду о характере Шарля трудно разглядеть. Однако некоторые бесспорные факты проливают яркий свет на отца Наполеона. Его народ был гордым и бедным; он с достоинством переносил лишения бедности. Усиливая то небольшое влияние, которое он мог оказать, он сначала казался амбициозным и в своем дипломе врача описал себя как патриция Флоренции, Сан-Миниато и Аяччо. Его характер малоизвестен, за исключением заявлений его собственной семьи. Они заявили, что он был расточительным человеком. Он потратил доход за два года, около двенадцати сотен долларов, на празднование получения степени с друзьями. Он бы продал не только заложенные под залог поместья, унаследованные им, но и поместья своей жены, если бы не яростные протесты его наследников. Он мог писать умные стихи, был поклонником изящной словесности и скептиком в духе своего времени. Будучи потакающим себе, он также яростно выступал против любой семейной дисциплины. Он был худощавым и гибким, с живым и умным выражением лица, серо-голубыми глазами и большой головой. Он был амбициозным, неутомимым в погоне за должностью, обходительным, элегантным и неудержимым.

С другой стороны, явно не заботясь о своем личном продвижении в браке, он последовал собственным склонностям и в 1764 году, в возрасте восемнадцати лет, галантно женился на прекрасной пятнадцатилетней девочке Марии Летиции Рамолино. Ее происхождение, хотя и превосходное и, отдаленно, даже благородное, было ниже, чем у ее мужа, но ее состояние было равным, если не превосходящим, его. Ее отец был важным генуэзским чиновником; ее мать, дочь мелкого дворянина от крестьянки, овдовела в 1755 году и два года спустя снова вышла замуж за Фрэнсиса Феша, швейцарца, капитана генуэзского военно-морского флота. Ребенком от этого союза был Джозеф, впоследствии кардинал Феш. Несмотря на хорошее происхождение, мать Наполеона не имела образования и до последнего дня своей долгой жизни была крестьянкой по натуре — выносливой, несентиментальной, бережливой, скупой, а иногда и беспринципной. И все же, несмотря на все это, гостеприимство ее маленького дома в Аяччо было щедрым и знаменитым. Среди многочисленных гостей, которых регулярно принимали, был Марбеф, командующий первой оккупационной армией на Корсике. Долгое время спустя существовало злонамеренное предание о том, что французский генерал был отцом Наполеона. Нравственность Летиции ди Буонапарте, как и ее выдающихся детей, подвергалась жестоким нападкам, но, по крайней мере, ее доброе имя всегда было защищено. Очевидный мотив истории в достаточной степени опровергает такую клевету, которая в ней содержится. В необычайной красоте невесты никогда не было сомнений. Она была женщиной героического склада, как Юнона в "Ее величии"; непоколебимая в процветании, неустрашимая в невзгодах. Вероятно, своей огромной и ни с чем не сравнимой физической выносливостью знаменитый сын был обязан своей матери, на которую он был сильно похож в детстве.

После женитьбы молодая пара жила в Корте, ожидая, пока события позволят им вернуться в Аяччо. От природы ленивый по характеру, муж, хотя поначалу и был вовлечен в смелые предприятия Паоли и проявил мимолетный энтузиазм, теперь, как и в течение более чем года, устал от них. Во главе отряда людей своего ранга он, наконец, удалился в Монте-Ротондо, и двадцать третьего мая 1769 года, за несколько недель до бегства Паоли, банда официально подчинилась Во, командующему второй оккупационной армией, объяснив через Буонапарте, что национальный лидер ввел их в заблуждение обещаниями помощи, которые так и не были даны, и что, признавая невозможность дальнейшего сопротивления, они стремились принять новое правительство, вернуться в свои дома и возобновить мирное ведение своих дел. По крайней мере, таково общепринятое объяснение его ухода из партии Паоли: есть некоторые свидетельства того, что, последовав за Климентом, братом Паскаля, в более отдаленный район, он не нашел там поддержки для своего предприятия и оттуда, преодолевая большие трудности наводнения и поля, добрался с женой и ребенком до французского штаба. Результат был одинаковым в любом случае. Именно поспешная натурализация отца в качестве французского подданного сделала его великого сына французом. Менее чем через три месяца, пятнадцатого августа, в Аяччо, центре французского влияния, родился четвертый ребенок, Наполеоне ди Бонапарт.

Ресурсы Буонапарте, как они все еще писали сами, были невелики, хотя их семья и ожидания были большими. Сам Чарльз был владельцем значительного состояния в виде домов и земель, но все было сильно заложено, а его доход был невелик. Кроме того, он унаследовал неприятное судебное дело, судебное разбирательство по которому обошлось недешево. По наследству от прапрадеда важные земли перешли к мужской линии семьи Одоне. За неимением законного происхождения поместье перешло по женской линии и должно было, когда дядя Чарльза по материнской линии умер бездетным, вернуться к его

матери. Но дядя составил завещание, по которому завещал свое имущество иезуитам, которые быстро вступили во владение и сохранили свою собственность с помощью оккупации и юридических ухищрений. Джозеф, отец Чарльза, потратил много лет и большую часть своего состояния на утомительную судебную тяжбу. Ничуть не обескураженный, Чарльз решил заняться тем же самым фантомом, фактически зарабатывая на жизнь наследством своей жены. Летиция Буонапарте, будучи единственным ребенком в семье, стала наследницей имущества своего отца от второго брака своей матери. Отчим был превосходным швейцарцем, протестантом из Базеля, всесторонне образованным, интересовавшимся образованием, и в течение многих лет служил наемником на генуэзской службе. Выйдя на пенсию, он стал католиком, чтобы заполучить женщину по своему выбору. Он был отцом сводного брата Летиции, Джозефа. Отставной офицер, хотя и был доброжелательно расположен к семье, в которую попал, не имел ничего, кроме пенсии и сбережений: он не мог внести ничего, кроме хорошего, здравого смысла и своих домашних представлений об образовании. Настоящим главой семьи был дядя Шарль, Люсьен Буонапарте, архидьякон кафедрального собора. Именно он поддерживал и направлял своего племянника и отправил его в колледж, основанный Паоли в Кортене. В молодости Чарльз был расточительным и экстравагантным, но его жена была бережлива до подлости. Благодаря сдержанности ее хозяйственности и стимулированию своего дяди, которого уважали как главу семьи, отец Наполеона занял довольно важное положение. Он с некоторым усердием занимался своей профессией, стал ассессором высшего островного суда, а в 1772 году стал членом, позже депутатом, совета корсиканской знати.

Крепкая мать была самой плодотворной. Ее старшим ребенком, родившимся в 1765 году, был сын, умерший в младенчестве; в 1767 году родилась дочь Мария-Анна, обреченная на ту же участь; в 1768 году родился сын, известный позже как Иосиф, но крещенный как Набулионе; в 1769 году родился великий сын Наполеон. Девять других детей были плодами того же брака, и шестеро из них — три сына, Люсьен, Луи и Джером, и три дочери, Элиза, Полин и Каролина — выжили, чтобы разделить величие своего брата. Сам Чарльз, как и его недолговечные предки, из которых пятеро умерли в течение столетия, едва достиг среднего возраста и умер на тридцать девятом году жизни. Летиция, как и подобает крепкой корсиканке, какой она и была, дожила до зрелого возраста восьмидесяти шести лет в полном расцвете сил, известная миру как мадам Мама- прозвище, придуманное ее великим сыном, чтобы отличить ее от матери наполеонов. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА III.

РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО НАПОЛЕОНА [\[1\]](#).

Рождение Набульоне или Жозефа — Дата рождения Наполеона — Совпадение с праздником Успения Пресвятой Богородицы — Имя Наполеона — Условия Корсики, влияющие на характер Наполеона — Его раннее образование — Детские черты — Под влиянием традиций, касающихся Паоли — Семейные перспективы — Влияние Марбефа — Потрясения во Франции — Наполеон получил стипендию — Его попытки выучить французский в Отене — Развитие его характера — Его отец Делегат корсиканской знати в Версале.

Испытания бедностью сделали Буонапарте такими умными и ловкими, что позже у них развились подозрения в изворотливости в мелочах, и это привело к чрезмерно пристальному изучению их действий. Среди авторитетных авторитетов до сих пор не исчезло мнение, что Набульоне и Наполеоне были одним и тем же человеком, родившимся седьмого января 1768 года, причем Жозеф на самом деле был младшим, родившимся в день, назначенный его выдающемуся брату. Самое раннее документальное свидетельство состоит из двух документов, один из которых находится в архивах военного министерства Франции, другой - в архивах Аяччо. Первое датировано 1782 годом и свидетельствует о рождении Набулионе седьмого января 1768 года и о его крещении восьмого января; последнее является копией, а не оригиналом государственного контракта, в котором говорится о рождении седьмого января Джозефа Набулиона. Ни то, ни другое не является решающим, но добавление имени Джозеф с использованием двух французских форм имени во втором, с явным намерением подчеркнуть его качества француза, разрушает большую часть его ценности и оставляет вес авторитета первому. Обоснованность этого подозрения, по-видимому, усиливается тем фактом, что в свидетельстве о браке Наполеона указана дата его рождения - восьмое февраля 1768 года. Более того, в брачном контракте Джозефа свидетели свидетельствуют о том, что он родился в Аяччо, а не в Кorte.

Но есть факты, имеющие больший вес с другой стороны. Во-первых, документальные свидетельства сами по себе не менее ценны, поскольку архивы военного министерства Франции также содержат выдержку из единственного оригинала свидетельства о крещении, которое датировано двадцать первым июля 1771 года, днем крещения, и указывает дату рождения Наполеона - пятнадцатое августа 1769 года. Также было найдено заявление Шарля о назначении двух его старших сыновей в Бриенну, и оно содержит, согласно регламенту, еще одну копию с оригинального свидетельства, которое датировано двадцать третьим июня 1776 года, а также указывает дату, которая должна быть принята за правильную. Это опровергает историю о том, что возраст Наполеона был фальсифицирован его отцом, чтобы добиться для него поступления в военное училище. Заявление было подано в 1776 году на обоих мальчиков, чтобы обеспечить поступление каждого до окончания его десятого курса. Именно задержка властей с удовлетворением запроса по прошествии трех или более лет лишила Джозефа соответствующего права. В 1776 году у отца не могло быть мотива для совершения мошенничества, а после этой даты это было невозможно, поскольку документов в его руках не было; более того, военный министр написал в 1778 году, что имя старшего сына Буонапарте уже изъято. Это обвинение было выдвинуто еще при жизни Наполеона. Его брат Жозеф категорически отрицал это и утверждал факт в том виде, в каком он теперь по существу доказан; Буррьен, знавший своего императора девятилетним ребенком, придерживался того же мнения; сам Наполеон в сохранившемся листе с автографом, написанном почерком его юности, трижды указывает дату своего рождения - пятнадцатое августа 1769 года. Если подмена произошла, то, должно быть, в раннем младенчестве. Кроме того, мы знаем, почему Наполеон при женитьбе стремился казаться старше своих лет, и контракт Джозефа был составлен, когда допущенные в нем искажения придавали ему вид настоящего француза.

Среди других абсурдных попыток очернить характер Наполеона - часто повторяющиеся намеки на то, что он назначил свой день рождения на величайший праздник Римской церкви - Успение Девы Марии, чтобы обеспечить его вечное празднование! На самом деле,

исследования неутомимых антикваров выявили не только упомянутые документальные свидетельства, но также и то обстоятельство, что Наполеон, в одной из статей написанный как Лапулион, был нередким корсиканским именем, которое носили несколько выдающихся людей, и что в раннем поколении семьи Буонапарте мальчиков звали Жозеф, Наполеон и Люсьен, поскольку они следовали друг за другом по жизни. В восемнадцатом веке орфография была едва ли более устоявшейся, чем в шестнадцатом. Ни в том кругу жизни, к которому принадлежали Буонапарты, постоянство имен тогда не было таким жестким, как стало позже. В семье было три Марии-Анны, первая и последняя, одну из которых впоследствии назвали Элизой.

Что касается формы имени Наполеон, то здесь возникает любопытная, хотя и несущественная путаница. Мы уже видели формы Набулионе, Набулион, Наполеоне, Napoleon. В современных документах также используется форма Napoleone, а в свидетельстве о браке используется Napolione. На Вандомской колонне стоит Наполио. Imp., который может читаться либо как Napolioni Imperatori, либо как Napolio Imperatori. В любом случае у нас есть указания на новую форму, Napolion или Napolius. Последнее, которое, скорее всего, было задумано как попытка вспомнить Неополуса, имя признанного святого. Отсутствие имени Наполеон в календаре Латинской церкви считалось серьезным упреком его носителю теми, кто ненавидел его, и их непрекращающиеся насмешки причиняли ему боль. В юности он постоянно возражал, что святых много, а в году всего триста шестьдесят пять дней. Спустя годы ему удалось исправить ситуацию, и французские католики некоторое время отмечали день святого Наполеона с подобающими церемониями, среди которых было пение гимна, сочиненного в честь силы и добродетелей святого человека, в честь которого он был назван. Непочтительные школьники из Отена и Бриенна дали обоим братьям прозвище "соломенный нос" - *пайе—о-нез*. Таким образом, произношение, вероятно, было таким же неопределенным, как и форма, Napaille-au-nez, вероятно, было искажением Napolilloné. Хамелеоноподобный характер имени в точности соответствует хамелеоноподобному характеру времени, человека и стран, где он родился и был усыновлен. Корсиканским дворянином и французским роялистом был Наполеон де Буонапарте; корсиканским республиканцем и патриотом был Наполеон Буонапарте; французским республиканцем - Наполеон Буонапарт; победоносным генералом - Бонапарт; императором - Наполеон. Точно так же произошло изменение в почерке этого человека, аналогичное изменению его национальности и взглядов. Вероятно, именно для того, чтобы скрыть крайне недостаточное знание французского языка, приемный француз, ставший республиканцем, консулом и императором, отказался от довольно разборчивого почерка своей юности и вернулся к жестокому почерку своего детства, продолжая всегда пользоваться им после того, как определился с выбором страны.

Бурными действительно были его нация и время его рождения. Он сам сказал: "Я родился, когда моя страна умирала. Тридцать тысяч французов, извергнутых на наши берега, утопивших трон свободы в волнах крови — таково было ужасное зрелище, которое впервые предстало моему взору. Крики умирающих, стоны угнетенных, слезы отчаяния окружали мою колыбель при моем рождении".

Именно эти слова он употребил в 1789 году, еще будучи по чувствам корсиканцем, обращаясь к Паоли. Они напрягают хронологию ради риторического эффекта, но правдиво изображают обстоятельства, при которых он был зачат. Среди многих других подобных мифов есть поздний миф, который подробно напоминает, что, когда родовые муки охватили

его мать, она была на мессе и добралась до своей комнаты как раз вовремя, чтобы положить на ковер или вышивку юного Ахиллеса, вундеркинда, столь стремительно врывающегося в мир. Сам человек всегда представлял свою натуру как продукт своего времени, и это он считал достаточным оправданием для любой линии поведения, которой предпочитал следовать. Находясь в ссылке в Лонгвуде и на смертном одре, он вспоминал обстоятельства своего детства в разговорах с лечащим врачом, таким же корсиканцем, как и он сам. "Ничто не внушало мне благоговения; я никого не боялся. Я ударил одного, поцарапал другого, я был ужасом для всех. Больше всего мне пришлось иметь дело с моим братом Джозефом; его били, кусали, ругали, и я возложил вину на него почти до того, как он понял, что делает; рассказывал о нем небылицы почти до того, как он смог собраться с мыслями. Я должен был действовать быстро: моя мама Летиция обуздала бы мой воинственный нрав; она не стала бы мириться с моей вызывающей раздражительностью. Ее нежность была суровой, она с равной справедливостью назначала наказание и награду; достоинства и недостатки она принимала во внимание и то, и другое".

О своем раннем образовании он сказал в то же время: "Как и все остальное на Корсике, оно было жалким". Люсьен Буонапарте, его двоюродный дед, был каноником, человеком состоятельным, с доходом в пять тысяч ливров в год и некоторым образованием - достаточным, по крайней мере, для того, чтобы позволить ему дальнейшее продвижение в церкви. "Дядя" Феш, чей отец получил хорошее образование у швейцарского мальчика-протестанта и, в свою очередь, передал свои знания собственному сыну, был другом и старшим товарищем по играм беспокойного маленького Бонапарта. Ребенок усвоил несколько понятий из библейской истории и, несомненно, также катехизис из канона; его одиннадцатилетний дядя научил его азбуке. На шестом курсе его отправили в женскую школу. Мальчики дразнили его за то, что у него всегда были спущены чулки поверх ботинок, и за его преданность девочкам, особенно одной по имени Джакоминетта. Он отвечал на их насмешки ударами, используя палки, кирпичи или любое подручное оружие.

Согласно его собственному рассказу, он был бесстрашен перед лицом численного превосходства, каким бы большим оно ни было. Его мать, по словам его брата Джозефа, заявила, что он был совершенным бесенком. Она сама описывала его как любителя поиграть в войну с барабаном, деревянным мечом и набором игрушечных солдатиков. Благочестивые монахини, которые учили его, распознали определенный дар к цифрам, назвав его своим маленьким математиком. Позже, посещая иезуитскую школу, он регулярно встречал по пути туда солдата, с которым обменивал свой кусок белого хлеба на кусок грубой комиссарской буханки другого. По словам его матери, он оправдывался тем, что ему должна понравиться такая еда, если он хочет стать солдатом. Со временем его страсть к простой математике, которую он изучал, возросла до такой степени, что она выделила ему грубый сарай на задворках их дома в качестве убежища от беспокоящего семейного шума. Для разминки он ходил по улицам с наступлением темноты с растрепанными волосами и в растрепанной одежде. По-французски он не знал ни слова; в школе у него были уроки его родного языка, на котором он научился читать под руководством аббата Рекко. Достойный учитель разделил своих мальчиков на две группы: прилежных под победоносным знаменем Рима и ленивых под видом побежденных карфагенян. Наполеон по праву принадлежал к последним, но его перевели не из-за заслуг, а просто благодаря силе его властного нрава.

Эта скудная информация - все достоверные сведения, которыми мы располагаем о маленьком Наполеоне вплоть до его десятого года. С небольшими дополнениями из других

источников, это, по сути, рассказ великого Наполеона о себе, сделанный частично его матерью в дни его процветания, частично Антоммарчи в тот последний период самоанализа, когда ему, как и другим людям, последовательность кажется высшей добродетелью. Несомненно, он пытался примириться со своей совестью, подчеркивая поговорку о том, что ребенок — отец мужчине, что он родился таким, каким был всегда.

В 1775 году Корсика в течение шести лет находилась во владении Франции, и внешне все было хорошо. Однако на острове оставались небольшие остатки верных патриотов, с которыми Паоли и его изгнанные друзья все еще поддерживали связь. Королевский кабинет, стремясь устранить любую возможную опасность беспорядков, даже такую незначительную, какая заключалась в недовольстве немногих разрозненных националистов и в нескрываемом недоверии, которое они испытывали к своим согражданам, принявшим конформизм, немного позже начал предпринимать шаги вперед, чтобы, если возможно, добиться если не согласия, то хотя бы нейтралитета Паоли. Все было напрасно: изгнание не подлежало перемещению. Поэтому время от времени на Корсике наблюдался заметный всплеск патриотизма. Есть указания на то, что ребенок Наполеон осознавал это влияние, вероятно, с большим интересом слушая сочувственные истории о Паоли и его борьбе за свободу, которые все еще рассказывали в народе.

Что касается Шарля де Бонапарта, то кое-что, на что он надеялся в результате аннексии, было обеспечено. Его дворянство и официальный ранг были в безопасности; он был на верном пути к еще более высоким отличиям. Но что такое почести без богатства? Домашние средства постоянно сокращались, в то время как расходы увеличивались по мере накопления почета и постоянно растущей семьи. Он покорно подчинился французам; его прием был теплым и любезным. Власти знали о его притязаниях на поместья своих предков. Иезуиты были опозорены и изгнаны, но собственность Одоне, подвергшаяся многочисленным судебным разбирательствам, ему возвращена не была; напротив, здания были преобразованы в школы, а доходы направлены по различным каналам. Прошли годы, и стало очевидно, что его иск безнадежен. Как можно добиться от короля существенного преимущества?

Его друзья, в частности генерал Марбеф, придерживались мнения, что он мог бы извлечь определенную выгоду, по крайней мере, обеспечив своим детям образование за счет государства. Хотя вполне вероятно, что с самого начала Иосифу было предназначено стать священником, все же было предусмотрено как церковное обучение под королевским покровительством, так и светское, и перейти от последнего к первому было легче, чем наоборот. Обоих должны были поместить в колледж Отена для прохождения подготовительного курса, каким бы ни было их конечное назначение. Вскоре были предприняты необходимые шаги, и в 1776 году официальное прошение за двух старших мальчиков было направлено в Париж. Немедленно были затребованы доказательства четырех благородных происхождений. Письма поступали медленно, официальные лица — еще медленнее, а задержки с получением копий и удостоверением подлинности различных документов были долгими и досадными.

Тем временем Шуазель был опозорен, и десятого мая 1774 года старый король умер; теперь правил Людовик XVI. Инерция, которая ознаменовала блестящий упадок монархии Бурбонов, была, наконец, преодолена. Новые социальные силы были частично освобождены. Были изучены факты и рассмотрено их значение. Банкротство больше не

было угрожающим призраком, оно стало угрожающей реальностью самого серьезного характера. Сокращение расходов и реформы были в порядке вещей. Неккер опробовал свои многообещающие схемы. Среди них было одно для органа, состоящего из делегатов от каждого из трех сословий — дворян, духовенства и горожан, — призванного помочь в решении этого непростого вопроса - регулировании податей. Швейцарский финансист надеялся таким образом разрушить угрюмое, вызывающее влияние королевских интендантов. На Корсике губернатор и интендант оба считали себя слишком проницательными, чтобы попасть впросак, и добились назначения от каждого из корсиканских сословий людей, которых они считали своими покорными слугами. Нуждающийся поклонник, Шарль де Бонапарт, должен был стать делегатом дворянства в Версале. Они думали, что знают этого человека особенно хорошо, но во Франции он оказался таким же податливым, каким был на Корсике.

Хотя благородный депутат был почти без гроша в кармане, он с тщеславием прирожденного придворного был польщен и принял миссию, отправившись пятнадцатого декабря 1778 года через Италию вместе со своими двумя сыновьями Жозефом и Наполеоном. С ними были Джозеф Феш, назначенный в семинарию в Эксе, и Вареза, двоюродный брат Летиции, который должен был стать иподьяконом в Отене. Иосиф, и Наполеон впоследствии утверждали, что во время их пребывания во Флоренции великий герцог передал своему другу, их отцу, письмо к своей сестре-королеве Марии-Антуанетте. Поскольку великий герцог в то время находился в Вене, весь рассказ, который они дают о путешествии, вероятно, не соответствует действительности, хотя, возможно, и не намеренно. Окончательный частичный успех просьбы Шарля де Бонапарта был обусловлен не заступничеством королевы, а могущественным влиянием Марбефа. Это ясно подтверждается свидетельствами из архивов. К племяннику генерала, епископу Отена, были отправлены Жозеф, который был уже слишком стар, чтобы поступить в королевское военное училище, а позже и Люсьен, причем первый получил образование священника. Вероятно, это также было влияние Марбефа в сочетании с желанием примирить Корсику, что заставило офис герольда наконец принять документы, подтверждающие дворянство Буонапарте.

Похоже, что путешествие с Корсики через Флоренцию и Марсель уже произвело в мальчишке чудесную перемену. Учитель Наполеона в Отене, аббат Шардон, описывал своего ученика как человека трезвого, вдумчивого характера. Он ни с кем не играл и гулял в одиночестве. Во всех отношениях он превосходил своего брата Джозефа. По словам того же источника, "Отенские мальчишки" однажды выдвинули огульное обвинение в трусости против всех жителей Корсики, чтобы вывести его из себя. "Если бы их [французов] было всего четыре к одному, - был спокойный, флегматичный ответ десятилетнего мальчика, - они бы никогда не захватили Корсику; но когда их было десять к одному ..." "Но у вас был прекрасный генерал - Паоли", - перебил рассказчик. "Да, сэр", - последовал ответ, произнесенный с видом недовольства и в самом воплощении честолубия. "Я бы очень хотел подражать ему". Описание неукротимого фавна в том виде, в каком он тогда появился, не лестно: его цвет лица желтоватый, волосы жесткие, фигура худощавая, выражение лица тусклое, манеры незначительные. Более того, его поведение было угрюмым, и поначалу, конечно, он говорил на ломаном французском с итальянским акцентом. Однако, разинув рот и сверкая глазами, он внимательно слушал первую репетицию своего задания; повторения ему искренне не нравились, и когда его упрекали в невнимательности, он холодно отвечал: "Сэр, я это уже знаю". Двадцать первого апреля 1779 года Наполеон, согласно свидетельству

его личного меморандума, покинул Отен, будучи допущенным в Бриенн, и именно Марбефу в дальнейшей жизни он правильно приписал свое назначение. Проведя три недели со школьным другом, малыш приступил к своим обязанностям примерно в середине мая.

В день Нового, 1779 года, Бонапарты прибыли в Отен, и в течение почти четырех месяцев юный Наполеон обучался владению французским языком. Он научился говорить бегло, хотя и не совсем правильно, и писал короткие темы так, чтобы удовлетворить своего учителя. Как позже было объявлено, он был вундеркиндом, но на самом деле его прогресс был медленным, трудности, связанные с этим элегантным и отточенным языком, были едва постигнуты; так что он появился среди своих будущих школьных товарищей с самым несовершенным знанием их языка и печально неправильным произношением. Поскольку, как мы можем предположить, его назначили на первую же вакансию, появившуюся в любом из королевских колледжей, его первым пунктом назначения был Тирон, самый суровый и отдаленный из двенадцати. Но, по воле судьбы, в Бриенне каким-то образом произошли изменения. Это заведение было достаточно грубым. Инструкторами были священники-минималисты, и жизнь была настолько суровой, насколько это возможно при такой клиентуре у полуобразованных и неопытных монахов. Однако, несмотря на все усилия к обратному, заведение сохраняло элегантную атмосферу; здесь царила определенная демонстрация школьника, пропорциональная средствам и хорошему или дурному воспитанию молодых дворян, а также очень острому различию между ними по рангу, социальным качествам и относительной значимости. Те, кто знаком с безжалостностью мальчиков в их обращении друг с другом, могут легко представить, как был принят новичок, чье благородство было неизвестно и непризнано во Франции, а средства были самыми скудными.

Во время подготовительного обучения своего сына отец был занят в Версале дальнейшими прошениями — среди них одно о добавке из королевского кошелька к его скудному жалованью в качестве делегата, а другое - о скорейшем урегулировании его ныне печально известного иска. Первое из двух было предоставлено не только г-ну де Бонапарту, но и двум его коллегам ввиду "отличного поведения" — иначе говоря, раболепия — корсиканской делегации в Версале. Когда, вдобавок, наконец пришло свидетельство о назначении Наполеона, и отец решил устроить сына в школу, едва обеспечив его приличной одеждой, ему не составило труда раздобыть достаточно денег для удовлетворения своих непосредственных и неотложных потребностей. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА IV.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ НАПОЛЕОНА [\[2\]](#).

Военные школы Франции — Посвящение Наполеона в жизнь Бриенна — Правила школы — Курс обучения — Могушественные друзья Наполеона — Его чтение и другие увлечения — Его товарищи — Его учеба — Его раннее развитие — Его поведение и ученость — Изменение Его жизненного плана — Его влияние в семье — Его выбор артиллерийской службы.

Это было старое обвинение в том, что сыновья бедных джентльменов, которым суждено было стать артиллерийскими офицерами, были воспитаны как принцы. Институт в Бриенне, как и одиннадцать других подобных академий, был основан совсем недавно в знак протеста против роскоши, царившей в военных училищах Парижа и Ла Флеша. Оба они были закрыты на некоторое время, потому что их нельзя было реформировать; однако последний был одним из двенадцати первых, и впоследствии в Париже он был вновь открыт как школа для воспитанников. В качестве резиденций новых колледжей были выбраны монастыри различных религиозных орденов, а их владельцам были даны инструкции по обеспечению простоты жизни и манер, формированию характера и другим желательным преимуществам, каждому по-своему в вверенной ему школе или школах. Результатом до сих пор был провал; во Франции просто не нашлось двенадцати первоклассных инструкторов в каждой отрасли для новых должностей; поэтому обучение было ограниченным и некачественным, так что в условиях интеллектуального застоя правильные стандарты поведения пришли в упадок, в то время как старые представления о пустой учтивости и общепринятом поведении процветали как никогда раньше. Чтобы зачислить своего мальчика в Бриенн, Шарль де Буонапарт предъявил свидетельство, подписанное интендантом и двумя соседями, о том, что он не может дать образование своим сыновьям без помощи короля и является бедным человеком, не имеющим никакого дохода, кроме жалованья ассессора. Этот документ был подписан Марбефом как главнокомандующим, и его просьба была официально удовлетворена. Поскольку это обычная процедура, очевидно, что все молодые дворяне двенадцати школ, пользовавшиеся королевской щедростью, были бедны и должны были иметь мало карманных денег или вообще их не иметь. Возможно, именно по этой причине, хотя школа покрывала все расходы, включая карманные расходы, безупречные манеры и средства, полученные тайком от влиятельных друзей, равнодушных к правилам, были вещами, наиболее необходимыми для обеспечения доброго отношения к поступающему мальчику. Это было именно то, чем молодой джентльмен-ученый с Корсики не обладал. Невежественные и не от мира сего отцы-минимумы не могли ни предвидеть, ни, если бы они предвидели, облегчить страдания, связанные с его прибытием в таких условиях.

В Отене Наполеон, по крайней мере, наслаждался отзывчивым обществом своего мягкого и эмоционального брата, чей покладистый характер мог сгладить многие неурядицы. Теперь он был совершенно лишен общения, с самого начала возмущенный как злобными нападениями, так и игривыми личными намеками, с помощью которых мальчики так часто завязывают, а со временем все крепче связывают свою необъяснимую дружбу. На насмешки в адрес Корсики, которые начались немедленно, он холодно ответил: "Я надеюсь, что однажды буду в состоянии даровать Корсике свободу". Войдя однажды в комнату, в которой, по незнанию для него, висел портрет ненавистного Шуазеля, он отшатнулся, увидев его, и разразился горькими ругательствами; за это он был вынужден понести наказание.

Brienne был питомником тех качеств, которые впервые были выведены в Отене. Здание представляло собой мрачное и массивное сооружение начала восемнадцатого века, стоявшее на возвышенности у въезда в город, по бокам от него располагалась более поздняя пристройка, несколько более просторная. Спальня состояла из двух длинных рядов камер, выходящих в двойной коридор, всего около ста сорока: каждая из этих камер имела площадь шесть квадратных футов и вмещала складную кровать, кувшин и таз. Ученик был заперт перед сном, и его единственным средством связи был звонок, чтобы разбудить охранника,

который спал в коридоре. Для его туалета были отведены комнаты побольше, и он учился там же, где и декламировал, в еще одном номере. Существовала общая трапезная, в которой подавались четыре простых блюда в день: на завтрак и обед хлеб и вода со свежими или тушеными фруктами; на ужин суп с мясным супом, гарнир и десерт; на ужин косяк с салатом или десертом. К двум последним была подана мягкая смесь вина и воды, известная на школьном сленге как "изобилие". Комплект одежды включал нижнее белье для двух смен в неделю, униформу, состоящую из синего суконного сюртука с красной отделкой, жилета из того же материала с белыми оборотами и саржевых бриджей синего или черного цвета. Пальто было из того же материала, что и мундир, с той же отделкой, но на белой подкладке. Занятия включали латынь, математику, французский язык и литературу, английский, немецкий языки, географию, рисование, фехтование, музыку, вокал, а также инструментальные инструменты и танцы.

В музее Версаля.

Мария-Летиция Рамолино Бонапарт
"Мадам Мама" — мать Наполеона I.

Возможно, суровый режим жизни мог бы быть смягчен и скрашен курсом обучения, номинально и якобы таким богатым и насыщенным; но в списке магистров, мирян и священнослужителей, нет ни одного выдающегося имени. Ни Наполеон, ни его ученики-современники не вспоминали в последующие годы ни о какой части своей работы, которая стимулировала бы их, ни о каком преподавателе, который отличался способностями.

Мальчикам, похоже, искренне не нравились ни учеба, ни учителя. Молодой Бонапарт также испытывал отвращение к обществу и был вынужден полагаться на собственные силы, чтобы удовлетворить свой нетерпеливый ум. Недисциплинированный духом, он был нетерпим к самодисциплине и урывками занимался теми предметами, которые ему нравились, пренебрегая суровой тренировкой своего ума даже в одиночку. Он действительно научился писать по буквам на иностранном языке своей приемной страны, но его почерк, который никогда не был хорошим, был плохим или еще хуже, в зависимости от обстоятельств. Мрачный, одинокий и необузданный, новый ученый проявлял безразличие уязвленного тщеславия, презирал все развлечения и находил удовольствие либо в книгах, либо в презрительном раздражении своих товарищей, когда вынужден был общаться с ними. Происходили ссоры и ожесточенные драки, в которых рука измаильянина была направлена друг против друга. Иногда в каком-то исступлении он наносил серьезные раны своим товарищам по учебе. В конце концов даже учителя стали насмехаться над ним и лишили его должности капитана в школьном батальоне.

Кульминация этого жалкого дела была достигнута, когда на насмешку о том, что его предки были ничтожеством, "его отец - жалкий проходимец", Наполеон ответил, вызвав своего мучителя на дуэль. За это преступление он был заключен под стражу, в то время как зачинщик остался безнаказанным. Только благодаря вмешательству Марбефа его юный друг был наконец освобожден. Израненный душой, юноша с радостью отряхнул бы пыль Бриенны со своих ног, но необходимость не позволяла. Либо из какого-то прямого общения Наполеона со своим покровителем, либо из драматичного, но неподтвержденного письма, якобы написанного им своим друзьям на Корсике и все еще существующего, Марбеф узнал, что главной причиной всей горечи было неравенство между карманными пособиями молодых французских дворян и молодого корсиканца. Добрый генерал проявил щедрость друга семьи и с радостью увеличил вознаграждение мальчика, сделав ему в то же время умный выговор за его готовность обижаться. Считается также, что он представил свою юную подопечную мадам . Ломени де Бриенн, чей особняк находился неподалеку. [\[3\]](#) Утверждается, что эта благородная женщина стала второй матерью одинокому ребенку: хотя каникул не было, но долгих каникул было много, и они проводились с ней; ее нежность смягчила его грубый характер, тем более что она знала цену чаевым для школьника и распределяла их щедро, хотя и рассудительно.

И это, если это правда, было не единственным светом среди теней в картине его поздних школьных дней в Бриенне. Каждому из ста пятидесяти учеников был отведен небольшой участок в саду. Бонапарте воспылил страстью к своим владениям и, силой аннексировав заброшенные участки двух своих соседей, создал для себя убежище, уединенность которого была обеспечена посаженной вокруг него густой и высокой живой изгородью. В эту цитадель, святость которой он защищал с яростью, временами наполовину безумной, он имел обыкновение удаляться в хорошую погоду в любое время года, прихватив с собой все книги, какие только мог раздобыть. В обществе этих людей он проводил счастливые, приятные и плодотворные часы. Его юношеский патриотизм усилился ненавистью, которую он теперь испытывал к французским школьникам, а через них и к Франции. "Я никогда не смогу простить своего отца, - воскликнул он однажды, - за ту роль, которую он сыграл в присоединении Корсики к Франции". Паоли стал его героем, и излюбленными темами его чтения были великие деяния людей и народов, особенно в древности. Подобные материалы он находил в изобилии в "Жизнеописаниях" Плутарха.

Более того, его наказания и унижение со стороны школьных властей сразу же создали настроение в его пользу среди его товарищей, что не только нейтрализовало эффект официальных наказаний, но и дало ему своего рода компенсирующее лидерство в их играх. Когда штормы вынуждали его покинуть свое убежище в саду и пообщаться в общественном зале с другими мальчиками, он часто устраивал спортивные состязания, в которых противоборствующие лагеря греков и персов, или римлян и карфагенян сражались до тех пор, пока шум не заставлял власти прекратить конфликт. Однажды он предложил игру, достаточно распространенную в других местах, но не столь знакомую тогда во Франции, - строить снежные крепости, штурмовать и защищать их, а также сражаться снежками в качестве оружия. Предложение было принято, и приготовления велись под его руководством с научным рвением; укрепления, форты, бастионы и редуты вызвали восхищение всей округи. Неделями продолжалась имитационная война, Буонапарте, всегда командовавший, иногда был осаждающим и так же часто осажденным. Способности, ресурсы и командирская сила, которые он проявлял в обеих ролях, были таковы, что эта зима навсегда осталась в школьных анналах.

Из всех его современников только двое стали выдающимися людьми, Гюден и Нансути. Оба были способными солдатами, получившими повышения и титулы от руки Наполеона во времена империи. Бурьен, опустившийся до самых низов при республике, нашел работу в качестве секретаря генерала Бонапарта. На этой должности он оставался до консульства, когда потерял и состояние, и репутацию в сомнительных денежных спекуляциях. Благодаря старой привязанности он получил прощение и дальнейшую работу, будучи отправленным министром в Гамбург. Там жажда денег привела его к окончательному краху. "Предательские мемуары", появившиеся под его именем, представляют собой сборник, отредактированный им для получения средств к существованию на склоне лет. На протяжении всей жизни Наполеон питал самые добрые чувства к Бриенну и всему, что с ним связано. В своей смертельной схватке на полях сражений в Шампани он проявил благосклонность к городу и оставил ему большое наследство в своем завещании. Ни один школьный товарищ или учитель не обращался к нему напрасно, и многие из его товарищей в своей незначительной жизни зависели от его благосклонности.

Банально говорить, что бриллианты можно отполировать только алмазной пылью. Каким бы грубым процессам ни подверглась грубая натура молодого корсиканца, результат был замечательным. Латынь он не любил и относился к ней с пренебрежением. Его особые склонности были к математике, географии и, прежде всего, к истории, в которой он добился заметных успехов. Его познания в математике никогда не были глубокими; в географии он проявлял замечательную память; биография была кафедрой истории, которая его увлекала. Однако во всех направлениях он был быстр в своем восприятии; быстрое созревание его ума благодаря чтению и размышлениям было очевидно для всех его товарищей, какими бы враждебными они ни были. Наиболее убедительное подтверждение этого факта можно найти в письме, написанном, вероятно, в июле 1784 года, когда ему было пятнадцать лет, своему дяде, — возможно, Фешу, более вероятно, Паравичини, — по семейным вопросам. [4] Его брат Жозеф отправился в Отен, чтобы получить церковное образование, его сестра (Мария-Анна) Элиза была назначена в королевский фонд в Сен-Сире, а Люсьена, по возможности, поместили, как Наполеона, в Бриенн. Двое младших детей уже сопровождали своего отца в его обычной поездке в Версаль, и теперь Люсьен был устроен либо в самой школе, либо поблизости, чтобы быть готовым к любой вакансии. В остальном все было хорошо, за исключением того, что Джозефу было не по себе и он тоже хотел стать офицером.

Тон Наполеона экстраординарен. Начиная с обычного маленького наброска Люсьена, какой любой старший брат мог бы нарисовать младшему, он переходит к замечательному анализу Жозефа. Пытливый и обстоятельный, он объясняет со всей полнотой рассуждений и иллюстраций, насколько более выгодной с мирской точки зрения как для Жозефа, так и для семьи была бы карьера в Церкви: "епископ Отена обеспечил бы ему приличное существование, и он сам был уверен, что станет епископом". Как *некрологное изречение* в нем содержится любопытное выражение презрения к пехоте как к роду войск, происхождение которого отнюдь не ясно. Жозеф хочет быть солдатом: очень хорошо, но в какой отрасли профессии? Он не смог поступить на военно-морской флот, потому что не знает математики; да и его сомнительное здоровье не подходит для этой карьеры. Ему пришлось бы проучиться еще два года для военно-морского флота и четыре, если бы он хотел стать инженером; однако непрерывное занятие этим родом войск было бы выше его сил. Аналогичные причины действуют и против артиллерии. Следовательно, остается только пехота. - Хорошо. Я понимаю. Он хочет весь день бездельничать, он хочет весь день маршировать по улицам, и, кроме того, что такое маленькое пехотное отделение? Бедняжка, в трех четвертях случаев; и этого не желают ни мой дорогой отец, ни вы, ни моя мать, ни мой дорогой дядя архидьякон, ибо он уже проявил некоторую склонность к безрассудству и расточительности ". Здесь полностью отсутствуют пустые разговоры или энтузиазм, и никаких намеков на принципы или чувства. Это работа холодного, расчетливого и диктаторского характера. В нем есть поэтическая цитата, очень меткая, но очень плохо написанная; и хотя выражение повсюду справедливое, это ни в коем случае не то, чего можно ожидать от человека, способного на такое мышление, который изучал французский в течение трех лет и использовал его исключительно в повседневной жизни.

В августе 1783 года Буонапарте и Буррьен, согласно заявлению последнего, разделили первую премию по математике, и вскоре после этого, в том же году, королевский инспектор месье де Кералио прибыл в Бриенну, чтобы проверить успехи королевских подопечных. Ему очень понравился маленький Бонапарт, и, заявив, что, хотя он и не был знаком с его семьей, он обнаружил в нем искру, которую нельзя гасить, он написал решительную рекомендацию парню, сформулированную в следующих выражениях: "Месье де Бонапарт (Наполеон), родился пятнадцатого августа 1769 года. Рост, четыре фута десять дюймов десять линий [около пяти футов трех дюймов на английском]. Телосложение: отличное здоровье, покладистый нрав, мягкий, прямолинейный, вдумчивый. Ведет себя наиболее удовлетворительно; всегда отличался прилежанием в математике. Он довольно хорошо знаком с историей и географией. Он слаб во всех достижениях — рисовании, танцах, музыке и тому подобном. Из этого мальчика получился бы отличный моряк; он заслуживает того, чтобы его приняли в школу в Париже ". К несчастью для потенциального клиента, месье де Кералио, который мог бы быть его могущественным другом, умер почти сразу.

Путем дальнейших преклонений на коленях, мольб и утомительной настойчивости Шарль де Бонапарт наконец добился расположения не только Люсьена, но и Жозефа. Несправедливо лишенный своего наследства, лишенный также удобств и дома в погоне за амбициозными планами, ставшими необходимыми из-за этой несправедливости, бедный дипломат был теперь на исходе своих ресурсов и энергии. За исключением короткого визита своего отца в Бриенну по пути в Париж, почти наверняка молодой Наполеон не видел никого из старших на протяжении всего своего пребывания в прежнем месте. Это событие было самым важным для мальчика и открыло сдерживаемый поток его нежности: поэтому он испытал горькое разочарование, когда узнал, что, побывав у королевского врача, его

родитель вернется на Корсику Осенью, взяв с собой Жозефа, и не остановится в Бриенне. Наполеон, по совету Марбефа и, более определенно, при поддержке своего друга инспектора, был назначен на военно-морской флот; благодаря благосклонности последнего он надеялся, что его отправят в Париж, а оттуда направят в Тулон, военно-морской порт, наиболее тесно связанный с Корсикой. Однако на эту любимую отрасль службы поступило так много влиятельных заявок, что департаменту пришлось избавиться от как можно большего числа; в первую очередь пострадал бы юноша, оставшийся без покровителя. Таким образом, соглашение, заключенное отцом в Париже, заключалось в том, что Наполеон в качестве компенсации мог остаться в Бриенне, в то время как Жозеф мог либо отправиться туда, либо в Мец, чтобы восполнить свои недостатки в математических науках и сдать экзамены для поступления на королевскую службу вместе с Наполеоном, при условии, что последний откажется от своих планов относительно военно-морского флота и выберет карьеру в армии.

Письмо, в котором мальчик сообщает о своем решении отцу, столь же примечательно, как и только что упомянутое, и очень ясно является его продолжением. Встревоженный и трудолюбивый родитель в конце концов не выдержал и, несмотря на свое слабое здоровье, принял Джозефа как поддержку и подмогу на трудном пути домой. Тем же кратким, беспощадным заявлением, что и прежде, Наполеон признается в своем разочаровании и в повелительной фразе, с логическим анализом, излагает причины, по которым Жозеф должен приехать в Бриенну, а не в Мец. Однако в композиции появился новый элемент — откровенное, сердечное выражение привязанности к его семье и послание с добрыми воспоминаниями его друзьям. Но самым поразительным фактом, учитывая последующие события, является запрос на "Историю Корсики" Босуэлла и любые другие истории или мемуары, относящиеся к "этому королевству". "Я верну их, когда вернусь, пусть через шесть лет".^[5] Непосредственное продолжение проясняет направление его мыслей. Вероятно, он не помнил, что готовился, если возможно, лишить Францию ее последнего и высоко ценимого приобретения за ее же счет, а если и помнил, то, должно быть, чувствовал себя лучником, извлекающим стрелу из отросших перьев крыла своей жертвы. Очевидно, что его унижения в школе, изучение истории свободы, унаследованные им наклонности и нынешнее разочарование - все это в совокупности стало результатом сосредоточения его внимания на родной земле как на предназначенной сфере его деятельности.

Через четыре дня после вероятной даты написания он сдал экзамен во второй раз, прежде чем новый инспектор объявил о своем выборе артиллерии в качестве своего вида службы, и месяц спустя был направлен в военную академию в Париже. Этому учреждению не просто вернули былую известность: теперь оно пользовалось особой репутацией места награждения, куда направлялись только выдающиеся кандидаты на официальные почести. Выбор артиллерии, по-видимому, был достигнут простым процессом исключения; пехота была слишком неинтеллектуальной и ленивой, кавалерия - слишком дорогой и аристократичной; между инженерами и артиллерией было мало выбора — ни богатство, ни влияние не влияли на продвижение по службе. Решение, похоже, было принято из-за того, что артиллерия была случайно упомянута первой в полученном им роковом письме, в котором сообщалось о семейных проливах и необходимом отказе от военно-морского флота. На свидетельстве, которое было отправлено вместе с Наполеоном из Бриенны, стояла пометка: "Характер властный и своевольный".^[Вернуться к содержанию]

ГЛАВА V.

В ПАРИЖЕ И БАЛАНСЕ [\[6\]](#).

Знакомство с Парижем — Учителя и товарищи — Смерть Шарля де Бонапарта — Его заслуги — Школа в Париже — Бедность Наполеона — Его характер в конце школьных лет — Назначение лейтенантом в полк Ла Фер — Деморализация французской армии — Люди в строю — Наполеон как кавалер — Возвращение к учебе — Его профессия и призвание.

1784-86.

Тридцатого октября 1784 года Наполеон выехал из Бриенна в Париж. [\[7\]](#) Ему было шестнадцать лет, он был совершенно несведущ в том, что тогда называлось "гуманитарными науками", но довольно сведущ в истории, географии и математических науках. Его знания, как и склад его ума, были скорее практическими, чем теоретическими, и он знал больше о фортификациях и осадах, чем о метафизических абстракциях; больше о деяниях истории, чем о ее философии. Новая обстановка, в которую его ввел сопровождавший его отец-миним и четверо его товарищей из Бриенны, все несколько моложе его самого, действительно отличались от обстановки грубого монастыря, который он оставил позади. Великолепный дворец, построенный по планам Габриэля в начале восемнадцатого века, все еще стоит, чтобы засвидетельствовать намерение короля разместить своих джентльменов-кадетов в стиле, достойном их высокого происхождения, и обучить их хорошим манерам, а также проинструктировать. Внутреннее убранство было на уровне королевских покоев корпуса. Дело зашло так далеко в направлении элегантности и роскоши, что, как мы уже говорили, заведение было закрыто. Но через несколько месяцев, примерно в конце 1777 года, он был вновь открыт. Хотя худшие злоупотребления были устранены, еда по-прежнему оставалась, по крайней мере в количественном отношении, обильной; ежегодно выдавалось два комплекта униформы и нижнее белье, достаточное для двух смен в неделю, что тогда считалось большой роскошью; имелся большой штат ливрейных слуг, а ответственные офицеры были людьми с безупречными манерами и отличались высочайшим качеством. В самом конце своей жизни Наполеон вспомнил о порядках, принятых для богатых людей. "Нас великолепно кормили и обслуживали, с нами обращались как с офицерами, мы обладали большей компетентностью, чем большинство членов наших семей, большей, чем большинству из нас было суждено". В шестнадцать лет и при его неопытности он, возможно, был некомпетентным судьей. Другие, например, Вобланк, считали, что в этом было больше показухи, чем сути.

Как бы то ни было, вызывающее презрение Бонапарта и привычка к уединенным занятиям вместе становились все сильнее. Утверждается, что его юмор нашел выход в нелепом и раздражительном меморандуме, адресованном военному министру по поводу надлежащего обучения учащихся во французских военных училищах! Возможно, он и написал ее, но почти невозможно, чтобы она когда-либо вышла за стены школы, даже, как утверждает, для доработки бывшим учителем Бертоном. Тем не менее, он почти впервые, если не совсем, обрел настоящего друга в лице де Мазе, молодого человека благородного происхождения и натуры, который был приставлен к нему в качестве ученика-учителя и, более того, был таким же ученым фонда, как и он сам. Различные источники также

заявляют, что время от времени он наслаждался приятным обществом епископа Отенского, который в то время находился в Версале, своей сестры Элизы в Сен-Сире и, совсем близко, друга семьи, который только что поселился в Париже, прекрасной мадам Пермон, мать будущей герцогини Абрантес. Хотя она родилась на Корсике, она принадлежала к ветви знатной греческой семьи Комнинов. Ввиду строгих правил как военного училища, так и Сен-Сира, эти визиты проблематичны, хотя и не невозможны.

Какими бы жесткими ни были правила королевских учреждений, их соблюдение, конечно, зависело от характера их директоров. Маркиз, руководивший военным училищем, был ветераном-распорядителем, его помощник не обладал никакой силой, а завуч был единственным добросовестным чиновником из троих. Он досконально знал свое дело и в последующие годы был признан Наполеоном как достойный человек. Курс обучения был продолжением курса в Бриенне, и там работал двадцать один преподаватель по различным разделам математики, истории, географии и языкам. Де л'Эгиль одобрил одно из исторических упражнений Бонапарта замечанием: "Корсиканец по нации и характеру. Он далеко пойдет, если обстоятельства будут благоприятствовать". Домайрон сказал о своем французском стиле, что это "гранит, нагретый вулканом". Там было семь замечательных мастеров верховой езды, фехтования и танцев. Ни в одном из этих упражнений Буонапарте не преуспел. Общеизвестной целью учебного заведения было сделать из своих учеников набожных католиков. Приходской священник в Бриенне приобщил к таинствам нескольких мальчиков, включая юного корсиканца, который, похоже, безропотно подчинился суровому религиозному обучению парижской школы: часовня с мессой в половине седьмого утра, молитва до и после всех приемов пищи и снова часовня без четверти девять вечера; по праздникам - катехизис для новых учеников; по воскресеньям - катехизис и торжественная месса, а также вечерня с исповедью каждую субботу; причастие каждые два месяца. Долгое время спустя император вспоминал о де Жюинье, своем капеллане, с добротой и осыпал его милостями. Из ста тридцати двух стипендиатов, проживавших здесь во времена Буонапарте, восемьдесят три были пансионерами, получавшими по четыреста долларов каждый; ни один из них не отличился, большинство даже не сдало экзаменов. Остальные были учениками короля и отличались прилежанием; но даже из них только один или двое были действительно способными людьми.

Именно в городе Монпелье, в резиденции мадам Пермон, двадцать четвертого февраля 1785 года скончался Шарль де Бонапарт. В резиденции мадам Пермон умер Шарль де Бонапарт. Очевидно, это был последний и смертельный удар по судьбе Буонапарте, поскольку казалось, что вместе с отцом должны были рухнуть все семейные ожидания. Обстоятельства были близки к жизни, оборвавшейся таким образом. Чувствуя, что его здоровье несколько восстановилось, и отчаявшись добиться дальнейшего прогресса в урегулировании своего затаканного иска законными методами, он решил на еще одно ходатайственное путешествие в Версаль. С Джозефом в качестве компаньона он отправился в путь; но в море произошел серьезный рецидив, и на берегу болезненная болезнь продолжала оказывать такое разрушительное воздействие, что отец и сын отправились в Монпелье, чтобы проконсультироваться со знаменитыми специалистами медицинского факультета того места. Все было напрасно, и через несколько недель, двадцать четвертого февраля, убитый горем отец испустил свой последний вздох. Научившись ненавидеть иезуитов, он стал равнодушен ко всей религии, и некоторые говорят, что своими последними усилиями он отверг добрые услуги Феша, который теперь был священником в рясе, и поспешил к постели своего шурина, чтобы предложить умирающему последнее

утешение Церкви. Другие утверждают, что он снова обратился к утешению религии и на смертном одре его сопровождал аббат Кусту. Жозефа, поверженного горем, отвели к мадам. Пермон поселился в доме и получил самое нежное утешение. [\[8\]](#)

Каким бы неудачником ни был честолюбивый отец, тем не менее до сих пор он был опорой своей семьи в их надеждах на продвижение по службе. Каким бы подхалимом и интриганом он ни стал, они признавали его неутомимую энергию в своих интересах и искренне любили его. Он оставил их без гроша в кармане и в долгах, но он умер у них на службе, и они искренне оплакивали его. Двадцать третьего марта убитый горем мальчик написал своему двоюродному дедушке, архидьякону Люсьену, письмо с восхвалением своего отца и просьбой о поддержке своего дяди в качестве опекуна. Это назначение было официально оформлено вскоре после этого. Двадцать восьмого числа он написал своей матери. Оба эти письма существуют и звучат как школьные упражнения по риторике, исправленные репетитором. Однако по отношению к своей матери это звучит достойно и нежно, имея в виду подобающую поддержку, которой были обязаны ей ее дети. Словно для того, чтобы показать, каким педантичным ребенком он все еще был, унылая маленькая заметка завершается странным постскриптомом, сообщающим неуместную новость о рождении двумя днями ранее принца королевской крови — герцога Нормандии! Возможно, это было добавлено в интересах цензора, который проверил всю переписку молодых людей.

Некоторое время назад генерал Марбеф женился, и денежные выплаты его другу, похоже, после этого события прекратились. У мадам де Бонапарт осталось четверо младенцев, самому младшему, Жерому, было всего три месяца. Их двоюродный дедушка, Люсьен, архидьякон, был добрым человеком, и Джозеф, отказавшись от всех своих амбиций, вернулся, чтобы, по возможности, быть опорой семьи. Бедность Наполеона была уже не относительной или воображаемой, а реальной и тяжелой. Углубившись в себя еще больше, чем когда-либо, он стал еще более пылким читателем и студентом, со страстным усердием посвятив себя изучению произведений Руссо, яд политических доктрин которого с пламенным и благодарным вкусом проникал в тонкую, холодную кровь несчастного кадета. Во многих отношениях обучение, которое он получил, было достойным восхищения, и существует традиционный анекдот о том, что он был лучшим математиком в школе. Но в целом недолгое продолжение учебы в Париже мало что дало ему. Изумительный французский стиль, который он в конце концов создал для себя, безусловно, в высшей степени неакадемичен; на многих курсах современных языков он не владел ни немецким, ни английским, фактически он никогда не знал больше нескольких слов ни на том, ни на другом; его достижения в фехтовании и верховой езде были очень незначительными. Среди всех своих товарищей он приобрел только одного друга, в то время как двое из них стали в дальнейшей жизни его озлобленными врагами. Фелипо помешал ему в Акко; Пико де Пекадюк стал самым доверенным советником Шварценберга в успешных кампаниях Австрии против Франции.

То ли для того, чтобы как можно скорее облегчить страдания его нищеты, то ли, как было предъявлено обвинение, чтобы избавиться от своего ворчливого и несносного заключенного, руководство военной школы сократило пребывание Буонапарте настолько, насколько это было возможно, и допустило его к экзаменам в августе 1785 года, менее чем через год после поступления. [\[9\]](#) Он прошел без каких-либо отличий, будучи сорок вторым по рангу, но выше своего друга де Мази, который был пятьдесят шестым. Таким образом, его назначение было обусловлено полным отсутствием соперничества, поскольку молодое

дворянство не имело склонности к тяжелым обязанностям артиллерийской службы. Он имел на это право только потому, что достиг совершеннолетия и представил доказательства достаточных приобретений. В часто цитируемом описании, [\[10\]](#) претендующий на официальное свидетельство, выдаваемое молодому офицеру при увольнении, он характеризуется как сдержанный и трудолюбивый, предпочитающий учебу любым развлечениям, восхищающийся хорошими авторами, прилежный в абстрактных науках, мало заботящийся о других, [\[11\]](#) тщательно обученный математике и географии ; тихий, любящий одиночество, капризный, надменный, чрезвычайно склонный к эгоизму, мало говорящий, энергичный в ответах, быстрый и суровый в остротах; обладающий большим чувством собственного достоинства; амбициозный и стремящийся к любым высотам: "юноша достоин защиты". К сожалению, нет никаких документальных свидетельств, подтверждающих подлинность этого сообщения; но каким бы ни было его происхождение, оно настолько близко к современному, что, вероятно, содержит долю правды.

Оба друга попросили назначения в полк, расквартированный в Валансе, известный под названием "Ла Фер". У Де Мази был в этом деле брат; пылкий молодой корсиканец был бы ближе к своей родине и, возможно, получил бы назначение на службу в свой дом. Они оба были выдвинуты в сентябре, но назначение было произведено только в конце октября. Из-за долгой задержки Буонапарте был доведен до крайней нищеты, его единственным ресурсом были двести ливров, выделенные из фондов школы каждому из ее учеников до тех пор, пока они не достигнут звания капитана. Вероятно, и согласно общепринятому мнению, он путешествовал за счет своего товарища и в его компании. Их скудные средства были истощены мальчишеским разгулом в Лионе, и они пешком отмерили оттуда долгие лиги до места назначения, прибыв в Валанс в начале ноября.

Рост абсолютизма в Европе с самого начала был обусловлен использованием королями постоянных армий и последующим союзом между короной, которая была казначеем, и народом, поставлявшим солдат. Между короной и дворянством существовал постоянный конфликт из-за привилегий, постоянные трения между дворянством и народом из-за пережитков феодальных отношений. Это сильное и плодотворное противостояние между тремя сословиями закончилось, наконец, победой королей. Таким образом, со временем армия стала уже не просто опорой монархии, но частью ее морального организма, разделяющей ее добродетели и пороки, ее слабость и ее силу, отражающей, как в зеркале, истинное состояние государства в той мере, в какой оно олицетворялось в короле. Французская армия в 1785 году находилась в плачевном положении. С консолидацией классов в старом монархическом обществе случилось так, что при господствующей добровольной системе никто, кроме людей из низшего социального слоя, не мог записываться в армию. Казармы и лагеря превратились в школы порока. "Есть ли, — воскликнул один из тех, кто позднее активно участвовал в реформе армии, - есть ли отец, который не содрогается, бросая своего сына не на произвол судьбы в войне, а на милость толпы негодяев, в тысячу раз более опасных?"

Мы уже имели представление о характере офицеров. Их первой мыслью было общественное положение и удовольствия, долг и профессиональная практика были соображениями почти исчезающей важности. Дела в центральном управлении обстояли не хуже. Ни организация, ни оборудование, ни комиссариат не были в состоянии обеспечить точность или оперативность в работе машины. Полк Ла Фер был всего лишь образцом

целого. "Танцы три раза в неделю, - говорится в рекламе для новобранцев, - дважды ракетки, а в остальное время кегли, база для заключенных и строевая подготовка. Здесь царят удовольствия, каждому мужчине платят самую высокую зарплату, и со всеми хорошо обращаются". Доход Буонапарте, состоящий из его жалованья в восемьсот, провинциального пособия в сто двадцать и школьной пенсии в двести, составлял, в общей сложности, тысячу сто двадцать ливров в год; его необходимые расходы на питание и ночлег составляли семьсот двадцать, оставляя менее тридцати пяти ливров в месяц, около семи долларов, на одежду и карманные расходы. Пятнадцать лет в звании лейтенанта, пятнадцать в звании капитана и до конца жизни получать половинное жалованье с наградами — таково было краткое изложение перспективы, открывавшейся перед обычным заурядным офицером в подобной ситуации. Тем временем его с комфортом поселили у доброй старой души, бывшего трактирщика по имени Бу, чья дочь, "достигшая определенного возраста", по-матерински заботилась о молодом жильце. В свои утомительные годы изгнания император вспоминал о своей службе в Валенсии как о бесценной. Артиллерийский полк Ла-Фер, по его словам, был непревзойденным по личному составу и подготовке; хотя офицеры были слишком стары для эффективной работы, они были преданны и относились по-отечески; молодежь проявляла свой остроумный сарказм ко многим, но они любили их всех.

В первые месяцы своей гарнизонной службы Бонапарте, будучи подмастерьем, сталкивался с тяжелой службой в мелочах, но он полностью отбросил мрачность и сдержанность своего характера, испив до краев чашу удовольствия. Десятого января 1786 года он, наконец, был произведен в лейтенанты. Новизна, отсутствие ограничений, сравнительная эмансипация от высокомерия и пренебрежительного отношения, которым он до сих пор подвергался, хорошие новости от семьи с Корсики, чьи надежды на наследство вновь возросли, — все это вместе взятое на какое-то время опьянило шестнадцатилетнего мальчика. Самая сильная воля не может вечно подавлять буйство зарождающейся мужественности. Были балы, а с ними и первый опыт галантности. Молодой офицер даже брал уроки танцев. Более того, в гостиных аббата Сен-Руфа и его друзей он впервые увидел манеры и услышал разговоры утонченного общества — провинциального, конечно, но превосходного. Своим теплым приемом он был обязан особой благосклонности монсеньора де Марбефа, епископа Отенского. Там завязались знакомства с местными влиятельными людьми, которые в последующие годы пожали богатый урожай за свое снисхождение к молодому незнакомцу. В двух прекрасных семьях он был желанным и близким гостем - у Лобери и Коломбье. В обеих были дочери. Его знакомство с мадемуазель Дж. де Лобери принадлежал к тем, кто уважал ее характер и ценил ее красоту. В 1805 году она была назначена фрейлиной императрицы, но отказалась от назначения из-за своих обязанностей жены и матери. В интимных отношениях с мадемуазель Дж. дю Коломбье здесь было больше кокетства. Она была на год старше и жила в поместье своей матери в нескольких милях от города. Руссо ввел в моду долгие прогулки и жизнь под открытым небом. Частые визиты Наполеона к Каролине были отмечены юношеской веселостью и зарождающейся любовью. Они провели много невинных часов в полях и саду замка и с сожалением расстались. Их дружба продолжалась даже после того, как она стала мадам де Брессье, и они долгие годы тесно переписывались. Со своими товарищами-офицерами он виделся мало, хотя регулярно ел за столом "Трех голубей", где лейтенанты готовили свою трапезу. Это было не потому, что они отдалились друг от друга, а потому, что у него не было таланта к дружескому общению, и привычка к безразличию к своим товарищам окрепла в нем.

Период наслаждения был недолгим. Невозможно судить, было ли это небольшое потакание своим желаниям слабым отступлением от железной цели или частью определенного плана. Первое более вероятно, настолько резким и, по-видимому, мучимым угрызениями совести было возвращение к труду. Его склонности и искренние надежды сочетались в стремлении к Корсике. [\[12\]](#) Было горьким разочарованием, что по армейским уставам он должен отслужить год в звании второго лейтенанта, прежде чем ему может быть предоставлен отпуск. Словно желая компенсировать себя и свою тоску по дому и семье, он обратился за помощью к молодому корсиканскому художнику по имени Понторнини, который в то время жил в Турноне, в нескольких милях отсюда. Этой дружбе мы обязаны первым подлинным портретом Буонапарте. На нем изображен поразительный профиль с хорошо очерченным ртом, а выражение серьезности удивительно для такого молодого натурщика. Лицо отражает прилежный ум. Даже в течение месяцев с ноября по апрель он не забросил полностью свои любимые занятия, и снова Руссо был их спутником и проводником. В "небольшом исследовании о Корсике", датированном двадцать шестым апреля 1786 года, самой ранней из его рукописей, он с одобрением отзывается об Общественном договоре Руссо, и последнее предложение таково: "Таким образом, корсиканцы смогли, повинувшись всем законам справедливости, сбросить иго Генуи и могут сделать то же самое с игом французов. Аминь". Но весной это был знаменитый в то время, но с тех пор забытый аббат Рейналь, последователем которого он стал. На первый взгляд кажется, что учеба Бонапарта была нерегулярной и бессистемной. Принято приписывать детству и юности слабую наблюдательность и неопределенные цели. Это мнение может быть правильным в основном и, если уж на то пошло, было бы верно в отношении огромной массы взрослых. Но чем больше мы узнаем о психологии из автобиографий, тем более очевидным кажется, что многие великие жизненные планы были сформированы в детстве и с несгибаемой строгостью доведены до конца. Сознательно ли Бонапарт определял курс своего изучения и чтения или нет, в нем присутствует единство от начала до конца.

После первых грубых начинаний в его работе наметились две почти параллельные линии. Первой было приобретение того, что было необходимо для профессиональной практики — не более того. Никто не мог бы быть солдатом ни в армии, ни на флоте без практических знаний истории и географии, ибо земля и ее обитатели в особом смысле являются элементами военной деятельности. Ни укрепленные города, ни укрепленные лагеря, ни любая из многочисленных обязанностей полководца на поле боя не могут быть выполнены без науки о количестве. Именно этим вещам, и именно в той мере, в какой они были практичными, смуглый, амбициозный мальчик был готов учиться. Орфография, грамматика, риторика и философия его не интересовали; ни он, ни его сестра Элиза, две сильные натуры в семье, никогда не умели правильно и легко произносить какие-либо слова или писать с риторическим изяществом. Среди личных работ его юности есть только одно сколько-нибудь важное математическое исследование; остальные либо тривиальны, либо имеют какое-то практическое отношение к проблемам артиллерийского дела. Когда он учился в Бриенне, его покровитель подтвердил, что его не интересуют достижения и у него их нет. Так было до конца. Но была и другая отрасль знаний, столь же практичная, но в то время необходимая столь немногим, что ее не преподавали и не изучали в школах, — искусство политики. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА VI.

ЧАСТНАЯ УЧЕБА И ГАРНИЗОННАЯ ЖИЗНЬ.

Наполеон как изучающий политику — Природа политического учения Руссо — Аббат Рейналь — Наполеон стремится стать историком Корсики — Первая любовь Наполеона — Его представления о политологии — Книги, которые он читал — Наполеон в Лионе — Его перевод в Дуэ — Жертва меланхолии — Возвращение на Корсику.

1786-87.

В каком-то смысле верно, что первый император Франции был человеком без возраста и без страны; в другом смысле он, как немногие, был ребенком своего окружения и своего времени. Изучение политики было его собственным понятием; содержание и метод исследования были обусловлены его отношением к европейской мысли XVIII века. Он, очевидно, надеялся, что его военные и политические достижения однажды достигнут кульминации в его грандиозной карьере. Миру и, вероятно, ему самому казалось, что славный период консульства был реализацией этой надежды. Те годы его жизни, которые кажутся такими, на самом деле были наименее успешными. Неразумность его политических наставников и темперамент того времени объединились, чтобы помешать достижению этой амбициозной цели и свести на нет все его достижения.

Руссо привлекал молодежь того времени всем — пленительным стилем, убедительной логикой, чувством поэта, силой пророка. Уроженца Корсики вдвойне привлек бы к нему его интерес к этому романтическому острову. Сидя у ног такого учителя, молодой ученый с помощью убедительных аргументов узнал бы о пороках уходящего социального государства так, как они не были продемонстрированы нигде. Он увидел бы опасности церковной власти, феодальных привилегий, абсолютной монархии; он увидел бы их пагубное влияние на проституцию не только социальной, но и личной морали; он познакомился бы с необходимостью обновления институтов как единственного средства возрождения общества. Все эти уроки имели бы неоценимую ценность. С другой стороны, когда дело дошло бы до замены негативной критики позитивным обучением, он не узнал бы ничего ценного и многого, что было бы наиболее опасным. При полном пренебрежении здравым историческим методом в качестве краеугольного камня новой политической структуры была установлена фикция самого предательского рода. Бонапарт в своих заметках, написанных по ходу чтения, демонстрирует свое презрение к этому в замечательном опровержении фундаментальной ошибки Руссо относительно естественного состояния следующим замечанием: "Я верю, что человек в естественном состоянии обладал той же силой ощущения и разума, что и сейчас". Но если он не принимал посылок, то была часть вывода, которую он воспринял с жадностью, самый опасный момент во всей системе Руссо; а именно, доктрина о том, что вся власть исходит от людей не из-за их природы и исторической организации в семье и сообщества, а из-за соглашения отдельных лиц обеспечивать общественный порядок, и что, следовательно, данное согласие они могут отозвать, созданный ими порядок они могут разрушить. В этом заключался не только

зародыш, но и вся система крайнего радикализма, суть, содержание и итог Французской революции с ее крайней и доктринерской стороны.

Руссо был пророком и предтечей нового общественного устройства. Схема применения его принципов содержится в работе, которая носит имя очень посредственного человека, аббата Рейналя, человека, пользовавшегося в свое время обширной и блестящей репутацией, которая сейчас, кажется, имела лишь хрупкую основу в виде незаслуженных преследований и дружбы высших людей. В 1770 году анонимно появился том, составителем которого, как было широко известно, он был. "Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в Обеих Индиях" представляет собой сборник выдержек из многих источников и коротких эссе блестящих знакомых Рейналя о суевериях, тирании и подобных темах. Известный автор писал для общедоступных изданий и опубликовал несколько работ, ни одна из которых не привлекла внимания. Поразительный успех этого произведения не был бы чем-то примечательным, если бы, как теперь полагают некоторые критики, по крайней мере треть текста принадлежала Дидро. Как бы то ни было, положение Рейналя как литератора сразу же стало первостепенным, и второе издание, опубликованное под его именем в 1780 году, приобрело такой размах, что власти встревожились. Кульминация его славы была достигнута, когда в 1781 году его книга была публично сожжена, а составитель бежал в изгнание.

К 1785 году буря наконец утихла, и хотя он еще не вернулся во Францию, предполагается, что благодаря дружбе мадам. благодаря дю Коломбье, дружелюбной покровительнице молодого лейтенанта, между великим человеком и его начинающим читателем установилось общение. [\[13\]](#) "Еще нет восемнадцати" - это поразительные слова в письме, написанном Буонапарте: "Я писатель: это возраст, когда мы должны учиться. Подвергнется ли моя смелость вашим насмешкам? Нет, я уверен. Если снисходительность - признак истинного гения, вы должны быть очень снисходительны. Прилагаю первую и вторую главы "Истории Корсики" с кратким изложением остальных. Если вы одобрите, я продолжу; если вы посоветуете мне остановиться, я не пойду дальше ". Письмо молодого историка изобилует плохой орфографией и грамматикой, но оно пропитано духом его эпохи. Насколько известно, глав в том виде, в каком они попали в руки Рейналя, не существует, и потомки никогда не смогут судить, насколько монументальной была уверенность их автора. Ответ аббата был добрым, но он посоветовал послушнику завершить свои исследования, а затем переписать свои произведения. Бонапарте не отказался воспользоваться полученными советами: вскоре после этого, в июле 1786 года, он дал два заказа женевскому книготорговцу: один - на книги о Корсике, другой - на мемуары мадам. де Варенс и ее слуга Клод Анэ, которые являются своего рода дополнением к "Исповеди" Руссо.

В мае того же года он со значительной полнотой изложил свои представления об истинных отношениях между Церковью и государством. Он читал ответ Рустава Руссо и, очевидно, был подавлен необходимостью подчинения церковной власти светской. Статья грубая и неполная, но она показывает, откуда он черпал свою политику в отношениях с Папой Римским и Римской церковью во Франции. Это очень несправедливо было названо попыткой опровержения христианства: ничего подобного в этом нет. Церковность и христианство безнадежно перепутались в его сознании, и он использует эти термины как взаимозаменяемые в академической и полемической дискуссии, чтобы доказать, что теория общественного договора должна разрушить всякое церковное принятие верховной власти в государстве.

Некоторые из свободных дней были потрачены не только на чтение романов, как император впоследствии признался мадам де Ремюза, но и на попытки написать роман, чтобы развеять скуку праздных часов. Говорят, что первый и последний Буонапарте прочитал "Вертера" пять раз от начала до конца. Среди его мальчишеских каракулей сохранилось достаточно, чтобы показать, насколько фантастичными были мечты о любви и славе, которым он предавался. У многих возникло подозрение, что среди зимнего веселья он действительно пал духом или думал, что пал, и получил отвращение. По крайней мере, в своем "Диалоге о любви", написанном пять лет спустя, он говорит: "Я тоже когда-то был влюблен", и продолжает, через несколько строк, осуждать это чувство как вредное для человечества, от чего Богу было бы хорошо избавить его. Возможно, это относилось к его первой встрече и разговору с куртизанкой в Париже, которые он описывает в одной из своих статей, но это вряд ли вытекает из контекста, который не связан с удовлетворением сексуальной страсти. То, о чем он говорит, говорит о более благородных чувствах, и, кажется, за все это время не было такой хорошей возможности для распутства, как та, которой он наслаждался во время своего мальчишеского знакомства с мадемуазель. Caroline du Colombier. Во всяком случае, ей посчастливилось благодаря этому предположению занять место в истории не просто как первой подруге Наполеона, но и как объекту его первой чистой страсти.

Но таково было его призвание; настоящим занятием его времени была учеба. Помимо повторного прочтения основных работ Руссо и изучения работ Рейналя, своего самого любимого автора, он также много читал в работах Вольтера, Филанджиери, Неккера и Адама Смита. С записной книжкой и карандашом он извлекал информацию, комментировал и критиковал, его ум был настороже, и все способности были направлены на четкое понимание рассматриваемого предмета. К концепции государства как частной корпорации, которую он перенял у Руссо, теперь добавилась убежденность в том, что институты Франции больше не приспособлены к занятиям, верованиям или морали ее народа и что революция была необходимостью. Судя по мемуарам, представленным несколько лет спустя Лионской академии, он, должно быть, почти полностью усвоил учение "Двух Индий".

Всепоглощающее рвение к учебе со стороны этого непостижимого юноши, вероятно, не имеет себе равных. Начитавшись в детстве Плутарха, он теперь поглощал Геродота, Страбона и Диодора; Китай, Аравия и Индия ослепляли его воображение, и все, что он мог достать о Востоке, было вскоре усвоено. Затем его внимание привлекли Англия и Германия, и к концу учебы он с жаром принялся изучать мельчайшие подробности французской истории. Более того, его занимала историческая наука, а не литература— сухие сведения о доходах, ресурсах и институтах; Сорбонна, булла Unigenitus и история церкви в целом; характер народов, происхождение институтов, философия законодательства — все это он изучал, и, если фрагменты его заметок заслуживают доверия, а они, несомненно, таковыми являются, с некоторой тщательностью. Он также находил время для чтения шедевров французской литературы и великих критических суждений, которые были вынесены по их поводу. [\[14\]](#)

Приятная и прилежная жизнь в Валенсе вскоре закончилась. В начале августа 1786 года в Лионе вспыхнуло небольшое восстание, известное как "Восстание двух центов", вызванное забастовкой шелкоткачей из-за повышения зарплаты на два цента на элл и бунтом владельцев таверн против введения "Банвина", древнего феодального права, взимающего высокий налог с продажи вина. Соседним гарнизонам было приказано предоставить свои

соответствующие квоты на подавление восстания. Рота Буонапарте была послана в числе других, но те, кто ранее находился на местах, проявили активность, несколько рабочих были убиты, и беспорядки уже были подавлены, когда он прибыл. Дни, проведенные им в Лионе, были настолько приятными, что, как он писал своему дяде Фешу, он с сожалением покинул город, "чтобы следовать своей судьбе". Его полк получил приказ двигаться на север, в Дуэ во Фландрии; он вернулся в Валенсию и прибыл в этот город примерно в конце августа. Номинально его отпуск начался первого октября, но для корсиканских офицеров была добавлена месячная отсрочка, так что он мог уйти первого сентября.

Время, проведенное под летним небом севера, было бы достаточно унылым, если бы он регулярно получал новости из дома. Совершенно безуспешно попытавшись найти занятие на Корсике и потеряв надежду в том, что касается Франции, Джозеф некоторое время назад обратил свой взор на Тоскану в поисках возможной карьеры. Теперь он собирался предпринять последнее усилие и лично обратиться в столицу Тосканы за официальным признанием с целью повторного изучения своего родного языка, ныне почти забытого, и последующего получения работы любого рода, которую могли предложить в стране его рождения. Архидьякон Люсьен был серьезно болен, а генерал Марбеф, последний влиятельный друг семьи, умер. Луи была обещана стипендия в одном из королевских артиллерийских училищ; лишенный своего покровителя, он, вероятно, потерял бы назначение. Наконец, денежные дела г-жи де Бонапарт снова оказались запутанными и теперь казались безнадежными. Какое-то время она получала ежегодную государственную премию за выращивание тутовых деревьев, поскольку Франция внедряла на острове культуру производства шелка. Инспекторы осудили работу, сделанную в этом году, и удерживали значительную часть пособия. Таковы были факты, и они, вероятно, дошли до Наполеона в Валенсии; несомненно, знание о них положило конец всей его беззаботности и занятиям историей или политикой. Он немедленно приготовился воспользоваться своим отпуском, чтобы немедленно отправиться на помощь своей матери.

Подавленный и встревоженный, он впал в хандру, стал несчастным и подхватил легкую малярийную лихорадку, которая в течение следующих шести или семи лет так и не ослабила полностью своей власти над ним. Среди его бумаг недавно была найдена длинная, дикая, пессимистическая рапсодия, на которую уже делались ссылки и в которой говорится о самоубийстве. Это жалоба на вырождение людей, на разрушение французской оккупацией первобытной простоты на Корсике, на его собственную изоляцию и на его страстное желание еще раз увидеть своих друзей. Жизнь больше не имеет смысла; его страны больше нет, патриоту не для чего жить, особенно когда у него нет удовольствия, а все - боль, когда характер окружающих для него такой же, как лунный свет для солнечного света. Если бы на его пути стояла хотя бы одна жизнь, он бы похоронил мстительный клинок своей страны и ее нарушенные законы в лоне тирана. Некоторые из его жалоб были еще менее последовательными, чем эта. Абсурдно воспринимать это болезненное излияние всерьез, за исключением того, что оно доказывает, что его автор был жертвой сентиментального эгоизма, в который выродились психологические исследования восемнадцатого века, и предполагает, что, возможно, если бы он не был Наполеоном, он мог бы быть Вертером. Хотя датировано третьим мая, год не указан, и оно вполне может описать чувства писателя в любой период уныния. Вероятно, предшествующей весной такого душевного состояния у него не возникало, но, возможно, оно было написано уже тогда как облегчение от сдерживаемых чувств, которые не проявлялись на поверхности; или, возможно, в какой-то более поздний год, когда им овладели муки страдания за себя и свою семью. В любом случае

это выражает горькую меланхолию, какую испытал бы мальчик, оказавшийся лицом к лицу с нуждой.

В Валансе Наполеон навестил своего старого друга аббата Сен-Руфа, чтобы заручиться благосклонностью Люсьена, который, покинув Бриенну, не желал изучать ничего, кроме гуманитарных наук, и был полон решимости стать священником. В Эксе он повидался со своим дядей Фешем и братом. Говорят, что в Марселе он засвидетельствовал свое почтение аббату Рейналю, обратившись за советом и ища дальнейшего поощрения в своих исторических трудах. Это очень сомнительно, поскольку нет никаких записей о возвращении Рейналя во Францию до 1787 года. Проживание в этом городе, как следует из меморандума к его бумагам, у М. Аллард, он, должно быть, вскоре нашел судно, плывущее к месту назначения, потому что он быстро прибыл в Аяччо, прибыв в этот город ближе к середине месяца, если бы на путешествие было потрачено обычное время. Таков, по-видимому, наиболее вероятный рассказ об этом периоде, хотя наши знания неполны. В архивах Дуэ, по словам анонимного местного историка, есть запись о присутствии Бонапарта в этом городе с полком Ла Фер, и цитируется, что он заявил на Эльбе сэру Нилу Кэмпбеллу, что его послали туда. Но в "Эпохах моей жизни" он писал, что выехал из Валенсии первого сентября 1786 года в Аяччо и прибыл пятнадцатого. Взвесив вероятности, кажется вероятным, что последнее было сомнительным, поскольку существует лишь ничтожная вероятность того, что он был в Дуэ в следующем году, единственная другая гипотеза, и не существует никаких записей о его деятельности на Корсике до весны 1787 года. Хронология этих двух лет до сих пор остается неизвестной, и вполне возможно, что он отправился со своим полком в Дуэ, там заразился малярией и фактически получил отпуск только первого февраля последнего года. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА VII.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПОПЫТКИ УСТАНОВИТЬ АВТОРСТВО.

Бедственное положение семьи Бонапарте — Попытки Наполеона облегчить их — Домашнее обучение — Его история и рассказы — Визит в Париж — Возобновленные петиции правительству — Больше авторских прав — Продление его отпуска — Семейное положение отчаянное — История Корсики завершена — Ее стиль, мнения и ценность — Неспособность найти издателя — Чувства, выраженные в его рассказах — Нарушения Наполеона как французского офицера — Его жизнь в Оксоне — Его тщетное обращение к Паоли — История, посвященная Неккеру.

1787-89.

Когда Наполеон прибыл в Аяччо и после восьмилетнего отсутствия снова был со своей семьей, он обнаружил, что их дела находятся в тяжелом состоянии. Не осталось ни одного из старых французских чиновников; дипломатическая мягкость оккупации уступала место официальной строгости постоянного владения; соответственно, недовольство остатков патриотов в народе медленно перерастало в широко распространенное недовольство.

Жозеф, наследственный глава семьи, которая была насквозь французской по поведению и, как предполагалось, придерживалась таких же настроений, которые, по крайней мере, рассчитывали на дальнейшие милости короля, все еще оставался убежденным роялистом. Потерпев неудачу во всех других направлениях, он теперь пытался установить торговые связи с Флоренцией, которые позволили бы ему заняться торговлей маслом. Он надеялся, что скромное начало будет положено. Настало время, ибо единственной опорой его матери и ее детей, не сумевших получить обещанную субсидию на ее шелковичные плантации, были доходы старого архидьякона, который теперь был прикован к своей комнате и с каждым днем слабел из-за приступов подагры. К сожалению, благонамеренные усилия Джозефа снова ни к чему не привели.

Поведение бледного, лихорадочного, властного молодого лейтенанта не заслуживало похвалы. Он наполнил дом своей новомодной философией и напустил на себя важный вид. Среди его бумаг, написанный его собственным почерком, есть чистый бланк для привлечения новобранцев. Очевидно, у него было негласное соглашение либо с самим собой, либо с другими, чтобы заполучить часть прекрасной корсиканской молодежи в полк Ла Фер. Но нет никаких свидетельств о каком-либо успехе этого предприятия. Среди писем, которые он написал, было одно, датированное первым апреля 1787 года, известному доктору Тиссо из Лозанны, в котором говорилось об интересе его корреспондента к Паоли и спрашивался совета относительно лечения подагры каноника. Врач так и не ответил, и послание было найдено среди его бумаг с пометкой "без ответа и не представляет особого интереса". Старый священнослужитель выслушал патриотические тирады своего племянника и даже одобрил их; мадам де Бонапарт холодно не одобрила. Она предпочла бы более спокойный, действенный здравый смысл. Не то чтобы ее сын бездействовал в ее интересах; напротив, он начал серию оживленных представлений провинциальным чиновникам, которые обеспечили семье некоторую доброжелательность и даже незначительную услугу. Но в остальном результаты были неудовлетворительными, так как деньги за шелковицу выплачены не были.

Рвение Наполеона к учебе ни в малейшей степени не ослабевало в домашней атмосфере. Жозеф в своих воспоминаниях говорит, что воссоединившаяся семья была счастлива, несмотря на трудности. Их общение приносило взаимную радость, и его долго отсутствовавший брат наслаждался удовольствиями как дома, так и на природе, столь соответствующими его чувствам и вкусам. Самой важной частью багажа Наполеона, по-видимому, были книги, документы и ведомости, которые он привез с собой. Говорили, что у него были коллекции на Корсике. Джозеф говорит, что у него также были классические произведения французской и латинской литературы, а также философские труды Платона; точно так же, по его мнению, были Оссиан и Гомер. В "Беседе", представленной немногим позже Лионской академии, и в беседах на острове Святой Елены Наполеон упоминает о том, как он наслаждался природой в то время; о часах, проведенных в гроте, или под величественным дубом, или в тени оливковых рощ, во всех уголках печально запущенного сада Миллели, расположенного на некотором расстоянии от дома и принадлежащего его матери; о его прогулках по лугам среди мычащих стад; о его блужданиях по берегу на закате, о его возвращении при лунном свете и о нежной меланхолии, которая непрошеною неволей охватила его. Он наслаждался воздухом Корсики, запахом ее земли, пряным бризом ее зарослей, он узнал бы свой дом с закрытыми глазами, а с открытыми он находил его земным раем. И все же все это время он был занят, очень занят, частично хорошим чтением,

частично изучением истории и в значительной степени практическим ведением семейных дел.

По мере приближения срока возвращения на службу становилось ясно, что мать с семьей из четырех беспомощных маленьких детей, которые серьезно отнимали у нее время и кошелек, не могла остаться без поддержки, по крайней мере, одного старшего сына; и теперь Джозеф собирался искать счастья в Пизе. Соответственно, Наполеон с методичной тщательностью составил два сохранившихся документа: меморандум о том, как должно быть подано заявление о продлении отпуска по болезни, а также саму форму заявления, которую, без сомнения, он скопировал. Во всяком случае, он подал заявление, сославшись на плохое самочувствие, о продлении отпуска на пять с половиной месяцев. Это было удовлетворено, и обычный круговорот семейных забот продолжался, но дни и недели не приносили облегчения. У него было слабое здоровье, и, возможно, этого было достаточно, чтобы оправдать это заявление, но физическая лихорадка усиливалась из-за ограничений, которые нужда накладывала на честолюбие. Страсть к авторству заявляла о себе с неослабевающей силой. История Корсики была возобновлена, переработана и энергично продолжена, в то же время писатель завершил рассказ под названием "Граф Эссекс" — разумеется, с английским сюжетом - и написал корсиканский роман. Последний полон горечи по отношению к Франции, самой мощной силой в развитии сюжета является кинжал. Автор использует французский язык, хотя и проще, но все же очень несовершенно. Также было завершено небольшое эссе, или, скорее, рассказ, в стиле Вольтера, под названием "Пророк в маске".

В начале осени поступило сообщение, что многие полки должны быть мобилизованы для прохождения специальной службы, в том числе в Ла-Фер. Это дало Наполеону именно ту возможность, которую он желал, и он немедленно покинул Корсику, не ссылаясь на окончание своего отпуска. Он прибыл в Париж в октябре, за две недели до назначенного срока. Его полк все еще находился в Дуэ: возможно, он провел с ним в этом городе несколько дней. Но в этом нет уверенности, и вскоре после этого его перевели в Сен-Дени, ныне почти пригород Парижа; он предназначался для службы в западной Франции, где зарождающиеся беспорядки предвещали надвигающуюся бурю. В конце концов его пункт назначения был изменен, и ему было приказано отправиться в Оксон. Генеральные штаты Франции собирались встретиться впервые за сто семьдесят пять лет; в последний раз они встречались в 1614 году и разошлись в беспорядке. Теперь их называли отчаянным средством, непонятным, но, по крайней мере, неиспробованным, от все возрастающих затруднений; и правительство, опасаясь еще больших беспорядков, готовилось подавлять любые, которые могли вспыхнуть в районах, известных как особенно недовольные. Все это, по-видимому, имело второстепенное значение для молодого Бонапарта; у него был план использовать кризис на благо своей семьи. Вынужденный к крайней нужде на момент смерти своего отца, он временно и по этому случаю взял на себя роль просителя своего отца. Теперь он во второй раз подал прошение. Оно было написано в Париже, датировано девятым ноября 1787 года и адресовано от имени его матери интенданту Корсики, проживающему во французской столице. Его имя и положение, должно быть, имели определенный вес, это не могло быть простой наглостью авантюриста, которая обеспечила ему слушание в Версале, беседу с премьер-министром Ломени де Бриенни допуск ко всем мелким чиновникам, которые могли иметь дело с иском его матери. Он заявляет, что пользовался всеми этими привилегиями, и заявления, должно быть, были правдой. Петиции предшествовало личное письмо, содержащее их. Хотя по форме это просьба, она не похожа

на скромные и почти пресмыкающиеся документы его отца, являясь скорее требованием справедливости, чем прошением о милости; она не похожа на них в другом отношении, потому что содержит ложь или, по крайней мере, вводящую в заблуждение полуправду: заявление о том, что он сократил свой отпуск из-за неотложных нужд своей матери.

Документ был вручен только по истечении срока его отпуска, и его истинной целью было не возвращение в свой полк, как намекалось в нем, а добиться повторного продления отпуска. Дисциплина была настолько ослаблена, что он провел весь ноябрь и первую половину декабря в Париже. В этот период он познакомился с темной стороной парижской жизни. Статьи, пронумерованные под номерами четыре, пять и шесть в коллекции Феша, дают довольно подробный отчет об одном приключении и его горьком раскаянии. Вторая предполагает написание истории как противоядия от несчастья, а последняя представляет собой длинные, бессвязные излияния в осуждении удовольствий, страсти и распущенности; галантности как совершенно несовместимой с патриотизмом. Его знакомство с историей исчерпывается примерами. Еще одно короткое излияние, которое может относиться к тому же периоду, представлено в форме воображаемого письма, также пропитанного корсиканским духом, адресованного королем Теодором Уолполу. Это не имеет особой ценности или значения, за исключением того, что, возможно, предвосхищает влияние на воображение Наполеона безграничного гостеприимства Англии к политическим беглецам, таким как Теодор и Паоли.

Лейтенант Буонапарте оставался в Париже до тех пор, пока ему не удалось добиться разрешения провести следующие шесть месяцев на Корсике за свой счет. Он был столь же неискренен в своей просьбе к военному министру, как и в своем меморандуме интенданту Корсики, заявив, что владения Корсики вот-вот соберутся и что его присутствие необходимо для защиты важных интересов, которые в его отсутствие были бы серьезно скомпрометированы. Что бы ни означала такая просьба, его серьезные заботы как настоящего главы семьи всегда были превыше всего и никогда не оставались без внимания. Луи, как и опасались, потерял свое назначение и, хотя еще не достиг совершеннолетия, на самом деле был слишком стар, чтобы ждать другой вакансии; Люсьен был полон решимости в любом случае покинуть Бриенну и остаться в Эксе, чтобы воспользоваться первым представившимся шансом поступить в семинарию. Наполеон предусмотрел какие-то меры - какие именно, неизвестно — для дальнейшего временного пребывания Людовика в Бриенне, а затем взял Люсьена с собой, поскольку их маршрут пролегал вместе. Первого января 1788 года он снова добрался до своего дома.

Наконец дела семьи пришли в полное отчаяние и, более того, скорее всего, будут ухудшаться, прежде чем они наладятся. Старый архидьякон с каждым днем терпел неудачу, и, хотя было известно, что у него есть средства, он объявил, что у него нет наличных денег. С его смертью исчезла бы часть его доходов; его наследство и сбережения, которые Буонапарты, конечно, надеялись унаследовать, были неопределенным количеством, вероятно недостаточным для нужд такой семьи. Деньги малберри все еще не были выплачены; всякая надежда отобрать родовые поместья у государственных властей была похоронена; Джозеф остался без работы и, в качестве последнего средства, учился в Пизе, чтобы поступить в коллегия адвокатов. Луи и Люсьен были тяжким бременем для каждого; доходов Наполеона было недостаточно даже для его собственных скромных нужд, хотя они и регулировались строжайшей экономией. Кто бросит камень в непостоянного юношу, которому еще нет девятнадцати, обремененного такими заботами, но охваченного

честолюбием и пропитанного романтической сентиментальностью своего времени? Некоторое представление о его смущении и отчаянии можно получить из быстрого обзора его психического состояния и соответствующих фактов. Ярый республиканец и революционер, он был связан крепчайшими узами с самой деспотической монархией в Европе. Патриотичный корсиканец, он был слугой угнетателя своей страны. Сознывая свои большие способности, он искал отдушину в занятиях литературой - занятии, совершенно не соответствующем его способностям. Глава и опора большой семьи, он был почти без гроша в кармане; если бы он следовал своим убеждениям, то и он, и они могли бы стать такими же. В период выбора и необходимости простора для экспериментов он считал себя обреченным на неизменную, бесславную карьеру и запертым в рамках неблагоприятных обстоятельств. Какова бы ни была моральная ущербность его жалких затей, в их характере есть пафос человеческой ограниченности.

Независимо от того, было ли решение принято задолго до этого, или оно было сформировано недавно, Наполеон теперь намеревался сделать так, чтобы слава и прибыль шли рука об руку. Собрание корсиканских сословий было, насколько известно, полностью забыто, и авторство было возобновлено не просто с пылом того, кто пишет по склонности, но и с обычной рутинной работой ремесленника. Несмотря на все разочарования, он предстал перед гостем из своей семьи, который по-прежнему считался самым преданным на острове французской монархии, потому что был так любим ею, поскольку был "полон живости, быстр в речи и движениях, его ум, очевидно, усердно работал, переваривая схемы и формируя планы, и гордо отвергал любое другое предположение, кроме того, что принадлежало его собственной фантазии. За это невыносимое честолюбие его часто упрекал старший Люсьен, его дядя, сановник церкви. Однако эти увещания, казалось, не произвели никакого впечатления на Наполеона, который воспринял их с усмешкой жалости, если не презрения".^[15] Развлечения разностороннего и своевольного мальчика были бы достаточным занятием для большинства мужчин. Регулируя, насколько это было возможно, сложные дела своей матери, он часто ездил в Бастию, вероятно, чтобы собрать деньги, причитающиеся за проданные молодые тутовые деревья, возможно, чтобы получить материал для своей истории. Во время этих визитов он встречался и обедал с артиллерийскими офицерами расквартированной там роты. Один из них, месье де Роман, убежденный роялист, дал в своих мемуарах поразительный портрет своего гостя.^[16] "Его лицо мне совсем не понравилось, его характер еще меньше; и он был таким сухим и нравоучительным для юноши своего возраста, к тому же французского офицера, что я ни на минуту не допускал мысли подружиться с ним. Мои знания о правительствах, древних и современных, были недостаточно обширны, чтобы обсуждать с ним его любимую тему для разговоров. Поэтому, когда, в свою очередь, я давал обед, что случалось три или четыре раза в том году, я удалился после кофе, предоставив его в руки нашего капитана, гораздо лучше меня способного сразиться с таким доблестным противником. Мои товарищи, как и я, не видели в этом ничего, кроме абсурдного педантизма. Мы даже считали, что этот его повелительный тон бессмыслен, пока однажды он так убедительно не рассуждал о правах наций в целом, о своих собственных в частности, *Stupete gentes!* что мы не могли оправиться от нашего изумления, особенно когда, говоря о собрании их сословий, о созыве которого велись некоторые переговоры и которое г-н де Баррен пытался отсрочить, учитывая промахи своего предшественника, он сказал: "Было очень удивительно, что г-н де Баррен думал помешать им обсудить свои интересы", добавив угрожающим тоном: "Г-н де Баррен не знает корсиканцев; он посмотрит, что они могут сделать". Это выражение выдавало меру его характера. Один из наших товарищей спросил: "Неужели вы обнажите свой меч против

представителя короля?" Он ничего не ответил. Мы холодно расстались, и это был последний раз, когда этот бывший товарищ оказал мне честь отобедать со мной". Принимая все во внимание, этот инцидент демонстрирует чувства и намерения Наполеона. За эти дни он также завершил план обороны Сен-Флорана, Ла-Мортильи и залива Аяччо; составил отчет об организации корсиканского ополчения; и написал доклад о стратегическом значении островов Мадлен. Это была его пьеса; его работой была история Корсики. Книга была закончена раньше, чем он ожидал; стремясь пожать денежный урожай своих трудов и вернуться к своим обязанностям, он был готов к печати, когда во второй половине мая уехал во Францию, чтобы обеспечить ее публикацию. Хотя в своей первой форме она была посвящена могущественному покровителю, монсеньору Марбефу, в то время епископу Санскому, как и многие произведения, вышедшие из-под пера гения, после смерти автора она осталась в рукописи.

Книга была среднего размера и умеренных достоинств. [\[17\]](#) Ее форма, неоднократно изменявшаяся из соображений целесообразности, сначала была формой писем, адресованных аббату Рейналю. В его содержании мало исследований и нет учености. Стил призван быть популярным и является скорее драматичным, чем повествовательным. Как и везде в этих ранних произведениях, здесь проявляется острая ненависть к Франции, пламенная привязанность к Корсике и ее героям. Очень короткого описания одной главы будет достаточно, чтобы охарактеризовать все произведение в целом. Описав в, пожалуй, самом эффектном отрывке карьеру Сампьеро и описав его дипломатические неудачи при всех европейских дворах, за исключением Константинопольского, где он, наконец, заручился сочувствием и получил обещанную помощь, автор изображает горечь патриота, вызванную известием о предательстве его жены. Столкнувшись лицом к лицу со своей виноватой супругой, глухой к любым мольбам о пощаде, ожесточенный нежными ласками своих детей, герой-корсиканец выносит приговор. "Мадам, - строго говорит он, - перед лицом преступления и позора нет другого средства, кроме смерти". Ваннина сначала теряет сознание, но, придя в себя, прижимает своих детей к груди и молит о жизни ради них. Но, чувствуя, что ходатайство бесполезно, она вспоминает о своей прежней добродетели и, оказавшись лицом к лицу со своей судьбой, просит в качестве последнего одолжения, чтобы ни один подлый палач не наложил своих грязных рук на жену Сампьеро, но чтобы он сам привел приговор в исполнение. Поведение Ванины трогает ее мужа, но не трогает его сердца. "Жалость и нежность, - говорит Буонапарте, - которые она должна была пробудить, нашли душу, с тех пор закрытую для силы чувств. Ваннина умерла. Она умерла от рук Сампьеро.

Ни валанские издатели, ни издатели Доля, ни издатели Оксона не согласились принять эту работу. В Париже наконец нашелся тот, кто был готов рискнуть наполовину. Автор, разочарованный, но оптимистичный, был готов принять это предложение и был занят обдумыванием путей и средств, когда его друг епископ Санский внезапно был опозорен. Рукопись была немедленно скопирована и переработана, в результате чего, вероятно, ее тон стал более корсиканским, поскольку теперь она должна была быть посвящена Паоли. Искатель литературы, должно быть, предвидел грядущий крах и, должно быть, чувствовал, что изгнаннику суждено снова стать освободителем и, возможно, хозяином своей родной земли. Во всяком случае, он отказался от идеи немедленной публикации, возможно, в зарождающейся надежде, что как лейтенант Паоли он сможет сделать историю Корсики лучше, чем написать ее. Сохранилась именно эта копия; оригинал, вероятно, был уничтожен.

Другие литературные усилия того лихорадочного времени были не столь успешны, даже в области исторического письма. Эти истории дикие и примитивные; только одна, "Пророк в маске", имеет какую-либо ценность или интерес вообще. Хотя его стиль более закончен, чем у других, он также резок и полон сюрпризов; сцена и персонажи восточные; сюжет - слабая выдумка. Амбициозный и мятежный Амир поражен слепотой и прибегает к серебряной маске, чтобы обмануть своих последователей. Потерпев неудачу, он отравляет их всех, бросает их трупы в ямы с негашеной известью, затем прыгает сам, чтобы обмануть мир и не оставить после себя никаких следов смертности. Его враги верят, как он и желал, что он и его народ были вознесены на небеса. В целом, однако, это смутное предвидение, и заключительные строки басни были сочтены верующими в предзнаменование пророческими. "Невероятный случай! Как далеко может зайти страсть к славе!" Среди бумаг этого периода также есть устав "калотта", тайного общества его полка, организованного для поддержания своих членов на уровне поведения, ожидаемого от джентльменов и офицеров, и множество политических заметок. Один из этих черновых набросков представляет собой проект эссе о королевской власти, призванного рассказать о ее происхождении и показать ее узурпацию, и который заканчивается следующими словами: "Есть лишь несколько королей, которые не заслуживают того, чтобы их свергли".

Различные отлучки Буонапарте из своего полка вплоть до этого времени противоречат нашим современным представлениям о воинском долге. Последующие события кажутся просто необъяснимыми, даже при таком небрежном обслуживании, как при распадающейся династии Бурбонов. Почти сразу после возвращения Жозефа, первого июня, он отплыл во Францию. Он добрался до Оксона, где теперь дислоцировался артиллерийский полк Ла Фер, только в начале того же месяца 1788 года. Он оставался там менее полутора лет, а затем фактически получил еще один отпуск, с десятого сентября 1789 года по февраль 1791 года, который, по его полному намерению, должен был закончиться его уходом с французской службы. [18] Инциденты этого второго периода гарнизонной жизни немногочисленны, но из значительного массива его заметок и упражнений, относящихся к тому периоду, мы знаем, что он внезапно проявил большое рвение в изучении артиллерии, теоретическом и практическом, и что он удвоил свое усердие в изучении исторических и политических наук. В первом направлении он усердно работал и стал экспертом. Со своим инструктором Дютейлем он сблизился, и дружба продлилась всю жизнь. Он был в наилучших отношениях со своим старым другом де Мазе и завязал приятное знакомство с Гассенди. Он был настолько верен мельчайшим деталям своей профессии, что получил знаки высочайшего отличия. Ему еще не исполнилось двадцати, и он был всего лишь младшим лейтенантом, но вместе с шестью офицерами более высокого ранга был назначен членом полковой комиссии по изучению наилучшего использования минометов и пушек при стрельбе снарядами. Либо в это время, либо позже (дата неизвестна) он единолично руководил важными маневрами, проводимыми в честь принца Конде. Об этих почестях он с искренней гордостью рассказал в письме своему двоюродному дедушке от двадцать второго августа. Среди документов Феша есть значительные фрагменты его работ по теории, практике и истории артиллерии. Какими бы устаревшими ни были их содержания, они показывают, насколько терпеливой и тщательной была работа студента, и некоторые из их идей, адаптированных к новым условиям, были его постоянным достоянием, как величайшего мастера артиллерии на пике его славы. Изучая политику, он читал Платона и изучал конституции античности, с жадностью поглощая всю литературу, которую мог найти о Венеции, Турции, Татарии и Аравии. В то же время он внимательно изучал историю Англии и сделал несколько точных наблюдений о состоянии современной политики во Франции.

Последнее разочарование сделало его еще более молчаливым и человеконенавистническим, чем когда-либо; кажется очевидным, что он стремился стать экспертом не на благо Франции, а на благо Корсики. Обвиненный в надзоре за некоторыми незначительными работами на укреплениях, он проявил такую некомпетентность, что фактически был наказан кратковременным арестом. Несчастья по-прежнему преследовали семью. Юноша, которого назначили в Бриенну, когда Людовик ожидал стипендии, внезапно умер. Мадам де Буонапарт была верна семейной традиции и немедленно подала прошение об этом месте, но, как и прежде, безуспешно. Люсьена еще не приняли в Экс; Джозеф, конечно, был адвокатом, но недолго. Наполеон снова, но уже в последний раз, — и с заметным нетерпением, даже с дерзостью, — взялся за дело домогательства. Единственным результатом был добродушный, ни к чему не обязывающий ответ. Тем временем слышались первые слухи о революционном восстании, и спазматические беспорядки, незначительные, но зловещие, вспыхивали не только среди народа, но даже среди королевских войск. Одно из них, в Серре, было вызвано известием о том, что ненавистный и печально известный синдикат, существующий в соответствии со скандальным соглашением с королем, известным как "Сделка голода", осуществлял дополнительные закупки зерна у двух торговцев этого города. Это было в апреле 1789 года. Бонапарте был назначен командиром роты и отправлен на помощь в подавлении бунта. Но все закончилось до того, как он приехал; первого мая он вернулся в Оксон.

Из коллекции У. К. Крейна. Гравировка Хуота.

Шарль Бонапарт,
отец императора Наполеона,
1785 год.

Нарисовано Жироде.

Четыре дня спустя Сословия встретились в Версале. То, что происходило в голове беспокойного, ожесточенного, разочарованного корсиканца, снова стало очевидным. Знаменитое письмо к Паоли, о котором уже упоминалось, датировано двенадцатым июня. Это оправдание его любимой работы как единственного средства, доступного бедному человеку, рабу обстоятельств, для вызова французской администрации на суд общественного мнения, а именно путем сравнения ее с работой Паоли. Готовый столкнуться с последствиями, писатель просит предоставить документальные материалы и моральную поддержку, заканчивая горячими заверениями в преданности от своей семьи, своей матери и от себя самого. Но во многих его словах и предложениях слышен привкус фальшивой монеты. "Позор" тех, кто предал Корсику, был позором его собственного отца; "преданность" семьи Буонапарте была в интересах Франции, чтобы обеспечить бесплатное образование и поддержку своим детям во Франции. "Энтузиазм" Наполеона был холодной, несентиментальной решимостью испытать свою судьбу, что при противоположных принципах было бы достаточно почетно. Позже Люсьен сказал, что он сделал две копии "истории". Вероятно, одна из них сохранилась. Читал ли Паоли книгу, не сообщается. Как бы то ни было, его ответ на письмо Бонапарта, написанный несколькими месяцами позже, не был рассчитан на то, чтобы ободрить будущего историка. Не отказываясь категорически от документов, запрошенных начинающим писателем, он объяснил, что у него не было времени искать их, и что, кроме того, история Корсики важна в каком-либо смысле только из-за людей, которые ее создали, а не из-за ее достижений. Среди других отеческих советов был такой: "Вы слишком молоды, чтобы писать историю. Готовьтесь к такому предприятию медленно. Терпеливо собирайте свои анекдоты и факты. Принимайте мнения других авторов сдержанно". Слово для того, чтобы смягчить суровость его совета, следует нотка скромного самоуничижения: "Хотелось бы, чтобы другие меньше знали обо мне, а я больше о себе. *Исследуйте diu vivimus*; пусть наши потомки будут жить так, чтобы они говорили обо мне просто как о человеке, у которого были добрые намерения".

Последнее изменение в обращении Буонапарте со своей книгой было в высшей степени недостойным и мелочным. С беспринципным негодованием, вызванным отчаянием, из-за нехватки денег, а не советов, он полностью переделал книгу в третий раз, и теперь ее главы в виде фрагментарных преданий вкладываются в уста корсиканского альпиниста. В такой форме он был посвящен Неккеру, знаменитому швейцарцу, который в качестве министра финансов Франции тщетно боролся с проблемой, как равномерно распределить налоги и собрать с привилегированных классов их долю. Копия была сначала отправлена бывшему учителю для критики. Его суждение было чрезвычайно суровым как в отношении выражения, так и стиля. В частности, было обращено внимание на недостаток такой риторики в интересах такого перегруженного работой государственного служащего, как Неккер, и на неуместность вкладывания его собственных метафизических обобщений и придиричливой критики французской королевской семьи в уста крестьянина-горца. Прежде чем закончилась переписка, студенческая жизнь Наполеона подошла к концу. Неккер бежал, Французская революция развивалась со все возрастающей скоростью, и молодой авантюрист, отчаявшись добиться успеха как писатель, ухватился за предоставленную

возможность стать человеком действия. В письме, датированном двенадцатым января 1789 года и написанном в Оксон своей матери, молодой офицер дает мрачный отчет о себе. Окрестные болота и их зловонные испарения сделали это место, по его мнению, совершенно нездоровым. Во всяком случае, он заболел небольшой лихорадкой, которая подорвала его силы и угнетала настроение. Не было никакой немедленной надежды на благоприятный ответ на петицию о выплате денег, причитающихся за тутовую плантацию, потому что "этот несчастливый период во французских финансах яростно затягивает (*sic*) обсуждение нашего дела. Однако давайте надеяться, что мы получим компенсацию за наше долгое и утомительное ожидание и что мы получим полное возмещение ущерба ". Далее он пишет краткий очерк общественных дел во Франции и Европе, с отчаянием говорит о том, что военный совет приготовил для инженеров в результате предлагаемой реорганизации, и заканчивает нежными воспоминаниями о Жозефе и Люсьене, умоляя сообщить новости и напоминая им, что он не получал писем с родины с октября прошлого года. Читатель чувствует, что дело дошло до кульминации и что ученый скоро выйдет на арену революционной деятельности. Достаточно любопытно, что используемый язык - французский; вероятно, это связано с тем, что он предназначался для семьи, а не для соседского круга. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА VIII.

РЕВОЛЮЦИЯ ВО ФРАНЦИИ.

Французская аристократия — Священники, юристы и мелкая знать — Бюргеры, ремесленники и чернорабочие — Интеллектуальное любопытство нации — Раздражающие анахронизмы — Контраст спроса и ресурсов — Знатные люди препятствуют реформам — Ошибки короля — Сословия встречаются в Версале — Придворная партия провоцирует насилие — Падение феодальных привилегий.

1787-89.

Наконец идеи века объявили открытую войну его институтам; их моральное завоевание уже охватило центральную и западную Европу, но первые усилия по их реализации должны были быть предприняты во Франции по той причине, что линию наименьшего сопротивления следовало искать не через самую угнетенную, а через самую свободную и лучше всего образованную нацию на континенте. И духовенство, и дворянство Франции привыкли к поглощению короной своей древней феодальной власти. Они довольствовались высокими должностями в церкви, армии и гражданской администрации с освобождением от уплаты налогов; они были счастливы в прелестях литературы и изящных искусств, в радостях вежливого, потакающего своим желаниям и расточительного общества, настолько искусственного и условного, что для большинства его членов достаточным занятием было изучение и изложение его тривиальных, но сложных обычаев. Ведение и содержание салона, сцена, галантность; одежда, манеры поведения за столом, использование веера: вот примеры того, что считалось не случайностями, а основами жизни.

Серьезно настроенные представители высших классов были такими же просвещенными, как и все представители их ранга в других местах. Они были знакомы с распространенной философией и полны сострадания к страданиям, которые из-за недостатка силы они не могли исправить и которые, к их ужасу, они только усиливали в своих попытках облегчить. Они были даже готовы на значительные жертвы. Благородная сторона характера Людовика XVI - всего лишь отражение набожности, умеренности и серьезности многих дворян. Его правление было мягким; во имя королевской власти не практиковалось чрезмерных унижений, за исключением случаев, подобных "Сделке о голоде", когда он считал себя беспомощным. Низшее духовенство в целом добросовестно выполняло свои обязанности. Этого нельзя было сказать об иерархии. Они были крупными землевладельцами, и их интересы совпадали с интересами высшей знати. Сомнения, связанные со страной, не оставили их нетронутыми, и многие из них были лишены убеждений или принципов, отбывающими срок и непочтительными. Юристов и других профессиональных людей можно было найти, по большей части, в Париже и в других городах. Они зарабатывали себе на жизнь неправильным образом жизни в обществе и, как класс, сохраняли древние обычаи и нынешние социальные привычки. Хотя по рождению они принадлежали в основном к третьему сословию, на самом деле они были дополнением к первому и, следовательно, не являясь неотъемлемыми членами ни того, ни другого, сами по себе образовывали сильный независимый класс. Мелкая знать находилась во многом в одинаковом положении по отношению к богатым, влиятельным семьям в их собственном поместье и к богатым бюргерам; они женились на состояниях последних и принимали их гостеприимство, но в остальном относились к ним с той же исключительной снисходительностью, которую проявляли к себе великие.

Но если сословие духовенства и сословие дворянства были одинаково разделены по характеру и интересам, то в еще большей степени это относилось к бюргерам. В 1614 году, на закате средневековья, третье сословие мало интересовалось сельскохозяйственными рабочими. По разным причинам этот класс постепенно освобождался, пока во Франции не стало меньше крепостного права, чем где бы то ни было; более четверти, возможно, трети земли находилось в руках крестьян и других мелких собственников. Это, безусловно, было экономически катастрофично, поскольку чрезмерное разделение земли делает обработку невыгодной, а именно эти люди были налогоплательщиками. Еще более заметной перемена была в жителях городов. За последние два столетия богатые горожане разбогатели еще больше благодаря расширению торговли и мануфактур; многие боролись и купили себе место в рядах знати. Мелкие торговцы оставались самодовольными, твердолобыми и негодующими на перемены. Но существовало большое количество людей, неизвестных прежним конституциям, и их становилось все больше с увеличением численности населения — умные и неразумные ремесленники, полуобразованные работники мастерских, фабрик и факторий, когда-либо набравшиеся из сельского населения, ищущие такую временную занятость, какую предоставляли города. Самый низший слой этого общества был тогда, как и сейчас, наиболее опасным; праздные, рассеянные и беспринципные, они все же были достаточно образованны, чтобы обсуждать и распространять опасные доктрины, и часто были наиболее красноречивы и богаты ресурсами.

Это сравнительное благополучие нации, преданной, подобно древним грекам, новизне, падкой на великие идеи и подвиги, придерживающейся мнений не просто ради удовольствия интеллектуальной гимнастики, но логически и с целью их реализации, чувствительной к влияниям, подобным глубокому впечатлению, произведенному на их

мыслителей английской и американской революциями, - такой относительный комфорт с его сопутствующими возможностями для дискуссий был не последней из многих причин, которые сделали Францию авангардом великой революции, которая теоретически уже восторжествовала по всему континенту и в конечном итоге должна была преобразовать общественный строй всей Европы.

Дискуссия - это не только предохранительный клапан, она абсолютно необходима правительствам, где религия, мораль, мнения и занятия людей придают форму и характер институтам и законодательству. Централизованная и деспотическая монархия Бурбонов во Франции была анахронизмом среди интеллигентного народа. Как и все институты, возникшие из нее и зависящие от нее. Сооружение не могло стоять бесконечно, как бы бережно с ним ни обращались, как бы умело его ни подпирали и ни ремонтировали. Как и в случае с Англией в 1688 году и ее колониями в 1772 году, непосредственным виновником краха были деньги. Но аналогия далее не годится, поскольку во Франции вопросы собственности и налогообложения были значительно сложнее, чем в Англии, где ход событий в значительной степени уничтожил феодализм, или в Америке, где феодализма никогда не существовало. В крупных французских поместьях рабочим приходилось сначала поддерживать владельца и его представителей, затем Церковь и короля; ничтожных остатков их доходов едва хватало, чтобы удержать волка на пороге. Мелкие собственники были настолько стеснены в своей деятельности крошечными размерами своих владений, что они все еще были ограничены древними и убогими методами возделывания; но они также были настолько обременены прямыми и косвенными пожертвованиями, что голод всегда был неизбежен и для них. Под каким бы названием ни был известен этот налог, лицензионный (*octroi*), плата за мосты и паромные переправы, дорожные работы, налог на соль или что бы это ни было, в основном он вызывал отвращение не из-за своей формы, а потому, что был деспотичным. Часть из них была выплачена собственникам, часть - государству. Первое было более ненавистным, потому что выигрыш был близок и более осязаем; ненависть деревенских жителей к феодальным привилегиям и тем, кто ими обладал, была поэтому конкретной и столь же сильной, как и более доктринерская неприязнь городских бедняков к богатым. Отчуждение классов друг от друга на протяжении начала и середины столетия было таким, что поражения, которые французское оружие потерпело от рук Мальборо и Фридриха, не только не унизили нацию, но и доставили удовольствие, а не боль массам, потому что это были, как они думали, поражения не Франции, а дворянства и короны.

Феодальные повинности возникли, когда те, кто их взимал, обладали физической силой для принуждения к их уплате, а также были собственниками земли, на которой они взимались. Теперь дворянство было полностью лишено власти, а во многих случаях и земли. Как пусты и бездонны деспотические институты и как обременительны налоги, которые основывались не на чем ином, как на бумажном пособии, заплесневевшем от времени и подкрепленном только королевской покладистостью! Желание тоже всегда заглядывало в двери многих, в то время как немногие наслаждались национальной атмосферой. В этом году был кризис, потому что перед предыдущим сбором урожая в 1788 году на поля обрушились опустошительные ливни с градом; зимой была острая нужда, и многие погибли от нужды и холода; наступающие сезоны принесли тепло, но еще не прошло достаточно времени, чтобы поля и стада приумножились, а у бесчисленных очагов людей голод все еще был нежеланным гостем.

При здоровой экономике такие кризисы могут быть преодолены в богатой и плодородной стране. Но правящие классы уже пятьдесят лет не практиковали экономию. Уже в 1739 году во французских финансах наметился дефицит. С самого начала ежегодные займы росли до тех пор, пока в 1787 году сумма, подлежащая привлечению сверх обычного дохода, не составила не менее тридцати двух миллионов долларов. Все это происходило из-за расточительности двора и аристократии, которые тратили, по большей части, гораздо больше суммы, которую они фактически собирали и которую они искренне считали своим доходом. Такой курс был гораздо более пагубным, чем казалось, поскольку разорял не только личное, но и национальное благосостояние, поскольку то, что дворяне, даже самые серьезные и честные, считали своим законным доходом, на самом деле таковым не было. Две трети земли было в их руках; другая треть платила весь поземельный налог. Поэтому они считали своими две трети того, что в действительности было полностью взято из карманов мелких собственников. Правящий класс заявлял, что готов пойти на небольшие жертвы, но на такие, чтобы заплатить свою долю земельного налога, — никогда. Предлагалось также уничтожить монополию на торговлю зерном и отменить дорожные работы - занятие, более ненавистное народу, чем любой налог, потому что оно приводило его в прямой контакт с невыносимым высокомерием мелких чиновников. Но во всех этих предложенных реформах Неккер, Калонн и Ломени де Бриенн, каждый из которых подходил к дворянам со своей точки зрения, одинаково потерпели неудачу. Дворянство могло увидеть в таком сокращении и изменить для себя только разорение. Собрание знати, созданное в 1781 году, не захотело слушать предложения, которые казались самоубийственными. Король начал отвергать привязанность своих естественных союзников, народа, уступая крикам придворной партии. От знати он ничего не мог добиться. Таким образом, королевская казна была фактически разорена, дворяне считали, что им угрожает банкротство, а народ знал, что они сами не только разорены, но и голодны и угнетены.

Наконец король, осознав крайность положения нации, начал проводить реформы, не считаясь с классовыми предрассудками и опираясь на свой собственный авторитет. Он издал указ о гербовом сборе и равном распределении земельного налога. Он пытался заставить сопротивляющийся парижский парламент, суд справедливости, который, хотя и был древним, он сам лишь недавно воссоздал, зарегистрировать свои декреты, а затем изгнал его из столицы за того, что он этого не сделал. Этот суд был последним сдерживающим фактором абсолютизма в стране и, как таковой, союзником народа; так что, хотя мотивы и меры Людовика были справедливыми, своевольные средства, к которым он прибегал для их осуществления, еще больше отдаляли его от привязанностей нации. Парламент, оправдывая свое несогласие, заявил, что налоги во Франции могут взиматься только генеральными штатами. Люди почти забыли само название и были в полном неведении о том, что это за орган, смутно предполагая, что, подобно английскому парламенту или американскому конгрессу, это в некотором смысле законодательное собрание. Поэтому они недвусмысленно заявили, что их голос был услышан, требуя, чтобы Сословия встретились. Людовик отказался от своей позиции независимости и отозвал парижский парламент из Труа, но только для того, чтобы еще больше разозлить его членов, настаивая на огромном займе, на восстановлении гражданских прав протестантов и на ограничении не только его полномочий, но и полномочий всех подобных судов по всему королевству. Затем парламент объявил, что Франция является ограниченной монархией с конституционными ограничениями власти короны, и разъяренные люди стеклись в город, чтобы выразить протест против угрозы их свободам в связи с деградацией всех парламентов из-за действий короля в отношении Парижа. Выходцы из Бретани образовали

ассоциацию, которая вскоре приняла в себя других членов и превратилась в печально известный якобинский клуб, названный так по месту своих собраний - монастырю на улице Сент-Оноре, некогда занимаемому монахами-доминиканцами, переехавшими туда с улицы Сен-Жак.

Созыв сословий был фактическим признанием того, что абсолютизму во Франции пришел конец. В семнадцатом веке три сословия совещались отдельно. Перед ними стояли такие вопросы, которые были представлены короной, в основном требования о доходах. Решение принималось по соглашению любых двух из трех, и любое предложение, представленное короной, было либо принято, либо отклонено. Настоящего законодательства не существовало. Людовик, без сомнения, надеялся, что ассамблея восемнадцатого века будет похожа на ассамблею семнадцатого. Тогда он мог бы, объединив дворянство и духовенство против бюргеров или заключив любое другое соглашение два к одному, получить разрешение либо на свои займы, либо на свои реформы, в зависимости от обстоятельств, и таким образом осуществить и то, и другое. Но Франция 1789 года не была Францией 1614 года. Как только прозвучал призыв к собранию и были предприняты решительные шаги, вся страна была наводнена брошюрами. Большинство из них были эфемерными; одно было эпохальным. В нем аббат Сийес задал вопрос: "Что такое третье сословие?" - и ответил так, чтобы укрепить и без того распространяющееся убеждение в том, что народ Франции действительно является нацией. Король был убежден настолько, что согласился с тем, что третье сословие должно быть представлено делегатами, равными по численности делегатам духовенства и знати вместе взятым. Выборы прошли спокойно, и пятого мая 1789 года Сословия встретились в Версале, под сенью двора. Сразу стало очевидно, что стрелки часов невозможно перевести на два столетия назад, и что здесь собралось собрание, не похожее ни на одно из когда-либо проводившихся в стране, преисполненное решимости выражать чувства масс, которые, по их мнению, составляли нацию, и быть исполнительной властью. Поэтому семнадцатого июня, после долгих разговоров и долгих колебаний, представители третьего сословия объявили себя представителями всей нации и пригласили своих коллег из духовенства и знати присоединиться к ним. Поскольку место их встреч было закрыто вследствие этого решения, они собрались без разрешения на королевском теннисном корте двадцатого июня и связали себя клятвой не расходиться, пока не установят новый порядок. Людовик, тем не менее, был почти успешен в своем плане разделения заседаний трех сословий. Красноречие и мужество Мирабо помешали ему. Двадцать седьмого июня большинство делегатов от двух высших сословий присоединились к делегатам от третьего сословия, образовав национальное собрание.

На этом этапе придворная партия начала проводить губительную политику, которая в конечном итоге стала причиной большинства ужасных эксцессов Французской революции, настаивая на том, чтобы были вызваны войска для сдерживания Собрания и чтобы Неккер был изгнан. Теперь Людовик проявил ту же нерешительность, которую он проявил, уступив Собранию, и согласился. Благородные офицеры в последнее время показали себя ненадежными, и солдаты в рядах отказались повиноваться, когда их призвали сражаться против народа. Низшие социальные элементы со всей страны давно стеклись в столицу. Теперь их лидеры раздували пламя народного недовольства до тех пор, пока в конце концов не пришлось прибегнуть к насилию. Двенадцатого июля были сожжены заграждения Парижа, и регулярные войска потерпели поражение от толпы на Вандомской площади; четырнадцатого июля Бастилия, сама по себе безобидный анахронизм, но считавшаяся массами олицетворением всех тиранических преобразований и бесчеловечных

притеснений, известных деспотизму, была стерта с лица земли. Словно в довершение своей низости, крайние консерваторы среди знати, те самые люди, которые довели короля до такого положения, теперь бросили его и бежали.

Людовик, наконец, склонился перед бурей и поселился среди своего народа в Париже в знак покорности. Байи, превосходный и рассудительный человек, был назначен мэром города, а Лафайет, чьи американские лавры все еще не увяли, был назначен командующим недавно организованными силами, получившими название Национальной гвардии. Семнадцатого июля король признал красный, белый и синий — признанные цвета свободы — национальными. Знаки отличия династии были заменены на знак принципа. Аналогичная трансформация произошла по всей стране, и управление повсюду незаметно перешло в руки народных представителей. Летучая знать находила свои замки более горячими, чем Париж. Должны исчезнуть не только старые феодальные привилегии, но и вместе с ними старые феодальные пожалования, хартии об угнетении в сундуках с имуществом. Эти хартии, на которых настаивали крестьяне, должны быть уничтожены. Если они не могли завладеть ими иным способом, они прибегали к насилию, а иногда в состоянии алкогольного опьянения переходили границы разумного, злоупотребляя как личностями, так и законным имуществом своих врагов. Альтернативой часто была смерть или капитуляция. Поэтому в их поместьях не было убежища, даже временного, для тех, кто так долго владел ими. Многие уже уехали в чужие страны; эмиграция увеличилась и продолжалась постоянным потоком. Умеренные дворяне, честные патриоты, для которых жизнь в изгнании вовсе не была жизнью, теперь ясно увидели, что их орден должен уступить: на ночном заседании четвертого августа, иногда называемом "Св. Варфоломей привилегированный", они массово отказались от своих привилегий. Все остатки не только феодальных, но и узаконенных привилегий должны были быть сметены; даже королевские охотничьи угодья должны были быть уменьшены до размеров, разрешенных частному лицу. Было решено, что все люди одинаково должны отказаться от общепринятых и произвольных различий, которые создавали неравенство в гражданской и политической жизни, и принять абсолютное равенство граждан. Свобода и братство были двумя пружинами новой арки; ее краеугольным камнем должно было стать равенство. Двадцать третьего августа Ассамблея провозгласила свободу религиозных убеждений; на следующий день свободу прессы. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА IX.

БУОНАПАРТ И РЕВОЛЮЦИЯ НА КОРСИКЕ.

Учеба Наполеона продолжилась в Оксоне — Очередная болезнь и отпуск — Его план освобождения Корсики — Его внешность в двадцать лет — Его достижения и характер — Его изворотливое поведение — Возвращение домой — Новые партии на Корсике — Саличетти и националисты — Наполеон становится политическим агитатором и лидером радикалов — Национальное собрание присоединяет Корсику к Франции и амнистирует Паоли — Минутная радость патриотов Корсики — Французское собрание высмеивает протест Генуи — План Наполеона относительно управления Корсикой.

Таковы были события, происходившие в большом мире, пока Бонапарт находился в Оксоне. В этом городе, как и следовало ожидать, царило наибольшее беспокойство, и девятнадцатого июля 1789 года произошла настоящая вспышка насилия, направленная там, как и везде, против сборщиков налогов. Бунт был легко подавлен, и еще несколько недель обычная монотонная жизнь молодого лейтенанта не нарушалась, за исключением того, что бедность делала его аскетизм более строгим. "У меня нет другого ресурса, кроме работы, - писал он своей матери; - я одеваюсь всего раз в восемь дней [воскресный парад?]; я почти не сплю после своей болезни; это невероятно. Я ложусь спать в десять и встаю в четыре утра. Я ем всего один раз в день, в три часа; это полезно для моего здоровья".

С Корсики пришли новые плохие новости. Умиравший от голода патриот серьезно заболел, и какое-то время его жизнь висела на волоске. Восьмого августа он, наконец, достаточно оправился, чтобы путешествовать, и подал прошение о шестимесячном отпуске, чтобы немедленно приступить к работе. Согласно правилам, несмотря на его предыдущие отпуска и нарушения, в этом году он имел право на такой отпуск, но не раньше октября. Его заявление о том, что зима была неблагоприятной для путешествия на Корсику, было характерным, поскольку оно не было ни полностью правдивым, ни полностью ложным. Он был в лихорадке и болен, взволнован известиями о беспорядках дома и желал быть на месте событий; это было бы верным и достаточным основанием для его просьбы. Однако также верно и то, что его шансы на беспрепятственный переход были выше в августе, чем в октябре, и этот очевидный факт, хотя, вероятно, и не имеющий отношения к делу, мог взволновать власти. Их ответ был благоприятным, и шестнадцатого сентября он покинул Оксон.

В этот промежуток времени в полку произошел мятеж. Солдатам сильно задолжали жалование, и они потребовали разделить излишки, накопившиеся за счет различных полковых субсидий, которыми офицеры распоряжались в интересах своей собственной столовой. Офицеры были вынуждены уступить, поскольку революционная вольность до сих пор вытесняла королевскую и военную власть. Конечно, последовала всеобщая вакханалия. По-видимому, именно в эти дни в сознании Наполеона оформился план освобождения корсиканца, который окончательно привел его на поприще политики. Феш вернулся на Корсику и долгое время держал своего племянника в курсе происходящего. Анархия, царившая вокруг него во Франции и начинавшая преобладать на Корсике, открыла ему глаза на возможности Революции для того, кто знал, как воспользоваться изменившимся порядком.

Внешность Буонапарте на его двадцатом году жизни в целом не заслуживала внимания. Его голова была красивой, но не необычной по размеру, хотя и непропорциональной для тела, на котором она находилась. У него был широкий лоб и средняя высота; с обеих сторон длинные каштановые волосы — длинные, как мы можем предположить из его собственного рассказа о его личных привычках, — падали жесткими плоскими прядями на его худые щеки. Его глаза были большими, и в их стально-голубых радужках, скрывавшихся под глубокими дугобразными бровями, было что-то пронизательное, скрывавшее внутренний разум. Нос был прямым и правильной формы, рот большим, губы полными и чувственными, хотя мощный выступающий подбородок несколько уменьшал истинный эффект нижнего. Цвет лица у него был желтоватый. Телосложение его было в целом

маленьким и изящным, особенно руки и ноги; но его глубокая грудь и короткая шея были огромными. Это отсутствие пропорций, однако, не мешало его походке, которая была твердой и уверенной. Знарок характера назвал бы юношу уверенным в себе и скрытным; амбициозным и расчетливым; властным, но добрым. В эпоху, когда френология была манией, ее мастера обнаружили в его черепе органы, которые они называли воображением и причинностью, индивидуальностью, сравнением и локальностью — на этом жаргоне они хотели сказать, что он обладал сильной способностью к воображению и индуктивному мышлению, знанию людей, мест и вещей.

Жизнь молодого офицера до сих пор была настолько заурядной, что не вызывала особых надежд на его будущее. Каким бы бедным он ни был и бережно относился к своим скудным средствам, он, подобно людям своего класса, до известной степени потакал своим страстям; но он не был разгульным в своей жизни, и у него до сих пор не было долгов в этом мире. Его образование и начитанность ясно показывают, что он не мог знать ничего с присущей ученому всесторонней скрупулезностью, кроме основ своей профессии. Но он мог владеть деталями так, как никто до или после него; у него был обширный фонд информации и исторический очерк, нарисованный пропорционально и мощными штрихами. Его философия была скудной, но он досконально знал принципы Руссо и Рейналя. Его представление о политике и людях не было научным, но оно было ясным и практичным. Торговля оружием была ему не по вкусу. Он всей душой не любил рутину и презирал мелкие обязанности своего ранга. Его профессия, однако, была средством достижения цели; о каком-либо мастерстве в области стратегии или тактики или даже об интересе к ним он пока что не подавал никаких признаков, но был поглощен созерцанием и анализом подвигов великих завоевателей мира. В частности, его разум был ослеплен великолепием Востока как единственной области, на которой Александр мог проявить себя, и он знал то, что понимали лишь немногие великие умы, а именно, что обмен отношениями между Востоком и Западом был жизнью мира. Он понимал, что величие Англии во многом объясняется тем, что она лучше всех владеет двумя полушариями.

До этого момента он был теоретиком и, возможно, растратил бы свои прекрасные способности, продолжая предаваться ослепительным обобщениям, как поступают многие мальчишки, когда их не призывают проверить свои гипотезы на опыте. Отныне он был избавлен от этого искушения. План создания выборного совета на Корсике взамен дворянского и местного ополчения созрел, и с того момента, как он покинул Оксон, он был осторожным и практичным экспериментатором. До сих пор он не применил на практике ни одну из своих прекрасных мыслей, ни уроки, почерпнутые из книг. Семейная нужда сделала его просителем милостей, и, если бы не поворот в общественных делах, он, возможно, продолжал бы им оставаться. Его собственные склонности сделали его одновременно хорошим студентом и плохим офицером; не будь поля для более важных дел, он мог бы остаться таким, каким был. На Корсике его линия поведения не изменилась резко: возможности для более великих дел открывались постепенно, применение уже сформированных великих концепций пришло с ходом событий, а не подобно солнцу, выглянувшему из-за облака.

Путешествуя через Экс, Наполеон взял с собой невезучего Люсьена. Этот своенравный, но независимый младший брат, не считавшийся, как он рассказывает нам в своих опубликованных мемуарах, с презрением, которое, как предполагается, старший мальчик в школе испытывает к младшему, кровному родственнику или нет, был отвергнут холодным приемом, оказанным ему старшим в Бриенне. Покинув эту школу вопреки совету того же самого потенциального наставника, он безуспешно добивался поступления в Экс. Необходимость гнала его домой, и двое, которым в последующие дни снова пришлось расстаться, теперь, почти единственный раз в своей жизни, были товарищами на значительный период. Их общение не сделало их чувства более гармоничными. Единственным инцидентом во время путешествия было посещение аббата Рейналя в Марселе. Мы бы с удовольствием узнали что-нибудь о разговоре между мастером и учеником, но у нас его нет.

Наполеон не обнаружил никаких изменений в обстоятельствах жизни семьи Бонапарте. Старый архидьякон все еще был жив, и в данный момент все, кроме Элизы, находились дома. В целом, они нуждались больше, чем когда-либо. За смертью их покровителя Марбефа последовал окончательный отказ от их долгожданного иска, и этот факт в сочетании с политическими взглядами Люсьена-старшего начал отдалять их от официальной клики. Там были те же фракции, что и раньше, — официальная партия и патриоты. После смерти Шарля де Бонапарта первую представлял в Версале Буттафуоко, недостойный инструмент Шуазеля в приобретении острова, а сейчас, как и тогда, невлиятельный и последовательный эгоист. Все его члены были аристократами и роялистами в политике. Высшее духовенство придерживалось того же мнения и выбрало аббата Перетти своим представителем; приходские священники, как и во Франции, были с народом. Оба высших класса были сравнительно малочисленны; несмотря на двадцать лет мира под властью Франции, они оба были чрезвычайно непопулярны и совершенно не имели никакой власти над островитянами. У них был только один партизан с влиятельным именем, сын старого патриота Гаффори, тестя Буттафуоко. Характер подавляющего большинства туземцев мало изменился. Были старые, непоколебимые патриоты, которые хотели абсолютной независимости и теперь назывались паолистами; были самозванные патриоты, молодые люди, которые хотели протектората, чтобы они могли наслаждаться фактической независимостью и обеспечить себе карьеру миром. В портовых городах на восточном склоне был тот же покорный, миролюбивый нрав, что и в старину; на западе был тот же пламенный, воинственный дух. Кортэ был центром власти Паоли, Кальви был центром французского влияния, Бастия была радикальной, Аяччо был примерно поровну разделен между младшей и старшей партиями с сильным вливанием официального влияния.

Оба представителя народа в национальном собрании принадлежали к умеренной партии; один из них, Саличетти, был способным человеком, другом Буонапарте, и ему суждено было впоследствии оказать глубокое влияние на ход их дел. Он и его коллега Колонна призывали Национальную ассамблею принять меры для местной администрации острова. Для этой фракции, как и для другой, стало ясно, что если Корсике суждено пожинать плоды новой эры, то это должно произойти путем объединения под руководством Паоли. Все, как старые, так и молодые, желали основательной реформы своей варварской юриспруденции и, подобно всем другим французским подданным, свободной прессы, свободной торговли, отмены всех привилегий, равенства в налогообложении, права занимать должности независимо от ранга и уменьшения монастырских доходов в пользу образования. Нигде такие изменения не могли быть осуществлены так легко, как в стране, только что

вышедшей из состояния варварства, где старые институты исчезали, а новые все еще оставались подвижными. Сам Паоли пришел к убеждению, что независимость легче получить от возрожденной Франции и с ее помощью, чем путем войны, которая могла бы снова пробудить амбиции Генуи.

Естественными сподвижниками Буонапарте были люди помоложе — Массерия, сын патриота; Поццо ди Борго, Перальди, Кунео, Рамолини и другие, менее влиятельные. Единственный корсиканец, прошедший французскую военную подготовку, он был, учитывая неопределенность и вероятности, уже маячившие на горизонте, человеком значительного положения. Его вклад в планы молодых патриотов был значительным: он заключался в предложении сформировать орган местного ополчения для поддержки того центрального комитета, которого так горячо желали его друзья. Этот план был быстро принят единомышленниками, радикалы увидели в нем средство снова вложить оружие в руки народа, остальные, без сомнения, имели в виду штурм Бастилии и возможность аналогичных движений в Аяччо и других местах. Бонапарт, единственный обученный офицер среди них, возможно, мечтал оставить французскую службу и получить верховное командование на Корсике. Многие из людей, которые казались хорошо расположенными к Франции, время от времени получали разрешение властей на ношение оружия, многие носили его тайно и без лицензии; но пропорционально их было так мало в обоих классах, что энергичное или успешное вооруженное сопротивление было в большинстве мест практически невозможно. Позиция военного министерства в Париже регулировалась Буттафуоко и, конечно же, была враждебна коварному плану местного ополчения. Военный министр не сделал ничего, кроме как представил это предложение органу, против влияния которого оно было направлено, ненавистному совету двенадцати дворян. Глупый сарказм такого шага был почти преступным.

Под таким подстрекательством на Корсике вспыхнуло пламя недовольства. Агенты Паоли снова проявили наибольшую активность. Во многих городах люди поднялись, чтобы атаковать цитадели или казармы и захватить власть. В Аяччо Наполеон де Бонапарт быстро заявил о себе как о прирожденном лидере. Уже существующий демократический клуб был быстро организован в ядро ополчения и набран в большом количестве. Но среди горцев Паоли не было никого, кто мог бы помочь невоинственным бюргерам, как это было в Бастии. Гаффори появился на сцене, но ни магия его имени, ни войска, которые его сопровождали, ни враждебные заявления совета, которые он привез с собой, не смогли смягчить недовольство. Поэтому он пробыл три дня в уединении, а затем тайно отбыл. С другой стороны, население было запугано, что позволило войскам без сопротивления закрыть помещения клуба и ввести в городе военное положение. Агитаторам ничего не оставалось, как выразить протест и разойтись. Поэтому они провели заключительную встречу тридцать первого октября 1789 года в одной из церквей и подписали обращение к Национальному собранию, которое должны были представить Саличетти и Колонна. Оно было написано и зачитано вслух Буонапарте, как он теперь подписался сам. [\[19\]](#) Некоторая доля в ее составе позже была отведена Джозефу, но пылкий стиль, многочисленные грамматические и орфографические ошибки, краткость мысли и лаконичная форма - все это характерно для Наполеона. Право на подачу петиции, перечисление несправедливых деяний, незаконные действия совета, применение силы, необоснованность предлогов, под которыми их просьба была отклонена, требование о выводе войск и предоставлении компенсации — все это представлено грубо, но убедительно. Документ предвещает революцию. При хорошо организованной и регулярной власти его составитель и

подписавшие его лица, конечно же, были бы наказаны за неподчинение. Несмотря на сложившиеся обстоятельства, королевский офицер подвергался серьезному риску из-за своей известности в связи с этим.

Каким бы обескураживающим ни был исход этого движения в Аяччо, аналогичные акции в других местах оказались более успешными. Люди Изола Росса под командованием Арены, которые только что вернулись после консультаций с Паоли в Англии, полностью преуспели в захвате верховной власти; то же самое произошло и с людьми из Бастии под командованием Мурати, преданного друга Паоли. Один ненадежный авторитет, личный враг Бонапарта, заявляет, что последний, потерпев неудачу в своем собственном городе, сразу же отправился в Бастию, тогдашнюю резиденцию генерала де Баррена, губернатора Франции-роялиста, и успешно руководил восстанием в этом месте, но нет никаких подтверждающих доказательств этой сомнительной истории.

Одновременно с этими событиями Национальное собрание обсуждало, как позиция короля в соответствии с новой конституцией должна была быть выражена его титулом. С абсолютизмом было покончено, и он больше не мог быть королем Франции - стиль, который для людей того времени подразумевал собственность. В качестве новой формы был выбран король Франции; должны ли они добавить "и Наварры"? Саличетти, проявив непревзойденную дипломатичность, уже предупредил многих своих коллег-делегатов об опасности вмешательства Англии на Корсике, в результате чего Франция потеряет одну из своих лучших рекрутинговых площадок. Своим соотечественникам он заявил, что Франция является лучшим защитником, независимо от того, желают ли они частичной или полной независимости. Теперь он предположил, что, если Ассамблея таким образом признает отдельную идентичность пиренейского народа, они должны дополнить свою фразу еще более словами "и Корсики"; ибо это было лишь номинально и в качестве залога того, что Генуя в 1768 году установила контроль над Францией. На этом этапе дебатов Волней выдвинул ряд официальных требований от корсиканских патриотов с просьбой определить позицию их страны. Один из этих документов, несомненно, пришел из Бастии; среди них, вероятно, был и документ, который был составлен в Аяччо. Это была кульминация искусной революционной агитации, которую Массерия начал и которой руководил под руководством Паоли. Аномальное положение как Корсики, так и Наварры было ясно показано в самом предъявлении таких петиций. "Если наваррцы не французы, то какое отношение имеем мы к ним или они к нам?" - сказал Мирабо. Аргумент был столь же неопровержим как для одной страны, так и для другой, и обе были включены в состав королевства: Корсика тридцатого ноября по предложению Саличетти, который явно не желал этого, но выдавал себя за таковую по настоятельной необходимости. На самом деле он достиг цели, к которой так долго стремился. Дюмурье, впоследствии столь прославившийся как генерал, и Мирабо, великий государственный деятель и оратор, оба были членами французской оккупационной армии, которая привела Корсику к покорности. Последний теперь вспоминал о своем проступке с печалью и стыдом, страстно призывая к амнистии всех политических преступников, включая Паоли. Последовало ожесточенное сопротивление, но великий оратор одержал верх.

Это известие было встречено на Корсике со всеми проявлениями радости; были зажжены костры, а в церквях пели Te Deums. Паоли снова воссоединится со своими! Чего еще могут желать бескорыстные патриоты? Корсика - провинция Франции! Как ее честолюбивый юноша мог обеспечить себе более широкое поле для проявления своих сил и достижения

амбициозных целей? Желания обеих сторон были временно удовлетворены. Имена Мирабо, Саличетти и Волни выкрикивались с одобрением, имена Буттафуоко и Перетти - с осуждением. Регулярные войска были выведены из Аяччо; господство либералов было полным.

Затем снова послышался слабый звук Генуи. Она пообещала суверенитет, а не продала его; уступила его осуществление, а не саму вещь; Франция могла управлять правительством по своему усмотрению, но аннексия - совсем другое дело. Она взывала к справедливости короля и Национальной ассамблеи с просьбой защитить ее права по договору. Ее тон был ворчливым, в ее словах не было силы. В Ассамблее протест лишь подлил масла в огонь. Двадцать первого января 1790 года состоялись оживленные дебаты, в ходе которых этот вопрос был всесторонне рассмотрен. Дискуссия была примечательной, поскольку указывала на настрой партий и характер их действий на том этапе революции. Мирабо, как всегда, была лидером. Он и его друзья презирали не только безрассудство Генуи, которая, казалось, все еще претендовала на завоеванное Францией, но и ее концепцию, согласно которой простые бумажные контракты являются обязательными там, где речь идет о принципах публичного права! Оппозиция мягко, но твердо напомнила о существовании других наций, кроме Франции, и предположила о последствиях международной недобросовестности. Итогом рассмотрения дела стало принятие хитрой и наглой комбинации двух предложений, по одному от каждой стороны, "чтобы положить запрос на стол или объяснить, что нет повода для его рассмотрения". В остальном этот инцидент важен только в свете будущих отношений Наполеона с итальянской речью Посполитой.

По мнению Буонапарте, ситуация теперь была крайне деликатной. Его предложение о местном ополчении предполагало распространение революционного движения на Корсику. Его обращение к Национальному собранию требовало всего лишь права делать то, что делали один французский город или округ за другим: установить местную власть, сформировать Национальную гвардию и развернуть красную, белую и синюю эмблемы. В нем не было ничего о присоединении Корсики к Франции; это произошло благодаря повстанцам Бастии, которые были организованы Паоли, вдохновлены покушением в Аяччо и, наконец, направлялись Саличетти. Немного позже Бонапарт постарался изложить, насколько лучше, согласно его плану, было бы положение дел на Корсике, если бы, организовав свою гвардию и подняв знамена, они могли отозвать Паоли и дожидаться события, имея силы либо отвергнуть такие предложения, которые выдвинули бы роялисты в случае успеха, либо принять выводы Французского собрания с должным самоуважением, а не по принуждению. До сих пор он не упускал возможности выразить свою ненависть к Франции; вполне возможно, что он планировал фактическую независимость Корсики, считая себя освободителем или, по крайней мере, Сампьеро Паоли. Оговорки, содержащиеся в его документе из Аяччо, и горечь его чувств, однако, не являются достаточным доказательством такой презумпции. Но инкорпорация состоялась, Корсика стала частью Франции, и все были вне себя от восторга. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА X.

ПЕРВЫЕ УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ.

Французский солдат и патриот Корсики — Нерешительность Паоли — Его возвращение на Корсику — Разногласия во Франции - Новый отпуск — Денежные операции Наполеона и Жозефа — Открытые военные действия против Франции — Обращение к Французской ассамблее — Восстание в Бастии — Реорганизация администрации Корсики — Встреча Наполеона и Паоли — Политика Корсики — Исследования в обществе.

1790.

Каким должно было быть будущее человека, чьи чувства были столь враждебны к нации, с судьбой которой он теперь, казалось, безвозвратно отождествил себя? Нет никаких свидетельств того, что Бонапарт когда-либо задавал себе столь тревожные вопросы. Судя по его поведению, он нисколько не был обеспокоен. Полностью осознавая дезорганизацию, как социальную, так и военную, которая была почти повсеместной во Франции, поскольку оставалось еще два месяца его отпуска, он ждал развития событий, не спеша преодолевать трудности до того, как они возникнут сами. Что молодые демократы могли сделать, они сделали. Городское управление было полностью реорганизовано: друг семьи Буонапартес стал мэром, а Джозеф — наконец-то нанят! — его секретарем. Также была сформирована и оснащена местная гвардия. Однако, будучи французом, а не корсиканцем, Наполеон не мог принять командование ею, поскольку он уже был офицером французской армии. Но он служил в рядах как простой солдат и был ярким агитатором в клубе, который почти сразу же вновь открыл свои двери. Из-за невозможности дальнейших действий произошел возврат к авторству. История Корсики была снова пересмотрена, хотя и не смягчена; письма, на которые она была разделена, были адресованы Рейналю. В сотрудничестве с Фешем Буонапарте также составил мемуары о присяге, которая требовалась от священников.

Когда Паоли впервые получил известие об амнистии, объявленной по ходатайству Мирабо, и о действиях Французской ассамблеи, которые сделали Корсику французским департаментом, он был обрадован и глубоко тронут. Его благородные инстинкты сразу подсказали ему, что он больше не может жить на английскую пенсию или даже в Англии; ибо он был убежден, что его страна в конечном итоге достигнет более совершенной автономии под властью Франции, чем под крылом какой-либо другой державы, и что как патриот он не должен отказываться даже внешне поддерживать эту позицию. Но он также чувствовал, что его возвращение на Корсику поставило бы под угрозу успех этой политики; пылкие горцы потребовали бы более крайних мер для достижения полной независимости, чем он мог бы предпринять; жители равнин были бы разгневаны отношением сочувствия к его старым друзьям, которое он вынужден был принять. Поэтому в духе самопожертвования он был готов обменять свое комфортное изгнание на другое, более неподходящее и, конечно, более горькое.

Но Национальное собрание, обладавшее меньшей проницательностью, ничего так не желало, как его присутствия в новом департаменте Франции. Он старел и вопреки здравому смыслу уступил объединенному стремлению к защите интересов Франции и невежливости корсиканцев. Проезжая через Францию, он был задержан более чем на два месяца вынужденными оvationами. В Париже король уговаривал его принять всевозможные почести, но в них ему было решительно отказано; однако прием, который Ассамблея устроила ему во имя свободы, он объявил самым гордым событием в своей жизни. В Лионе население заполонило улицы, чтобы приветствовать его, и делегации из главных городов его родного

острова встретили его, чтобы просить каждый из своих городов оказать честь его высадке. Четырнадцатого июля 1790 года, после двадцати одного года изгнания, состарившийся герой ступил на корсиканскую землю в Маджинахо, недалеко от Капо Корсо. Первым его действием было преклонить колени и поцеловать землю. Ближайшим городом была Бастия, революционная столица. Там и в других местах ликование было всеобщим, а церемонии такими, какие могли придумать и исполнить только горячие сердца и трудолюбивые руки первобытного итальянского народа. Ни один истинный корсиканец не должен "увидеть, услышать и прикоснуться к нему". Но менее чем через месяц его поведение, как он и предвидел, было настолько искажено как друзьями, так и врагами, что пришлось защищать его в Париже от обвинения в заговоре с целью передачи острова Англии.

Не совсем ясно, где находился Буонапарте в это время. Говорят, что его видели в Валансе во второй половине января, и этот факт приводится, чтобы показать, насколько глубокими и секретными были его планы по сохранению двойного шанса на открытие либо во Франции, либо на Корсике, в зависимости от развития событий. Любовная связь, на которую он ссылается в диссертации по теме, на которую была сделана ссылка, была бы столь же удовлетворительным объяснением, учитывая его возраст. Каким бы ни был факт относительно тех нескольких дней, отсутствовал он недолго. Серьезный раскол между исполнительной властью Франции и новым Собранием выявился при неприятных обстоятельствах, произошедших в марте. Восемнадцатого числа французская флотилия неожиданно появилась у Сен-Флорана. Им командовал Рулли, ярый роялист, который долгое время работал на Корсике. Его секретные инструкции заключались в том, чтобы погрузить французские войска и оставить остров на произвол судьбы. Это был ловкий удар по республиканцам Ассамблеи; ибо, если эвакуация будет обеспечена, считалось, что либо радикалы на Корсике восстанут, одолеют и уничтожат друзей Франции, призовут на помощь Англию и уменьшат число демократических департаментов на один, либо Генуя немедленно вмешается и восстановит свой суверенитет. Умеренных жителей Сен-Флорана таким образом не удалось обмануть; как среди горожан, так и среди войск возникли острые и гневные дискуссии относительно повиновения таким приказам, и вскоре и солдаты, и горожане пришли в неистовое возбуждение. Произошло столкновение между двумя сторонами, и Рулли был убит. При нем были найдены бумаги, доказывающие, что его сторонники с радостью бросили бы Корсику на произвол судьбы. На данный момент молодые корсиканцы были более чем когда-либо преданы Паоли, поскольку теперь только благодаря его добрым услугам Французской ассамблее можно было получить шанс на успех их планов.

Таково было разнообразие мнений относительно путей и средств, ресурсов, возможностей и деталей, что на данный момент все пребывало в замешательстве. Шестнадцатого апреля Бонапарте подал прошение о продлении своего отпуска до следующего октября, сославшись на продолжающееся недомогание, чтобы он мог во второй раз испытать воды в Ореце, источники которой, как он объяснил, показали себя эффективными при его жалобе. Возможно, он уже был на этом курорте однажды, а возможно, и нет. Несомненно, лихорадка все еще оставалась в его организме. Какова была степень его болезни, мы не можем сказать. Возможно, это сделало его непригодным к действительной службе в его полку; это не помешало ему заниматься писательством и политической агитацией. Его просьба была удовлетворена двадцатого мая. История Корсики была окончательно переработана, и новое посвящение завершено. Это, вместе с письмом и некоторыми главами книги, было отправлено Рейналю, вероятно, по почте.

Жозеф, который был одним из делегатов для встречи с Паоли, проезжал через Марсель, написал Наполеону аббату и передал бы ему остальное, если бы тот того пожелал. Текст "злополучной книги" существенно не изменился. Ее теория, по-видимому, всегда заключалась в том, что история - это всего лишь череда великих имен, и, следовательно, эта история является скорее биографическим отчетом, чем связным повествованием. Посвящение, однако, было новым шагом в мучительном продвижении к более точному мышлению и лучшему выражению; дополнения к книге содержали, среди множества незрелостей и банальностей, некоторые зрелые и умные мысли. Страсть Бонапарта к своим подколкам снова была пылом заблудшего гения, незапятнанного жаждой денег, которая сыграла временную роль.

Мы ничего определенного не знаем о его финансовых делах, но так или иначе его состояние должно было поправиться. Другого объяснения его многочисленным и дорогостоящим путешествиям нет, и мы слышим, что какое-то время в его кошельке были деньги. В завещании, которое он продиктовал на острове Святой Елены, говорится о завещании в размере ста тысяч франков детям его друга, который был первым мэром Аяччо по воле народа. Не исключено, что наследие было благодарным сувениром за успехи, достигнутые примерно в то время. Есть и другое возможное объяснение. Клуб Аяччо выбрал делегацию, членом которой был Жозеф Буонапарте, чтобы привезти Паоли домой из Франции. Чтобы покрыть свои расходы, муниципалитет заставил руководство священнической семинарии открыть сейф и передать свыше двух тысяч франков. Наполеон, возможно, разделил долю Жозефа. Таким штрихом, но, конечно, с некоторым отличием, нам следовало бы напомнить о том, что произошло, когда несколько лет спустя голодных и оборванных солдат Республики повели на тучные равнины Ломбардии.

Презрительное отношение либералов из Аяччо к религии Рима серьезно оттолкнуло от них суеверное население. Однажды Бонапарт подвергся нападению на площади во время процессии, организованной с целью осудить политику Национального собрания в отношении церковных сословий. Один из немногих чиновников-роялистов, оставшихся на Корсике, также воспользовался всеобщим беспорядком, чтобы прямо выразить свои чувства по поводу действий того же органа. Он был арестован, предстал перед судом в Аяччо и оправдан сочувствующим ему судьей. Либералы сразу же забили тревогу; их клуб и официальные лица сначала протестовали, а затем двадцать пятого июня перешли в наступление от имени Ассамблеи. Вероятно, именно в этот момент его увидел друг семьи, который пересказал свои воспоминания уже упомянутому английскому автору дневников. "Я помню, что видел Наполеона, очень активного среди разъяренного населения против тех, кого тогда называли аристократами, и бегущего по улицам Аяччо, настолько занятого пропагандой недовольства, что, хотя он и потерял шляпу, он не чувствовал и не заботился о воздействии палящего солнца, которому он подвергался весь тот памятный день. Революция задела ядовитый корень, и Наполеон не переставал подстрекать своих братьев, Жозефа и Люсьена, которые, движимые его примером, постоянно посещали клубы и народные собрания, где часто произносили речи и обсуждали общественные дела, в то время как Наполеон сидел и молча слушал, поскольку у него не было склонности к ораторскому искусству". "Однажды в декабре, - продолжает рассказчик, - уже упомянутый дядя Наполеона позвал меня за собой, чтобы помочь ему в составлении завещания; и после того, как он уладил свои семейные проблемы, разговор зашел о политике, когда, говоря о невероятности революции в Италии, присутствовавший тогда Наполеон быстро ответил: "Будь у меня команда, я бы захватил Италию за двадцать четыре часа". "" [\[20\]](#)

Наконец-то появилась возможность подражать французским городам. Было решено организовать местное независимое правительство, захватить цитадель с помощью ополчения и бросить ненавистных роялистов в тюрьму. Но приготовления были слишком откровенными: губернатор и большинство его друзей вовремя бежали в свою крепость и подняли подъемный мост; подстрекатели смогли схватить только четырех своих врагов, среди которых были судья, преступник и офицер гарнизона. Разочарование радикалов было настолько велико, что они хотели выместить свою злобу на них; с трудом удалось спасти жизни заключенных усилиями сотрудников милиции. Гарнизон действительно сочувствовал повстанцам и не подчинился приказу подавить восстание атакой. В обмен на эту снисходительность солдаты регулярной армии обязались освободить своего офицера. В конце концов главные преступники из числа радикалов были наказаны тюремным заключением или изгнанием, и беспорядки утихли; но французские официальные лица теперь имели сильную поддержку не только со стороны иерархии, как раньше, но и со стороны простых благочестивых людей и их священников.

Этот результат стал вторым поражением Наполеона Бонапарта, который почти наверняка был зачинщиком и лидером восстания. Он был готов в любой момент взять на себя руководство делами, но опять же, результат такого движения, которое само по себе могло обеспечить возможную временную независимость Корсики и военное командование для него самого, был абсолютно нулевым. Немного расстроенный неудачей, он взялся за перо, чтобы написать прокламацию, оправдывающую действия муниципальных властей. Документ был датирован тридцать первым октября 1789 года и бесстрашно подписан как им самим, так и другими лидерами, включая мэра. Он проклинает сторонников старого порядка во Франции и восхваляет Ассамблею со всеми ее делами; осуждает тех, кто продал землю Франции, которая не могла предложить ничего, кроме прекращения сковывавшей ее цепи; и предупреждает врагов новой конституции, что их время прошло. В нем содержится страстная ссылка на идеальное самоопределение, которое могла бы обеспечить предыдущая попытка. Однако нынешнее восстание оправдано как попытка претворить в жизнь принципы новой хартии. [\[21\]](#) В нем та же предполагаемая сила и подавляемая ярость, что и в его предыдущем манифесте, та же пылкая риторика, та же несогласованность выражений. В композиции сочетаются те же два элемента - метафизика восемнадцатого века и его собственная некультурная сила. Вполне естественно, что волнения в городе не уменьшились; произошло даже небольшое столкновение между гарнизоном и гражданскими властями.

Бонапарта, конечно, подозревали и ненавидели как католики, так и военные. Несмотря на то, что он был французским офицером, никто на Корсике не думал о нем иначе, чем как о корсиканском революционере. Среди своих друзей он продолжал свою непоколебимую карьеру. Именно он был выбран для написания адреса из Аяччо в Паоли, хотя эти двое мужчин встретились несколько позже. С прибытием великого освободителя хватка старых чиновников на острове ослабла, и бахвальство тех немногих, кто разбогател на королевской службе, прекратилось. Ассамблея, наконец, торжествовала; этот новый департамент, наконец, должен был быть организован так же, как департамент приемной матери. Давно пора, поскольку общественный порядок в этот переходный период подвергся серьезной угрозе. Беспорядки в Аяччо были пустяковыми по сравнению с революционной процедурой, начатой и доведенной до крайности в Бастии. Поскольку этот город был столицей и резиденцией губернатора, Бонапарт и его товарищи не успели закончить свое обращение к французскому собранию, как поспешили туда, чтобы сразиться с де Барреном и произвести

революцию в гарнизоне. Их успех был полным: гарнизон и горожане были встревожены, а губернатор запуган. И солдаты, и простые люди получили трехцветную кокарду пятого ноября 1789 года. Баррин даже согласился на формирование национального ополчения. На этой основе был установлен порядок. Это было еще одно дело по сравнению с тем, что произошло в Аяччо, и оно привлекло внимание Парижской ассамблеи, оказав сильное влияние на правительство в его договоренностях с Паоли. Молодой Бонапарт, естественно, был очень обеспокоен своим положением и поэтому оставался довольно спокойным до февраля, когда было завершено присоединение острова к Франции. Он немедленно дал волю своей энергии. Два письма Наполеона, написанные в августе 1790 года, демонстрируют лихорадочный дух беспокойства в нем самом и перечисляют многочисленные восстания по соседству с разной степенью их успеха. При временной администрации после некоторой задержки были приняты меры к проведению выборов должностных лиц новой системы, которые по закону были назначены директорами. Их назначение и поведение будут определять будущее Корсики, и поэтому они имеют первостепенное значение.

В условиях чистой демократии избиратели собираются, чтобы обсудить и зафиксировать свои решения. Такими были местные окружные собрания на Корсике. Они выбрали представителей в центральное учредительное собрание, которое должно было собраться в Ореце девятого сентября 1790 года. Жозеф Бонапарт и Феш были среди членов, присланных из Аяччо. Целебные воды, которые Наполеон хотел выпить в Ореце, были результатом дебатов. Хотя он не мог быть членом ассамблеи из-за своей молодости, он был полон решимости присутствовать. Трое родственников отправились из своего дома в компании: Жозеф был очарован пейзажем, Наполеон изучал стратегические пункты по пути. Чтобы его присутствие в Ореце не могло чрезмерно повлиять на ход событий, Паоли предусмотрительно выбрал в качестве своего временного пристанища деревню Ростино, которая находилась на их пути. Здесь произошла встреча двух великих корсиканцев, человека идей и человека действия. Без сомнения, Паоли стремился завоевать такую важную семью и такого пылкого патриота. Как бы то ни было, он пригласил троих молодых людей сопровождать его на поле роковой битвы при Понте Нуово. Если бы Наполеон действительно стремился стать начальником французской национальной гвардии на Корсике, которая теперь, по всей вероятности, была бы полностью организована, весьма вероятно, что он приложил бы все усилия, чтобы заручиться благосклонностью единственного человека, который мог бы исполнить его желание. Однако существует традиция, которая имеет тенденцию свидетельствовать об обратном: говорят, что после того, как Паоли указал на расположение своих войск в роковом конфликте, Наполеон сухо заметил: "Результат этих приготовлений был именно таким, каким и должен был быть". Среди воспоминаний императора в конце его жизни он вспомнил эту встречу, потому что Паоли тогда назвал его человеком древнего склада, подобным одному из героев Плутарха.

Учредительное собрание в Ореце заседало месяц. Его заседания проходили почти без каких-либо важных инцидентов, за исключением первого появления Наполеона в качестве оратора на различных публичных собраниях, проводимых в связи с его трудами. Говорят, что вначале он был застенчивым и смущался, но, вдохновляясь каждым случаем, становился все более беглым и, наконец, завоевал внимание и аплодисменты своих слушателей. Что он сказал, неизвестно, но он говорил по-итальянски и преуспел в своем замысле быть, по крайней мере, действующим лицом в важных событиях, происходящих сейчас. Обе стороны были представлены в разбирательствах и выводах конвенции. Корсика

должна была составлять единый департамент. Паоли был избран президентом ее директории и главнокомандующим Национальной гвардией - сочетание должностей, которое снова сделало его фактическим диктатором. Он принял их неохотно, но от почестей в виде статуи и ежегодного гранта в десять тысяч долларов, за которые проголосовали одновременно, он категорически отказался. Партия паолистов добилась избрания Канона Бельче вице-президентом, Панатери секретарем, Арены заместителем Саличетти, Поццо ди Борго и Джентили членами директории. Колонна, один из делегатов Национального собрания, был членом той же группы. Молодые патриоты, или, возможно, Молодая Корсика, как мы должны говорить сейчас, были представлены их делегатом и лидером Саличетти, который был выбран полномочным представителем вместо Буттафуоко, и Мультиедо, Джентили и Помпей в качестве членов директории. Однако на данный момент Паоли был Корсикой, и такая мелкая политика имела значение только как указание на выживание встречных течений. Было некоторое несогласие с вынесенным вотумом порицания поведению Буттафуоко и Перетти, но оно было незначительным. Поццо ди Борго и Джентили были выбраны для того, чтобы заявить в коллегии адвокатов Национального собрания о преданности Корсики своим целям и представленному ею курсу реформ. Они также должны были получить, по возможности, как разрешение на формирование ведомственной национальной гвардии, так и средства для ее оплаты и вооружения.

Выбор Поццо ди Борго для выполнения столь важной миссии вместо Иосифа разочаровал семью Буонапарте. Фактически, ни один из планов, согласованных двумя братьями, не увенчался успехом. Джозеф поддержал притязания Аяччо на звание столицы острова, но этой чести была удостоена Бастия. Он не был избран членом генеральной директории, хотя ему удалось стать членом окружной директории от Аяччо. То ли для того, чтобы избавиться от своего дурного настроения, то ли из дальновидных побуждений, Наполеон использовал часы, свободные от дергания за проволоку и прослушивания заседаний ассамблеи, для проведения серии экскурсий, которые представляли собой виртуальное обследование окрестностей. Дома самых бедных были его прибежищем; отчасти благодаря своему врожденному умению угождать, отчасти благодаря дипломатии он завоевал их сердца и постиг их самые сокровенные чувства. Его кошелек, который на данный момент был полон, был открыт для их удовольствия, что их глубоко тронуло. В течение многих лет стрельба по мишеням была запрещена, поскольку давала опасные навыки владения оружием. Вернув свободу, Наполеон реорганизовал многие старые сельские фестивали, главной особенностью которых были состязания такого рода, предлагая призы за счет собственных средств лучшим стрелкам из числа молодежи. Его успех в ощущении пульса общественного мнения был настолько велик, что он никогда не забывал этот урок. Вскоре после этого, по соседству с Валансом, — фактически, до самых поздних времен, - он обхаживал общество низших людей и устанавливал с ними, когда это было возможно, определенную близость. Это принесло ему популярность и в то же время позволило получить наиболее ценные указания на общий характер. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XI.

ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА.

Литературная деятельность — Лионская премия — Эссе о счастье — Несостоявшиеся амбиции — Патриоты Корсики — Братья Наполеон и Луи — Изучение политики — Реорганизация армии — Изменение общественного мнения — Новый отпуск — Наполеон снова в Оксоне — Наполеон как учитель — Дальнейшие литературные усилия — Сентиментальное путешествие — Его отношение к религии.

1791.

Вернувшись в Аяччо, начинающий агитатор продолжал, как и прежде, часто посещать свой клуб. Действия конвента в Ореце по смещению Буттафуоко еще больше воспламенили молодых политиков против ренегата. Этот эффект еще более усилился, когда стало известно, что во время приема своих делегатов Национальным собранием большой совет под руководством Мирабо фактически занял одинаковую позицию как в отношении него, так и в отношении его коллеги. Наполеон написал, вероятно, в предыдущем году, печально известную обличительную речь против Буттафуоко в форме письма к ее объекту, и в тот самый вечер, когда были получены новости из Парижа, он воспользовался возможностью прочитать ее перед клубом в Аяччо. Документ в том виде, в каком он существует сейчас, помпезно датирован двадцать третьим января 1791 года из "моего летнего домика в Миллели". Это было уединенное место в одном из небольших семейных поместий, о котором уже упоминалось. Там, в скалах, был грот, всем известный под этим названием; Наполеон улучшил и благоустроил это место, используя его, как и свой сад в Бриенне, для созерцания и спокойных занятий. Хотя письмо Маттео Буттафуоко часто печаталось и было первой успешной попыткой его автора написать, особого внимания на нем уделять не следует, за исключением того, что следует отметить лучшую способность выражать бурные чувства и отметить последствия, свидетельствующие о расширении характера. Это, безусловно, неподчинение Франции и неводержанность; к тому же напыщенность, какой вполне может быть у любого двадцатилетнего юноши. Несомненно, также, это было сделано для того, чтобы обеспечить писателю дурную славу. Это ясно показывает, насколько глубоко автор понимал радикальный характер революции. Это его окончательный и публичный отказ от роялистских принципов Шарля де Бонапарта. В нем также содержится последнее исповедание морали, которое юноша не стыдится сделать до того, как цинизм его собственной жизни станет слишком очевидным для осуждения эгоизма и неискренности в других. Его суть - справедливый упрек эгоистичному обрезчику; пена и накипь характерны скорее для времени и обстоятельств, чем для личности, стоящей за ними. Больше нет никаких упоминаний о разнице между судьбами Франции и Корсики. Сравнить памфлет даже с самым плохим произведением Руссо, как это часто делалось, абсурдно; точно так же нелепо поносить его как неэффективный мусор.

Как можно себе представить, "Письмо" было встречено бешеными аплодисментами и приказано напечатать. Был уже конец января; отпуск Бонапарта истек пятнадцатого октября. Шестнадцатого ноября, промаявшись целый месяц сверх положенного срока, он получил от чиновников Аяччо документ, удостоверяющий, что и он, и Людовик преданы новому республиканскому порядку, и предлагающий обоим помощь в любых трудностях, которые могут возникнуть. Деловитый корсиканец прекрасно понимал, что уже в то время его могли считать дезертиром во Франции, но все же он продолжал свое опасное шатание без дела. У него было две цели, одна литературная, другая политическая. Помимо успешного

"Письма", он был занят вторым сочинением, мысль о котором, вероятно, занимала его по мере того, как тощак его кошелек. Однако жюри, перед которым это должно было предстать, должно было представлять собой не разгоряченную группу молодых политических агитаторов, а ассоциацию старых и зрелых мужчин со спокойным, критичным умом — Лионскую академию. Это общество, наконец, собиралось присудить премию в полторы тысячи ливров, учрежденную Рейналем задолго до этого — еще в 1780 году — за лучшую диссертацию по вопросу: "Принесло ли открытие Америки пользу или вред человечеству? Если первое, то как нам наилучшим образом сохранить и приумножить выгоды? Если второе, то как нам исправить зло?" Американцы должны сожалеть о том, что ученый орган был вынужден из-за отсутствия интереса к столь конкретному предмету сменить тему и теперь предложил вместо нее вопрос: "Какие истины и идеи следует внедрять, чтобы наилучшим образом способствовать счастью человечества?"

Поразительный доклад Наполеона на эту замечательную тему был завершен в декабре. Она несет на себе следы небрежности, поспешности и чрезмерной самоуверенности во всех направлениях — в стиле, в содержании и в отсутствии точности. "Прославленный Рейналь, - пишет автор, - вопрос, который я собираюсь обсудить, достоин вашей стали, но, не претендуя на то, что у меня металл такого же закала, я набрался смелости и сказал себе вместе с Корреджо: "Я тоже художник". Далее следует длинная похвала Паоли, главная заслуга которого, как объясняется, заключалась в том, что он стремился в своем законодательстве сохранить за каждым человеком имущество, достаточное при умеренных усилиях с его стороны для поддержания жизни. Счастье состоит в том, чтобы жить в соответствии с уставом нашей организации. Богатство - это несчастье, право первородства - пережиток варварства, безбрачие - предосудительная практика. Наша животная природа требует пищи, крова, одежды и общества женщины. Это основы счастья; но для его совершенства нам нужны и разум, и чувства. Эти тезисы представляют собой терпимые части, обсуждаемые с некоторой связностью. Но большая часть эссе представляет собой просто бессмысленную риторику и напыщенность, которые звучат как излияния мальчишеского рапсода. "При звуке голоса твоего [разума] пусть враги природы успокоятся и в ярости проглотят свои змеиные языки". "Глаза разума удерживают человечество от пропасти страстей, поскольку его указы точно так же изменяют чувство их прав". Можно было бы процитировать множество других пассажей, столь же абсурдных, полных надуманных метафор, изобилующих странными терминами, доводящих риторические фигуры до искажения. [\[22\]](#) И все же, несмотря на напыщенность, некоторые важные наполеоновские идеи присутствуют в статье в том виде, в каком они сохранились до конца, а именно, идеи о наследственности, равном разделе собственности и природе гражданского общества. И есть одна пророческая фраза, которая заслуживает того, чтобы ее процитировали. "Расстроенное воображение! в этом кроется причина и источник человеческих несчастий. Он отправляет нас странствовать от моря к морю, от фантазии к фантазии, и когда, наконец, наступает затишье, возможность упущена, пробивает час, и его обладатель умирает, испытывая отвращение к жизни ". Позже автор бросил в огонь то, что, как он, вероятно, предполагал, было единственной существующей рукописью этого испаряющегося излияния. Но копия его была сделана в Лионе, возможно, потому, что один из судей подумал, как он сказал, что оно "могло быть написано человеком, в остальном одаренным здравым смыслом". Другой был найден среди бумаг, доверенных Наполеоном Фешу. Доказательства подлинности являются полными. Кажется чудом, что ее автор стал, как он это сделал, мастером лаконичного и нервного стиля, когда однажды его слова стали дополнением к его делам.

Второй причиной задержки возвращения Бонапарта во Францию по истечении его отпуска были его политические и военные амбиции. Это было внезапно пресечено получением известий о том, что Ассамблея в Париже не будет создавать долгожданную Национальную гвардию, а министерство не будет участвовать в каких-либо планах по обходу закона. Таким образом, было очевидно, что все шансы стать лейтенантом Паоли окончательно упущены. Поэтому по совету самого президента Бонапарт решил снова отступить во Францию и ждать результатов. Корсика все еще была отвлечена. Французский чиновник, присланный военным министерством как раз в это время, чтобы доложить о его состоянии, не скупится на выражения, которые он использует, чтобы осудить независимые чувства и антифранцузские симпатии народа. "Итальянец, - говорит он, - соглашается, но не прощает; честлюбивый человек не сохраняет веры и оценивает свою жизнь своей властью". Агент далее описывает корсиканцев как настолько привыкших к беспорядкам за сорок лет анархии, что они с радостью ухватились бы за первый же повод сбросить господство законов, сдерживающих социальный беспорядок. Фракцию Буонапарте, возглавляемую патриотом-разбойником Зампальини, он называет "презренными созданиями", "погубившими репутацию и кредит".

Трудно было бы найти более высокий комплимент Паоли и его друзьям, учитывая источник, из которого исходили эти слова. Все они были бедны и все были в долгах. Даже сейчас, в эпоху реформ, они видели, как их самые заветные планы были сорваны присутствием в каждом городе гарнизонов, состоящих из офицеров и рядовых, которые, хотя и долгое время проживали на острове и были связаны с его народом многими узами, тем не менее были консервативны в своих чувствах и, в силу инстинкта своих традиций и дисциплины, были преданы все еще могущественным официальным структурам, еще не уничтоженным революцией. Заменить их хорошо организованной и оснащенной Национальной гвардией было теперь самым горячим желанием всех патриотов. Не было ничего недостойного в стремлении Наполеона получить командование в рамках столь желанного, но вечно неуловимого восстановления вооруженных сил, организованных по образцу, представленному самой Францией. Повторяющиеся разочарования, подобные тем, которые он испытывал раньше и которые испытывал снова, сокрушили бы дух обычного человека.

Но у молодого автора в кармане лежали его рукописи; одну из них он имел средства и полномочия опубликовать. Более того, прекрасно осознавая дезорганизацию в стране и армии, не обращая внимания на приказ, прозвучавший второго декабря 1790 года против отсутствующих офицеров, который, как он знал, был направлен в первую очередь против молодых дворян, дезертировавших из войск, с неустрашимым духом и полным ресурсом умом, он покинул Аяччо первого февраля 1791 года, получив новый набор свидетельств о своем патриотизме и преданности делу Революции. Как хороший сын и брат, которым он всегда был, он не забывал о своей семье. Жизнь в его доме не стала легче. У Джозефа, конечно, был офис и карьера, но младшие дети становились источником расходов, и Люсьен не соглашался на то, что было предусмотрено для него. Следующим, теперь готовым к получению образования и устройству на работу, был Луи, мальчик уже в возрасте от двенадцати до тринадцати лет; соответственно, Луи сопровождал своего брата. У Наполеона не было ни обещаний, ни даже перспектив относительно ребенка; но он решил иметь его под рукой на случай, если что-нибудь подвернется, а пока ждать, дать ему из своих скудных средств любое ненадежное образование, какое только могли позволить времена и

обстоятельства. Мы можем понять безмятежную уверенность мальчика; мы должны восхищаться доверием, решимостью и самостоятельностью старшего брата.

Несмотря на то, что он продлил свой отпуск на три с половиной месяца, по прибытии в Оксон Наполеона не только не ожидало сурового наказания, но и было обеспечено внимательное отношение, а позже и повышение по службе. Офицеров, прошедших военную подготовку и лояльных Ассамблее, становилось все меньше. Братья путешествовали медленно, остановившись сначала на короткое время в Марселе, а затем в Эксе, чтобы навестить друзей, и несколько дней неторопливо бродили по районам Дофини вокруг Валанса. Снова общаясь с сельскими жителями и составляя мнения относительно хода дел, Бонапарте восьмого февраля возобновил свою переписку с Фешем из деревушки Серве, чтобы ознакомить его с новостями и перспективами страны, описав, в частности, создание патриотических обществ во всех городах для совместных действий по выполнению постановлений Ассамблеи. [\[23\]](#) Это начало "федерации за революцию", как ее называли, в своем распространении окончательно сплотило всю страну, гражданские и даже военные власти. Присутствие Наполеона во время и в месте ее начала объясняет многое из того, что последовало за этим. Было тринадцатое февраля, когда он вернулся в свой полк.

Каким бы коротким ни было отсутствие Бонапарта, все во Франции, даже армия, изменилось и продолжает меняться. Шаг за шагом были введены наиболее полезные реформы, поскольку каждая из них, в свою очередь, показала свою важность: продвижение по службе исключительно в соответствии со службой среди низших офицеров; то же самое, с возможностью королевского усмотрения, среди высших чинов; разделение вооруженных сил на регулярные части, резервы и национальную гвардию, причем две первые по-прежнему будут набираться добровольным путем. Древняя и привилегированная полиция и многие другие ранее существовавшие, но неэффективные вооруженные формирования были сметены, и была создана нынешняя система жандармерии. Военные суды также были воссозданы в условиях беспристрастного военного положения. Титульные знаки отличия, которые до сих пор использовались полками, были заменены простыми цифрами, а справедливый график выплаты жалованья, пенсий и воинских почестей устранил все возможности для неоправданного фаворитизма. Некоторые настаивали на необходимости обязательного призыва со всей энергией могучей убежденности, но этот план был отвергнут как деспотический. Ассамблея обсудила, кто при новой системе должен обладать военной властью - король или народ. Они не смогли найти удовлетворительного решения и, в конце концов, приняли слабый компромисс, который значительно подорвал власть Мирабо, поскольку был доведен им до конца. Вся работа комиссии была временно сведена на нет этими двумя существенными недостатками — не было возможности пополнить ряды, не было сильной руки, чтобы руководить системой.

Первый год судебного разбирательства, 1790 год, дал катастрофическое доказательство. К этому времени вся монархическая и абсолютистская Европа восстала против Франции; лишь горстка энтузиастов в Англии и Америке, и еще меньше в других странах, сочувствовали ее усилиям. Бесстрастный здравый смысл остальных видел впереди только разорение и косо относился к идеализму ее нереальных тонкостей. Французские дворяне, которых тошнило от мысли о реформе, продолжали свое глупое и порочное бегство; соседние державы, готовившиеся теперь к вооруженному сопротивлению распространению Революции, не замедлили подстрекать к их планам. На каждой границе были созданы агентства по поощрению дезертирства, и к началу 1791 года боеспособные силы Франции

были более чем уничтожены. Больше не было вопроса о дисциплине; было достаточно, если можно было сохранить любого человека, достойного командовать или служить. Но средство от этой дезорганизации было под рукой. В письме Фешу, о котором уже упоминалось, Наполеон, после своих наблюдений среди народа, писал: "Я повсюду находил крестьян твердыми в своих стремлениях [непоколебимыми в своих мнениях], особенно в Дофини. Все они готовы погибнуть за конституцию. В Валенсии я видел решительных людей, солдат-патриотов и офицеров-аристократов. Однако есть некоторые исключения, поскольку президентом клуба является капитан по имени дю Сербо. Он капитан полка Форез в гарнизоне Валенсии.... Женщины повсюду роялистки. Это не удивительно; Либерти красивее их и затмевает их. Все приходские священники Дофини принесли гражданскую присягу; они потешаются над протестом епископа.... То, что называется хорошим обществом, на три четверти аристократично, то есть они маскируются под поклонников английской конституции".

Какой краткий очерк того нарастающего прилива национальных чувств, который вскоре должен был исправить все недостатки и заполнить все бреши в новой военной системе, подчинить армию как часть нации народному собранию, объединить регулярные войска, резервы и ополчение в одно целое и оказать моральную поддержку проведению в жизнь предложения об обязательном призыве!

Это движение было благоприятной возможностью для Бонапарта. Заявив, что после истечения своего длительного отпуска он дважды пытался перебраться во Францию, он предъявил соответствующие справки от властей Аяччо и попросил выплатить ему жалованье и пособия с этой даты. Его просьба была удовлетворена. Невозможно отрицать правдивость его заявления или подлинность его свидетельств. Но и то, и другое было вольным извращением полуправды, искажениями, смягченными неопределенностью революционной эпохи. Обычная казуистика далее проявляется в интересном письме, написанном в то же время месяе Джеймсу, деловому другу Жозефа в Шалоне, в котором встречается пассаж двойного значения о том, что его старший брат "надеется лично прибыть в следующем году в качестве депутата Национального собрания", что, несомненно, было правдой; ибо, несмотря на недееспособность по возрасту, он уже заседал в корсиканском конвенте и в советах Аяччо. Но несовершеннолетний французский в этом отрывке также может означать, и при случайном прочтении действительно наводит на мысль, что Джозеф, уже будучи депутатом, лично посетит своего друга в следующем году.

Связь Бонапарта со своим старым полком вскоре должна была прерваться. Он присоединился к нему тринадцатого февраля; он покинул его четырнадцатого июня. С учетом этих четырех месяцев его общий стаж составил пять лет и девять месяцев; но он отсутствовал, с отпуском или без него, что-то больше половины времени! Его старых друзей в Оксоне было немного, если они вообще там были. Без сомнения, его товарищи-офицеры устали выполнять обязанности отсутствующего, а о дружеских отношениях в любом случае могло быть мало что, при такой разнице во вкусах, политике и состоянии, какая была между ним и ними. Тем не менее, у него появилось несколько новых друзей, но в основном он вернулся к прежней уединенной жизни. Его собственная комната находилась в дешевой ночлежке и, по свидетельству одного посетителя, была обставлена убогой кушеткой без занавесок, столом и двумя стульями. Луис спал на тюфяке в соседнем чулане. Все радости, кроме радости надежды, были начисто изгнаны из этих отважных жизней, пока они учились, готовясь к экзамену, который мог принять младшего в корпус его брата. Старший

пощипывал, чтобы оплатить стол младшего; сам, согласно вероятно, но довольно ненадежному рассказу, чистил свою одежду, чтобы она прослужила дольше, и часто ужинал сухарями. Его единственным пристанищем был политический клуб. Единственное удовольствие, которое он себе позволял, — время от времени покупать какой-нибудь давно желанный том с полки городского книготорговца.[\[24\]](#)

Конечно, ни авторство, ни публикация не были забыты. В течение этих месяцев были завершены две короткие пьесы - "Диалог о любви" и острые "Размышления о состоянии природы", из которых уже приводились цитаты. "Я тоже когда-то был влюблен", - говорит он о себе в первом. Это не могло быть в Аяччо, и, должно быть, воспоминания о старом Валенсе, о приятном существовании, которое теперь закончилось, вызвали скорбное признание. В антитезе был предсказан будущий Наполеон. "Я иду дальше, чем отрицание его существования; я считаю, что это вредно для общества, для индивидуального благополучия людей". Другой резкий документ разрушает заветную гипотезу Руссо о человеке в естественном состоянии. Драгоценные рукописи, привезенные с Корсики, были отправлены единственному издателю по соседству, в Дол. Значительно переработанная история была отклонена; другая — неизвестно, на деньги ли, предоставленные клубом "Аяччо", или на риск автора — была напечатана тонким томом в двадцать одну страницу и опубликована под названием "Письмо Буонапарте Буттафуоко". Копия была немедленно отправлена Паоли с повторной просьбой предоставить такие документы, которые позволили бы автору завершить свой памфлет о Корсике. Патриот снова ответил очень обескураживающим тоном: Буттафуоко был слишком презренным человеком, чтобы его заметили, желаемые документы он не смог прислать, и такой мальчик ни в коем случае не мог быть историком. Буонапарте не смутился и продолжил свои исследования. Джозефа убедили добавить свои просьбы о получении желаемых документов к просьбам его брата, но он тоже получил категорический отказ.

Как ни коротка была резиденция Бонапарта в Оксоне, он в полной мере воспользовался ослаблением дисциплины, чтобы удовлетворить свое любопытство относительно состояния страны. Он часто навещал Мармона в Дижоне и совершил, как он выразился, на острове Святой Елены свое "Сентиментальное путешествие в Нью" в Бургундии. Рассказ, который он дал об аристократии в маленьком городке и о ее собраниях в особняке вдовы виноторговца, весьма занимателен. Своему хозяину Гассенди и достойному мэру он с большим самодовольством изложил свои радикальные доктрины, но, по его собственному признанию, в последовавших дискуссиях они прозвучали не лучшим образом. При империи сын Гассенди был членом государственного совета, и на одном из его заседаний он осмелился поддержать некоторые свои мнения, процитировав самого Наполеона. Император прекрасно помнил разговор в Ньюи, но многозначительно сказал, что его друг, должно быть, спал и видел сны.

Несколько традиций, которые проливают некоторый свет на отношение Бонапарта к религии, восходят к этой последней резиденции в Оксоне. Он был подготовлен к конфирмации в Бриенне духовником, который сейчас находился на пенсии в Доле, тем самым, которому, будучи первым консулом, он написал признание в своем долгу, добавив: "Без религии нет счастья, невозможно будущее. Я вверяю себя вашим молитвам". Жилище этого доброго человека было частой целью его прогулок за границу. Опять же, однажды он в шутку спросил друга, который навестил его в его комнате, слушал ли он мессу в то утро, открывая, по его словам, сундук, в котором находилось полное облачение священника.

Полковой капеллан, который, должно быть, был его другом, доверил его ему на хранение. Наконец, именно в эти мрачные и никогда не забываемые дни испытаний Луи был утвержден в должности, вероятно, по совету своего брата. Несмотря на то, что Наполеон сотрудничал с Фешем в работе о присяге священников конституции, хотя сам он подвергся нападкам толпы на Корсике как враг Церкви, не похоже, что у него были какие-либо иные чувства, кроме порядочных и благоговейных, по отношению к религии и ее проповедникам.

[\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XII.

РЕВОЛЮЦИЯ В ДОЛИНЕ РОНЫ.

Мрачный период — Буонапарт, первый лейтенант — Второе пребывание в Валенсии — Книги и чтение — Национальное собрание Франции — Король возвращается из Версаля — Административные реформы во Франции — Отмена Старого порядка — Бегство короля — Клятва Буонапарта поддерживать Конституцию — Его взгляд на ситуацию — Его революционное рвение — Неподчинение — Нетерпение из—за задержки — Предотвращена серьезная ошибка - Возвращение на Корсику.

1791.

Извилистый жизненный путь Наполеона в период с 1791 по 1795 год не был ни описан, ни понят теми, кто писал в его интересах. Это было его собственное желание, чтобы его биография, несмотря на то, что его общественная жизнь началась после Риволи, началась с возвращения Тулона Конвенту. С другой стороны, его недоброжелатели изучали этот вступительный период с такой очевидной предвзятостью, что беспристрастные читатели были отброшены от его рассмотрения. И все же эта грязная история достойна внимательного прочтения, ибо в этот период его жизни многие из его характерных качеств были смягчены и отшлифованы до остроты, которую они сохраняли на протяжении всего периода. Уносимый вперед, в безбрежный океан политического хаоса, юноша, казалось, плыл без весел и компаса: на самом деле его судно было под полным контролем, а карта верна. Объясняем ли мы его поведение случайностью или преднамеренностью, с точки зрения авантюриста, инстинкт, заставивший его расправить паруса навстречу благосклонности якобинцев, был столь же здравым, как и тот, который позже, когда якобинство стало вызывать отвращение, заставил его стремиться к тому, чтобы этот факт был забыт.

На ранних этапах реорганизации армии изменения вносились без особого учета личных заслуг, поскольку нехватка эффективных офицеров была такова, что даже самые безразличные имели определенную ценность. Примерно первого июня 1791 года Бонапарте был произведен в чин первого лейтенанта с жалованьем в тысячу триста ливров и переведен в Четвертый полк, находившийся в Валансе. Он услышал эту новость со смешанными чувствами: повышение по службе было, конечно, желанным, но он боялся возвращаться на свое прежнее место службы и расставаться с тремя или четырьмя

горячими друзьями, которые были у него среди товарищей по старому полку. На том основании, что из-за перевода будут нарушены договоренности, которые он предпринял для обучения Луи, он попросил военное министерство разрешить ему остаться в Оксоне с полком, ныне известным как Первый. Вероятно, истинной причиной его нежелания был страх, что пребывание в Валенсе может возродить болезненные эмоции, которые со временем несколько иссякли. Возможно, он также чувствовал, насколько радикальные взгляды, которых он начинал придерживаться, будут расходиться с теми, которые все еще разделяли его бывшие друзья. Но власти были неумолимы, и четырнадцатого июня братья уехали, Наполеон впервые оставил долги, которые не мог выплатить: за новую форму старшего лейтенанта, шпагу и немного дров он задолжал около ста пятнадцати ливров. Эту сумму он постарался выплатить в течение нескольких лет и как только позволят его дела.

Прибыв в Валенсию, он обнаружил, что старое общество исчезло. И епископ, и аббат Сен-Руф были мертвы. Mme. дю Коломбье уехала вместе с дочерью в свое загородное поместье. Таким образом, братья смогли продолжить свою жизнь именно там, где они совершили прорыв в Оксоне: Луи продолжал учебу, необходимую для поступления в офицерский корпус, Наполеон учил его и часто посещал политический клуб; оба были обездолены и, вероятно, страдали, поскольку вскоре у офицера образовалась большая задолженность по жалованью. В таком отчаянном положении для старшего брата было облегчением, что очарование его прежних связей рассеялось; такое дружеское общение, какое у него было сейчас, было среди среднего и низшего классов, состояние которых было более пропорционально его собственному и чьи чувства были практически идентичны тем, которые он исповедовал.

Список книг, которые он прочел, значителен: "Путешествия по Швейцарии" Кокса, "Воспоминания о царствованиях Людовика XIV и Людовика XV" Дюкло, "История Флоренции" Макиавелли, "Очерк нравов" Вольтера, "История Сорбонны" Дюверне, "Дух Жерсона" Ле Нобля и "История дворянства" Дюлора. Среди его бумаг есть более или менее полные наброски всех этих книг. Они доказывают, что он понимал то, что читал, но в отличие от других подобных его заметок, они мало свидетельствуют о критической силе. Помимо таких исторических исследований, которые могли бы объяснить события, предшествовавшие той революционной эпохе, в которую, по его мнению, вступала Франция, он тщательно изучал отношение галликанской церкви к притязаниям папства и рассматривал роль аристократии в обществе. Ясно, что у него не было намерения быть просто любопытным наблюдателем за последовательными фазами уже начавшегося политического и социального преобразования; он был настроен на изучение причин, осмысление причин и участие в самом движении.

К лету 1791 года первый этап преобразований во Франции был почти пройден. Период умеренности в реформировании подходил к концу. Национальное собрание осознало масштабы, но не характер своей задачи, и не смогло осознать последствия новой конституции, которую оно наметило. Нация была достаточно знакома с идеей короны как исполнительной власти, но до сих пор исполнительная власть была в то же время законодателем; ни король, ни народ толком не понимали, как король должен повиноваться нации, когда первый, воспитанный в школе строжайшего абсолютизма, был лишен всякой воли, а второй отдавал свои приказы через единую палату, реагирующую на легкомыслие масс и не контролируемую ни абсолютным правом вето, ни каким-либо чувством ответственности перед спокойным общественным мнением. Это была неотложная

проблема, которую предстояло решить в самых неблагоприятных условиях, какие только можно было себе представить.

Осенью 1789 года голод действительно свирепствовал за границей. Парижское население стало изможденным и унылым, но у короля и аристократии в Версале было вдоволь еды, и контраст усиливался из-за роскоши, устроенной во дворце. Королевская семья была предана одним из членов ее собственного дома, презренным Филиппом "Эгалитэ", который стремился расшевелить самые низменные отбросы общества, чтобы в этом брожении подняться на вершину; голодный Париж, подстрекаемый к действию слухами, которые он распространял, и взятками, которые он щедро раздавал, поставил Лафайета во главе и пятого октября вышел маршем к воротам королевской резиденции, чтобы подчеркнуть контраст между своими собственными страданиями и расточительным комфортом своих слуг, поскольку король и его министры теперь были в опасности. считается, что так и есть. Людовик и Национальное собрание уступили угрозе, двор вернулся в Париж, политика становилась все более горячей и ожесточенной, непостоянство толпы приобретало все большее влияние. Вскоре якобинский клуб начал оказывать самое могущественное влияние, и по мере этого он становился все более и более радикальным.

На протяжении всей долгой и трудной зимы массы, тем не менее, сохраняли спокойное ожидание. Было много бурных разговоров, но действия были приостановлены, пока Ассамблея сидела и пыталась решить свою проблему, разработав действительно прекрасную бумажную конституцию. К сожалению, положения документа не имели никакого отношения к политическим привычкам французской нации или к опыту Англии и Соединенных Штатов, единственных существовавших в то время свободных правительств. Феодалные привилегии, феодалные провинции, феодалные названия были уничтожены, вся Франция была преобразована в административные департаменты с географическими границами вместо исторических. Было высказано мнение, что церковные владения, владельцы которых считались простыми попечителями, должны быть приспособлены к тому же плану, и это было сделано. Таким образом, церковный и аристократический контроль был устранен одним росчерком пера. Другими словами, из-за разрушения механизма, с помощью которого светская и духовная власти осуществляли остатки своей власти, они обе были полностью парализованы. Королю было отказано во всякой инициативе, ему было предоставлено лишь временное вето, и в ходе реформы судебной системы был также подрван престиж юристов. Королевская власть была превращена в функцию, а суды были лишены как моральной, так и физической силы, необходимой для принуждения к повиновению своим указам. Таким образом, были устранены все формы опеки, к которым веками привык народ, — королевская, аристократическая, церковная и судебная. Неподготовленные к самоконтролю, они были так же готовы к безумным выходкам, как немецкие анабаптисты после Реформации или английские сектанты после казни Карла.

Внимание было привлечено к беспорядкам, возникшим в Оксоне и других местах, к эмиграции знати из этого квартала, к полному разрыву между приходскими священниками и высшими церковными чиновниками в Дофини; это был лишь пример всего. Когда четырнадцатого июля 1790 года король принял конституцию, которая предписывала светскую реорганизацию церковной иерархии, согласно условиям которой и епископы, и священники должны были избираться налогоплательщиками, две трети всего духовенства Франции отказались присягнуть ей на верность. Все попытки создать новую

административную и судебную системы были более или менее тщетными; недовольство чиновников и юристов становилось все более сильным. Только в Париже изменения были внесены с некоторым успехом: муниципалитет был разделен на сорок восемь секций, в каждой из которых было первичное собрание. Это были организации, которые позже дали Буонапарте возможность начать свою настоящую карьеру. Влияние якобинского клуба росло прямо пропорционально тому, как большинство его членов становилось более радикальными. Неккер подчинился их требованиям, но потерял популярность из-за своих монотонных требований денег и пал в сентябре, лишь с большим трудом добравшись до своего дома на озере Леман. Мирабо сменила его на посту единственной возможной опоры на пошатнувшемся троне. Под его руководством умеренные монархисты, или фейянисты, как их позже стали называть, из монастыря того ордена, в который они удалились, отделились от якобинцев, и еще до того, как Ассамблея прекратила свою работу, нация раскололась надвое, разделившись на противников и приверженцев монархии. Словно для того, чтобы застраховаться от бедствий такого антагонизма, Ассамблея, насчитывавшая среди своих членов каждого человека во Франции со зрелым политическим опытом, совершила невероятную глупость самоуничтожения, проголосовав за то, чтобы ни один из ее членов не имел права быть избранным в законодательный орган.

Новый импульс революционному движению придала смерть Мирабо второго апреля 1791 года. Его похороны отмечались во многих местах, и, поскольку он был уроженцем Прованса, в Валансе, вероятно, проводились торжественные церемонии. Существует предание, что они произошли во время второй резиденции Буонапарте в городе, и что именно он руководил задрапировкой хоров в главной церкви. Говорят, что занавесы были устроены так, чтобы представлять собой погребальную урну, а под ними заметными буквами была выведена надпись: "Смотрите, что осталось от французского Ликурга". Мирабо действительно проявил политический гений, его план создания сильного министерства, избранного из Собрания, смело выступил против слабости Неккера, убедившего Людовика принять временное вето и выбрать свой кабинет независимо от партии власти. Когда безумная распушенность юности государственного деятеля потребовала своего наказания в столь критический для Франции час, король и умеренные в равной степени потеряли мужество. В июне обеспокоенный и измученный монарх решил, что игра того не стоит, и двадцать первого числа бежал. Хотя он был схвачен и возвращен, чтобы сыграть невозможную роль демократического принца, патриоты, которые хотели продвигаться вперед с опытом и традициями в качестве проводников, были полностью дискредитированы. Весь мир мог видеть, насколько малодушной была королевская власть, которую они хотели сохранить, и массы пришли к выводу, что, реальный или номинальный, этот институт не только бесполезен, но и опасен. Это чувство было сильно в долине Роны и прилегающих районах, которые всегда были очагом крайнего радикализма. Симпатии к Корсике и корсиканцам долгое время были активны на юго-востоке Франции. Ни остров, ни его жители не казались странными. Когда в Валенсии было создано общество защиты конституции, Буонапарте, хотя и корсиканец, был сначала секретарем, а затем президентом ассоциации.

"Друзья конституции" с каждым днем становились в этом городе все многочисленнее, могущественнее и радикальнее; и когда предстояло торжественно принести присягу на верность новому порядку, он был выбран в качестве удобного места для съезда двадцати двух подобных ассоциаций из соседних округов. Встреча состоялась третьего июля 1791 года; официальное принесение присяги гражданским, военным, судебным и церковным

властям произошло четырнадцатого. Перед огромным алтарем, воздвигнутым на плацу для учений, в присутствии всех высокопоставленных лиц, под грохот пушек и оглашение воздуха криками и патриотическими песнями, официальные лица группами, народ в массе своей поклялись с поднятыми руками поддерживать конституцию, повиноваться Национальному собранию и умереть, если потребует, защищая французскую территорию от вторжения. Сцены, столь впечатляющие и драматичные, как эта, происходили по всей Франции. Они сильно затронули воображение нации и оказали глубокое влияние на общественное мнение. "До тех пор, - сказал Бонапарте, имея в виду торжественность, - я не сомневаюсь, что если бы я получил приказ повернуть мои пушки против народа, привычка, предрассудки, образование и имя короля побудили бы меня подчиниться. С принятием национальной присяги все стало иначе; с тех пор мои инстинкты и мой долг находились в гармонии".

Но положение либеральных офицеров по-прежнему было самым тяжелым. На улицах и среди людей они находились в благоприятной атмосфере; за закрытыми дверями гостиных, в обществе дам и среди их товарищей по столовой царили скованность и подозрительность. На улице царило ликование; в домах привилегированных классов царили печаль и неуверенность. Но повсюду, в домах или на улице, распространялся страх войны, если не гражданской, то, по крайней мере, иностранной, с французскими эмигрантами в качестве союзников нападавших. В этом пункте Бонапарт ошибся. Еще двадцать седьмого июля 1791 года он писал Нодену, своему близкому другу, который был начальником военного бюро в Оксоне: "Будет ли война? Нет; Европа разделена между суверенами, которые правят людьми, и теми, кто правит скотом и лошадьми. Первые понимают Революцию и напуганы; они с радостью пошли бы на личные жертвы, чтобы уничтожить ее, но они не осмеливаются снять маску из страха, что пожар вспыхнет в их собственных домах. Посмотрите историю Англии, Голландии и т.д. Те, кто правит лошадьми, неправильно понимают и не могут понять смысл конституции. Они думают, что этот хаос бессвязных идей означает конец французского могущества. Послушав их, можно было бы подумать, что наши храбрые патриоты вот-вот перережут друг другу глотки и своей кровью очистят страну от преступлений, совершенных против королей". Новости, содержащиеся в этом письме, очень интересны. Есть свидетельства о рвении и духе, повсюду проявляемом патриотами-демократами, о петиции о суде над королем, разосланной на недавнем митинге в Валенсе, и об заверении автора, что его полк "уверен", за исключением половины офицеров. В постскриптуме он добавляет: "Южная кровь течет в моих жилах так же быстро, как Рона. Простите, если вам неприятно читать мои каракули". [\[25\]](#)

Неугомонность - привычка агитатора, а темперамент Бонапарта не был чем-то исключительным. Его передвижения и цели в июле и августе весьма неопределенны из-за отсутствия документальных свидетельств, достаточных для их определения. Но его первые биографы, следуя сравнительно короткой традиции того времени, позволяют нам с высокой степенью вероятности зафиксировать некоторые вещи. Молодой радикал пробыл всего два месяца под своим новым командованием, когда он начал жаждать перемен; лихорадка возбуждения и дискомфорт его жизни, а также, вероятно, некоторое предчувствие того, что вскоре будет организована корсиканская национальная гвардия, пробудили в нем желание снова отправиться в путь, и, соответственно, он подал заявление об отпуске. Его полковник, очень вялый конституционалист, разгневанный дурной славой, которую приобрел его лейтенант, уже послал жалобу на непокорность Бонапарта и его невнимание к долгу. Исходя из формального права, он поэтому отклонил ходатайство. Обладая находчивостью интригана, Бонапарт обратился к вышестоящему авторитету, своему другу Дютейлю, который был генеральным инспектором артиллерии в департаменте и пользовался немалой популярностью. Однако, должно быть, произошло что-то такое, что вызвало задержку, поскольку проходили недели, а желаемый отпуск так и не был предоставлен.

Ожидая решения, заявитель чувствовал себя очень неловко. Другьям он говорил, что скоро будет в Париже; своему двоюродному дедушке он писал: "Пришли мне триста ливров; этой суммы мне хватило бы на поездку в Париж. Там, по крайней мере, человек может проявить себя, преодолеть препятствия. Все говорит мне, что я добьюсь успеха там. Ты остановишь меня из-за отсутствия ста крон?" И снова: "Я с нетерпением жду шести крон, которые мне должна моя мать; они мне очень нужны". Эти требования денег остались без ответа. Объяснение нетерпения Бонапарта достаточно простое. Одно за другим провинциальные общества, созданные для поддержки конституции, присоединялись к влиятельным якобинцам в Париже, которые в настоящее время были сильнейшей политической силой в стране. Он был признанным лидером их сторонников в долине Роны. Очевидно, он намеревался отправиться в штаб-квартиру и лично посмотреть, каковы перспективы. С такими сторонниками, каких он таким образом надеялся найти, можно было бы получить некоторое преимущество, возможно, даже долгожданное командование на Корсике.

То, что молодому отчаянному еще не суждено было быть брошенным в бурлящий котел французской политики, было редкой удачей. Время для осуществления его полномочий еще не пришло. Штурм Бастилии символизировал свержение привилегий и абсолютной монархии; бегство короля предвещало свержение монархии, абсолютной или какой-либо другой. Исполнительная власть исчезла, законодательная власть популярна и демократична, но не знает, как управлять делами, судебная власть в равной степени дезорганизована, а армия превращается в патриотическую организацию — было ли еще что-то впереди? ДА. До сих пор, несмотря на благонамеренные попытки заменить старые конструкции новыми, все шло к распаду. Французское общество должно было быть реорганизовано только после дальнейшего измельчения; сплочение могло начаться только под давлением извне — давлением, оказываемым угрозами сумасбродных роялистов, что они привлекут иностранные державы для принуждения и третейского разбирательства, активными демонстрациями эмигрантов, началом иностранных войн. Таковы были события, которые вот-вот должны были произойти; в конце концов, из хаоса правления толпы они переросли бы сначала в нерегулярную и временную диктатуру Конвента, затем в тиранию Директории; в то же время они вселили бы пыл патриотизма во всю массу

французской нации, ошеломленной, беспомощной и лишенной лидера, но верной, храброй и энергичной. В таком кризисе народ будет терпеть, если не потребует, сильного лидера, который добьется уважения к Франции и выполнит свои приказы; предпочтет энергичное господство одного слабому неправильному управлению многих или горстки. Более того, этот человек был так же не готов, как и то время; ибо, по всей вероятности, Буонапарте хотел "проявить себя, преодолеть препятствия" в сложившейся ситуации не как француз, а как истинный патриот Корсики.

Четвертого августа 1791 года Национальное собрание наконец приняло решение сформировать оплачиваемую добровольческую национальную гвардию численностью в сто тысяч человек, и двенадцатого августа их решение стало законом. Срок призыва составлял год; на Корсике должны были быть сформированы четыре батальона. Бонапарте узнал об этом решении десятого августа и был убежден, что час осуществления его давних устремлений наконец пробил. Несомненно, он мог бы многое сделать в Париже, чтобы получить должность во франко-корсиканской национальной гвардии, и, помня об этом, он немедленно написал меморандум о вооружении новых сил, адресовав его с характерной для него уверенностью военному министру. Однако, когда три недели спустя, тридцатого августа 1791 года, ему был предоставлен отпуск, на который он имел право по заведенному порядку и который не был предоставлен по чьей-либо милости, он отказался от всякой мысли о службе во Франции в корсиканской гвардии. Беспорядок того времени был таков, что, оставаясь на посту во французской армии, он мог испытать в независимом корсиканском командовании возможность подняться до руководства там, прежде чем покинуть свое нынешнее подчиненное положение во Франции. Очевидно, ввиду этого нового предприятия он в течение некоторого времени получал авансы от полкового казначея, пока не получил на руки значительную сумму — двести девяносто ливров. Официальное заявление властям могло вызвать у них неловкие вопросы, поэтому он и Луи тихо отбыли без объяснений, оставив во второй раз значительные долги. Они прибыли в Аяччо шестого сентября 1791 года. Наполеон на самом деле не был дезертиром, но он обдумывал шаг к неповиновению французским властям — принятие на службу в корсиканские вооруженные силы. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XIII.

БУОНАПАРТЕ - КОРСИКАНСКИЙ ЯКОБИНЕЦ.

Корсиканский патриотизм Буонапарта — Его положение в семье — Положение Жозефа — Корсиканская политика — Власть Наполеона в якобинском клубе Аяччо — Его неудача в качестве претендента на литературные награды — Назначен генерал-адъютантом — Его отношение к Франции — Его новые амбиции — Применение насилия — Подполковник добровольцев - Политика в Аяччо — Его первый опыт уличных боев — Его Манифест — Отправлен в Париж — Его планы — Позиция Людовика XVI — Проступки Буонапарта — Дезорганизация в армии — Петиция о восстановлении — The Марсельцы — Буонапарт как зритель — Его оценка Франции — Его присутствие при событиях десятого августа — Положение в Париже — Бегство Лафайета.

Это был третий раз за четыре года, когда Буонапарте посетил свой дом. [26] Сославшись на плохое самочувствие, он впервые смог остаться на год и два месяца, в полной мере проявив свой корсиканский патриотизм и собственные амбиции посещением Орецы и политической агитацией среди народа. Во второй раз он оставался там год и четыре месяца, удерживаясь в должности с помощью уловок и нарушений, которые, хотя и допускались, обострили его отношения с военным министерством в Париже. Он открыто бросил вызов королевской власти, полагаясь на надвигающуюся бурю, чтобы скрыть свое поведение, если оно окажется предосудительным, или на преимущество в своей собственной стране, если Корсика сохранит свои свободы. Следовательно, нет оснований предполагать, что его намерения во время третьего визита отличались от намерений, проявленных в двух других, хотя, несомненно, одним из многих соображений была забота о его семье.

За время отсутствия Наполеона на Корсике положение его семьи существенно не изменилось. Вскоре после его прибытия старый архидьякон умер, и его небольшое состояние перешло к Буонапартам. Жозеф, вскоре после этого потерпев неудачу в своем плане избрания депутатом французского законодательного собрания, был избран членом корсиканской директории. Поэтому он был вынужден полностью посвятить себя своим новым обязанностям и жить в Кортэ. Феш, как старший мужчина, брат матери и к тому же священник, предполагал взять на себя руководство семейными делами. Но он был обречен на скорое разочарование: отныне Наполеон был семейным диктатором. Совместно со своим дядей он использовал все или значительную часть сбережений архидьякона для покупки нескольких поместий из национального достояния, как назывались конфискованные земли монастырей. Ставший таким образом более самонадеянным, он много говорил в домашнем кругу о величии классической древности и задавался вопросом: "кто бы добровольно не был заколот, если бы только мог быть цезарем? Один слабый луч его славы был бы достаточной компенсацией за внезапную смерть". Шансы цезаризма, которые предоставлял остров Корсика, очень быстро увеличивались.

Семья Буонапарте не имела никакого влияния на эти выборы. Джозеф даже не был выдвинут. Выбор пал на двух мужчин, выбранных Паоли: один из них, Перальди, уже был озлоблен против семьи; другой, Поццо ди Борго, хотя до сих пор был достаточно дружелюбен, впоследствии стал непримиримым врагом. Достигнув известности как дипломат, поступая на службу в ту или иную страну Европы, последний помешал Наполеону при нескольких важных обстоятельствах. Некоторые считают, что Паоли был уязвлен откровенной критикой его стратегии со стороны Наполеона: скорее всего, он не доверял молодежи, получившей образование во Франции и которые, хотя и были шумными корсиканцами, были, как он проницательно догадался, пропитаны французским идеализмом. Сам он заботился о Франции только потому, что с ее помощью можно было обеспечить Корсике максимально возможную автономию. В директории департамента Корсика Жозеф, а вместе с ним и влияние Буонапарте, были доведены до бессилия, хотя и довольствовались высоким положением. Невежество администраторов лишь усугублялось трудностями их работы.

В течение последних нескольких месяцев религиозная агитация неуклонно росла. Благочестивые католики были озлоблены фактическим изгнанием старого духовенства и вступлением в должность новых священников, поклявшихся соблюдать конституцию. Среди

беспорядков в администрации люди во все большем количестве брали в руки оружие; как и прежде, они появлялись на своих собраниях под руководством своих вождей, готовые сражаться в любой момент. Это был всего лишь шаг к насилию, и без какой-либо другой провокации, кроме религиозного раздражения, жители Бастии недавно пытались убить своего нового епископа. Даже Арена, который так недавно занял это место в интересах Паоли, теперь считался французским радикалом, с которым жестоко обращались и которого вместе с его сторонниками изгнали в Италию. Приближались новые выборы; борьба между паолистами и крайней французской партией становилась все жарче и жарче. Предстояло избрать не только депутатов нового собрания, но и высших офицеров новой гвардии. Бонапарте, будучи всего лишь лейтенантом регулярных войск, по закону не мог претендовать ни на что большее, чем назначение на должность адъютант-майора со званием и жалованьем капитана. Терять из-за этого свое место во Франции не стоило, поэтому он решил баллотироваться на одну из высших выборных должностей - подполковника, должность, которая дала бы ему больше власти и, согласно последнему законодательству, давала право сохранить свой чин в регулярной армии.

Теперь в Аяччо было два политических клуба: корсиканских якобинцев, по большей части деревенских жителей, и корсиканских фейянов, состоявших из чиновников и горожан. Бонапарт стал движущей силой в первом и был полон решимости любой ценой уничтожить влияние второго. Две предыдущие попытки закрепить Аяччо за радикалами провалились; третья уже рассматривалась. Новый лидер начал украшать свой язык теми прекрасными и благовидными фразами, в которых отныне никогда не было недостатка в его высказываниях во время революционных кризисов. "Закон, - писал он примерно в то же время, - подобен тем статуям некоторых богов, которые при определенных обстоятельствах закрываются вуалью". В течение нескольких недель дома было практически нечего делать в связи с предвыборной кампанией; поэтому он получил разрешение путешествовать со знаменитым Волни, который желал уединиться от парижских бурь и был избран директором по торговле и мануфактурам на острове. Это путешествие было для такого кандидата, как Буонапарте, бесценным средством наблюдения и привлечения друзей для своего дела.

Еще до окончания этой поездки его отпуск истек, его полк был переведен на боевое положение, и был отдан приказ о возвращении каждого офицера на свои посты ко дню Рождества. Но при исполнении своей заветной цели молодой корсиканский патриот пренебрег военными обязательствами перед Францией и умышленно уклонялся от исполнения служебных обязанностей. Он снова почувствовал очарование дикой, вольной жизни; его призвали в армию для участия в кампании, хотя у него не было ни положения, ни денег, которые могли бы его поддержать. Эссе о счастье, которое он представил в Лионскую академию, само собой разумеется, не получило приза, поскольку одно из судей объявило его "слишком плохо скомпонованным, слишком неровным, слишком разрозненным и слишком плохо написанным, чтобы заслуживать внимания". Это решение стало двойным ударом, поскольку было объявлено примерно в это же время, в момент, когда и слава, и деньги были бы как нельзя кстати. Скучный доход от земель, купленных на наследство старого архидьякона, оставался единственным ресурсом семьи для обеспечения щедрого гостеприимства, которое, согласно незапамятной полуварварской традиции, требовалось от кандидата-корсиканца.

Теперь из Парижа был издан императивный приказ о том, что те линейные офицеры, которые служили в Национальной гвардии со званием ниже подполковника, должны вернуться на регулярную службу до первого апреля 1792 года. Здесь был подтекст, который можно было бы использовать в качестве объяснения. Как лейтенант в отпуске, Бонапарте, конечно, должен был вернуться двадцать пятого декабря; однако, если бы он был офицером добровольцев, он мог бы сослаться на новый приказ. Хотя рекруты еще не прибыли и никакие роты не были сформированы, одной этой идеи было достаточно, чтобы предложить средство для сохранения видимости. Генерал-майор, командующий департаментом, попросил о назначении на должность майора-адъютанта, и он, согласно разрешению, полученному в свое время из Парижа, удовлетворил его. До сих пор Буонапарте не был обвинен в дезертирстве, и для его репутации и честолюбия было важно, чтобы его избрали подполковником. Успех позволил бы ему заявить, что его первое нарушение дисциплины было вызвано неправильными приказами вышестоящего начальства, что, так или иначе, он был майором-адъютантом и что, в конце концов, звание подполковника давало ему иммунитет от наказания и оставляло его невиновным.

Тем не менее ему было не по себе, и он написал своему другу Сюси, генеральному комиссару в Валенсии, два письма любопытного характера. В первом, написанном через пять недель после истечения срока его отпуска, он спокойно сообщает о себе и дает отчет о своих занятиях, упоминая между прочим, что непредвиденные обстоятельства, самые дорогие и священные обязанности, помешали его возвращению. Его корреспондент был бы так любезен, если бы не упомянул об этом письме "джентльменам полка", но автор письма немедленно вернулся бы, если бы его друг, руководствуясь своим беспристрастным суждением, решил, что так будет лучше. Во втором он решительно заявляет, что в трудные времена должность хорошего корсиканца находится дома, что поэтому он думал об отставке, но его друзья пошли промежуточным путем, назначив его адъютантом-майором в добровольцах, чтобы он мог привести свой долг солдата в соответствие со своим долгом патриота. На вопрос о новостях о том, что происходит во Франции, он пишет как посторонний: "Если *ваша* нация в этот момент теряет мужество, с ней покончено навсегда".

Ближе к концу марта добровольцы с гор начали появляться в Аяччо для выборов своих офицеров. У Наполеона были непримиримые и могущественные соперники, но его недавняя поездка, очевидно, позволила ему приобрести много друзей среди солдат. Таким образом, хотя успех был возможен с помощью этих средств, существовало и другое влияние, почти столь же мощное, — влияние трех комиссаров, назначенных директорией острова для организации и оснащения батальона. Это были Морати, друг Перальди, депутата-паолиста; Квенца, более или менее нейтральный, и Гримальди, преданный сторонник Буонапарте. С искусной дипломатией Наполеон согласился, что он не будет претендовать на должность первого подполковника, чего желал Перетти, близкий друг Паоли, для своего шурина Квенцы, но будет добиваться должности второго подполковника. Таким образом, он был уверен в доброй воле двух из трех комиссаров; другой, конечно, был настроен враждебно, будучи партизаном Перальди.

Выборы, как обычно на Корсике, похоже, прошли в обстановке турбулентности и шумного насилия. Его враги атаковали Бонапарта всеми видами оружия: своими деньгами, своим влиянием и, в частности, насмешками. Его высокий рост, бедность и абсурдные амбиции вызывали презрение. Молодой отчаянный был задет за живое и, забыв о корсиканских

обычаях, совершил глупую ошибку, вызвав Перальди на дуэль - институт, презируемый корсиканскими приверженцами вендетты. Апогеем презрения стала неспособность Перальди даже заметить вызов. Во время кризиса Саличетти, близкий друг Буонапарте и высокопоставленный чиновник департамента, появился со значительными вооруженными силами для поддержания порядка. Это напугало консерваторов. Третий комиссар, живший в качестве гостя у Перальди, был схвачен в ночь перед выборами группой друзей Буонапарте и посажен под замок в доме их кандидата — "чтобы сделать вас полностью свободными; вы не были свободны там, где были", - сказал зачинщик инсульта, когда его вызвали для объяснений. К использованию красивых фраз теперь добавилась легкость в применении насилия в крайнем случае, которая также оставалась характерной для карьеры Бонапарта до самого конца. Назика, который единственный записывает эту историю, видит в этом событии предвестие длинной серии государственных переворотов, кульминацией которых стало восемнадцатое Брюмера. Существует история о том, что во время одной из потасовок, связанных с этой дракой, член семьи Поццо ди Борго был сбит с ног и растоптан. Как бы то ни было, Буонапарте добился успеха. Это, конечно, усилило уже существующую ненависть, и с этого момента семьи Перальди и Поццо ди Борго стали его смертельными врагами.

Квенца, которого выбрали первым подполковником, был человеком вообще без характера, никем. Более того, он был поглощен обязанностями в администрации департамента. Таким образом, Буонапарте фактически командовал мощной, хорошо вооруженной законной силой. Будучи майором-адъютантом, а теперь регулярно избираемым подполковником в соответствии с уставом, он с хорошо рассчитанной наглостью обратился к своему полковому казначею за жалованьем, накопившимся за время его отсутствия. Сначала в этом было отказано, поскольку в промежутке времени с него сняли деньги за то, что он остался дома и не подчинился приказам; но таковы были нарушения того революционного времени, что позже, хотя он и был фактическим дезертиром, эта сумма была фактически выплачена, и он был восстановлен на своем месте. Он запросил и получил от военных властей острова удостоверение о своем служебном положении и разрешение предъявить их в Париже, если потребуется, для сохранения своего звания французского офицера, но в конечном итоге необходимости в их использовании не было. Никто не был более ловок, чем Бонапарт, в использовании возможностей. Он был плюралистом без совести. Обычный француз, если того потребует чрезвычайная ситуация, он также был патриотом Корсики и командиром добровольческой гвардии острова, полностью экипированным для следующего переезда. Возможно, наконец, он смог бы с успехом взять на себя роль освободителя Сампьеро. Но должна была появиться или быть создана возможность. Ее было легко организовать.

Аяччо постепенно превратился в курорт для многих ярких римских католиков, которые отказались принять новый порядок. Городские власти, хотя среди них и было несколько крайних радикалов, в целом сочувствовали этим консерваторам. С помощью своих друзей из городской администрации второй батальон Буонапарте под тем или иным предлогом был собран в городе и его окрестностях. Вслед за этим, следуя наиболее вероятному сообщению, которое также подтверждается собственным рассказом Бонапарта, было выдвинуто требование, чтобы в соответствии с недавним церковным законодательством Национального собрания монахи-капуцины, которых до сих пор никто не беспокоил, покинули свой монастырь. Настроение было настолько сильным, что были вызваны другие добровольческие роты; они прибыли первого апреля. Сразу же общественный порядок оказался под угрозой: на одной стороне были религиозные фанатики, на другой -

политические агитаторы, оба из которых громко угрожали и были готовы к насилию. Посередине, между двух огней, находилась масса людей, которые сочувствовали церковникам, но хотели мира любой ценой. Сначала начались ссоры между представителями различных фракций, но вскоре это вылилось в конфликты между гражданскими лицами и добровольческой гвардией. Первым шагом, предпринятым военными, был захват и оккупация монастыря, который находился прямо под цитаделью, конечной целью их лидера, кем бы он ни был, и горожане верили, что это Буонапарте. Оставалось надеяться, что, оказавшись за стенами цитадели, корсиканцы, состоящие на регулярной французской службе, побратаются со своими сородичами; с таким началом можно было бы со временем привлечь на свою сторону весь гарнизон.

Это еще больше разозлило ультрамонтанов, и в день Пасхи, восьмого апреля, они устроили демонстрации настолько серьезные, что коварный командир — как считалось, снова Буонапарте — нашел столь желанный предлог для вмешательства; произошла стычка, и один из офицеров ополчения был убит. На следующее утро горожане обнаружили, что их город осажден добровольцами. Добропорядочные граждане сидели по домам, в то время как исполняющий обязанности мэра и совет собрались, чтобы санкционировать атаку на цитадель. Власти не смогли договориться и разошлись; на следующее утро выяснилось, что исполняющий обязанности мэра и его сторонники укрылись в цитадели. Пользуясь преимуществом этой крепости, они предложили разрешить возникшее затруднение путем арбитража коллегии, состоящей по двое от каждой стороны, под председательством коменданта. Согласия снова не последовало.

Наконец, устав от торгов и задержек, офицер гарнизона приказал офицерам ополчения отвести свои силы. По совету какого-то решительного радикала — опять же, по всей вероятности, Бонапарта, — последний наотрез отказался, и ночь прошла в подготовке к конфликту, который казался неизбежным. Но ранним утром прибыли представители департамента, посланные Паоли для сохранения мира. Большинство людей с радостью встретило их и, после слушания дела, распустило добровольческий батальон по различным постам в прилегающей стране. Общественное мнение немедленно повернулось против Бонапарта, убежденное, как и население, в том, что он был виновником всех беспорядков. Командир гарнизона был озлоблен и отправил в военное министерство рапорт, в котором поведение молодого офицера было представлено в самом неблагоприятном свете. Защита Бонапарта содержалась в манифесте, который привел горожан в еще большую ярость, заявив, что вся гражданская структура их города ничего не стоит и должна быть свергнута.

Престарелый Паоли с каждым днем находил свое положение все более тяжелым. При конституционной монархии, такой, какой он восхищался и которую изучал в Англии, такой, на которую он все еще надеялся во Франции, он верил, что его собственная страна может обрести фактическую автономию. Учитывая бунты и беспорядки в каждом городе, пройдет совсем немного времени, прежде чем будет доказано абсолютное лишение его соотечественников права на самоуправление и французская администрация будет восстановлена. Следовательно, для достижения его нынешней цели необходимо сохранить мир, и Бонапарте, на котором, справедливо или нет, лежала вина за эти недавние столкновения, должен быть удален, по возможности, в другое место; но поскольку беспокойный юноша был сыном старого друга и главой все еще влиятельной семьи, это должно быть сделано без оскорблений. Правительство в Париже могло бы успокоиться, если

бы отсутствовавший офицер был восстановлен на своем посту; поскольку Квенца командовал добровольцами, опасность повторного восстания в Аяччо была бы невелика.

Таким образом, дискредитировавшему себя революционеру было более чем легко при подразумеваемом условии и понимании того, что он должен покинуть Корсику, получить от властей документы, необходимые для того, чтобы представить себя и свои действия в наиболее благоприятном свете. Соответственно, Бонапарте вооружился удостоверенным свидетельством о постах, которые он занимал, и периоде, в течение которого он их занимал, а также другим свидетельством о его "гражданственности" — фразе, использовавшейся в то время для обозначения качества дружелюбия к Революции. Первое, по-видимому, было составлено в соответствии с его собственными заявлениями и явно вводило в заблуждение; однако по форме главнокомандующий, муниципалитет Аяччо и власти департамента были едины в подтверждении его незапятнанного характера и постоянного положения. Это было что-то. Куда должен направиться козел отпущения? Валанс, где полковник-роялист считал его дезертиром, был, конечно, закрыт, и только в Париже можно было предпринять необходимые шаги для восстановления в звании с сохранением жалованья или, скорее, аннулирования всей записи в том виде, в каком она тогда числилась в полковых книгах. По этой причине он также заручился рекомендательными письмами к ведущим корсиканцам французской столицы. Его отъезд был настолько внезапным, что напоминал бегство. Он поспешил в Кортэ и пробыл там ровно столько, чтобы осознать неизбежность своей сокрушительной потери общественного уважения на всей Корсике. Говорят, что по дороге он ненадолго повидался с Паоли и получил некоторую поддержку в плане набора еще одного батальона добровольцев. Жозеф утверждал, что посоветовал своему брату не иметь ничего общего с этим планом, а немедленно уехать во Францию. В любом случае разум Наполеона был ясен. Карьера на Корсике в широком масштабе была для него невозможна. Заняв денег на дорогу, он поспешил уехать и отплыл из Бастии второго мая 1792 года. Более слабого человека такая перспектива могла бы привести в уныние. Перальди, корсиканский депутат, был близким родственником побежденного соперника; недовольство Паоли было слишком явным; ожесточенная ненависть значительной части населения Аяччо, включая командира гарнизона-роялиста, была нескрываемой. Энергия, опрометчивость и честолюбие Наполеона в совокупности вызывали у Поццо ди Борго отвращение к нему. Его обвинили в том, что он предатель, источник всех неприятностей, в заговоре против нового Святого Варфоломея, готовый на любые ужасы, чтобы обеспечить себе власть. Примет ли его Франция, отвергнутая Корсикой? Не будут ли те немногие французские друзья, которые у него были, также отчуждены этими последними выходками? Можно ли исключить формальный список полковых правонарушений? В любом случае, как ничтожна перспектива успеха в огромной обезумевшей столице среди конвульсивных мук национального беспорядка!

Но в последнем соображении заключался его единственный шанс: беспорядок в стране должен был стать средством от беспорядков Бонапарта. Король отказался санкционировать секуляризацию поместий, которые когда-то принадлежали эмигрантам и отрекшимся от церкви; якобинцы ответили открытой враждебностью к монархии. Заговор благородных и княжеских беженцев с различными королевскими и другими интриганами двумя годами ранее был преступлением против короля и конституционалистов, поскольку ставил под угрозу их последний шанс на существование, даже саму их жизнь. За столь короткое время то, что было преступным в эмигрантах, по-видимому, стало единственным средством самосохранения для их намеченной жертвы. Его сторонники конституции признали, что с

принятием королем этого курса исчезла последняя надежда на мирное решение их ужасной проблемы. Теперь было почти очевидно, и все верили, что Людовик сам ведет переговоры с иностранными монархами; чтобы сорвать его планы и предотвратить последствия, необходимо было начать открытые военные действия против его тайных союзников. Следовательно, двадцатого апреля 1792 года под влиянием друзей короля Австрии была объявлена война. Население, охваченное благоговейным страхом перед вызванными таким образом армиями, сначала вело себя молчаливо вызывающе, но это отношение сменилось открытой яростью, когда было объявлено о поражении французских войск в Австрийских Нидерландах.

Умеренные республиканцы, или жирондисты, как их называли в округе, где они были сильнее всего, теперь были посреднической партией; их лидер Ролан был призван сформировать министерство и унять народный гнев. Именно один из его коллег рассмотрел жалобу на Бонапарта, полученную от командира гарнизона в Аяччо. Согласно строгому толкованию военного кодекса, едва ли было преступление, которого бы не совершил Бонапарт: дезертирство, неповиновение, вмешательство в чужие дела, нападение на официальную власть и злоупотребление должностными полномочиями. Министр назвал поведение Квенцы и Буонапарте в высшей степени предосудительным и заявил, что, если бы их преступление было чисто военным, он отдал бы их под трибунал.

Впервые узнав в Марселе, что началась война, и что роты его полка были разбросаны по различным лагерям для прохождения действительной службы, Бонапарт поспешил на север. Новая страсть, свидетельствовавшая о только что пробудившемся патриотизме, овладела народным воображением. Если годом ранее актуальным и универсальным выражением было "федерация", то теперь все разговоры сводились к "нации". Вполне возможно, что так оно и есть. Прежде чем путешественник прибыл к месту назначения, французскую армию постигла еще одна беда: целый полк с оружием в руках перешел на сторону врага, а отдельные солдаты спасались сотнями. Офицеры Четвертого артиллерийского полка увольнялись и разбегались примерно в равном количестве. Повсюду царил ужас, власти обвинялись в государственной измене и идиотизме. Война внутри, война снаружи, и армия в состоянии развала! Принцы-эмигранты вернутся, и Франция будет продана в рабство, в десять раз более тяжкое, чем то, от которого она изо всех сил пыталась освободиться.

Когда Бонапарт прибыл в Париж двадцать восьмого мая 1792 года, перспективы просителя, обанкротившегося в средствах и почти потерявшего репутацию, были невелики; но он был неустрашен, и его прошение о восстановлении в артиллерии было подано, не теряя ни минуты. Новый военный министр был назначен всего несколько дней назад — за столько же месяцев в этом кабинете сменилось шесть человек, — и помощник, теперь отвечающий за артиллерию, казалось, благосклонно отнесся к просьбе. На мгновение он подумал о том, чтобы вернуть просителя на его место, но события развивались слишком стремительно, и более неотложные требования отодвинули на второй план притязания малоизвестного лейтенанта с сомнительной репутацией. Бонапарт сразу понял, что он может добиться своего только терпением или назойливостью, и начал обдумывать, как ему устроить свое длительное пребывание в столице. Его скудные ресурсы были уже исчерпаны, но он нашел Буррьена, бывшего школьного товарища по Бриенну, в таком же затруднительном положении, ожидающего, как и он сам, чего-нибудь подвернувшегося. За ужином в дешевом ресторанчике на улице Сент-Оноре они обсуждали различные способы

добывания средств к существованию и всерьез подумывали о партнерстве в сдаче меблированных комнат в субаренду. Но Бурьенн очень быстро получил должность секретаря в посольстве в Штутгарте, так что его товарищу пришлось бороться в одиночку, заложив те немногие ценные вещи, которые у него были.

Дни и недели были полны происшествий, ужасных и наводящих на размышления по своей природе. Собрание распустило королевскую гвардию двадцать девятого мая; тринадцатого июня жирондисты были удалены из министерства; через несколько дней при дворе стало известно, что Пруссия выступила в качестве союзника Австрии, и семнадцатого был сформирован консервативный кабинетфейянов. Три дня спустя началось народное восстание, двадцать шестого было объявлено о создании коалиции, а двадцать восьмого Лафайет попытался сдержать волну яростного недовольства, которая теперь поднималась в Собрании. Но он был так же безжалостен, как океан, и одиннадцатого июля страна была объявлена в опасности. Была, однако, временная остановка спешке, минута отдыха, когда король четырнадцатого числа отпраздновал среди своего народа падение Бастилии. Но в Марсель прибыло обращение местного собрания с требованием свергнуть Людовика с престола и упразднить монархию. Нетерпение великого южного города было так велико, что, не дожидаясь логического эффекта своего заявления, его жители решили устроить демонстрацию в Париже. Тридцатого числа депутация численностью в пятьсот человек прибыла к столице. Третьего августа они вошли в город, распевая бессмертную песню, носящую их имя, но написанную в Страсбурге офицером инженерных войск Руже де Лилем. Южный огонь новоприбывших снова разжег пламя парижской мятежи, и радикалы раздули его. Наконец, десятого августа, пожар разразился таким восстанием, какого еще не видели во всем, что было отверженным и незаконным в большом городе; с ними объединились недовольные и завистливые, легкомысленные и фривольные, любопытные и непостоянные, все неустойчивые элементы общества. На этот раз король был встревожен; в отчаянии он бежал в поисках убежища в зал Собрания. Это тело, несимпатичное ему, но чувствительное к буйству толпы снаружи, сочло беглеца недостойным своей должности. Перед наступлением ночи царствование было упразднено, а царская семья заключена в темницу в Храме.

Нет никаких доказательств того, что молодой корсиканец был в это время кем-то иным, кроме заинтересованного зрителя. В поспешном письме, написанном Джозефу двадцать девятого мая, он отмечает крайнюю неразбериху в делах, отмечает, что Поццо ди Борго в хороших отношениях с военным министром, и рекомендует своему брату поддерживать хорошие отношения с Паоли. На униформе национальной гвардии есть характерный маленький абзац. Хотя он не упоминает о цели своего путешествия, ясно, что он спокоен, уверенный в том, что при массовом бегстве офицеров такой человек, как он, гарантированно восстановлен в звании и при исполнении служебных обязанностей. Два других, датированных четырнадцатым и восемнадцатым июня соответственно, едва ли более ценны. Он дает грубый и поверхностный отчет о внутренних и внешних делах Франции, не имеющий никакой исторической ценности. Он безуспешно пытался возродить мольбу о субсидиях на выращивание шелковицы для их матери, обедал с мадам . Пермон навестила их сестру Марианну в Сен-Сире, где ее называли Элизой, чтобы отличить от другой Марианны. Он размышляет о том, может ли она выйти замуж без точки. В спокойные времена подопечные Св. Уезжая, Сир получил приданое в размере трех тысяч ливров и еще триста на наряд; но в то время заведение распадалось, а средств на эти цели не было. Как и остальные, корсиканка вскоре должна была лишиться своей красивой формы, аккуратного шелкового платья, черных перчаток и изящных бронзовых туфель, которые мадам де

Ментенон прописала для благородных девиц в королевской школе. В другом письме, написанном четырьмя днями позже, есть красочный отчет об угрожающих демонстрациях черни и яркое описание, которое указывает на присутствие Наполеона, когда толпа отступала у самых дверей Тюильри перед спокойной и исполненной достоинства отвагой короля. Существует даже история, рассказанная в то время Буррьеном, очень сомнительным авторитетом, но, вероятно, придуманная позже, о том, как Буонапарте открыто выражал презрение к беспорядкам. "Как мог король впустить негодяев! Он должен был застрелить несколько сотен, а остальные разбежались бы". К этому заявлению, как и к другим, сделанным Буррьеном, следует относиться с предельной осторожностью.

Из коллекции У. К. Крейна.

Бонапарт,
главнокомандующий армией Италии.

В письме, написанном примерно в начале июля, вероятно, Люсьену или, возможно, Джозефу, и, очевидно, предназначенном для прочтения в якобинском клубе Аяччо, есть четкие указания на характер автора. Он с рассудительным спокойствием говорит о проекте реформы образования; о выступлении Лафайета перед Ассамблеей, которая объявила страну в опасности и теперь заседает в постоянном составе, что, возможно, необходимо для предотвращения принятия ею экстремального и опасного курса; о французах как о том, что они больше не заслуживают усилий, которые люди предпринимали ради них, поскольку они были старым народом без преемственности или согласованности; [\[27\]](#) об их лидерах как о бедных созданиях, вовлеченных в низкие заговоры; и о том, что такое зрелище подавляет, напускает на себя амбиции. Очевидно, что урок умеренности, который он преподает, впервые преподан искренне. Проповедник, по его собственному мнению на данный момент,

не француз, не демагог, а всего лишь простой корсиканец, стремящийся жить вдали от безумия толпы и пустоты так называемой славы.

Утверждалось, что в ужасный день десятого августа предполагаемая философия Бонапарта была отброшена в сторону и что он был главарем толпы на баррикадах. Его собственный отчет о случившемся на острове Святой Елены этого не подтверждает. "Я чувствовал, - сказал он, - что должен был бы защищать короля, если бы был призван к этому. Я был противником тех, кто хотел основать республику с помощью населения. Кроме того, я видел, как гражданские лица нападали на людей в форме; это повергло меня в шок ". Далее в своих воспоминаниях он сказал, что наблюдал за всей этой сценой из окон мебельного магазина, который держал Фовле де Буррьен, брат его старого школьного друга. Впечатление, оставшееся после прочтения его рассказа об ужасной бойне перед Тюильри, о непристойностях, совершенных обезумевшими женщинами в конце драки, о безумном возбуждении в соседних кафе и о его собственном спокойствии во время драки, таково, что он никак не был связан ни с актерами, ни с их поступками, за исключением крика "Ура нации!", когда к этому призывала банда головорезов, которые маршировали по улицам под знаменем с окровавленной головой, насаженной на пику. [\[28\]](#) Истинность его заявлений не может быть установлена никакими побочными доказательствами.

Маловероятно, что такой пылкий радикальный лидер, как Буонапарт, хорошо известный и влиятельный в долине Роны, оставался чужим для марсельской депутации. Если герцогиня д'Абрантес достойна какого-либо доверия, то она была очень влиятельной и проявляла большую активность в отношениях с властями в течение седьмого и восьмого месяцев, бегая туда-сюда, повсюду, чтобы добиться возмещения ущерба за незаконное посещение по месту жительства, которое ее мать, мадам Абрантес. Пермон, полученная седьмого числа. Но ее свидетельство не имеет большой ценности, таково ее стремление как можно скорее установить близость с великим человеком своего времени. Жозеф в своих мемуарах, [\[29\]](#) заявляет, что его брат присутствовал при конфликте десятого августа и что Наполеон написал ему в то время: "Если бы Людовик XVI появился верхом на лошади, он бы победил". "После победы марсельцев, - продолжает цитируемый отрывок из письма, - я увидел человека, собиравшегося убить солдата гвардии. Я сказал ему: "Южанин, давай пощадим несчастного!" "Ты с Юга?" "Да". "Что ж, тогда мы пощадим его". " Более того, это факт, что Сантерр, печально известный предводитель толпы в тот день, был тринадцатого Вандемьера тринадцатым годом позже очень полезен Бонапарту; хотя он был понижен в должности генерала, на которую был назначен в революционной армии, в 1800 году первый консул восстановил его в звании. Все это согласуется с утверждением Наполеона, но ничего не доказывает окончательно; и, безусловно, есть основания для подозрений, когда мы размышляем о том, что эти события в конечном счете определили судьбу Бонапарта.

Министерство Фейянов пало вместе с королем, и его место занял исполнительный совет, состоящий из радикалов. В течение одного-единственного дня Париж шатался, как пьяница, но на следующий магазины снова были открыты. В следующее воскресенье опера была переполнена на благотворительном представлении для вдов и сирот тех, кто пал при победе. Несколько дней спустя Лафайет, как командующий армиями на Севере, издал манифест против народных волнений. Он даже арестовал членов Ассамблеи, которые были посланы, чтобы сместить его и взять на себя окончательное руководство кампанией. Но он быстро обнаружил, что его прежний престиж исчез; он не поспевал за безумным напором общественного мнения; ни лично, ни как бывший командующий Национальной гвардией он

больше не имел ни малейшего влияния. Подвергнутый импичменту и объявленный вне закона, он, как и король, потерял равновесие и бежал в поисках убежища во владения Льежа. Австрийцы нарушили неприкосновенность нейтральной территории и захватили его в плен, точно так же, как Наполеон позже нарушил нейтралитет Бадена в случае с герцогом Энгийенским. Двадцать третьего августа укрепленный пункт Лонгви был передан в руки пруссаков, капитуляция которых, как утверждалось, была вызвана предательством французских офицеров. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XIV.

БУОНАПАРТ - ФРАНЦУЗСКИЙ ЯКОБИНЕЦ.

Восстановление в должности — Дальнейшие домогательства — Продвижение по службе — Наполеон и Элиза — Оккупация Парижа — Возвращение в Аяччо — Беспорядки на Корсике — Буонапарте, французский якобинец — Экспедиция против Сардинии — Ход французских дел — Изменившееся отношение Паоли — Отчуждение Буонапарта и Паоли — Неудачи в подготовке против Сардинии — Провал французского отряда — Буонапарте и фиаско корсиканского отряда — Его ошибки в выполнении поручений — Дальнейшие события во Франции — Результаты победы Франции — Политика Англии — Паоли в опасности — Осужден и вызван в Париж.

1792-93.

Комитет, которому была передана просьба Бонапарта о восстановлении в должности, двадцать первого июня 1792 года составил отчет, снимающий с него вину. Приведенные причины были заведомо основаны на показаниях самого просителя: во-первых, то, что инспектор Дютейль разрешил ему отплыть на Корсику вовремя, чтобы избежать равноденствия, является искаженной правдой; и, во-вторых, то, что корсиканские власти засвидетельствовали его гражданственность, хорошее поведение и постоянное присутствие дома во время его незаконного отсутствия в армии, правдивое заявление, но неполное, поскольку не было упоминания о позорных пасхальных беспорядках в Аяччо и участии в них Буонапарте. Позиция правительства ясно выражена в депеше военного министра Ладжара Майяру, командующему гарнизоном Аяччо, от восьмого июля. Злодеяния Квенцы и Буонапарте носили гражданский, а не военный характер, поэтому в соответствии с новым законодательством они могут быть признаны виновными только обычными судами, а не военными трибуналами. Восстания, однако, были должным образом описаны комиссарам Перальди: они заявили в качестве своего мнения, что депутат был плохо информирован и что его суждение не должно препятствовать правосудию по отношению к господину де Бонапарту. Десятого июля военный министр утвердил отчет комитета, и этот факт был объявлен в письме, адресованном им капитану Буонапарте!

Ситуация четко описана в письме Наполеона Жозефу от седьмого августа. Текущие события были настолько важными, что отодвинули на второй план личные соображения. Кроме того, в Аяччо не было никаких военных проступков, и его восстановление в

должности было обеспечено. При нынешнем положении дел он, вероятно, обосновался бы во Франции, несмотря на свои корсиканские наклонности. Джозеф должен добиться назначения депутатом от Корсики в Ассамблее, иначе его роль была бы неважной. Он изучал астрономию, превосходную науку, и с его знаниями математики легко усваивался. Его книга — без сомнения, "История" - была скопирована и готова, но сейчас было не время для публикации; кроме того, у него больше не было "мелочных амбиций автора". Его семья хотела, чтобы он отправился в свой полк (как и военные власти в Париже), и он отправился туда.

Официальный протокол в его пользу был составлен двадцатого августа. Тридцатого он был полностью восстановлен в должности, или, скорее, его послужной список был полностью уничтожен и предан, как надеялись, забвению; ибо его капитанское звание датировалось шестым февраля 1792 года, днем, когда его продвижение по службе произошло бы должным образом, если бы он находился в полном составе со своим полком. Его долги за это звание должны были быть выплачены полностью. Такой успех опьянял. Монж, великий математик, был его наставником в военной школе в Париже, а теперь был министром военно-морского флота. Верный своей натуре, с беспечностью авантюриста и бесстыдством игрока, новоиспеченный капитан быстро подал заявление о назначении на должность подполковника артиллерии морской службы. Власти, должно быть, сочли петицию шуткой, поскольку документ был отправлен по почте и был обнаружен с пометкой S. R., то есть *без ответа*— без ответа. Вероятно, это было написано всерьез, мотивом, возможно, было непреодолимое отвращение к полку, в котором он был опозорен, которым все еще командовал полковник, не склонный к снисхождению.

Подвернулся удобный предлог уклониться от службы и вернуться к старым привычкам корсиканского агитатора. События десятого августа решили судьбу всех монархических институтов, даже тех, которые были отчасти благотворительными. Среди других королевских фондов, запрещенных Ассамблеей восемнадцатого августа, был Фонд Сен-Сира, официально именуемый Учреждением Святого Людовика. Дата, назначенная для закрытия, была назначена сразу после повышения Буонапарте, и после этого ученики должны были быть распущены. Каждый бенефициар должен был получить мили в размере одного ливра за каждую лигу, которую ей предстояло пройти. Триста пятьдесят два - вот сумма, причитающаяся Элизе. Кто-то должен сопровождать незащищенную девушку в долгом путешествии; никто не подходил ей так, как старший брат и естественный защитник. Соответственно, первого сентября брат и сестра предстали перед соответствующими властями, чтобы подать прошение о выплате последнему путевого пособия. Каковы бы ни были другие достижения мадемуазель деБуонапарте училась в школе Сент-Луиса, но все еще была такой же слабой в письме, как и ее брат. Официальные требования, написанные обоими, все еще сохранились; они привели бы в ярость любого добросовестного учителя начальной школы. Но и их оказалось недостаточно: школьное начальство потребовало приказа как от городских, так и от чиновников департамента. Благодаря любезному вмешательству мэра бюрократическая волокита была преодолена; деньги были выплачены на следующий день, и в ту ночь брат и сестра поселились в парижском отеле "Холланд Патриотс", где, по-видимому, пробыли неделю.

Это утверждение раннего биографа, и, по-видимому, оно подтверждается недавно найденным письмом с автографом Наполеона, в котором он говорит, что покинул Париж в день, который, хотя цифра размыта, кажется девятым. [\[30\]](#) Новому капитану потребуется

несколько дней, чтобы получить дополнительный отпуск. Судя по последующим событиям, вполне возможно, что он также стремился к дальнейшему знакомству и благосклонности влиятельных якобинцев Парижа. В течение дней со второго по седьмой было убито более тысячи роялистов, заключенных в парижские тюрьмы. Кажется невероятным, что человек с темпераментом Наполеона ничего не видел и не знал о беспорядках, связанных с таким кровопролитием. Однако нигде он не намекает на то, что знал что-либо лично. Возможно, что он уехал раньше, чем обычно предполагается, но это маловероятно, учитывая известные даты его путешествия. В любом случае, он серьезно не компрометировал себя, не делая ничего, кроме как строя планы на будущее. Возможно, ему стало ясно, поскольку это было правдой и он вел себя соответственно, что Франция еще не была готова к нему, а он - к Франции.

Более того, тот факт, что интерес Бонапарта к Французской революции был чисто предварительным, убедительно свидетельствует о том, что, как только желаемый отпуск был предоставлен, вероятно, на второй неделе сентября, он и его сестра, не дожидаясь чрезвычайно важных полутора тысяч ливров задолженности, которые теперь причитались ему, но были выплачены только через месяц, отправились домой. Они отправились в дилижансе в Лион, а оттуда по Роне в Марсель. Во время нескольких часов стоянки парохода в Валансе друзья Наполеона, в том числе некоторые из его кредиторов, которые, по-видимому, не держали на него зла, обслуживали его с доброжелательными проявлениями интереса. Его бывшая хозяйка, мадам. - Бу, несмотря на ее счет были, но незначительно уменьшились платежи по счету, принес ей подарили корзинку с фруктами, в которой рядом изобилует в этом сезоне. Полка там больше не было, большая часть вместе с полковником находилась сейчас на северо-восточной границе под командованием Дюмурье, лицом к лицу с победоносными легионами Пруссии и Австрии. Четырнадцатого числа путешественники были в Марселе; в этом дружелюбном демократическом городе их чуть не окружила толпа, как аристократов, потому что у Элизы на шляпе были перья. Говорят, что Наполеон швырнул оскорбительный предмет в толпу с презрительным "Не больше аристократов, чем вы", и таким образом превратил их вопли в одобрительный смех. Прошло около месяца, прежде чем задолженность по жалованью достигла Марселя, всего две тысячи девятьсот пятьдесят ливров - солидная сумма, вдвойне желанная в такой критический момент. Вероятно, десятого октября они отплыли на Корсику, а семнадцатого Буонапарте снова был у себя дома, возможно, уже не столь уверенный в карьере среди своего народа, но полный решимости предпринять еще одно усилие. Это было его четвертое возвращение. Люсьен и Феш были лидерами радикального клуба; Жозеф был на своем старом посту, его амбициям представлять Аяччо в Париже снова помешали, успешным кандидатом был Мультиедо, друг семьи; Луи, как обычно, был рассеян и празден; мадам Дж. Буонапарте и младшие дети были здоровы; он сам, конечно, был триумфально подтвержден своим повышением. Наличные деньги из состояния старого архидьякона, конечно, давно иссякли; но превосходные виноградники, тутовые плантации и сады в фамильных владениях все еще приносили плоды, а личный кошелек Наполеона пополнялся квартирмейстером его полка.

Ход дел во Франции существенно изменил аспект корсиканской политики; ситуация была, во всяком случае, более благоприятной для революционного предприятия, чем когда-либо прежде. Саличетти вернулся на Корсику после закрытия Учредительного собрания со многими новыми идеями, которые он почерпнул, наблюдая за поведением Парижской коммуны, и которые он неустанно распространял среди своих сторонников. Они оказались

способными учеными и быстро уловили уловки демагогии, взяточничества, коррупции и нецелевого использования государственных средств. Он вернулся во Францию до прибытия Бонапарта в качестве члена новоизбранного законодательного органа, но его дурное влияние пережило его отъезд, а его помощники были вездесущими и активными. Паоли оказался совершенно беспомощным и впал в отчаяние. Теперь он был главнокомандующим регулярными войсками в гарнизоне, но на эту должность его назначили против его воли, поскольку это ослабляло его влияние на собственную партию. Поццо ди Борго, его верный сторонник и враг Бонапарта, был генеральным прокурором вместо Саличетти. Поскольку Паоли был в то же время генералом добровольческой гвардии, вся власть на островах, военная и гражданская, находилась в его руках; но ответственность за поддержание порядка также лежала на нем, и люди были, если уж на то пошло, более неуправляемыми, чем когда-либо; ибо им казалось нелогичным, что их кумир пользуется такой верховной властью не как корсиканец, а от имени Франции. Таким образом, состав двух главных партий существенно изменился, и хотя их соответствующие взгляды были в определенной степени изменены, они были более озлоблены друг против друга, чем когда-либо.

Бонапарт не мог быть нейтральным; его натура и окружение запрещали это. Его первым шагом было возобновить командование добровольцами и, под предлогом осмотра их постов, совершить путешествие по острову; вторым его шагом было добиться примирения с Паоли. Корсиканские историки, в своем стремлении присвоить величие как Паоли, так и Наполеона, обычно искажают их отношения. В это время каждый играл сам за себя, старший - исключительно в интересах Корсики, как он это понимал; младший был более амбициозен лично, хотя и начинал понимать, что в ходе революции Корсика получит более полную автономию как департамент Франции, чем каким-либо другим способом. Совсем не ясно, что уже в это время Паоли стремился к помощи Наполеона, а тот - к поддержке Паоли. Вскоре произошел полный разрыв, который длился до тех пор, пока их взгляды больше не стали расходиться, и они оба великодушно высказались друг о друге. В клубах, среди своих друзей и подчиненных на различных военных постах Наполеон говорил громко и властно, его манеры были надменными и самонадеянными. В письме, написанном им в то время Косте, тогдашнему лейтенанту милиции и чистокровному корсиканцу, объясняется, что автор не может отправиться в Бонифачо по приказу генерала (Паоли) прибыть в Кортэ; однако он поспешит на свой пост во главе добровольцев уже на следующий день, и всем беспорядкам будет положен конец. - Поприветствуйте наших друзей и заверьте их в моем желании отстаивать их интересы. Послание было написано по-итальянски, но этот факт мало что значит по сравнению с новым тоном, которым говорят о Франции: "Враг оставил Верден и Лонгвий и переправился через реку, чтобы вернуться домой, но наш народ не спит". Люсьен добавил постскрипtum, объясняющий, что он отправил брошюру своему дорогому Косте как другу, а не как коллеге, которым он не хотел быть. Оба брата, похоже, уже рассматривали возможность покинуть Корсику.

Как только в апреле была объявлена война Австрии, стало очевидно, что державы, территории которых граничили с территориями Франции, ранее достигли соглашения и собирались сформировать коалицию, чтобы придать войне всеобщий характер. Австрийские Нидерланды, которые мы теперь знаем как Бельгию, уже были пропитаны революционным духом. Было маловероятно, что оттуда последует большое недовольство. Испания, Пруссия и Голландия, однако, несомненно присоединились бы к союзу; и если бы итальянские княжества вместе с королевством Сардиния пошли тем же курсом, Франция оказалась бы в тяжелом положении. Поэтому в Ассамблее было предложено нанести удар по

савойскому дому, чтобы внушить благоговейный страх как этому, так и другим дворам Италии и заставить их бездействовать. Идея нападения на Сардинию с этой целью зародилась на Корсике, но среди друзей Саличетти, и именно он успешно реализовал этот план. Соседний остров был представлен как стремящийся освободиться от контроля Савойи. Чтобы обеспечить влияние Паоли не только на его собственном острове, но и на Сардинии, где он также был хорошо известен и вызывал восхищение, министры навязали ему нежелательное назначение генерал-лейтенантом регулярной армии, а его друга Перальди отправили готовить флот в Тулон.

События десятого августа на время положили конец конституционному правлению во Франции. Комиссары парижских секций вытеснили муниципальный совет, и Дантон, придя к власти как представитель "простого человека", на мгновение стал руководящим гением новой якобинской коммуны, которая вскоре смогла узурпировать высший контроль над Францией. Был объявлен призыв к выборам путем голосования среди мужчин на Национальном съезде, и был назначен наблюдательный комитет, движущей силой которого стал кровожадный Марат. По наущению этого комитета большое количество роялистов, конституционалистов и других лиц, подозреваемых в разделении родственных доктрин, были брошены в тюрьму. Собрание приняло форму утверждения нового деспотизма, включая как коммуну секций, так и якобинское министерство, в котором Дантон занимал пост министра юстиции. Затем оно разошлось. Второго сентября началась всеобщая зачистка тюрем в соответствии с мнимыми формами правосудия, о которых уже упоминалось. Это была настоящая резня, которая длилась, как уже было сказано, пять дней. Версаль, Лион, Мо, Реймс и Орлеан были точно так же "очищены". Среди этих сцен безупречный Робеспьер, чьи руки не были запачканы кровью, пролитой десятого августа, предстал как спокойный государственный деятель, сдерживающий дикие капризы грубого и импульсивного, но бескорыстного и нерасчетливого Дантона. Эти двое, вместе с Филиппом Эгалити и Колло д'Эрбуа, были среди тех, кто был избран представлять Париж на Съезде. Заседание этого органа состоялось двадцать первого сентября. Сидя в амфитеатре Собрания, жирондисты, или умеренные республиканцы, которые составляли значительное большинство, находились справа от президентского кресла. Высоко на крайнем левом фланге стояли якобинцы, или "Гора"; между ними помещались те робкие обрезчики, которых называли "Равниной" и "Болотом" в зависимости от степени их демократических настроений. Членами Конвента были, конечно, все без исключения республиканцы. Первым актом Конвента было упразднение монархии и провозглашение Франции республикой. Следующим было учреждение исполнительного совета. Было постановлено, что двадцать второе сентября 1792 года является "первым днем Первого года республики". Под руководством Бриссо и Ролана жирондисты утвердили свою власть как большинство, стремясь восстановить порядок в Париже и обуздать крайних якобинцев. Но, несмотря на свои правые взгляды и численность, партия жирондистов не проявила прозорливости; не прошло и трех месяцев, как беспринципные якобинцы с помощью Парижской коммуны восстановили свое господство.

Провозглашение республики только ускорило выполнение плана Саличетти в отношении Сардинии, и Конвент действовал более энергично, чем Законодательный орган. Флот был приведен в готовность, войска из Франции должны были сесть на борт в Вильфранше, а отряд, состоящий частично из регулярных войск, частично из ополчения, должен был быть снаряжен на Корсике и отплыть оттуда, чтобы присоединиться к основной экспедиции. Старый батальон Буонапарте был среди тех, что были отобраны из корсиканских

добровольцев. С самого начала Паоли недружелюбно относился к этому плану; его сторонники, чье рвение намного превышало их возможности, не были его друзьями. Тем не менее, он был верховным командующим как регулярными войсками, так и добровольцами, и правительство, санкционировавшее экспедицию, должно было отдавать необходимые приказы через него как единственный канал передачи полномочий. Появление Бонапарта среди своих людей, конечно, было нерегулярным. Будучи теперь капитаном артиллерии Четвертого полка, находящимся на действительной службе и получающим полное жалованье, он больше не мог юридически быть подполковником добровольцев, должность, которая также считалась оплачиваемой. Но он был не из тех, кто придерживается незначительных формальностей, и, очевидно, решил ухватиться за оба конца дилеммы.

Паоли, как французский чиновник, конечно, ни на минуту не мог поверить в такую абсурдную идею. Но как патриот, стремящийся сохранить все возможное влияние, и как друг семьи Буонапартов, он не желал приказывать молодому капитану вернуться на его пост во Франции, что вполне мог бы сделать. Таким образом, беседа между двумя мужчинами в Кортэ была нерешительной. Старший был благожелателен, но твердо отказался от своего официального согласия; младший притворился возмущенным тем, что не может обеспечить свои права: говорят, он даже пригрозил донести в Париже на антинационалистическую позицию своего бывшего героя. Так случилось, что Бонапарте вернулся в Аяччо с разрешительной грамотой и, приветствуемый своими людьми, принял командование, на которое он не мог претендовать, в то время как Паоли закрыл глаза на акт вопиющего неповиновения. Паоли видел, что Буонапарте безвозвратно предан революционной Франции; Буонапарте был убежден, или делал вид, что убежден, что Паоли снова склоняется к английскому протекторату. Французские империалистические писатели намекают без малейших доказательств, что и Паоли, и Поццо ди Борго находились на жалованье у Англии. Многие столь же беспричинно полагали, что среди членов французской партии существовал заговор с целью дать Бонапарту шанс с помощью сардинской экспедиции захватить по крайней мере главное командование корсиканскими войсками и таким образом в конечном итоге вытеснить Паоли. Если это предположение верно, то Паоли либо ничего не знал о заговоре, либо вел себя так, потому что его собственные планы еще не созрели. Драма его личных затруднений, противоречивых намерений и вечно ложных позиций быстро подходила к концу; логика событий была слишком сильна для честного, но сбитого с толку старого патриота, и пара сцен вскоре завершили бы заключительный акт его общественной карьеры.

План вторжения на Сардинию был чрезмерно сложным и слишком хорошо выверенным. Одна часть флота должна была обогнуть итальянские берега, устроить демонстрации в различных гаванях и потребовать в одной из них — Неаполитанской — публичного возмещения ущерба за оскорбление, уже нанесенное новому французскому флагу, на котором были изображены три цвета свободы. Другая часть должна была сначала погрузить корсиканскую гвардию и французские войска в Аяччо, затем соединиться с первой в заливе Пальма, откуда обе должны были выступить против Кальяри. Но французских солдат, которых нужно было забрать из армии Вар под командованием генерала Ансельма, фактически не существовало; единственной военной силой, которую можно было найти, была часть марсельской национальной гвардии — простые мальчишки, необорудованные, необученные и неопытные. Ветры и волны тоже были неблагоприятными: два судна потерпели крушение, а одно было выведено из строя. Остальные были сильно деморализованы, а их экипажи стали неуправляемыми. По прибытии кораблей в Аяччо

группа разгульных матросов сошла на берег, немедленно присоединившись к французским солдатам гарнизона, и в обычной для таких случаев грубой игре затеяла ссору с некоторыми корсиканскими ополченцами, убив двоих из них. Характер островитян сразу же проявился в дальнейшем насилии и самых свирепых угрозах. Суматоха, наконец, улеглась, но было совершенно ясно, что для корсиканцев и марсельцев сесть на одно судно означало спровоцировать мятеж, бунт и кровопролитие.

Бонапарт думал, что видит свой путь к независимому командованию, и сразу же предложил то, что было явно единственной альтернативой — отдельную корсиканскую экспедицию. Французский флот соответственно погрузил войска гарнизона и продолжил свой путь; корсиканцы остались на берегу, и Буонапарте вместе с ними. Сцены, подобные той, что произошла в Аяччо, повторились в гавани Сен-Флоран, и атака французов на Кальяри провалилась, отчасти, как можно было бы предположить, из-за плохого оснащения флота и низкого качества людей, отчасти потому, что две флотилии, или то, что от них осталось, не смогли соединиться в назначенном месте и в назначенное время. Когда они все-таки объединились, это было четырнадцатого февраля 1793 года; люди были плохо накормлены и взбунтовались; войска, высадившиеся для штурма города, впали в панику и фактически сдались бы, если бы офицеры быстро не вернули их на место. Дорогостоящее предприятие увенчалось единственным успехом: Неаполь был запуган, и двор пообещал нейтралитет с возмещением ущерба за оскорбление триколора.

Корсиканская экспедиция потерпела такое же неудачу, как и французская. Паоли согласился с планом Бонапарта, но назначил его руководителем своего племянника Колонна-Чезари, проинструктировав проследить, чтобы, по возможности, "эта неудачная экспедиция закончилась ничем". [\[31\]](#) Разочарованный, но упрямый молодой претендент остался на своем подчиненном месте в качестве офицера второго батальона национальной гвардии Корсики. Прошел месяц, прежде чем удалось снарядить добровольцев и подготовить к отплытию французский корвет с сопровождавшими его фелуками. Двадцатого февраля 1793 года суда были наконец вооружены, укомплектованы персоналом и провизией. Пунктом назначения флотилии были острова Магдалена, одним из которых является Капрера, с тех пор известная как родина Гарибальди. Войска погрузились на корабли и вышли в море. Почти сразу же ветер стих; наступил двухдневный штиль, и корабли достигли места назначения с уменьшившимися припасами и удрученными экипажами. Первая атака, предпринятая на Сент-Стивен, была успешной. Затем Буонапарте и его орудия были высажены на этом месте, чтобы обстрелять через узкий пролив Магдалену, главный город главного острова. Огонь противника вскоре прекратился, и корвету ничего не оставалось, как медленно обогнуть расположенный между ними остров Капрера и завладеть им. Судно незначительно пострадало от огня противника, двое из его экипажа были убиты. Под предлогом неминуемого мятежа Колонна-Чезари объявил, что сотрудничество между шлюпом и береговыми батареями больше невозможно; артиллерия и ее командир были возвращены лишь с величайшими трудностями; двадцать седьмого февраля неудачливая экспедиция вернулась в Бонифачо.

И Буонапарте, и Квенца были разгневаны племянником Паоли, заявив, что он поступил предательски. Для царившей тогда полной анархии показательным, что никто не был наказан за позорное фиаско. Бонапарте, высадившись на берег, сразу попрощался со своими добровольцами. Он доложил военному министерству в Париже — и копия мемориала была отправлена Паоли как ответственному за его племянника, — что корсиканские

добровольцы были лишены еды, одежды и боеприпасов; но, тем не менее, их доблесть преодолела все трудности, и что в час победы они были унижены позорным поведением своих товарищей. Должно быть, он свободно выражал свои мысли, потому что матросы окружили его толпой на площади Бонифачо. Люди из Боканьяно, частично из поместий Буонапарте в том месте, спасли его от серьезной опасности. [\[32\]](#) Когда третьего марта он вошел в Аяччо, он обнаружил, что больше не является, даже предположительно, подполковником; ибо за время его короткого отсутствия вся корсиканская гвардия была распущена, чтобы освободить место для двух батальонов легкой пехоты, офицеры которых должны были назначаться директорией острова.

Теперь его ушей достигли странные новости. Многое из того, что произошло после его отъезда из Парижа, он уже знал. Франция разрушила до основания тиранию феодальных привилегий, все общественное здание провисло на каждом стыке, и не было сильной руки, которая могла бы затянуть болты; ибо король, развлекаясь с иностранными дворами, фактически бросил свой народ. Таким образом, монархия пала, но только после того, как ее друзья прибегли к средству внешней войны в качестве опоры для ее процветания. Первые победы, одержанные Австрией и Пруссией, довели нацию до безумия. Когда Робеспьер и Дантон стали диктаторами, вся умеренная политика была отброшена на второй план. Исполнительный совет Конвента, полный решимости умиротворить нацию, собрал свои силы в одном энергичном усилии и выставил на поле боя три огромные армии. Шестого ноября 1792 года, к изумлению всего мира, Дюмуре выиграл битву при Жемапе, завоевав таким образом Австрийские Нидерланды вплоть до Льежа.

Шельда, которая была закрыта с 1648 года под влиянием Англии и Голландии, была вновь открыта, торговля возобновила свое естественное русло, и в порыве народной радости были приняты меры для немедленного создания бельгийской республики. Две другие армии, под командованием Кюстина и Келлермана, добились меньших успехов. Первые, заняв Франкфурт, были отброшены к Рейну; вторые разбили союзников при Вальми, но не справились с задачей прийти на помощь Кюстину в подходящий момент для совместных действий. Тем временем волнения в Париже приняли форму личной неприязни к "Людовику Капету", как лидеры неупорядоченного населения называли короля. В ноябре он был вызван в коллегия адвокатов Конвента и допрошен. Когда дело дошло до рассмотрения вопроса о реальном судебном разбирательстве, жирондисты, желая спасти жизнь заключенного, заявили, что Конвенция не обладает юрисдикцией и должна обратиться к суверенному народу за разрешением. Якобинцы настаивали на суверенной власти Конвента, Робеспьер протестовал от имени народа против обращения к народу. Поддержанные шумными протестами не только парижан, но и своих последователей в других местах, радикалы одержали победу. Семнадцатого января 1793 года тремя сотнями шестидесяти шестью голосами против трехсот пятидесяти пяти был вынесен смертный приговор, а четыре дня спустя он был приведен в исполнение. Этот акт был вызовом всем монархам или, другими словами, всей Европе.

Младший Питт на тот момент был премьер-министром Англии. Как и большинство его соотечественников, он мягко одобрял ход Французской революции вплоть до 1789 года; точно так же с ними его взгляды с тех пор претерпели изменения. С помощью предвзятого, но мастерского красноречия Берка английский народ постепенно убедился, что якобинство, насилие и преступность были сутью движения, а конституционная реформа - всего лишь благовидным предлогом. Между 1789 и 1792 годами нарастала волна негативных

общественных настроений, настолько стремительная и сильная, что Питт не смог за ней уследить. Казнь Людовика заставила английских умеренных замолчать; это известие было встречено криками ужаса, и нация потребовала войны. Пали ли головы королей, а республиканские идеи, поддерживаемые республиканскими армиями, распространились подобно пожару? Все еще монархически настроенные либералы Англии не могли дать ответа ни на случай Людовика, ни на пример Бельгии и были ошеломлены. Английские антиякобинцы стали такими же фанатичными, как французские якобинцы. Питт не смог устоять перед напором. И все же в своей крайней необходимости он увидел возможность нанести двойной удар: возложить вину за войну на Францию и еще раз укрепить свою почти утраченную власть в парламенте. С виртуозной ловкостью Францию соблазнили объявить войну Англии. Энтузиазм бушевал в Париже, как огонь среди сухой стерни. Франция, если так должно быть, против всего мира! Свобода и равенство - ее религия! Земля - лагерь! Весь народ - армия! Триста тысяч человек должны быть отобраны, экипированы и обучены немедленно!

Ничто не указывает на то, что Бонапарт был каким-либо образом тронут ужасной сентябрьской резней или даже известием о незаслуженной участи короля. Но объявление войны было новшеством, которое, должно быть, глубоко заинтересовало его; ибо что теперь оставалось делать Паоли? Из благодарности к Англии он неоднократно и искренне заявлял, что никогда не сможет поднять против нее оружие. Он уже был генерал-лейтенантом на службе у ее врага, его дивизия была придана слабой и дезорганизованной армии Италии, которая номинально готовилась к действительной службе, и руководство, согласно новостям, полученным в Аяччо, было возложено на корсиканского директора. Дело в том, что радикалы Конвента давно знали о преданности старого патриота конституционной монархии и теперь видели способ избавиться от столь опасного врага. Три сменявших друг друга командующих этой армией уже позорились в своих попытках неадекватными средствами выбить сардинские войска с горных перевалов Приморских Альп. Поэтому, помня об их судьбе и о своих обязательствах перед Англией, Паоли решительно отказался от предложенной чести. Подозрение относительно существования английской партии на острове рано пробудилось среди членов "Горы", поскольку половина корсиканской делегации на Конвенте выступила против приговора, вынесенного королю, и Саличетти был единственным членом, проголосовавшим "за". Когда неудачная сардинская экспедиция достигла Тулона, якобинцы возложили вину за неудачу на плечи Паоли.

Саличетти, который теперь обладал реальной властью среди лидеров Парижа, почувствовал, что должен поспешить в свой департамент, чтобы, по возможности, предотвратить события и сохранить остатки симпатий к Франции; он был назначен одним из членов комиссии по обеспечению соблюдения на острове постановлений Конвента. Поручение было хорошо принято, и враждебные настроения по отношению к Франции быстро улеглись, когда совершенно неожиданно из Парижа пришло роковое известие. В ноябре прошлого года Люсьен Бонапарт познакомился в Аяччо с Уге де Семон-Виллем, который направлялся в Константинополь в качестве специального посланника временного совета, возглавлявшего тогда парижскую администрацию. По всей вероятности, его послали, чтобы проверить отношение Паоли. Разносторонний и вкрадчивый, он проявлял большую активность среди островитян. Однажды он выступил перед радикальным клубом Аяччо, но, несмотря на свое красноречие, не был лингвистом, и его французская риторика потерпела бы неудачу, если бы не горячее рвение Люсьена, который в конце выступления встал на его место и перевел речь посла на итальянском для восхищенной аудитории. Это событие среди прочих продемонстрировало характер младшего брата; близость, возникшая таким образом, созрела быстро и продлилась долго. Второго февраля 1793 года посол был отозван на материк и взял с собой своего новообретенного друга в качестве секретаря или полезного человека. Оба были убежденными якобинцами, и, поскольку хозяину не удалось произвести никакого впечатления на Паоли во время его пребывания на Корсике, этот человек, как свидетельствуют факты, подло отомстил, объявив генерал-лейтенанта предателем на политическом митинге в Тулоне. Друзья Люсьена сочли эти слова неучтенными и непреднамеренными, произнесенными в пылу незрелого ораторского искусства. Возможно, но он не выразил раскаяния, и ответственность лежит на его памяти. В результате доноса тулонские якобинцы направили депутату департамента в Париже обращение, клеветующее на корсиканского лидера в самых взволнованных выражениях. Обо всем этом Наполеон ничего не знал: они с Люсьеном были слегка отчуждены, потому что последний считал своего брата всего лишь вялым революционером. Известие о дезертирстве Дюмуре только что дошло до столицы, общественное мнение было взбудоражено, и второго апреля Паоли, который, по всей видимости, был вторым Дюмуре, был вызван для выступления перед Конвентом. На мгновение он снова стал самым популярным человеком на Корсике. У него всегда было много теплых личных друзей даже среди радикалов; теперь роялисты были навсегда отчуждены от правительства, убившего их короля; церковь больше не могла рассчитывать на защиту, когда у власти были нечестивые люди. Эти три элемента немедленно объединились с паолистами, чтобы выразить протест против произвольного акта Конвенции. Даже в этой стране неразберихи уровень хаоса до сих пор был беспрецедентным. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XV.

ЯКОБИНСКАЯ ХИДЖРА.

Ослабление корсиканского патриотизма — Рост французского радикализма — Союз с Саличетти — Еще одна схема лидерства — Неудача с захватом цитадели Аяччо — Второй план — Отношение Паоли к Конвенту — Буонапарт окончательно дискредитирован на Корсике — Паоли обращается к Англии — Планы семьи

Буонапарте — Их прибытие в Тулон — Характер Наполеона — Его карьера на Корсике — Уроки его неудач — Его способности, ситуация и опыт.

1793.

Буонапарте на мгновение оказался среди самых ревностных сторонников Паоли и, взяв свое всегда наготове перо, написал два страстных документа, содержание которых нелегко сопоставить: один - обращение к Конвенту от имени Паоли, другой - требование, адресованное муниципалитету Аяччо, чтобы народ возобновил свою присягу на верность Франции. Объяснение, возможно, несколько туманное, но не дискредитирующее. Саличетти, как председатель комитета конвента по делам Корсики, совещался с Паоли тринадцатого апреля. Результат был настолько удовлетворительным, что шестнадцатого числа последнему было настоятельно предложено присутствовать на втором собрании в Бастии в интересах примирения корсиканцев и внутреннего мира. Тем временем выступление Люсьена в Марселе подожгло поезд, что привело к иску Конвента против Паоли, и семнадцатого числа приказ о его аресте поступил к Саличетти, которому, конечно же, было поручено его исполнение. К этому ни он, ни Бонапарт не были готовы. Основой присоединения Корсики к Франции был порядок. Корсиканцы собрались, чтобы защитить Паоли в Кортэ, и местное правительство вступилось за него. Вспыхнуло зарождающееся восстание, и в течение нескольких дней районы Кальви и Бастия во главе с Саличетти выступили против Бонифачо и Аяччо, которые поддерживали Паоли и Поццо ди Борго. Бонапарты были убеждены, что постановление Конвента было поспешным, и умоляли о его отмене. В то же время они не видели никакой надежды на мир на Корсике, кроме как через присоединение к Франции. Но компромисс оказался невозможным. Было заключено перемирие, когда двадцать шестого апреля Паоли написал Конвенту, сожалея, что не может подчиниться их призыву из-за немоги, и заявляя о своей лояльности Франции. Вследствие этого Конвент отозвал свое постановление и направил новую комиссию, членом которой Саличетти не был. Это было в мае, накануне свержения жирондистов. Примирительные меры оказались бесполезными, потому что марсельские якобинцы, узнав, что Паоли придерживается жирондистских взглядов, остановили комиссию и запретили им отправляться на Корсику.

Тем временем французский полк капитана Бонапарта уже около пяти месяцев находился на действительной службе. Если бы его страстью была только военная слава, ее нигде нельзя было бы найти с такой очевидностью, как в рядах вооруженных сил, где он и должен был быть. Но его страсть к политической известности была явно намного сильнее. Где это можно было бы так легко удовлетворить, как на Корсике в нынешних условиях? Личность молодого авантюриста долгое время была странным образом двойственной: но, хотя он успешно сохранял должность французского офицера во Франции, его идентичность как корсиканского патриота была почти стерта на Корсике из-за постоянных ссор и повторяющихся неудач. Став французским радикалом, он был вынужден вступить в определенный антагонизм с Паоли и тем самым поставил под угрозу как свое состояние, так и свою карьеру, поскольку они зависели от поддержки корсиканцев. Но поскольку Паоли находится под запретом Конвенции и подозревается в попустительстве английским планам, может возникнуть отвращение и шанс снова усилить французское влияние на острове под руководством Буонапарте и их друзей. На данный момент Наполеон сохранял внешнее подобие корсиканского патриота, но, похоже, в глубине души он устал от неблагодарной

роли и был полностью готов променять ее на другую. Каким бы ни был его план или принципы его поведения, создается впечатление, что решающий шаг, который сейчас предстояло предпринять, не имел отношения ни к плану, ни к принципам, а был навязан ему случайным развитием событий, которые он не мог предвидеть и которые был совершенно неспособен контролировать.

Неизвестно, достигли ли Саличетти или он сам первых успехов в достижении взаимопонимания о взаимной поддержке, или когда это взаимопонимание было достигнуто, но оно существовало уже в январе 1793 года, что убедительно подтверждается письмом первого, датированным началом того же месяца. Было пятое апреля, когда Саличетти прибыл на Корсику; известие о денонсации Паоли Конвентом пришло, как уже было сказано, семнадцатого. Видя, насколько хорошо отрегулированы масштабы местной политики, депутат стремился заручиться благосклонностью Парижа и шестнадцатого числа написал отчет о том, как тепло было принято его назначение. На следующий день удар осуждения Паоли обрушился, и стало ясно, что компромисс больше невозможен. Когда даже Бонапарты поддерживали Паоли, примирение острова с Францией было явно невыполнимым. Саличетти не колебался, но, выбирая между Паоли и Корсикой, у которых не было карьеры, с одной стороны, и возможностями сделать блестящую карьеру во Франции, с другой, быстро выбрал последнее. Те же соображения волновали и Бонапарта; он последовал за своим покровителем и в награду был назначен французской комиссией генеральным инспектором артиллерии на Корсике.

Саличетти согласился на то, на что не согласился Паоли: Буонапарте был волен нанести свой удар за лидерство Корсики. Быстрыми и решительными мерами была разыграна последняя сцена его корсиканских приключений. Несколько больших пушек, спасенных с военного корабля, потерпевшего крушение в гавани, лежали на берегу в разобранном виде. Генеральный инспектор лицемерно заявил, что они представляют собой искушение для повстанцев и угрозу общественному спокойствию; их следует хранить в цитадели. Его план состоял в том, чтобы улучшить момент, когда тяжелые части пройдут по подъемному мосту, и во главе своих сторонников овладеть крепостью, которой он так долго желал, но так часто не мог овладеть. Если бы он смог продержаться до Съезда, карьера на Корсике была бы наконец обеспечена.

Но его снова ждало разочарование. Прежний гарнизон состоял из французских солдат. После провала сардинской экспедиции большинство из них было высажено в Тулоне, где они находились до сих пор. Таким образом, люди в цитадели Аяччо были в основном островитянами, хотя часть французской пехоты и французских артиллеристов все еще оставались там; новым командующим был паолист, который отказался быть обманутым и не стал бы действовать без разрешения своего главнокомандующего. Ценность захвата зависела от его оперативности. Чтобы заручиться достаточным количеством верных сторонников, Буонапарте пешком отправился в Бастию для консультаций с комиссией. Узнав, что он уже является подозреваемым в Кортэ и ему грозит арест, он повернулся только для того, чтобы столкнуться в Боконьяно с бандой последователей Перальди. Два пастуха из его собственного поместья нашли для него убежище в доме, принадлежащем их друзьям, и он провел день в бегах, сбегав с наступлением темноты в Уччани, откуда благополучно вернулся в Аяччо. [33] Потерпев неудачу в одном из своих замыслов, Бонапарте затем предложил своим последователям, что у него уже есть две альтернативы: возвести баррикаду, за которой можно было бы установить орудия и направить их на цитадель, или,

что еще проще, перенести одно из орудий в какое-нибудь место перед главным входом, а затем пробить ворота. Ни один из этих планов не был признан осуществимым, и было решено заручиться взятками, если это возможно, за сотрудничество части гарнизона. Попытка провалилась из-за честности одного-единственного человека и интересна только тем, что стала первым уроком Наполеона в искусстве, которое с тех пор стало неиссякаемым ресурсом. Слухи об этом вскоре дошли до друзей Паоли, и Буонапарте был немедленно вызван с докладом в Corte. Горечь народа против него в Аяччо из-за его дезертирства из Паоли была так велика, что после серии чудом избежавших ареста он был вынужден бежать переодетым и по воде в Бастию, которой он достиг десятого мая 1793 года. Потерпев неудачу в попытках схватить Наполеона, враждебная сторона выместила свою ярость на остальных членах семьи, выследив мать и детей из их городского дома, который был разграблен и сожжен, сначала в Миллели, затем через джунгли и по вершинам холмов к одинокой башне Капителло у моря.

Желание отомстить своим корсиканским преследователям придало бы теперь дополнительный стимул Бонапарту, и еще один способ овладеть страстно желанной цитаделью Аяччо был предложен им комиссарам Конвента и принят ими. Остатки швейцарского полка, расквартированного поблизости, должны были быть введены маршем в город, как бы для посадки на борт; несколько французских военных судов из гавани Сен-Флоран, включая один фрегат, с войсками, боеприпасами и артиллерией на борту, должны были неожиданно появиться перед городом, высадить своих людей и орудия, а затем с помощью швейцарцев и тех граждан, которые поддерживали французское дело, должны были внушить страх городу и захватить цитадель. Дела на Корсике достигли критической точки, поскольку это было фактическое объявление войны. Паоли понимал это так, и обе стороны немедленно предприняли меры взаимного неповиновения. Французские комиссары официально сместили чиновников, симпатизировавших Паоли; они, в свою очередь, предприняли шаги по увеличению гарнизона Аяччо и усилению народных настроений в свою пользу.

Получив известие о том, что его вызвали в Париж и что на его место были присланы враждебные комиссары, Паоли немедленно переслал через руки двух дружественных представителей сдержанное письмо, в котором он заявлял о своей лояльности Франции. В нем он предлагал подать в отставку и покинуть Корсику. Его посланцы были схвачены и временно задержаны, но в конце концов они добрались до Парижа и были любезно приняты. Двадцать девятого мая они выступили в Конвенте и выиграли свое дело. Пятого июня прежний декрет был отменен, и два дня спустя новая дружественная комиссия из двух членов отправилась на Корсику. Но в Марселе они попали в руки якобинской толпы и были арестованы. Не зная об этих благоприятных событиях и неблагоприятных обстоятельствах, которые помешали их осуществлению, обескураженный государственный деятель написал и отправил четырнадцатого мая второе письмо того же содержания, что и первое. Эта мера также не возымела эффекта, поскольку гонца остановили в Бастии, которая теперь была центром влияния Саличетти, и письмо так и не дошло по назначению.

Вероятно, именно в этот промежуток времени Паоли наконец принял, в качестве последнего отчаянного средства, доселе туманную идею передать остров под защиту Англии, чтобы сохранить себя в миссии, к которой, как он чувствовал, его призвало Провидение. Фактический отъезд экспедиции Наполеона из Сен-Флорана придал последний импульс. Это событие настолько разожгло страсти консервативной партии в Аяччо, что

семья Буонапарте больше не могла думать о возвращении в разумные сроки в свой дом. Необходимо принять какое-то отчаянное решение, хотя оно должно включать в себя разорение их небольших поместий, уничтожение их скудных ресурсов и предание их партизан проскрипциям и тюремному заключению. Наконец они нашли временное убежище у родственника в Кальви. Атакующая флотилия была задержана штормом почти на неделю и достигла Аяччо двадцать девятого мая, в самый разгар этих беспорядков. Было слишком поздно для какой-либо надежды на успех. Немногочисленные французские войска на берегу были напуганы и не осмеливались показаться, когда отряд высадился с кораблей. Напротив, Наполеон и его добровольцы были встречены ружейным огнем и, проведя два тревожных дня в отдаленной башне, которую они захватили и удерживали, были рады снова высадиться на берег и уплыть. Их лидер, после очередного чудом избежавшего ареста, вернулся к своей семье в Кальви. Якобинская комиссия провела совещание и решила послать Саличетти для обоснования их курса в Париже. Он прихватил с собой многословную статью, написанную Буонапарте его наихудшим стилем и орфографией, в которой излагалась военная и политическая ситуация на Корсике и содержалась горькая тирада против Паоли, которая должна придать некоторую окраску обвинению в том, что автор после возвращения своего лидера из ссылки был шпионом и осведомителем, руководствующимся не высокими принципами патриотизма, а лишь низменным стремлением сместить престарелого президента, а затем принять любой план, который наилучшим образом отвечал бы его собственным интересам: либо установить фактическую автономию в своем отечестве, либо полностью отказаться от него. в руки Франции. [\[34\]](#)

В этом болезненном документе Бонапарт в пламенной фразе излагает первоначальный энтузиазм республиканцев по поводу возвращения Паоли и их разочарование, когда он окружил себя продажными людьми вроде Поццо ди Борго, родственниками вроде его племянника Леонетти, своими мерзкими созданиями в целом. Неудачи сардинской экспедиции, позорные беспорядки на острове, неспособность комиссаров обезопасить Аяччо - все это в равной степени приписывается Паоли. "Может ли подобное вероломство проникнуть в человеческое сердце?... Какие фатальные амбиции овладевают седобородым шестидесятивосьмилетним человеком?... На его лице доброта и кротость, в сердце ненависть и мстительность; в глазах у него маслянистая чувствительность, а в душе желчь, но ни характера, ни силы". Это были чувства, присущие радикалам того времени, и они нашли признание среди лидеров этого класса в Париже. Более умеренные люди делали все, что могли, чтобы предотвратить надвигающийся разрыв, но тщетно. Корсика находилась далеко, связь была медленной, и возникшее недоразумение, следовательно, было неизбежно. Только первого июля Паоли получил известие о мирных декретах, принятых Конвентом более месяца назад, а затем было слишком поздно; блуждая ощупью в темноте и не имея возможности получать новости, он составил свое суждение о том, что происходило на Корсике, и поэтому взял на себя обязательство изменить политику. Ему, как и большинству мыслящих людей, вся структура Франции, социальная, финансовая и политическая, казалась прогнившей. Гражданская война вспыхнула в Вандее; в Бретани самые дикие бесчинства остались безнаказанными; крупные города Марсель, Тулон и Лион были охвачены анархией; в Париже был учрежден революционный трибунал; Комитет общественного спасения узурпировал верховную власть; Франции, которой он доверил судьбу Корсики, больше не было. Агент уже поддерживал связь с английскими дипломатами в Италии. Десятого июля Саличетти прибыл в Париж; семнадцатого Паоли был объявлен предателем и вне закона, а его друзья предстали перед судом. Но английский флот уже находился в Средиземном море, и хотя британский протекторат над Корсикой был

установлен только в следующем году, за это время французы и их немногочисленные сторонники, оставшиеся на острове, смогли в лучшем случае удержать только три города Бастия, Сен-Флоран и Кальви.

После последнего фиаско перед цитаделью Аяччо положение Буонапарте на мгновение стало отчаянным. Люсьен говорит в своих воспоминаниях, что незадолго до этого его брат с тоской говорил об Индии, об английской империи, которой суждено расширяться с каждым годом, и о карьере, которую ее расширение открывает перед хорошими артиллерийскими офицерами, которых было мало среди британцев — достаточно мало везде, как он думал. "Если я когда-нибудь выберу эту карьеру, - сказал он, - надеюсь, вы услышите обо мне. Через несколько лет я вернусь оттуда богатым набобом и привезу прекрасное приданое для наших трех сестер". Но план был отложен, а затем заброшен. Саличетти организовал свое собственное возвращение в Париж, где он был бы в безопасности. Наполеон чувствовал, что бегство было единственным средством для него и его окружения. Соответственно, одиннадцатого июня, на три дня раньше своего покровителя, он и Жозеф в сопровождении Феша сели на корабль вместе с матерью и остальными членами семьи, чтобы присоединиться к Люсьену, который остался в Тулоне, куда они прибыли тринадцатого. Якобинцы этого города приняли Люсьена, как сочувствующего корсиканца, с почетом. Несомненно, его семья, бездомная и обездоленная из-за своей преданности республике, найдет поддержку и помощь до тех пор, пока какой-нибудь благоприятный поворот в делах не вернет их страну Франции и не вернет им не только их старые владения, но и такие новые достоинства, которые должным образом вознаградят их долгую и болезненную преданность. Такова, по крайней мере, кажется, была общая идея Наполеона. Ему было предоставлено юридическое свидетельство о том, что его семья была одной из важных и богатейших в департаменте. Конвенция обещала компенсацию тем, кто понес убытки.

Как и ожидалось, по прибытии к Бонапартам отнеслись со всеми почестями и позаботились об их комфорте. По закону Конвента женщины и старики в таких обстоятельствах получали семьдесят пять ливров в месяц, младенцы - сорок пять ливров. Парни получили просто подарок в размере двадцати пяти ливров. После предварительной выплаты в сто пятьдесят ливров, которую они незамедлительно получили, Бонапарты оказались в лучшем положении, чем были дома. Люсьен присвоил свидетельство о рождении Наполеона, чтобы казаться старше своих лет, и, превратившись теперь в беглого демагога, вскоре получал небольшое жалованье в армейском комиссариате. Феш также нашел удобное место в том же департаменте. Джозеф спокойно воспринял назначение Наполеона в Национальную гвардию как свое собственное и получил более высокое место с лучшей зарплатой. Суверенитет Конвента был повсеместно признан, их революционные суды были учреждены повсюду, и их миссии, облеченные диктаторской властью, были признаны во всех лагерях страны верховными, превосходящими даже главнокомандующих. Это было не совсем подходящее время для дальнейших военных нарушений, и Наполеон, вооруженный справкой от Саличетти о том, что его присутствие на Корсике в течение последних шести месяцев было необходимым, отправился в штаб армии в Ницце, где в настоящее время дислоцировалось отделение его полка. Когда он прибыл, власти не задавали неудобных вопросов. Город был захвачен совсем недавно, для его удержания требовались люди, и корсиканского беженца быстро назначили капитаном береговой батареи. Случайным наблюдателям казалось, что он вполне доволен своим подчиненным положением. Похоже, он все еще лелеял надежду, что ему представится возможность возглавить успешную экспедицию против маленькой цитадели Аяччо. Такая схема, во

всяком случае, занимала его с перерывами в течение почти двух лет, или пока она не была изгнана навсегда представлениями о европейском контроле, выходящем далеко за пределы его родного острова.

Не то чтобы отверженный Буонапарте больше не был исключительно корсиканцем. Невозможно представить себе что-либо более жалкое или более суровую судьбу, чем та, что была у него до сих пор. В его натуре было мало наследственной морали, и ни одна из них не была привита воспитанием; у него не было ничего ни от того, что называется жизненным благочестием, ни даже искреннего суеверия. Осел и изгой во французской школе при старом режиме, он впитал в себя горькую ненависть к земле, неизгладимо связанной с такими надменными привилегиями для богатых и таким презрительным отношением к бедным. У него не было даже утешения в том, что он получил образование. Его натура восставала против религиозного формализма жречества; его разум с отвращением отворачивался от схоластической шелухи его поверхностных знаний. То, чему он научился, было обусловлено врожденными способностями, отрывочным чтением и неискушенным воображением о своем саде в Бриенне, своей пещере в Аяччо или своих казарменных покоях. Что может быть более правдоподобным, чем то, что он должен сначала вернуться в страну своего рождения с какой-то надеждой на счастье, полезность или даже славу! Что может быть более унижительным, чем откровение о том, что в зрелом возрасте он был слишком французом для Корсики, как в детстве он был слишком корсиканцем для Франции!

История его пребывания и приключений на Корсике не обладает очарованием; она не является ни героической, ни сатанинской, а относится к унылому и посредственному реализму, который так часто встречается в обыденной жизни. В этом трудно найти даже нить преемственности: она может быть одной в отношении цели; ее нет ни в отношении поведения, ни в отношении теории. Есть страстное восхищение южной природой героем, представленным идеальным Паоли. Есть такое же южное качество, как быстрая, но преходящая ненависть. Любовь к драматическому эффекту проявляется на каждом шагу, в безупречном стиле его произведений, в насмешливом достоинстве указа, изданного из грота в Миллели, в пустых почестях подполковника без реального командования, в ничтожном стиле инспектора артиллерии, у которого нет артиллерии, кроме нескольких разобранных орудий.

Но самой выдающейся чертой молодого человека была его изворотливость, как в хорошем, так и в плохом смысле этого слова. Он скорее умер бы от унижения, чем потерпел неудачу в разработке какого-нибудь средства для решения любой чрезвычайной ситуации; он без колебаний менял свою точку зрения по мере того, как опыт разрушал идеал или нужно было ухватиться за непредвиденный шанс и использовать его. Более того, неоднократные неудачи не обескураживали его. Ненавидя гарнизонную жизнь, он пренебрегал своими обязанностями и терпел наказания, но регулярно добивался повышения по службе; снова и снова терпел поражения при цитадели Аяччо, каждый раз он возвращался непоколебимым, чтобы провести новое испытание под новыми покровительствами или по-новому.

Он не был расточителем, но не стеснялся денег. Он гордился главенством в своей семье и безрассудно думал о том, как ему следует их поддерживать или обеспечить их продвижение по службе. Одинокий в детстве, он в юности стал товарищем и лидером; но его настоящая дружба была не с равными по положению, которых он презирал, а с низшими, которых он

понимал. Наконец-то он был гражданином мира, человеком без страны; его право по рождению было утрачено, потому что Корсика вызывала у него отвращение; Францию он ненавидел, потому что она никогда не усыновляла его. У него почти не было профессии, потому что он пренебрег профессией солдата и потерпел неудачу и как писатель, и как политик. Очевидно, у него тоже не было единого руководящего принципа; мир был суровой мачехой, на коленях у которой он не узнал правды и не испытал доброты. Он кажется последовательным только в том, чтобы извлекать максимум пользы из событий такими, какие они происходили. До сих пор он был человеком, не намного лучшим и не намного худшим, чем мир, в котором он родился. Он был таким же беспринципным, как и его окружение, но он намного превосходил их в проницательности, ловкости, приспособляемости и настойчивости. В период до его изгнания с Корсики эти лидерские качества были едва ли узнаваемы, но они существовали. Пока что, судя по всему, маленький капитан артиллерии был все тем же худощавым, непропорциональным и довольно незначительным юношей; но в свои двадцать три года он обладал опытом гораздо более зрелого возраста. Сознывая свою силу, он видел много снов наяву и приобрел привычку к хвастливым разговорам в семейном кругу; но, полностью осознавая опасности, подстерегающие его на родине, и неустроенность обстановки вокруг себя, он был осторожен и сдержан во внешнем мире. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XVI.

"Ужин БОКЕРА".

Революционное безумие — Восстание жирондистов — Силы Конвента перед Авиньоном — Первый военный успех Бонапарта — Его влияние на его карьеру — Его политический памфлет — Проявленный в нем гений — Принят и опубликован Властями — Захват союзниками Тулона.

1793.

Когда тринадцатого июня Бонапарты прибыли в Тулон, в Провансе царил буря. Их передвижения в течение первых нескольких месяцев установить невозможно; мы знаем только, что после очень короткого пребывания там семья бежала в Марсель. [\[35\]](#) Многое неясно даже в отношении Наполеона, каким бы солдатом он ни был. Создается впечатление, что этот период их истории был намеренно запутан, чтобы скрыть, насколько тесными были связи всей семьи с якобинцами. Но неясность также может быть обусловлена характером времени. Спасаясь от бурь корсиканской революции, они были захвачены вихрем французской анархии. Жирондисты, втянув страну в отчаянную внешнюю войну, показали себя некомпетентными вести ее дальше. Поэтому в Париже им пришлось уступить якобинцам, которые, проявляя безрассудный деспотизм, смогли проявить беспримерную энергию в его преследовании. Против их тирании умеренные республиканцы и роялисты за пределами Парижа теперь объединились, и гражданская война вспыхнула во многих местах, включая Вандею, долину Роны и юго-восток Франции. Монтескье заявляет, что честь является отличительной чертой аристократии: аристократы-эмигранты были первыми во Франции, кто выбросил честь и патриотизм на ветер; многие из их класса, кто остался,

пошли дальше, проявив в Вандее и других местах сатанинскую мстительность. Эта позорная политика окрасила всю гражданскую войну, а ожесточенность нападений и возмездия, проявленная в Марселе, Лионе, Тулоне и других местах, опозорила бы дикарей в доисторическую эпоху.

Западные склоны Альп были заняты французской армией под командованием Келлермана, обозначенной по названию местности; дальше на юг и восток располагалась итальянская армия под командованием Брюне. Предполагалось, что обе эти армии будут доставлять припасы из плодородной страны позади них и сотрудничать против войск Савойи и Австрии, которые заняли перевалы нижнего Пьемонта и перекрыли путь в Ломбардию. К этому времени был принят закон об обязательном призыве на военную службу, но всеобщее волнение и беспорядочное управление, связанные с такими быстрыми изменениями в правительстве и обществе, ставшие причиной провала сардинской экспедиции, также помешали набору персонала или снаряжению в любой из этих двух дивизий армии. Начало открытых военных действий во всех землях, расположенных непосредственно к западу, на мгновение парализовало их деятельность; и когда вскоре после этого жирондисты разгромили якобинцев в Марселе, дезертирство этого города затруднило так называемым регулярным войскам, солдатам Конвента, даже добывать средства к существованию и удерживать территорию, которую они уже заняли.

Следующим шагом восставших марсельских жирондистов было наступление на Париж, и к первой неделе июля они достигли Авиньона, направляясь на соединение со своими столь же успешными друзьями в Лионе. Конвент со свойственным ему рвением создал армию для борьбы с ними. Новые силы были переданы под командование Карто, гражданского, но энергичного человека. Согласно указаниям, полученным из Парижа, он быстро продвинулся вперед, чтобы расцезь противника надвое, заняв стратегически важный пункт Валанс. Этот ход был успешно осуществлен, Лион был предоставлен самому себе, и к середине июля генерал Конвента расположился лагерем перед стенами Авиньона.

Наполеон Бонапарт поспешил в Ниццу, где были расквартированы пять рот его полка, и, вернувшись во французскую армию, больше никогда не колебался в своей верности трехцветному флагу. Жан Дютей, брат бывшего покровителя молодого человека, находился в столице Савойи на высоком командном посту. Он быстро поручил молодому артиллеристу достроить береговые батареи. Третьего и восьмого июля, соответственно, новый капитан представил письменные отчеты военному министру в Париже и директору артиллерии Тулонского арсенала. Оба этих документа лаконичны и хорошо написаны. Почти сразу же Бонапарту была поручена миссия, вероятно, конфиденциальная, поскольку точный характер ее неизвестен, и он отправился в Авиньон. Он добрался до места назначения почти в тот момент, когда Карто приступил к инвестированию в город. Было примерно шестнадцатого июля, когда он проник в лагерь республиканцев, добравшись окольными путями и чудом избежав рук врага. На этот раз он отсутствовал на своем посту при исполнении служебных обязанностей. Поскольку сооружений и пушек в Ницце было недостаточно и они почти ничего не стоили, его, вероятно, послали за припасами из магазинов Авиньона, когда он будет завоеван. Положение нуждающегося республиканского генерала было таково, что он немедленно назначил своего гостя командующим сильным отрядом летучей артиллерии. При первом нападении на город Картье получил по чеке. Но повстанцы были неопытными добровольцами и, похоже, чувствовали себя все более и более встревоженными угрожающим отношением окружающего населения: двадцать пятого

числа, в самый час победы, они начали отступление. [\[36\]](#) Таким образом, дорога на Марсель была свободна, и командующий неразумно открыл свои позиции, чтобы занять эвакуированные города на своем фронте. Карто вошел в Авиньон двадцать шестого; двадцать седьмого он собрал свои силы и выступил, двадцать восьмого достигнув Тараскона, а двадцать девятого - Бокера. Бонапарте, чья батарея отлично послужила, продвинулся на некоторое расстояние вместе с основными силами армии, но получил приказ вернуться для защиты тыла путем реорганизации и реконструкции артиллерийского парка, который был демонтирован при штурме Авиньона.

Этот первый успешный ратный подвиг произвел глубокое впечатление на Бонапарта и привел к решению, которое определило его карьеру. Его настроение все еще было подавленным, так как он страдал от возвращения своей старой малярии. Более того, его семья, кажется, уже была изгнана из Тулона восстанием враждебной партии: в любом случае теперь они зависели от благотворительности; восстание корсиканцев против Конвента было практически успешным, и говорили, что на острове имя Буонапарте считалось чуть менее отвратительным, чем имя Буттафуоко. Что он должен сделать, чтобы получить решающую долю в бушующем вокруг него хаосе? Мальчик-мечтатель превратился в практичного человека. Французы сражались и завоевывали славу повсюду, и среди людей, пожинавших лавры, были те, кого он знал и даже презирал в Бриенне, — например, сержант Пишегрю. Идеи, которые у него на мгновение возникли, — зачисление в русскую армию, [\[37\]](#) служба в Англии, карьера в Индии, возвращение на боба, — все эти видения были отброшены навсегда, и было отправлено заявление о переводе из итальянской армии в Рейнскую. Подавление восстания на юге вскоре должно было завершиться, и наступило бездействие; но на границе севера шла война, достойная его сил, в которой, если бы он только смог привлечь внимание властей, ему могли быть обеспечены долгая служба, быстрое продвижение по службе и прочная слава.

Но каким должен быть первый шаг к обретению известности здесь и сейчас? Как можно достичь этой цели? Старый инстинкт авторства неудержимо вернулся, и в долгие промежутки времени, когда он выполнял легкую работу в Авиньоне, где, как наиболее вероятно, он оставался для выполнения возложенной на него задачи, Бонапарт написал "Ужин Бокера", свое первое литературное произведение настоящего мастерства. Слово по волшебству, его стиль полностью изменился, став теперь кратким, правильным, и доходчивым. У читателя возникнет соблазн подумать, что он подвергся тщательной переработке чьей-то умелой рукой. Но это маловероятно, если учесть, что это постоянный стиль будущего. Более того, высказанные мнения столь же основательно трансформировались и демонстрируют не только четкое политическое суждение, но и почти поразительную военную проницательность. Обстановка этого примечательного застолья, возможно, хотя и ни в коем случае не наверняка, основана на реальном опыте и заключается в следующем: пятеро путников — уроженец Нима, фабрикант из Монпелье, два марсельских купца и солдат из Авиньона — случайно оказываются за одним столом в гостинице Бокера, маленького городка, вокруг которого бушует гражданская война. Разговор за ужином заходит о событиях, происходящих по соседству. Солдат объясняет обстоятельства, связанные с недавним захватом Авиньона, объясняя бегство повстанцев неспособностью кого-либо, кроме ветеранов, выдержать неопределенность осады. Один из путешественников из Марселя считает, что успех временный, и резюмирует ресурсы умеренных. Солдат приводит длинное опровержение этого мнения. Как политик он показывает, как повстанцы поставили себя в ложное положение, приняв крайние меры и

оттолкнув симпатии республиканцев, проявляя осторожность и дипломатичность, не порицая ни их личности, ни их принципы; с другой стороны, заметно стремление подчеркнуть профессиональное отношение; как военный он объясняет стратегическую слабость их позиции и тщетность их операций, произнося множество сентенциальных фраз: "Самомнение - худший советчик"; "Хорошие четырех- и восьмифунтовые пушки так же эффективны для полевых работ, как орудия большего калибра, и во многих отношениях предпочтительнее их"; "Аксиомой военной науки является то, что армия, которая остается за своими укреплениями, терпит поражение: опыт и теория сходятся в этом пункте".

Завершение беседы - триумфальная демонстрация того, что дело повстанцев уже проиграно, аргумент, уличающий их в том, что на самом деле они желают не умеренности, а контрреволюции в своих собственных интересах и демонстрируют готовность подражать вандейцам и при необходимости обращаться за иностранной помощью. В одном замечательном отрывке солдат допускает, что жирондисты, возможно, были объявлены вне закона, заключены в тюрьму и оклеветаны Горой в своих собственных эгоистичных интересах, но добавляет, что первые "были потеряны без гражданской войны, посредством которой они могли бы установить закон для своих врагов. Именно для них ваша война была действительно полезной. Если бы они заслужили свою раннюю репутацию, они бы сложили оружие перед конституцией и пожертвовали своими собственными интересами ради общественного блага. Легче цитировать Деция, чем подражать ему. Сегодня они показали себя виновными в худших из возможных преступлений; своим поведением они оправдали свое проскрипционное наказание. Кровь, которую они пролили, стерла истинные услуги, которые они оказали ". Производитель из Монпелье придерживается мнения, что, независимо от того, правда это или нет, Конвент теперь представляет нацию, и отказ подчиняться ему является мятежом и контрреволюцией. История не знает более ясного утверждения, чем это, о принципе "де-факто, де-юре", убежденности в том, что "кто сильнее, тот и прав".

Наконец-то лидер проявил себя в том, что ухватил важнейшие элементы сложной ситуации, а деловой человек нашел стиль, в котором можно выражать свои четкие идеи. Когда начинается прилив, он поднимается без перерыва. Едва был написан памфлет Бонапарта, как его ценность была оценена; ибо в этот момент прибыла одна из тех дипломатических миссий, которые теперь представляют суверенитет Конвента во всех областях операций. Это был самый влиятельный комитет из трех человек — Эскудые, Рикора и младшего брата Робеспьера. Их сопровождала комиссия, которой было поручено пополнить продовольственные запасы на Корсике для тех немногих войск, которые все еще держались на этом острове. Саличетти был ее главой; другим членом был Гаспарин. Мы можем сделать вывод, что Буонапарте легко добился расположения своего соотечественника Саличетти, и "Ужин Бокера" был заслушан полномочными представителями со вниманием. Его достоинства были немедленно признаны, как говорят, и Гаспарин, и младшим Робеспьером; через несколько дней брошюра была опубликована за счет государства. [\[38\]](#) О жизни Буонапарте с двадцать девятого июля по двенадцатое сентября 1793 года имеются самые противоречивые сведения. Некоторые говорят, что он был в Марселе, другие отрицают это. Его брат Жозеф думал, что он был занят сбором боеприпасов и припасов для армии Италии. Его самый ранний биограф утверждает, что он путешествовал через Лион и Оксон в Париж, возвращался тем же маршрутом в Авиньон, а оттуда направлялся в Оллиуль близ Тулона. Двадцать шестого сентября из штаба армии, расположенного перед этим городом, Саличетти написал, что, когда Бонапарте проезжал

мимо, чтобы присоединиться к Итальянской армии, власти, ответственные за осаду, изменили пункт его назначения и назначили его командующим тяжелой артиллерией вместо Доммартина, выведенного из строя из-за ранения. Как подозрительные, так и легковверные авторы намекали на то, что в тот период молодой человек выполнял какую-то секретную миссию. Этого можно было бы ожидать от тех, кто приписывает демонические качества дитя судьбы с самого раннего младенчества, но нет ни малейших доказательств, подтверждающих это утверждение. Вполне возможно, что парень вернулся к странным беспокойным привычкам прежней жизни. Очевидно, что его надеждам на перевод в Рейнскую армию помешали. Как ни неохотно ему было служить в Италии, в конце концов он направил свои запоздалые шаги именно туда. Возможно, как заявляют высокопоставленные источники, именно в Марселе его соотечественник Червони убедил его поехать по крайней мере до Тулона, хотя Саличетти и сам Буонапарте позже заявили, что встретились и договорились об этом в Ницце.

В этот промежуток времени, пока Бонапарт оставался, согласно лучшим источникам, в пределах досягаемости Авиньона, добывая артиллерийские припасы и сочиняя политический памфлет в поддержку якобинцев, Карто двадцать пятого августа 1793 года взял Марсель. Взятие было отпраздновано одной из самых кровавых оргий того ужасного года. Жирондисты Тулона увидели в судьбе тех, кто был в Марселе, судьбу, предназначенную им самим. Если бы высокие договаривающиеся державы, объединившиеся сейчас против Франции, проявили искреннее желание подавить якобинское зверство, они могли бы при первом формировании коалиции легко захватить Париж. Вместо этого Австрия и Пруссия проявили самую эгоистичную апатию в этом отношении, торгуясь друг с другом и с Россией о своих соответствующих долях Польши, добыче, которую они собирались захватить. Интенсивность якобинского движения не воодушевляла их до тех пор, пока большинство французского народа, смутно улавливая элементы постоянной ценности Революции и уязвленное иностранным вмешательством, не сплотилось вокруг единственного стандарта, который был твердо поддержан, — стандарта Конвента, - и не позволило этому органу за невероятно короткий промежуток времени проявить огромную энергию. Затем Англия, напуганная до паники, вынудила Питта принять эффективные меры и продемонстрировала свои ресурсы в привлечении субсидий для своих континентальных союзников, в подстрекательстве германских держав к активности, в прочесывании всех морей своими флотами. Одно из них крейсировало у берегов Франции в Средиземном море, и жирондистам Тулона было легко убедить его командира захватить не только их великолепные арсеналы, но и флот в их гавани — фактически единственный эффективный флот, которым в то время располагали французы. Без промедления и колебаний английский адмирал Худ захватил легкую добычу, и вскоре военные корабли испанцев, неаполитанцев и сардинцев были собраны, чтобы принять участие в защите города от войск Конвента. Вскоре прибыли беглецы-жирондисты из Марселя, и их приняли с радушием. Место было снабжено провизией, ворота заперты, и все приготовления к отчаянному сопротивлению были завершены. На карту была поставлена судьба республики. Кризис был острым. Неудивительно, что, учитывая его блестящую карьеру, Наполеон много лет спустя и его единомышленники друзья заявили, что в назначенный час появился этот человек. Там, сказал вдохновенный мемориалист острова Святой Елены, история нашла его, чтобы никогда не покинуть; там началось его бессмертие. Хотя в идеале этот язык более верен, чем в трезвой реальности, все же у императора было определенное обоснование своим претензиям. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XVII.

Тулон.

Якобинская власть под угрозой — Судьба Бонапарта — Его назначение в Тулон — Его способности артиллериста — Его имя упоминается с отличием — Его план операций — Падение Тулона — Бригадный генерал Бонапарта — Поведение победителей—якобинцев — Корсиканский заговор — Ужасы Французской революции - Влияние Тулона на карьеру Бонапарта. [\[39\]](#)

1793.

В сочетании с другими обескураживающими обстоятельствами "тулонская измена" нанесла Конвенту сокрушительный удар. Осада Лиона все еще продолжалась; пьемонтцы входили в Савойю, или департамент Монблан, как он был назван после его недавнего захвата Францией; великий город Бордо хранил зловещее молчание и бездействие; роялисты Вандеи временно одержали победу; в Нормандии были беспорядки, а в Бретани продолжалось насилие; города Майнц, Валансьен и Конде были эвакуированы, а Дюнкерк осажден герцогом Йоркским. Потеря Тулона стала бы кульминацией подобных катастроф, подорвала бы авторитет республики за границей и дома, возможно, вернула бы бурбонов обратно. Тем временем Карно пришел на помощь Комитету безопасности. Великий как военный организатор и влиятельный как политик, он уже пробудил во всей стране еще больший пыл и консолидировал общественное мнение в пользу своих планов. В лице Дюбуа де Крансе у него был способный лейтенант. Четырнадцать армий вскоре должны были двинуться в бой, руководимые единым умом; дисциплина должна была быть эффективно укреплена, потому что это должна была быть дисциплина народа сама по себе; посланцы Конвента должны были ходить взад и вперед, успешно добиваясь общих действий и общего энтузиазма в исполнительной власти, как в боевых службах, так и в стране. Но пока еще ни одно из этих чудес не было совершено, и с потерей Тулона они могли стать невозможными навсегда.

Такова была обстановка на сцене большого национального театра Франции, когда на сцену вышел Наполеон Бонапарт. Записи о его детстве и юности, сделанные им собственноручно, служат доказательством того, каким он был в двадцать четыре года. Не требовалось тщательного анализа, чтобы распознать этого человека или проследить влияние его образования. За исключением коротких и незначительных периодов, история полна и точна. Более того, она абсолютно бесхитростна. О чем она свидетельствует? Корсиканский ребенок знатного происхождения, из семьи с некоторым состоянием, готовый использовать любой ресурс неустроенного времени для получения образования и денег, патриотичный в душе, но готовый извлечь выгоду из Франции, или даже из России, Англии, Востока; везде, где можно было найти материальную выгоду. Этот мальчик был одновременно идеалистом и реалистом, каждый в высокой степени соответствовал своим большим способностям. Он не блистал ни как ученый, ни как офицер, будучи неподатливым никакому обучению, — но независимыми усилиями и отрывочным чтением высшего класса он сформировал идеал общества, в котором царили равенство положения и кошелек, чистота жизни и нравов, религия без клерикализма, свобода слова и честное отправление справедливых законов. Он наивно надеялся, что его родная земля, свободная от

французского контроля, осуществит этот идеал; но Революция освободила ее полностью; и что произошло? Возврат ко всем порочным практикам средневековья, его самого затягивает в водоворот и он деградирует до заурядного авантюриста. Разочарованный и озлобленный, он затем повернулся к Франции. Отказавшись от своей двойной роли, он с тех пор проявлял сентиментальный интерес к Корсике; его прекрасные способности, когда он сосредотачивался на реалиях большого мира, внезапно проявлялись в острой наблюдательности, справедливых выводах, более чем академическом интересе и умении вести образ жизни, до сих пор омраченный неблагоприятными условиями. Он уже нашел применение всем своим способностям как с оружием, так и с пером. Он был не только нетерпелив, но и готов применить их на более высоком поприще.

Теперь город Тулон был формально и номинально инвестирован — то есть в соответствии с принятыми тогда общими правилами проведения подобных операций, но без учета тех особенностей его территории, которые только выдающиеся умы могли отметить и использовать с максимальной выгодой. Большой двойной залив защищен с юго-запада широким полуостровом, соединенным с материком очень узким перешейком, и, таким образом, выходит на юго-восток, к Средиземному морю. Великий укрепленный город, считавшийся тогда одним из сильнейших мест в мире, расположен далеко внутри, на восточном берегу внутренней гавани. Авторитетные источники считали его неприступным. Со стороны суши он защищен амфитеатром высоких холмов, которые оставляют справа и слева узкую полосу холмистой местности между их нижними склонами и морем. На востоке Лапойп командовал левым крылом осаждавших революционных сил. Западным перевалом командует Оллиуль, который Карто выбрал для своей штаб-квартиры. Двадцать девятого августа его авангард захватил это место, но почти сразу же был атакован и вытеснен союзными армиями, в основном английскими войсками, переброшенными из Гибралтара. Седьмого сентября это место было отбито. Два фланга соприкасались, и в направлении суши коммуникации города были полностью перерезаны. Во время штурма только один французский офицер был серьезно ранен, но это был капитан артиллерии. Саличетти и его коллеги получили от военного министра указание присматривать за гражданином Бонапарте, который хотел служить на Рейне. Это, а также их собственная привязанность подтолкнули их к решительному шагу, который они предприняли. На освободившееся место был назначен все еще не занятый капитан артиллерии Наполеон Бонапарт. С точки зрения истории, это очень важный факт; на самом деле не имеет большого значения, кто послужил толчком - Червони или Саличетти. В то же время его мать получила денежное пособие, и пока раздавались милости, было достаточно нуждающихся Буонапартов, чтобы получить их. Саличетти и Гаспарин, будучи легатами Конвента, были всемогущи. Последнему очень понравился друг Саличетти, и не было никакого сопротивления, когда первый воспользовался своей властью. Фешу и Люсьену обоим предоставили места, назначив кладовщиками в продовольственном отделе. Баррас, который был вербовщиком Конвента в Тулоне, утверждает, что был первым, кто признал способности Бонапарта. Он заявляет, что молодой корсиканец ежедневно сидел за его столом и что именно он сам нерегулярно, но эффективно добился назначения своего нового друга на действительную службу. Но он также утверждает то, что, как мы знаем, не соответствует действительности, что Буонапарте все еще был лейтенантом, когда они впервые встретились, и что он назначил его капитаном. Вполне вероятно, учитывая их последующую близость в Париже, что они были близки и в Тулоне; остальная часть истории Барраса - выдумка.

Но хотя окружение Тулона было полным, оно было слабым. Восемнадцатого сентября общая численность нападавших составляла десять тысяч человек. Время от времени прибывали подкрепления, и различные закаленные батальоны при случае проявляли большую доблесть и отвагу. Но боеприпасов и вооружения никогда не хватало, и под началом гражданских офицеров как обычные солдаты, так и новобранцы были нетерпимы к суровой дисциплине. Артиллерия, в частности, была едва ли более чем номинальной. Там было несколько полевых орудий, только два больших и эффективных орудия и два миномета. По ошибке военного министерства генерал, которому было поручено организовать артиллерию, не получил вовремя приказов и оставался на своем посту в восточных Пиренеях до тех пор, пока это место не пало. Очевидно, кто-то должен был разобраться в ситуации и восполнить вопиющий дефицит. Бонапарте без дрожи в руках взялся за свою задачу. Для эффективной артиллерийской службы артиллерийские офицеры были необходимы, а их почти не было. На спадах народного энтузиазма многие республиканцы, отступившие перед бурей фракционных эксцессов, теперь были готовы выступить вперед, и Наполеон, публично не поддерживавший якобинцев, смог привлечь на свою сторону многих способных помощников из числа людей своего класса. Его нервное беспокойство нашло выход в возведении контрфорсов, установке орудий и придании бодрости всей службе до тех пор, пока как офицеры, так и рядовые не проявили усердную деятельность самого многообещающего рода. К двадцать девятому сентября были установлены четырнадцать орудий и четыре мортиры, собраны необходимые материалы, и благодаря самоутверждению Буонапарте получил полную власть. Единственной помехой было невежественное вмешательство Карто, который, хотя и был энергичным и усердным, хотя и родился и вырос в лагере, будучи сыном солдата, был, в конце концов, не солдатом, а очень честным художником. За свои батальные картины и портреты военных знаменитостей он получал большие деньги и так же тщеславился своим художественным талантом, как и военным, хотя и то, и другое было посредственным. В те смутные времена на вершину поднялись странные личности: противник художника в Авиньоне, предводитель повстанцев, был портным; его преемником стал некто Лапойп, врач. Готовое перо Буонапарте снова сослужило ему хорошую службу, и он направил в министерство памятную записку, в которой объяснял ситуацию и просил назначить генерала артиллерии со всеми полномочиями. Комиссары передали документ в Париж и назначили мемориалиста в более высоком звании исполняющего обязанности командующего.

В коллекции герцога Тревизского.

Джозефина.

Из пастели Пьера Прюдона.

Хотя главнокомандующий не мог полностью уступить своему подчиненному, он поступил крайне нелюбезно по отношению к легатам Конвента. Между семнадцатым и двадцатым сентября эффективные батареи под командованием Буонапарте вынудили вражеские фрегаты отступить из окрестностей Ла-Сейна во внутренней бухте. Выстрелы были раскаленными докрасна, огонь концентрированным, и оружие служило с хладнокровной эффективностью. На следующий день деревня была занята, и всего с четырьмя сотнями человек генерал Делаборд двинулся маршем, чтобы захватить Эгийет, ключ к осаде, как неоднократно повторял Бонапарте. Он был бесславно разбит; британцы высадили подкрепление и за ночь возвели мощные укрепления. Они назвали это место фортом Малгрейв. Его быстро окружили тремя редутами. Для Бонапарта это презрительное неповиновение было невыносимым: он говорил, а Саличетти писал об осаде как об отсутствии как мозгов, так и средств. Вслед за этим парижские легаты начали представлять Карто как недееспособного и требовать его отзыва. Бонапарт обыскал окрестные города и сельскую местность в поисках пушек и захватил их некоторое количество; он основал кузницы в Оллиуле, чтобы поддерживать свой аппарат в порядке, и полностью реорганизовал свой персонал. Обладая достаточной эффективностью и значительным количеством ружей и дроби, он оказался без достаточного количества пороха и повелительно написал своему начальству, успешно приведя в исполнение свое требование. Тем временем он выделился личной смелостью и разоблачением. Дни и ночи были тяжелыми из-за активности врага. В ходе последовательных боевых вылетов первого,

восьмого и четырнадцатого октября британский гарнизон форта Малгрейв завоевал как территорию, так и престиж благодаря последовательным победам. Французам было трудно подавить свое нетерпение, но они еще не были готовы к общему наступлению: ни один род войск не был достаточно силен, и армия становилась деморализованной бездействием. Вражда между генералом и легатами становилась все ожесточеннее, и требования последнего о материалах игнорировались как в Париже, так и Доппетом, который только что захватил Лион, но не захотел расставаться ни с одним из своих орудий, боеприпасов или людей для использования в Тулоне. Лапуа и Карто ожесточенно поссорились, и возникла такая неразбериха, что Бонапарте в конце концов прямо ослушался своего начальника и взял многие мелкие операции в свои руки; он был настолько уверен, что только артиллерия положит конец осаде, что генерал окрестил его капитаном Кэнноном. В конце концов все заинтересованные стороны воззвали к небесам, и двадцать третьего октября Карто был переведен в Итальянскую армию со штаб-квартирой в Ницце. Он отправился на свой новый пост седьмого ноября, а через пять дней появился его преемник. Тем временем номинальным командующим был Лапойп, на самом деле Саличетти, которого подсказал Буонапарте.

Таким образом, в конце концов художник был отстранен от командования, и вместо него был назначен врач. Доктор был горячим патриотом, отличившимся при осаде Лиона, которая пала девятого октября. Но по прибытии в Тулон гражданин солдат был поражен масштабом своей новой работы. Пятнадцатого ноября французские пикеты видели, как испанец жестоко обращался с французским пленным на внешних укреплениях форта Малгрейв. Осаждающие импульсивно бросились мстить за оскорбление. Генерал О'Хара высадился с *"Виктори"* с подкреплением для гарнизона. Доппет был охвачен паникой из-за пожара и приказал отступить. Капитан Буонапарте выругался и выразил свое неудовольствие. Солдаты в гневе кричали: "Неужели нами всегда будут командовать художники и врачи?" Действительно, новичок едва успел принять командование, оставив все как есть: вскоре его перевели по его собственному предложению на более легкую должность в Пиренеях, понимая, что Дюгомье, профессиональный солдат, в конце концов будет назначен главнокомандующим, а Дютей, брат старого друга и командира Бонапарта, должен был стать генералом артиллерии. Это был человек преклонных лет, неспособный даже сесть на лошадь, но он был предан молодому капитану, доверял его силам и фактически оставил его командовать. В то же время из Лиона прибыли обильные припасы. Двадцатого ноября новые офицеры вступили в должность, два дня спустя была произведена общая рекогносцировка, и в течение короткого времени капиталовложение было завершено. Тридцатого числа из города была предпринята грозная вылазка, направленная против батарей Бонапарта. В отряде было две тысячи триста пятьдесят человек: около четырехсот британцев, триста сардинцев, двести пятьдесят французов и по семьсот неаполитанцев и испанцев. Ими командовал генерал Дандас. Их первые действия увенчались успехом, и главнокомандующий осажденными вышел посмотреть на победу. Но ситуация изменилась, французские революционеры сплотились, и вылазка была отбита. Событие стало вдвойне важным из-за случайного пленения генерала О'Хара, английского коменданта. Такой плен встречается редко, — этот факт произвел на Бонапарта глубокое впечатление. Он получил разрешение посетить английского генерала в плену, но был холодно принят. На вопрос: "Чего вы хотите?" последовал краткий ответ: "Чтобы вас оставили в покое и не требовали жалости". Этот поразительный, хотя и невежливый ответ восхитил Бонапарте. Об успехе было должным образом сообщено в Париж. В "Мониторе" от

седьмого декабря имя Буона Партэ упоминается впервые, причем как одно из самых выдающихся участников акции.

Военные советы до прибытия Дюгомье были многочисленными и бурными, хотя одиночный план операций, предложенный командующим и его помощниками, был бы адекватен только для захвата города в глубине страны, и, вероятно, даже не для этого. С самого начала и с яростной настойчивостью Буонапарте объяснял своим коллегам особенности их задачи, но все было напрасно. Он рассудил, что сопротивление Тулона зависит от союзников и их флотов и должно быть ослаблено со стороны моря. Сами англичане поняли это, когда захватили и укрепили редут Форт Малгрейв, известный также французам как Малый Гибралтар, на полосе суши, отделяющей к западу внутренний залив от внешнего. Этот пост на мысе, который туземцы называют Эгийет, должен быть взят. С самого момента своего прибытия Бонапарт настаивал на этой простой, но умной концепции на военном совете. Но Карто не мог и не хотел видеть его важности: только после того, как за дело взялся опытный командир, проницательность Бонапарта оправдалась и его план был принят. В то же время было решено, что операции также должны быть направлены против двух других сильных аванпостов, одного к северу, другого к северо-востоку от города. Предполагалась настоящая попытка захватить гору Фарон на севере и демонстрация только против третьей точки. Но сосредоточение сил должно было быть против Эгийет.

Наконец, семнадцатого декабря, после тщательной подготовки, была предпринята согласованная атака во всех трех точках. Офицеры и солдаты повсюду действовали отважно и эффективно. Бонапарте, взяв на себя ответственность за батареи, был вездесущ и безрассуден. Наступление, на которое он положил свое сердце, было успешным на всех участках; враг был не только отброшен на внутренние укрепления, но из-за падения Малого Гибралтара его сообщение с морем оказалось под угрозой. Весь полуостров, сам форт, мыс и соседние высоты были захвачены. Виктор, Мюиرون, Буонапарте и Дюгомье возглавили штурмующие колонны. Союзники были совершенно деморализованы ожесточенной и кровопролитной борьбой. Таким образом, поскольку вспомогательный флот больше не мог оставаться в столь опасном положении, осажденные сразу же приготовились к отходу, с необдуманной поспешностью отправив войска и многих жителей. Испанцы обстреляли два фрегата, заряженных порохом, и взрыв складов потряс город и его пригороды, как землетрясение. В этот момент молодой Сидни Смит высадился с британских кораблей и заложил поезда, которые разожгли ужасный пожар. Захваченный французский флот, стоявший на якоре, склады и лавки арсенала, все его помещения загорелись, и один взрыв следовал за другим, как внушающее благоговейный трепет извержение вулкана. Осаждающие остолбенели, глядя на происходящее, и заткнули уши. Через несколько часов город был полностью эвакуирован, и иностранные военные корабли отчалили от причала. Известие об этой решающей победе было без малейшего промедления разослано по Конвенту. Имена Саличетти, Робеспьера, Рикора, Фрерона и Барраса упоминаются в письмах Дюгомье как имена людей, отличившихся на различных должностях; имя Бонапарта не встречается.

Либо это была зависть к его заслугам, которые, по словам его врагов, чрезмерно превозносились, либо его доля была более незначительной, чем обычно предполагается. На острове Святой Елены он рассказал, что во время операций перед Тулоном под ним были убиты три лошади, и показал Лас Кейсу большой шрам на бедре, который, по его словам, был получен в штыковой атаке под Тулоном. "Люди удивлялись удаче, которая делала меня

неуязвимым; я всегда скрывал свои опасности в тайне". Гипотеза о его незначительности кажется маловероятной, когда мы изучаем мемуары, написанные его современниками, и рассматриваем точные традиции более позднего поколения; она становится несостоятельной ввиду того, что произошло на следующий день, когда комиссары выдвинули его на должность бригадного генерала, звание, которое при обмене пленными с англичанами считалось равным званию генерал-лейтенанта. В донесении, написанном девятнадцатого числа военному министру, Дютель отзывается о Бонапарте в самых высоких выражениях. "Много науки, столько же ума и слишком много храбрости - таков слабый набросок достоинств этого редкого офицера. От вас, министр, зависит сохранить их во славу республики".

Двадцать четвертого декабря Конвент получил известие о победе. На самом деле это была их передышка, поскольку известие о катастрофе оборвало бы их карьеру. Ликуя по поводу быстрого успеха, их радость была дикой и inferнальной. С рвением вампиров они сразу же послали двух уполномоченных стереть название Тулона с карты, а его жителей - с лица земли. Фуше, позже начальник полиции и герцог Отранто при Наполеоне, приехал из Лиона, чтобы посмотреть на спорт, и написал своему другу, закоренелому убийце Колло д'Эрбуа, что они празднуют победу только одним способом. - Этой ночью мы отправим двести тринадцать мятежников в адское пламя. Дело в том, что никто никогда не знал, сколько сотен или тысяч тулонских жирондистов было сметено вместе и уничтожено огнем пушек и мушкетов. Фрерон, один из комиссаров, желал не оставить в живых ни одного повстанца. Дюгомье не стал бы слушать подобное предложение о холокосте. Мармон заявляет, что Бонапарт и его артиллеристы молили о пощаде, но тщетно.

Через все эти события, как ниточка, пролегал небольшой контрзаговор. Корсиканцы в Тулоне были важными персонами и показали свой характер. Саличетти, Буонапарте, Арена и Червони теперь были выдающимися людьми; двое последних, как и Буонапарте, были повышены в звании, хотя и до гораздо более низкого ранга. Как заявил Саличетти в письме, написанном двадцать восьмого декабря, они планировали захватить суда и вооружить их для экспедиции на Корсику. Но на какое-то время их усилия сошли на нет; и с тех пор Саличетти, казалось, потерял всякий интерес к корсиканским делам, все больше и больше втягиваясь во все более безумный поток событий во Франции.

В этом не было ничего странного, поскольку даже обычный политик не мог оставаться равнодушным к ходу или последствиям пагубной анархии, бушующей сейчас по всей Франции. Массовые убийства в Лионе, Марселе и Тулоне были ответом на подобные или худшие ужасы, совершенные роялистами в Вандее. Дантон использовал парижские секции, чтобы внушить благоговейный страх жирондистскому большинству Конвента, Марат собрал свою буйную банду санкюлотов и преследовал дискредитировавшие себя остатки партии до смерти, бегства или ареста. Его кровавая карьера была прервана только кинжалом Шарлотты Корде. Таким образом, страсти накалялись до такой степени, что даже поведение Дантона казалось спокойным, умеренным и неэффективным по сравнению с безрассудной кровожадностью Эбера, ныне лидера Эксагеров. Последние одержали верх, вандейцы потерпели поражение, и гражданин Каррье из Нанта за три месяца унес пятнадцать тысяч человеческих жизней своими дьявольски хитроумными способами утопления и расстрела. Короче говоря, Франция была охвачена хаосом, и тогдашние Саличетти могли надеяться на что угодно или всего бояться в муках ее беспорядка. Не такой человек, как Бонапарт. Инстинкт подсказал ему подготовиться к тому, что пути разойдутся.

Другие могли выбирать и продвигаться вперед; он не подавал никаких признаков того, что его волнуют текущие события, но стоял, по-прежнему устремив взгляд, хотя теперь и оглядываясь назад, на Корсику, готовый, если того потребуют интересы или самосохранение, предпринять еще одну попытку захватить и удержать ее как свою собственную. Теперь его подтолкнуло чувство собственного достоинства, а не корсиканский патриотизм, возможно, его французский интерес. Полный решимости и мстительности, он снова, несмотря на неразбериху в делах в Париже, добыл средства для своего предприятия, и на этот раз в масштабах, пропорциональных трудности. Влияние Тулона на судьбу Бонапарта было неисчислимым. На протяжении всей жизни он говорил об этом городе, об осаде и своей доле в ней, о последующих событиях и о людях, с которыми он там познакомился, с живым и подчеркнутым интересом. По прошествии многих лет он был щедр ко всем, кто был связан с поимкой, за исключением нескольких врагов, таких как Ауна, с которыми он обращался сурово. В частности, не следует забывать, что среди многих второстепенных людей он завязал свои отношения с некоторыми из своих величайших генералов и маршалов: Дезэ, Мармоном, Жюно, Мюироном и Шове. Этот опыт положил начало его грандиозной карьере; близкие отношения, которые у него сложились, оказались сильной поддержкой, когда он заставил себя выйти на фронт. Более того, его уважение к Англии возросло. Это было не в нарушение обещания сохранить место претендента на престол Бурбонов, а по праву чистой силы, что они взяли верх над союзниками в командовании. Они были надменными и диктаторскими, потому что их окружение было неуверенным и разобщенным. Когда графа де Прованса предложили в качестве коллеги, они отказались принять его, потому что лучшие люди его собственной партии ненавидели его. В почти пятнадцатитысячном гарнизоне не было и трети британцев. Бонапарте и другие обвинили их в вероломстве в желании удержать великую крепость за собой, но обвинение было ложным, и он не презирал их, а скорее восхищался их политикой и подражал ей.

[\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XVIII.

ГЕНЕРАЛ - ЯКОБИНЕЦ.

Трансформация характера Буонапарта — Подтверждение статуса французского генерала — Поведение его братьев — Осторожность Наполеона — Его отчет о Марселе — Новая французская армия — Буонапарте, лидер якобинцев — Военные действия с Австрией и Сардинией — Энтузиазм французских войск — Положение Буонапарта в обществе — Его план итальянской кампании.

1793-94.

До сих пор благоразумие не было характерно для Бонапарта: его выходки и неповиновение отдавали скорее безрассудством. Как и десятки других представителей его класса, он в полной мере воспользовался слабостью королевской и ранней республиканской администрации; его сумасбродная и вспыльчивая разносторонность отличала его от товарищей не по виду, а по степени смелости. Все взгляды изменились после его последнего бегства во Францию, и теперь в его поведении начал прослеживаться определенный план —

быть отмеченным пунктуальным послушанием, иногда даже почти детской осторожностью. Его семья была бездомной и без гроша в кармане; их единственной надеждой на пропитание было сотрудничество с якобинцами, влияние которых, казалось, с каждым часом становилось все более влиятельным. Благодаря могущественным друзьям, которых Наполеон приобрел среди представителей Конвента, таких людей, как младший Робеспьер, Фрерон и Баррас, уже было достигнуто многое. Если его назначение на должность бригадного генерала подтвердится, а это было почти наверняка, то последует и остальное, поскольку, обладая врожденной способностью приспосабливаться к обстоятельствам, он в течение последних нескольких недель успешно развивал свою способность радовать, пленять сердца Мармона, Жюно и многих других.

При таких больших шансах в его пользу Буонапарте казалось, что на пути его продвижения по службе не должно быть никаких технических препятствий. Соответственно, в отчете о своей жизни, отправленном в Париж, он указывает, что поступил на службу более чем на год раньше, чем это произошло на самом деле, опускает как несущественные детали некоторые места, в которых он жил, и некоторые роты, в которых служил, заявляет, что командовал батальоном при взятии Магдалены, и, наконец, категорически отрицает, что когда-либо был дворянином. Для этого документа, который сводит к минимуму почти до нуля все упоминания о Корсике и подчеркивает его заслуги как француза своими коварными упущениями, перегруженные чиновники в Париже не сделали исключения; и шестого февраля 1794 года он был утвержден в должности, получив назначение на службу в новую и возрожденную армию Италии, которая как по волшебству заменила оборванные, босые, плохо экипированные и полуголодные остатки войск в Ницце и ее окрестностях, которые в предыдущем году были удостоены того же звания. Этот игрок не выиграл первый приз в лотерею, но того, что он получил, было достаточно, чтобы оправдать свой курс и подтвердить свою уверенность в судьбе. Восемь лет и три месяца номинально на службе, из которых на самом деле он отсутствовал четыре года и десять месяцев либо в отпуске, либо без такового, и уже генерал! Ни слепая удача, ни революционная эпоха, ни выдающиеся способности этого человека, но сочетание всего этого привело к свершению этого чуда. Это не опьянило, но еще больше отрезвило бенефициара. Этот эффект был отчасти вызван опытом, который показал, что какими бы крепкими ни были цепи привычки, их легче разорвать, чем те, которые его окружают.

В промежутке между назначением и конфирмацией молодой претендент по вине своих друзей подвергся серьезнейшему риску. Саличетти и братья Буонапарте, Жозеф, Люсьен и Луи, пришли в неистовое ликование по поводу падения Тулона и начали с помощью безрассудных предположений и лживых заявлений собирать обильный урожай трофеев. Джозеф, воспользовавшись корсиканским чином своего брата, выдавал себя за подполковника; теперь он был произведен в генеральные комиссары первого класса. Луи, несмотря на его крайнюю молодость, был произведен в майоры-адъютанты артиллерии — звание, которое было недолговечным, поскольку вскоре после этого его направили в школу в Шалоне в качестве кадета, но которое, как и больший успех Жозефа, помогло преодолеть кризис. Люсьен сохранил свой пост хранителя складов в Сен-Максимине, где он был ведущим якобинцем, называя себя Луцием Брутом и радуясь прозвищу "маленький Робеспьер".

Позиции Люсьена и Луи были фантастическими даже для революционных времен. Наполеон полностью осознавал опасность и был соответственно осмотрителен. Возможно,

именно по его собственному предложению двадцать шестого декабря 1793 года он был назначен инспектором береговых укреплений и получил приказ немедленно приступить к обследованию побережья Средиземного моря вплоть до Ментоны. Экспедиция избавила его от всякого искушения неудачно проявить ликование или тревогу и дала ему новый шанс проявить свои способности. Он выполнил свою задачу со скрупулезностью эксперта; но при этом его рвение сыграло с ним злую шутку, затмив осторожность революционера рвением проницательного генерала. В своем докладе военному министру он всесторонне обсудил как укрепление побережья, так и усиление военно-морского флота, которые были одинаково необходимы для замечательного плана операций в Италии, который он, по-видимому, уже прокручивал в уме. Армия Италии, да и фактически всей юго-восточной Франции, в данный момент зависела в плане средств к существованию от торговли Генуи, считавшейся нейтральным государством и дружественной Французской республике. Эту важнейшую торговлю можно было защитить, только сделав невозможным или, по крайней мере, затруднительным вмешательство англичан и испанцев.

Прибыв в Марсель, и с этими мыслями, занимавшими все его сознание, Бонапарт расценил ситуацию как серьезную. Британский и испанский флоты бороздили моря и фактически блокировали все средиземноморские порты Франции. В Тулоне, как уже было сказано, они действительно вошли и ушли только после того, как потеряли контроль над мысом, образующим гавань. Аналогичная структура грунта наблюдается у входа в Марсельский порт, но Бонапарт обнаружил, что крепость, занимавшая господствующий мыс, была демонтирована. Руководствуясь инстинктом стратега и не думая ни о чем другом, кроме своих обязанностей инспектора, он сел и четвертого января 1794 года написал крайне неполитичную рекомендацию восстановить укрепление таким образом, чтобы "командовать городом". Эти слова почти наверняка относились как к возможному возобновлению побежденными французскими роялистами и другими недовольными своих усилий по захвату Марселя, так и к мыслимым попыткам союзников захватить гавань. Теперь случилось так, что городские либералы считали эту самую крепость своей Бастилией, и она была разрушена ими в подражание своим парижским собратьям. Таким образом, формулировки и мотивы доклада могут быть неверно истолкованы. Среди марсельских якобинцев сразу же поднялась буря как против Бонапарта, так и против его начальника генерала Лапуа; они оба были донесены Конвенту, и в свое время, примерно в конце февраля, оба предстали перед коллегией адвокатов этого органа. Тем временем назначение Бонапарта бригадным генералом было подтверждено, и шестнадцатого февраля его чин прибыл в Марсель. Это никак не помогло вернуть ему популярность; напротив, массы стали более подозрительными и более угрожающими. Поэтому он вернулся под защиту Саличетти и Робеспьера, затем в Тулон, откуда по их совету отправил в Париж специальным посыльным слабодушное оправдательное письмо, в котором признавал, что единственная польза от восстановления форта заключалась бы в том, чтобы "командовать городом", то есть контролировать его военной силой в случае революции. Малодушно признав этим языком вину, которой он не совершал, писатель, по совету Саличетти и Робеспьера, отказался подчиниться официальному требованию Конвента, когда оно поступило. Эти могущественные покровители сделали энергичные заявления своим друзьям в Париже, и Бонапарт был спасен. И они, и он вполне могли бы положиться на выдающуюся службу, оказанную преступником в Тулоне; его военные достижения вполне могли перевесить небольшое политическое правонарушение. Первого апреля 1794 года он приступил к исполнению обязанностей своего нового командования, явившись с докладом в Ниццу. Лапуа отправился в Париж, предстал перед Коллегией адвокатов Конвента и был

триумфально оправдан. Естественно, поэтому никакое обвинение не могло быть выдвинуто против низшего, и имя Буонапарте даже не упоминалось.

Одно-единственное обстоятельство превратило Французскую революцию из сектантской догмы в национальное движение. Благодаря усилиям и планам Карно боеспособная численность французской армии была увеличена менее чем за два года со ста двенадцати тысяч человек до поразительной цифры - более семисот тридцати тысяч. Дисциплина теперь была жесткой, и машина была идеально приспособлена к рукам рабочего, хотя из-за нехватки денег оборудование по-прежнему имело печальный дефект. В Итальянской армии насчитывалось почти шестьдесят семь тысяч человек, и это число включало все гарнизоны и резервы прибрежных городов и Корсики. Его организация, как и у других частей военной мощи, была упрощена и, таким образом, укреплена. Там были главнокомандующий, начальник штаба, три дивизионных генерала, одним из которых был Массена, и тринадцать бригадных генералов, из которых один, Буонапарте, был командующим и инспектором артиллерии. Первому было сейчас тридцать четыре года. Его отец был виноторговцем очень скромного вида, вероятно, еврейской крови, а мальчик, итальянец по происхождению и чувствам, почти не имел образования. На протяжении всей своей замечательной карьеры он был грубым, угрюмым и жадным; тем не менее, как солдат он был вдохновенным гением, которого многие считали равным Наполеону. Прослужив несколько лет Франции в качестве итальянского наемника, он вышел в отставку в 1789 году, поселился в своем родном городе Ницце и женился; но волнение было непреодолимым, и три года спустя он записался добровольцем под триколор. Товарищи сразу же произвели его в офицеры, и примерно через год он был командиром батальона, или полковником по-нашему. В ходе реорганизации он был произведен в дивизионные генералы благодаря своим исключительным заслугам. В течение шестнадцати лет он неизменно добивался успехов и получил от Наполеона ласковый титул: "Дорогое дитя Победы".

Младший Робеспьер вместе с Рикордом и Саличетти были "представителями народа". Первый из них, по внешнему виду, был руководящим духом всего организма, и его поддержке Буонапарте был теперь полностью предан. Все в Ницце считали молодого командира артиллерии ярко выраженным "монтаньяром", то есть крайним якобинцем. Огюстен Робеспьер быстро научился видеть и слышать глазами и ушами своего друга-корсиканца, чья верность, казалось, была обеспечена ненавистью к Паоли и желанием вернуть фамильные поместья на его родном острове. Многие с удовольствием обсуждают вопрос об отношении Бонапарта к якобинским террористам. Дилемма, которую они предлагают, заключается в том, что он был либо убежденным и искренним террористом, либо заискивал перед террористами из корыстных побуждений. Это последнее, по-видимому, было мнением Огюстена Робеспьера, в прошлом - его сестры Марии, в то время близкой подруги сестер Бонапарт. Оба, по крайней мере, зафиксировали свои мнения в письмах и мемуарах. Нет необходимости насаживать себя ни на тот, ни на другой рог, если мы рассматриваем юношу таким, каким он был, не чувствующим никакой ответственности за условия, в которые он был брошен, принимающим мир таким, каким он его нашел, и использующим его возможности, пока они существовали. В то время и в том месте были террористы: он не исповедовал веру, избегал всех ловушек и служил своей приемной стране такой, какой она была на самом деле, почти не обращая внимания на политические шишки. Он так служил ей тогда и с тех пор, что до тех пор, пока не утратил своего самообладания и незаменимой власти, она лежала у его ног и обожала его. Каковы бы ни были узы, связывавшие их поначалу, господство Бонапарта над молодым Робеспьером в конце концов

оказалось прочным. Это были его предложения и предприятия, политические концепции, военные планы, устройства для получения путей и средств. Вероятно, именно его совет был определяющим в принятой в конце концов схеме операций. Обладая проницательным и плодовитым умом, лихорадочной энергией и безграничными амбициями, Бонапарт должен решать любую проблему, иначе будет несчастен. Это был самый интересный вопрос, осложненный географическими, политическими, военно-морскими и военными элементами. То, что он ухватился за него, обдумал и нашел какое-то решение, по своей сути вероятно. Заключение также носит все признаки его гениальности. И все же слава успеха по праву принадлежала Массене. Отборная треть войск была отобрана и разделена на три дивизии, чтобы перейти в наступление под руководством Массены на почти неприступные позиции австрийцев и сардинцев в верхних Апеннинах. Остальных держали в гарнизоне частично в качестве резерва, частично для того, чтобы внушить благоговейный страх недавно присоединенному департаменту, столицей которого была Ницца.

Генуя теперь находилась в особых отношениях с Францией. Ее олигархия, хотя и называлась республикой, по духу была антиподом французской демократии. Ее торговля была важна для Франции, но в ее советах преобладало английское влияние, и английская сила творила свое в ее владениях. В октябре 1793 года французское судно снабжения было захвачено английской эскадрой в этой самой гавани. Вскоре после этого, в качестве ответа на этот акт насилия, французский министр в Генуе был официально проинформирован из Парижа, что, поскольку французская армия больше не может достичь Ломбардии прямым путем через Апеннины, возможно, потребуется продвигаться вдоль побережья через генуэзскую территорию. Это заявление было не угрозой, а серьезным намерением; план был тщательно продуман и вскоре должен был быть приведен в исполнение. Это был просто ложный маневр, когда в апреле 1794 года были официально открыты военные действия против Сардинии и Австрии. Массена захватил Вентимилью шестого числа. Продвигаясь через Онелью и Ормею, в долину реки Стура, он перевернул позиции союзных австрийцев и сардинцев, тем самым вынудив их эвакуировать свои опорные пункты один за другим, пока седьмого мая перевал Тенда, ведущий прямо в Ломбардию, не был ими оставлен.

Результатом этого движения стало пробуждение нового энтузиазма в армии, и в то же время оно высвободило для ведения наступательной войны большое количество гарнизонных войск в местах, которые теперь больше не представляли опасности. Массена восхищался преданностью и стойкостью, которые его войска проявили во имя свободы. "Они знают, как побеждать, и никогда не жалуются. Маршируя босиком и часто без пайков, они никого не оскорбляют, но поют любимые ноты *"Ça ira"* — "Не пойду, не пойду!" Мы заставим существ, которые окружают туринского деспота, станцевать Карманьолу!" Виктор Амадей, король Сардинии, был прекрасным образцом великодушного деспота; именно его они имели в виду. Огюстен Робеспьер писал своему брату Максимилиану в Париж, что они обнаружили, что страна перед ними опустела: сорок тысяч душ бежали из единственной долины Онелья, будучи в ужасе от рассказов о жестоком обращении французов с женщинами и детьми и об их нечестии, когда они разрушали церкви и религиозные учреждения.

Независимо от того, ожидался феноменальный успех этой короткой кампании, длившейся всего месяц, или нет, ничего не было сделано, чтобы улучшить ситуацию, и наступающие батальоны внезапно остановились, как будто для того, чтобы создать впечатление, что они могут продвинуться дальше только через генуэзскую территорию. Бонапарту, несомненно,

принял бы участие в кампании, если бы это было серьезное наступление; но, за исключением доставки захваченных припасов из Онельи, он ничего не делал, посвятив май и июнь завершению береговой обороны и живя в Ницце со своей матерью и ее семьей. Этот знаменитый и кокетливый городок теперь был центром веселого республиканского общества, в котором Наполеон и его хорошенькие сестры были важными персонами. Они были постоянными спутницами юных Робеспьера и Рикора. Первый, пораженный активностью мозга своего друга, размахом его планов и ужасающей энергией, которой были отмечены его приготовления, писал о Наполеоне, что он был человеком "исключительных достоинств". Мармон, говоря об обаянии Наполеона в то время, говорит: "В его мыслях было так много будущего.... Он приобрел власть над представителями, которую невозможно описать". Он также заявляет, и Саличетти тоже неоднократно утверждал, что Бонапарт был "человеком, разработчиком планов" Робеспьеров.

Впечатление, которое выразили Саличетти и Мармон, несомненно, было вызвано выводами военного совета, проведенного двадцатого мая командующими двумя армиями — альпийской и Итальянской — для согласования плана сотрудничества. Естественно, каждая группа генералов желала занять передовое место для армии, которую она представляла. Бонапарт отклонил все возражения и вынудил принять полностью его собственный план, который с некоторыми дополнениями и тщательной проработкой в конечном итоге превратился в знаменитый план кампании в Италии. Эти обстоятельства заслуживают внимания. Снова и снова выдвигались обвинения в том, что этот грандиозный план был полностью украден из бумаг его великих предшественников, в частности, одного из них, о котором подробнее следует сказать в дальнейшем. Наполеон был студентом и всеядным читателем, он знал, что делали и писали другие; но достижение, которое положило начало его карьере, было связано с использованием его собственных чувств, с его собственным усвоением и адаптацией опыта и теорий других людей, в которых было все, что могло их похвалить, за исключением совершенства деталей и энергии командования, которые привели к реальной победе. Но события в Генуе становились настолько угрожающими, что в данный момент они требовали исключительного внимания французских властей. Австрийские войска пренебрегли ее нейтралитетом и вторглись на ее территорию; страна была полна французских дезертиров, и Англия, помня о своих успехах в том же направлении во время Американской революции, установила в городе типографию для печатания фальшивых французских денег, которые по секретным торговым каналам отправлялись в Марсель и там пускались в обращение. Следовательно, вскоре было решено значительно расширить план кампании, а также направить миссию в Геную. Бонапарт сам был назначен посланником и, таким образом, стал стержнем обоих движений — как против Пьемонта, так и против Генуи. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XIX.

ПРЕВРАТНОСТИ ВОЙНЫ И ДИПЛОМАТИИ.

Признаки зрелости — Миссия в Геную — Курс Французской Республики — "Террор" — Термидор — Буонапарте как козел отпущения — Его Предвидение — Приключения Его братьев — Защита Наполеоном своего французского

патриотизма — Кровопролитие ради развлечения — Новая экспедиция против Корсики — Советы Буонапарта по ее проведению.

1794.

План Бонапарта по объединению операций как против Генуи, так и против Сардинии поначалу был туманным. В своих первых попытках расширить и прояснить его он написал бессвязный документ, который все еще существует, в котором проводится контраст между противоположными политиками, которые должны быть приняты в отношении Италии и Испании. В нем он также обращает внимание на нехватку офицеров, подходящих для согласованных действий в крупном предприятии, а замечание относительно курса, которого следует придерживаться в этом конкретном случае, содержит зародыш всей его военной системы. "Объединяйте свои силы на войне, как при осаде, в одной точке. Однажды совершенная брешь нарушает равновесие, все остальное бесполезно, и место занято. Не скрывайте, а концентрируйте свое наступление ". В вопросах политики он рассматривает Германию как главную опору оппозиции демократии; с Испанией следует иметь дело в обороне, с Италией - в наступлении. Но, вопреки тому, что он фактически сделал в следующем году, он советует не заходить слишком далеко в Пьемонт, чтобы противник не получил преимущества в позиции. Эта бумага была у Робеспьера младшего в кармане, когда он уезжал в Париж, призванный помочь своему брату в трудностях, которые теперь быстро надвигались на него.

Рикорда оставили руководить, по крайней мере номинально, передвижениями как армий, так и посольства в Геную. Реальной властью по-прежнему оставался Бонапарт. Военные операции были приостановлены в ожидании результатов дипломатической деятельности, и его инструкции от Рикорда были составлены таким образом, чтобы они были свободными и чисто формальными. Одиннадцатого июля он выехал из Ниццы и прибыл в пункт назначения три дня спустя. В течение недели своего пребывания — ибо он снова уехал двадцать первого — посланник сделал свои представления и выдвинул ультиматум, согласно которому Генуэзская республика должна сохранять абсолютный нейтралитет, не разрешать войскам проходить по своей территории и не оказывать помощи в строительстве военных дорог, что ей было поручено делать тайно. Его успех в наведении благоговейного страха на олигархию был полным, и дож дал письменное обещание выполнить эти требования. Буонапарте снова прибыл в Ниццу двадцать восьмого. Мы можем себе представить, что, путешествуя по романтической дороге между горами и морем, восходящий генерал и дипломат предавался многим радужным мечтам, вероятно, уже ощущая на своих плечах знаки отличия главнокомандующего. Но он возвращался к позору, если не к разрушению. Через неделю после его прибытия пришло ошеломляющее известие о том, что песочные часы снова перевернулись, что в тот самый день, когда он торжествующе вернулся в Ниццу, голова Робеспьера упала, что Гора раскололась и что страна снова пытается восстановить равновесие после очередного политического землетрясения.

Потрясение было ужасным, но оно напрямую объяснялось накопившимися беспорядками якобинского правления. Грубый и энергичный, но жутковатый порядок вещей был установлен двадцать четвертого ноября 1793 года так называемой республикой. Сначала был новый календарь, по которому мой год начинался двадцать второго сентября 1792 года, в день провозглашения республики. В нем было двенадцать тридцатидневных месяцев

с их названиями урожая, тумана и мороза; снега, дождя и ветра; бутона, цветка и луга; семян, тепла и жатвы: все это самым непоэтичным образом заканчивалось пятью или шестью дополнительными днями, названными санкюлот-тайдес, - санкюлоты означают "без штанов до колен", одежда, доступная только высшим классам; то есть в длинных штанах, как у простых людей, — и эти дни были названы так потому, что они должны были стать праздником для населения в длинных штанах, которое носило название "санкюлот". чтобы использовать новый расчет. Затем последовало новое, странное и неосвященное зрелище, увиденное впервые в истории, воплощение кошмара — целый народ, наконец, превратился в армию и находится в состоянии войны почти со всем миром. Жирондисты-реформаторы создали ситуацию, и якобинцы с мрачным юмором непоколебимо смотрели в лицо логическим последствиям такой дерзости. Карно провозгласил массовое наступление с численным превосходством; "Таймс" передала бешеную отвагу сентиментальной экзальтации. К концу 1793 года внешние враги Франции, хотя и не были побеждены, были остановлены на границе; вспышка гражданской войны в Вандее была временно подавлена; Лион и Тулон были отбиты.

Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон и Бийо-Варенн были теоретиками в духе Руссо. Их новое евангелие социального возрождения охватывало демократию, гражданские добродетели, моральные институты и общественные праздники. Это были их лозунги. Между прочим, они превозносили патернализм в правительстве, всеобщую воинскую повинность, обязательную военную службу и, в самый канун величайшего промышленного возрождения, известного истории, возвращение к аграрному обществу! Санкцией всего этого было не моральное убеждение: существенными для системы были спартанская простота и суровость, принуждение было средством реализации их утопии. [\[40\]](#) Якобинцы были ничем иным, как основательностью; и вот еще одна новая и ужасная вещь — "Террор", — который вырвался на свободу со своей отвратительной яростью партии против партии по всей стране. Наконец, казалось, что оно истощает само себя, хотя какое-то время оно росло по мере того, как распространялось по протяженности. Оно создало три фракции в Горе. В начале 1794 года в Конвенте оставалась лишь небольшая горстка признанных и все еще рьяных террористов - Эбер и его друзья. Это были атеисты, которые отменили религию и прошлое, преклонившись перед фетишем, который они окрестили Разумом. Они были схвачены и казнены двадцать четвертого марта. Таким образом, оставались клики Дантона и Робеспьера; первые называли себя умеренными и призывали людей к спокойствию, у вторых не было никаких принципов, кроме преданности человеку, который утверждал, что является возрожденцем общества. Эти поклонники героев на какое-то время одержали победу. Дантон, как и Эбер, был подло убит, и Робеспьер остался один, фактически диктатором. Но его театральное поведение, провозгласившее законом существование Высшего Существа и бессмертие души, а также организацию безвкусных фестивалей для оснащения места богослужения, крайне озлобило против него как атеистов, так и набожных людей. В разочарованном гневе из-за своей неудачи он отказался от образа пророка и кроткого святого, чтобы дать выход своей природной порочности и стать дьяволом.

В течение долгих дней июня и июля здесь снова бушевал кровавый карнавал, известный в истории как "Большой террор". Менее чем за семь недель было принесено в жертву свыше двенадцати сотен жертв. Необузданная свобода гильотины расширялась по мере ее распространения. Сначала пали аристократы, затем члены королевской семьи, затем их сторонники, затем ненавистные богатые, затем просто состоятельные люди и, наконец, все, кто не раболепствовал перед существующей властью. Реакция против Робеспьера была

вызвана всеобщим страхом. Его создание было делом рук Тальена, Фуше, Барраса, Карриера, Фрерона и им подобных, людей с подлым характером, которые знали, что если Робеспьер сможет сохранить свою позу "Неподкупного", их гибель будет предрешена. В этом смысле Робеспьер был тем, кем назвал его Наполеон на острове Святой Елены, "козлом отпущения революции". Восстание этих сообщников было, однако, возможностью, которой давно желали лучшие элементы парижского общества, и два противоположных класса объединились. Каким бы диктатором ни хотел быть Робеспьер, он был сделан из другого материала, ибо, когда пришла расплата, его жестокость была подавлена. Двадцать седьмого июля (девятое число Термидора) Конвент поднял против него восстание, крайние радикалы и умеренные консерваторы объединились для борьбы. Разыгрались ужасные сцены. Секции Парижа разделились: одни выступали за Конвент, другие - за Робеспьера. Артиллеристы, которым последний приказал разгромить ту часть Тюильри, где засели его враги, заколебались и не подчинились; сразу же прекратилось всякое сопротивление декретам Конвента. Диктатор был бы своим собственным палачом, но неуверенный страх остановил его на полпути к самоубийству. Он, его брат и их друзья были схвачены и на следующий день обезглавлены. С падением Робеспьера исчез последний остаток социальной или политической власти; ибо Нация больше не доверяла Конвенту — единственной организованной силой, пользующейся поддержкой народа, которая осталась, была армия.

Это были новости, которые, продвигаясь на юг, в конце концов достигли Тулона, Марселя и Ниццы - городов, где самые стойкие приверженцы Робеспьера щеголяли своим недавно обретенным значением. Неудивительно, что мозги простых людей зашатались. Недавние так называемые вечеринки на мгновение исчезли, как призраки. Победившая группа в Конвенте, ныне известная как термидорианцы, состояла из элементов от них обоих и утверждала, что представляет всю Францию, чего никогда не делали жалкие фракции, которые так долго контролировали правительство. Куда теперь обратиться за убежищем тем, кто был активными сторонниками покойной администрации? Корсиканцы, бежавшие с острова одновременно с Саличетти и Буонапарте, почти все были в Итальянской армии. Им была предоставлена работа, но, поскольку им не удалось сохранить Корсику за Францией, они были не в фаворе. В Комитете общественного спасения уже заметили, что их патриотизм был менее очевиден, чем их стремление к обогащению. Такого же мнения придерживались многие их соотечественники, особенно их собственные партизаны, запертые в Бастии или Кальви и дезертировавшие. Саличетти, всегда готовый к непредвиденным обстоятельствам, не был смущен этим случаем; и с ловкой подлостью превратился в доносчика, назвав подозрительным интриганом своего бывшего протеже и лейтенанта, о расцветающем величии которого он теперь хорошо знал. Очевидно, он был одновременно ревнив и встревожен. Возможно, однако, что вся процедура была уловкой; в критический момент очевидный предатель таким поведением смог эффективно оказать помощь и спасти своего соотечественника.

Миссия Бонапарта в Геную носила открытый политический характер; тайно это была также военная разведка, и его конфиденциальные инструкции, фактически продиктованные им самим, к сожалению, просочились наружу. Они поручили ему осмотреть укрепления в Савоне и Генуе и вокруг них, изучить состояние генуэзской артиллерии, ознакомиться с поведением французского посланника в республике, узнать как можно больше о намерениях олигархии — короче говоря, собрать всю информацию, полезную для ведения войны, "результат которой невозможно предвидеть". Бонапарт, зная теперь, что он ступил на опасную почву в своих несанкционированных и тайных

отношениях с младшим Робеспьером, и, вероятно, предвидя надвигающуюся бурю, начал сокращать отплытие сразу же по прибытии в Ниццу. Либо он был прозорлив и почувствовал новое влияние в воздухе, либо письмо, которое сейчас находится в военном министерстве в Париже и якобы было написано седьмого августа Тилли, французскому агенту в Генуе, является устаревшей выдумкой, написанной позже для использования Саличетти. [\[41\]](#) Говоря в этой статье о Робеспьере младшем, он сказал: "Я был немного тронут катастрофой, потому что я любил его и считал безупречным. Но будь это мой собственный отец, я бы ударил его ножом в сердце, если бы он стремился стать тираном ". Если письмо подлинное, что вполне вероятно, автор был очень дальновиден. Он знал, что его содержание быстро достигнет Парижа в депешах Тилли, так что это было фактически публичное отречение от якобинства в кратчайшие возможные сроки, якорь с наветренной стороны в надвигающейся буре. Но на мгновение уловка оказалась бесполезной; сначала он был смещен с поста командующего, затем десятого августа арестован и, к счастью для него самого, через два дня заключен в тюрьму в Форт-Карре, недалеко от Антиба, вместо того, чтобы быть отправленным прямо в Париж, как это было с некоторыми из его друзей. Этим временным убежищем от разрушительного взрыва он был обязан Саличетти, который, без сомнения, без колебаний уничтожил бы друга ради собственной безопасности, но был достаточно готов пощадить его, если бы не был доведен до крайности.

Когда истинное положение вещей на Корсике стало известно во Франции, появилось общее желание обвинить и наказать влиятельных людей, которые довели дело до такого отчаянного положения и сделали потерю острова вероятной, если не несомненной. Саличетти, Мультедо и остальные быстро переложили всю вину на плечи Бонапарта, так что у него было много врагов в Париже. Таким образом, проявив кажущуюся суровость к тому, кого он все еще считал подчиненным, настоящий преступник избежал подозрений. Уверенный в собственной неприкосновенности от наказания, Саличетти был доволен унижением своего соперника и не испытывал настоящей злобы к семье. Это ясно из его обращения с Луи Бонапартом, который потерял место и расположение вместе со своим братом, но вскоре под влиянием Саличетти был произведен в офицеры ополчения в Ницце. Джозеф привлек к себе внимание в самый разгар бури благодаря блестящей женитьбе; но ни он, ни Феш не были арестованы, и обоим удалось выкарабкаться целыми и невредимыми. Шумный Люсьен тоже был женат, но на девушке, которая, хотя и была респектабельна, была бедна; и поэтому его не на шутку пугала мысль о том, что он лишится средств к существованию. Но, несмотря на угрозу ареста, он был достаточно незначителен, чтобы на время скрыться.

Наполеона продержали в плену всего тринадцать дней. Саличетти, очевидно, оказалось легче, чем он предполагал, снять с себя обвинение либо в участии в заговоре Робеспьера, либо в том, что он спровоцировал корсиканское восстание. Более того, он был твердо уверен в благосклонности термидорианцев, среди которых его старые друзья Баррас и Фрерон пользовались большим уважением. Следовательно, освободить генерала Бонапарта было бы несложно, если бы только можно было добиться от него надлежащего выражения мнения. Умный заключенный приготовил его раньше, чем это потребовалось. Верному Жюно он написал любезную записку, в которой отказался от помощи группы друзей, организованной для штурма тюрьмы или штурма ее стен. [\[42\]](#) Такой ход еще больше скомпрометировал бы его. Но "представителям народа" он написал в выражениях, которые в конечном итоге связали его с жизнью. Он объяснил, что в революционную эпоху есть только два класса людей: патриоты и подозреваемые. Легко понять, к какому классу принадлежал человек,

сражавшийся как с внутренними, так и с иностранными врагами. "Я пожертвовал местом жительства в своем департаменте, я отказался от всего своего имущества, я потерял все ради республики. С тех пор я служил в Тулоне с некоторыми отличиями и заслужил разделить с Итальянской армией лавры, которые она заслужила при взятии Саорджио, Онельи и Танаро. Когда был раскрыт заговор Робеспьера, мое поведение было поведением человека, привыкшего не считаться ни с чем, кроме принципа". Письмо завершается страстным призывом к каждому из контролирующих должностных лиц в отдельности и поименно, то есть как к Саличетти, так и к Альбитте, о справедливости и восстановлении. "Час спустя, если нечестивцы захотят моей жизни, я с радостью отдам ее им, я так мало забочусь о ней, я так часто устаю от нее! Да; мысль о том, что это все еще может быть полезно для моей страны, - это все, что заставляет меня мужественно нести это бремя ". Слово для обозначения страны, которое он использовал, *patrie*, могло быть истолковано только как относящееся к Франции.

Саличетти лично ознакомился с документами, представленными в доказательство заявлений Бонапарта; нашел их, как само собой разумеющееся, удовлетворительными; и комиссары восстановили просителя в частичной свободе, но не на его должности. Он должен был оставаться в штабе армии, и все еще грозный Комитет безопасности должен был регулярно получать отчеты о его действиях. Это тоже было всего лишь уловкой; двадцатого августа он был восстановлен в своем звании. Несколько недель спустя прибыли уполномоченные термидорианцев с приказом о том, что в настоящее время все наступательные операции в Италии должны быть приостановлены, чтобы направить силы округа в морскую экспедицию против Рима и, в конечном счете, против Корсики, которая теперь находилась в руках Англии. Бонапарте немедленно попросил и благодаря благосклонности Саличетти получил важную обязанность по оснащению и проверке артиллерии, предназначенной для этого предприятия. Он, без сомнения, надеялся использовать это предприятие в своих личных интересах против английской партии, которая теперь торжествовала в его доме. Была середина сентября. Прежде чем начать подготовку к корсиканской экспедиции, армия провела заключительную демонстрацию, чтобы обезопасить свои позиции. Именно в подготовительные дни этой короткой кампании произошел ужасный инцидент. Бонапарт уже давно познал силу женщин и был поочередно горячо внимателен как к мадам. Робеспьер, так и к мадам. Рикорд. "Было большим преимуществом угодить им, - сказал он, - потому что во времена беззакония представитель народа является реальной властью". Тюрро, жена одного из новых комиссаров, теперь была восходящей звездой в сфере его внимания. Однажды, прогуливаясь с ней рука об руку на вершине перевала Тенда, Бонапарте внезапно взбрело в голову показать ей, что такое война, и приказал авангарду атаковать австрийские пикеты. Атака была не только бесполезной, но и ставила под угрозу безопасность армии; тем не менее, она была предпринята в соответствии с приказом, и была пролита человеческая кровь. Эта история была рассказана самим Наполеоном в конце его жизни тоном покаяния, но с явным удовольствием. [\[43\]](#)

Бонапарт присутствовал при последовавших победах, но только как хорошо информированный зритель и советник, поскольку номинально он все еще находился в опале. В течение пяти дней линии противника были отброшены назад, оставив открытыми две наиболее важные дороги в Италию — через долину Бормиды в Алессандрию и вдоль побережья в Геную. Трудный перевал Тенда полностью перешел в руки французов. Англичане не могли высадить свои войска для усиления союзников. Торговля Генуи с Марселем была восстановлена по суше. "Мы отпраздновали пятый санкюлотид II года

(двадцать первого сентября 1794 года) достойным республики и Национального собрания образом", - писали члены комиссии своим коллегам в Париж. Двадцать четвертого числа генерал Буонапарте был освобожден ими от присутствия в штабе, таким образом, он снова стал свободным человеком и сам себе хозяин. Он немедленно отправился в Тулон, чтобы подготовиться к корсиканской экспедиции. Он надеялся, что мощь великой нации снова будет направлена против страны, на которой он родился, и он был важным участником этого плана.

Чтобы восстановить, по возможности, часть своего утраченного влияния на острове, Буонапарте уже возобновил общение с прежними знакомыми в Аяччо. В письме, написанном сразу после своего освобождения в сентябре 1794 года корсиканскому депутату Мультиедо, он сообщил своему корреспонденту, что место его рождения - самое слабое место на острове, открытое для нападения. Информация была верной. Паоли приложил усилия, чтобы усилить ее, но безуспешно. "Изгнать англичан, - сказал автор письма, - с положения, которое делает их хозяевами Средиземноморья ... освободить большое количество добрых патриотов, которых еще можно найти в этом департаменте, и вернуть к своим очагам добрых республиканцев, которые заслужили заботу о своей стране тем великодушием, с которым они пострадали за нее, - вот, мой друг, задача, которая должна занимать внимание правительства". Его состояние в некотором смысле зависело от успеха: важную должность инспектора артиллерии нельзя было занимать заочно, и вскоре на ее место был назначен соотечественник-конкурент Касабьянка. В случае неудачи Буонапарте остался бы без средств к существованию. Возможно, старая перспектива стать корсиканским героем снова открылась перед обиженным и разочарованным человеком, но это маловероятно: горизонт его жизни расширился слишком далеко, чтобы снова сузиться, и нынешняя задача, вероятно, рассматривалась всего лишь как мост, позволяющий еще раз пересечь воды горечи. От успеха или неудачи зависела его судьба. Двумя товарищами-авантюристами были Жюно и Мармон. Первый был отпрыском простых французских бюргеров, двадцати трех лет от роду, дерзким, чванливым юношей, равнодушным к опасности, уже близким другом Наполеона, поскольку был его секретарем в Тулоне. Его непростая судьба переплелась с судьбой его друга, и он занял высокое положение. Но, несмотря на свою верность до конца, он всегда был взбалмошным и доставлял много хлопот; и в приступе болезненного огорчения он пришел к насильственному концу в 1813 году. Другой товарищ был всего лишь двадцатилетним юношей, сыном офицера, который, хотя и происходил из низших дворян, был убежденным революционером. Мальчики встретились несколькими годами ранее в Дижоне и снова юношами в Тулоне, где завязалась дружба, которая становилась все ближе и ближе в течение двадцати лет. В Ваграме Мармон стал маршалом. Он уже приобрел привычку к роскоши, и сомнительная удача его императора довела его до критического нетерпения. Он так преувеличил собственную значимость, что в конце концов дезертировал. Трудные мемуары, которые он написал, являются извинением за его жизнь и за его предательство. Хотя он и не был великим гением, он был способным человеком и прилежным записывающим ценные впечатления. Ни один из троих ничего не добился во время корсиканской экспедиции; их общее унижение, вероятно, вызвало нежность Бонапарта к обоим его младшим товарищам, и с тех пор оба пользовались его доверием, особенно Мармон, у которого оно было совершенно неуместным. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XX.

КОНЕЦ УЧЕНИЧЕСТВА.

Английское завоевание Корсики — Последствия в Италии — Бонапарт в Тулоне — Наполеону снова помешали — Отъезд в Париж — Его характер определился — Его способности — Реакция на "Террор" — Резолюции Конвента — Партии во Франции — Отсутствие у них опыта — Новая конституция — Разные взгляды на ее ценность.

1795.

Потрясения гражданской войны во Франции на многие месяцы предоставили Корсику самой себе. Ее внутренние дела становились все хуже и хуже, и Паоли, неспособный контролировать своих свирепых и своеправных людей, оказался беспомощным. Вынужденный искать поддержки у какой-нибудь сильной иностранной державы, он инстинктивно обратился к Англии, и английский флот, изгнанный из Тулона, наконец смог прийти ему на помощь. Семнадцатого февраля 1794 года он вошел в прекрасную гавань Сен-Флоран и без особых усилий захватил город. Создав склад, который, таким образом, разделил два оставшихся центра французского влияния, Кальви и Бастию, английский адмирал затем осадил последний. Город доблестно оборонялся, продержавшись более трех месяцев, пока двадцать второго мая капитан Горацио Нельсон, который практически непрерывно контролировал операции в течение восьмидесяти восьми дней - почти все это время, - не направил орудия "Агамемнона" с такой разрушительной силой на маленький город, что при появлении сухопутных войск из Сен-Флорана он был ослаблен до предела и сдался.^[44] Условия, выдвинутые его захватчиками, были самыми простыми из известных в современной войне, побежденным предоставлялись все военные почести. В результате корсиканские сословия встретились и провозгласили остров конституционной монархией под защитой Англии. Сэр Гилберт Эллиот был назначен вице-королем, а Паоли был отозван Георгом III в Англию. Десятого августа пал Кальви, последний французский оплот в стране, до сих пор считавшийся корсиканцами неприступным.

Присутствие Англии так близко к итальянским берегам немедленно вызвало во всей Ломбардии и Тоскане реакцию в поддержку Французской революции и ее передовых идей. Комитет безопасности намеревался воспользоваться этим настроением и принудить итальянские державы, по крайней мере, к соблюдению строгого нейтралитета, если не более того. Они надеялись устроить демонстрацию в Ливорно и наказать Рим за оскорбление, нанесенное республике, которое все еще осталось неотмщенным — смерть французского министра в 1793 году от рук толпы; возможно, им также удалось бы изгнать британцев с Корсики. Это объясняло прибытие комиссаров в Ниццу с приказом прекратить операции против Сардинии и Австрии с целью нанесения удара по английскому влиянию в Италии и, возможно, на Корсике.

Вскоре все, кроме одного, было готово. Чтобы встретить английский флот, корабли в Тулоне должны были подготовить мощную эскадру. Они завершили свою гигантскую задачу только девятнадцатого февраля 1795 года. Мы можем представить себе напряженную деятельность любого человека, обладающего большой властью, неисполненного решимости отвоевать утраченное положение: мы с трудом можем себе

представить, какими должны были быть огонь и рвение Бонапарта; даже самые яростные его недоброжелатели свидетельствуют о деятельности тех месяцев. Когда был отдан приказ подниматься на борт, его организация и материалы были настолько совершенны, насколько это было возможно. Его мать привела младших детей в очаровательный дом неподалеку, где принимала влиятельных женщин по соседству; и туда часто удалялся ее занятой сын, чтобы насладиться обществом, которым он теперь начинал полностью наслаждаться. Благодаря социальной дипломатии этой самой изобретательной семьи, какое-то время все шло хорошо, даже с Люсьеном; и шестнадцатилетний Луи получил звание лейтенанта артиллерии. В последний момент произошло то, что казалось кульминацией удачи Наполеона, - уверенность в том, что пунктом назначения флота будет Корсика. С Тосканой был заключен мир. Рим не мог быть достигнут без решительного столкновения с англичанами; следовательно, первой целью экспедиции должно было стать нападение на британскую эскадру, крейсировавшую около Корсики. Победа, конечно, означала бы вход в гавани Корсики.

Одиннадцатого марта новый флот вышел в море. В своем самом первом столкновении с англичанами тринадцатого марта флот успешно маневрировал и только что спас прекрасный восьмидесятипушечный корабль "*Каира*" от захвата Нельсоном. На следующий день произошло частичное столкновение флота, которое закончилось катастрофой, и были захвачены два прекрасных корабля, "*Каира*" и "*Цензор*"; остальные бежали в Йер, где войска были высажены из транспортов и отправлены обратно на свои посты. [\[45\]](#) Военно-морские операции не возобновлялись в течение трех месяцев. И снова Бонапарт стал жертвой неконтролируемых обстоятельств. Оставшись без работы, лишенный даже небольшого кредита, полученного за последние полгода, [\[46\]](#) он в седьмой раз стоял на пороге мира, просителем у двери. В некоторых отношениях он был хуже подготовлен к успеху, чем в начале, поскольку теперь ему предстояло уничтожить рекорд. Постороннему человеку весна 1795 года, должно быть, показалась бы самым критическим периодом в его жизни. [\[47\]](#) Сам он знал лучше; фактически, об этой злополучной экспедиции, вероятно, вскоре вообще забыли. По крайней мере, в своих воспоминаниях о острове Святой Елены он никогда не вспоминал об этом: в то время он не любил упоминать о своих неудачах, мелких или крупных, будучи главным образом озабочен тем, чтобы войти в историю как человек высоких целей и незапятнанных побуждений. Кроме того, он ни в малейшей степени не был ответственен за ужасную трату миллионов в этом неудачном морском предприятии; все его собственные планы были направлены на ведение войны на суше.

Администрация Корсики всегда имела в своем составе по крайней мере одного французского представителя. Между последним из них, Лакомбом Сен-Мишелем, ныне членом Комитета безопасности, и партией Саличетти никогда не терялась любовь. Было общее мнение, что корсиканские беженцы на берегу Средиземного моря находились слишком близко к своему дому. Их всегда обвиняли в беспринципном планировании набивания собственных карманов. Теперь, так или иначе, возможно, необъяснимо, но, тем не менее, несомненно, дорогостоящая экспедиция была отправлена на Корсику под влиянием этих самых людей, и она потерпела неудачу. Незадачливые авантюристы едва успели ступить на берег, как Лакомб добился назначения Бонапарта в Западную армию, где он был далек от старого влияния, с приказом немедленно приступить к своему посту. Газеты достигли Марселя, куда Бонапарты уже перебрались в апреле месяце. Второго мая, [\[48\]](#) в сопровождении Луи, Жюно и Мармона разбитый генерал отправился в Париж, куда он

прибыл со своими спутниками восемь дней спустя и снял убогое жилье на Фоссе-Монмартр, ныне улица Абукир. Стиль дома был подобран под отель "Либерти".

На этом годы ученичества Буонапарте, можно сказать, закончились: фактически он был тем человеком, которым оставался до конца. Корсиканец по происхождению, он сохранил национальную чувствительность и огромную силу выносливости, как физической, так и интеллектуальной, а также упорство, присущее средневековым корсиканцам. Он был предан своей семье и своему народу с первобытной добродетелью, но был готов пожертвовать последним, по крайней мере, ради своих амбиций. Его нравственное чувство, никогда не развитое образованием и, что еще хуже, затуманенное чрезвычайной чувствительностью Руссо и хаосом времен, который принес этот пророк, практически отсутствовало. Однако ни враждебное отношение его отца к религии, ни его собственный опыт общения с иезуитами не смогли полностью искоренить суеверие, которое в его сознании выдавалось за веру. Иногда он был насмешником, как и многие люди со слабыми убеждениями; но в целом он сохранял формальное и внешнее уважение к Церкви. Однако он был убежденным противником римской централизации и папских притязаний. Его теоретическое образование было узким и односторонним; но его чтение и его авторство, несмотря на их поверхностный и отрывочный характер, дали ему определенные широкие и довольно определенные представления об истории и политике. Но его практическое образование! Какую полировку и заточку он получил в борьбе с вращающимся миром, двигавшимся тогда во много раз быстрее, чем в большинстве эпох! Он был знатоком искусства гражданской войны, поскольку в течение пяти лет был не просто заинтересованным наблюдателем, но и активным участником ее в двух странах. Долгое время он был жертвой хитростей более тайных, чем его собственные, и в конце концов стал самым хитрым в дипломатии; амбициозный политик, его мягкие принципы были республиканскими по своему характеру, насколько в них была хоть какая-то ткань или твердость.

Его достижения в военной науке были существенными и определенными. Сам не будучи солдафоном и ни в коей мере не терпимым к рутине, фактически не зная многих ненавистных деталей, в том числе послушания, он все же поднялся намного выше традиций или практики в своей концепции стратегии. Он заметно превосходил окружающий мир почти во всех своих способностях, и особенно в силе сочетания, оригинальности и дальновидности. Он не умел ни писать, ни писать по буквам правильно, но был искусен во всех практических приложениях математики: города и деревни, горы и равнины, моря и реки - все это были величины в его уравнениях. Сам не заслуживающий доверия, он стремился вызвать доверие, веру и преданность у тех, кто его окружал; и, успешно скрывая свои собственные цели, он читал сердца других, как открытую книгу. Искренней привязанности к мужчинам или женщинам он до сих пор проявлял лишь немного, а испытывал в ответ еще меньше; но он изучил искусство галантности и понимал, как воздействуют социальные силы. К этим способностям, некоторым зачаточным, некоторым идеально сформированным, добавьте тот факт, что теперь он был космополитом, и в его характере появятся очертания, рельеф и краски. "Я нахожусь в том расположении духа, - сказал он о себе примерно в то время, - в котором находятся люди накануне битвы, с упорным убеждением, что, поскольку смерть в конце концов неизбежна, беспокоиться - глупо. Все заставляет меня бросать вызов смерти и судьбе; и если так пойдет и дальше, то в конце концов, друг мой, я больше не буду оборачиваться, когда проезжает карета. Мой разум иногда поражается всему этому; но это эффект, произведенный на меня моральным зрелищем этой страны [*се пэйси*, а не *патриотизмом*] и привычкой рисковать ". Таковы

сила и темперамент человека, о котором близкий друг предсказал, что он не остановится, пока не взойдет либо на трон, либо на эшафот.

Свержение Робеспьера было результатом союза между так называемыми радикалами и консерваторами в Конвенте. Оба были якобинцами, поскольку жирондисты были дискредитированы и выставлены за дверь. Однако командование возникшим движением взял на себя не Конвент, а Париж. Социальная структура Франции была настолько сильной, а нация настолько однородной, что политические потрясения оказали там гораздо меньшее влияние, чем где-либо еще. Но "Террор" поразил в самое сердце почти каждую влиятельную семью в столице, и люди совершенно устали от ужасов. Волна реакции началась после падения потенциального диктатора. Здоровое стремление к безопасности с сопутствующими ей удовольствиями взяло верх над обществом, и вернулась беззаботность. Под этим темпераментом скрывалась, но частично, мрачная решимость не поддаваться на уговоры, которая внушала благоговейный трепет Конвенту. Медленно, но верно якобинцы теряли свою власть. Как когда-то вся страна была охвачена идеей "федерации" и как более поздний патриотический порыв сделал лозунгом "нацию", так и теперь у каждого на устах звучал другой рефрен — "человечество". Сами песни предыдущих этапов, "Ça ira" и "Карманьоле", были заменены новыми, более мягкими. При таком настроении Парижа было ясно, что запрещенные могут вернуться, и Конвент, из-за своей чрезмерной суровости, должен отречься от престола.

Это, конечно, означало новый политический эксперимент; но, будучи оптимистичными поклонниками Руссо, французы не испытывали никаких опасений по поводу такой перспективы. Многие считали конституцию третьей республики во Франции счастливым шансом. Далеко не идеально приспособленный к потребностям нации, он обладает прекрасными качествами, которые являются результатом не случайности и не теории, а столетнего опыта. Следует помнить, что Франция в восемнадцатом веке вообще не имела опыта конституционного правления, и дух того времени был целиком отдан теории в политике. Соответственно, демократическая монархия 1791 года потерпела крах, потому что ее структура была построена на пустых представлениях, а ее конституция полностью витала в воздухе. Та же участь постигла жирондистский эксперимент 1792 года и якобинскую узурпацию в следующем году, которые якобы были санкционированы всенародным принятием новой конституции. С полной уверенностью в идее Руссо о том, что правительство основано на общественном договоре между индивидами, нация поклялась в своей приверженности двум конституциям подряд и каждый раз ратифицировала этот акт с соответствующей торжественностью. Пузырь такой концепции уже был проколот. Было ли странным, что Конвенция решила повторить тот же самый старый эксперимент? Вовсе нет. Они не знали ничего лучше старой идеи и никогда не сомневались, что ошибка заключалась не в системе, а в ее деталях; они верили, что могут улучшить работу своих предшественников, изменив и модифицировав детали. Сознывая, таким образом, что их собственное время прошло, они решили, прежде чем распасться, построить новую и улучшенную форму правления. Работа была доверена комитету из одиннадцати человек, большинство из которых были жирондистами, отозванными для этой цели, чтобы ввести общественность в заблуждение. Теперь они отделили исполнительную и судебную власти друг от друга и от законодательной, разделили последнюю на две ветви, чтобы охладить пыл народных настроений до того, как они будут выражены в законодательных актах, и, избегая ловушки, вырытой для себя Национальным собранием, предоставили членам Конвента право избираться по новой системе.

Если бы монархия могла быть восстановлена в то же время, эти особенности новой хартии воспроизвели бы во Франции некоторые элементы британской конституции, и ее принятие, вероятно, успокоило бы династических правителей Европы. Но восстановление монархии в какой бы то ни было форме было пока невозможно. Бурбоны полностью дискредитировали королевскую власть, и недавние блестящие успехи были достигнуты отчасти благодаря щедрому использованию в стане врага денег, собранных и предоставленных радикальными демократами, отчасти благодаря доблести восторженных республиканцев. Компактная, эффективная организация национальной армии была делом рук якобинцев, и хотя Гора была дискредитирована в Париже, в провинциях этого не было; более того, армия, которая была пешей и действовала в поле, была в основном якобинской армией. Большинство французов так ненавидели королевскую власть, что печальная участь малолетнего дофина, умирающего в Тампле, не вызывала сострадания, и его следующим прямым представителем было это ненавистное явление - добровольное изгнание; дворянство, которое могло бы послужить материалом для французской Палаты лордов, было предателями своей страны, фактически с оружием в руках набравшими армию ее врагами. Национальное чувство было страстью; Людовик XVI был достаточно популярен, пока не возмутил его, сначала приказав Церкви оставаться послушной Риму, а затем обратившись к иностранным державам за защитой. Дворяне-эмигранты спотыкались друг о друга в спешке продемонстрировать свое презрение к национальности, бросаясь в объятия своего собственного класса в чужих странах.

Более того, еще одно дело Революции не могло быть отменено. Земли как эмигрантов, так и Церкви были либо захвачены и разделены между приверженцами нового порядка, либо переданы в государственные нужды. О реституции не могло быть и речи, поскольку власти новых владельцев было достаточно, чтобы уничтожить любого, кто вздумал бы отнять у них имущество. Этот факт следует особо подчеркнуть, потому что, принимая все во внимание, последующая история Франции была определена союзом землевладельческого крестьянства с мелкими бюргерами городов. Чего оба всегда желали, так это сильной руки в правительстве, гарантирующей их права собственности. Всякий раз, когда какая-либо из последовательных форм и методов терпела неудачу, ее судьба была обречена. При таком настроении масс, при бегстве правящего класса, при смуте радикальной демократии конституционная монархия была немыслима. Президентское правительство по модели, разработанной и используемой Соединенными Штатами, было в равной степени невозможно, потому что у французов, по-видимому, уже было предчувствие или инстинкт, что зрелый опыт свободы был необходим для работы такого института. Изучающий революционные времена поймет, насколько сильным уже было чувство среди французов, что единственный сильный руководитель, избранный массами, быстро превратится в тирана. Теперь у них есть номинальный президент; но его избрание не прямое, его должность представительская, а не политическая, и его обязанности подобны обезличенному, бесцветному отражению тех, которые выполняет английская корона. Создатели конституции просто не могли воспользоваться опытом успешного свободного правления, которого не существовало. Абсолютная монархия сделала невозможными постепенные изменения, поскольку угнетение умирает только в конвульсиях. Опыт был впереди, а не позади, и его нужно было приобретать через страдания.

Таким образом, суровая необходимость побудила термидорианцев Конвента прибегнуть к другому политическому средству. Каким оно должно быть? Во Франции всегда было глубокое ощущение своей исторической преемственности с Римом. Ее система юриспруденции, ее речь, ее церковь, сама ее земля были римскими. Вспоминая об этом, разработчики конституции также вспомнили, что это были дары императорского и христианского Рима. Это была любопытная, но характерная прихоть, которая впоследствии натолкнула врагов церковности на мысль о возрождении римских форм, восходящих к языческому содружеству. Именно это побудило их возложить управление правительством как во внешних, так и во внутренних отношениях на разделенную исполнительную власть. На этом, однако, сходство с Римом заканчивалось, поскольку вместо двух консулов там должно было быть пять директоров. Они должны были заседать как комитет, назначать своих собственных министерских агентов вместе со всеми офицерами и должностными лицами армии и занимать те немногие должности в административных департаментах, которые не были выборными, за исключением должностей в казначействе, которое представляло собой отдельную независимую администрацию. Вся исполнительная власть, за исключением казначейства, также должна была находиться в их руках. Они не должны были иметь права вето, а их мирные договоры должны были быть ратифицированы законодательным собранием; но они могли объявлять войну, ни с кем не советуясь. Судебная власть должна была избираться непосредственно народом, и судьи должны были занимать свои должности около года. Законодательный орган должен был быть разделен на сенат из двухсот пятидесяти членов, называемый Советом старейшин, который обладал правом вето, и собрание, называемое Советом младших, или, более популярно, исходя из его численности, Пятьюстами, которое обладало законодательной инициативой. Членам первого должно быть не менее сорока лет, и они должны быть женаты; каждому претенденту на место во втором должно быть двадцать пять лет и у него должен быть хороший характер. Оба этих органа должны были избираться всеобщим голосованием, действуя косвенно, через вторичных выборщиков, и ограничиваться образовательным и имущественным цензом. Существовало множество полезных сдержек и противовесов. Эта конституция известна как конституция Первой Вандемской, ЧЕТВЕРТОЙ, или двадцать второго сентября 1795 года. Она вступила в силу двадцать шестого октября.

Схема была сформирована, как и предполагалось, под влиянием жирондистов и была приемлема для нации в целом. Несмотря на многие недостатки, после небольшого опыта его можно было бы скорректировать, чтобы он работал, если бы люди были едины и искренне поддерживали его. Но это было не так. Термидорианцы, которые в душе все еще оставались якобинцами, распорядились, чтобы по крайней мере две трети мужчин, избранных заседать в новых палатах, были членами Конвента, ссылаясь на то, что только они имели достаточный опыт ведения дел, чтобы вести общественные дела, по крайней мере в настоящее время. Возможно, это было задумано как некоторая компенсация за вынужденное закрытие якобинского клуба двенадцатого ноября 1794 года из-за угроз со стороны высших классов парижского общества, известных в истории как "золотая молодежь". С другой стороны, роялисты видели в новой конституции инструмент, готовый к их рукам, на тот случай, если общественное мнение в своих поисках средств восстановления спокойствия и порядка уйдет еще дальше от Революции, чем его унесло термидоровское движение. Их поведение оправдывало меры якобинцев. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXI.

ПРЕДДВЕРИЕ УСПЕХА.

Наказание террористов — Опасность термидорианцев — Успехи республиканского оружия — Некоторые республиканские генералы — Военные чудеса — Базельский мирный договор — Подавлены беспорядки в Вандее - "Белый террор" — Деятельность роялистов — Трения из—за Новой конституции - Прибытие Бонапарта в Париж — Парижское общество — Его власть — Разгневанный народ — Возрождение якобинства — Уныние Бонапарта — Его отношения с мадам. Пермон — Его Великодушие.

1795.

Время от времени после событий Термидора более активные участники террора приговаривались к высылке, а менее виновные заключались в тюрьму. Седьмого мая 1795 года, за три дня до прибытия Бонапарта в Париж, Фукье-Тенвиль и пятнадцать других негодяев, которые были всего лишь орудиями в руках палачей революционного трибунала, были казнены. Национальная гвардия была реорганизована, и Пишегрю был отозван с севера, чтобы принять командование объединенными силами в Париже под руководством комитета Конвента во главе с Баррасом.

Это было сделано для того, чтобы внушить благоговейный страх тем гражданам Парижа, которые были враждебны якобинцам. Они увидели расставленную для них ловушку и разозлились. В течение только что прошедших лет внутренних беспорядков и иностранных войн экономические условия страны становились все хуже и хуже, пока зимой 1794-1795 годов трудящиеся классы Парижа снова не оказались на грани голодной смерти. Как обычно, они приписали свои страдания правительству, и начались хлебные бунты. Дважды весной 1795 года — первого апреля и двадцатого мая — безработные и голодные поднимались, чтобы свергнуть Конвент, но в обоих случаях солдаты легко подавляли их. Все население, представленное секциями или приходами Парижа, возмущалось таким применением вооруженной силы и росло в тревоге. Термидорианцы еще больше разозлили его, введя новую столичную администрацию, которая значительно уменьшила полномочия и влияние секций, не разрушив, однако, их организацию. Таким образом, жители столицы были готовы к неприятностям. Штурм Тюильри десятого августа 1792 года был делом рук парижской мафии. Почему они, в свою очередь, не могли, другая толпа, реакционная и в какой-то степени даже роялистская, свергнуть тиранию якобинцев, как они сами свергли двуличную администрацию короля?

Кризис легко мог бы разразиться еще до прибытия Бонапарта в Париж, но он был отложен событиями за пределами города. 1794 год был блестящим периодом для республиканского оружия и республиканской дипломатии. Мы видели, как пьемонтцы были вытеснены за приморские Альпы; вялые и никчемные войска Испании были изгнаны из пиренейских крепостей и оттеснены на юг; в некоторых местах - за Эбро. Пишегрю вместе с армией Севера изгнал захватчиков с французской земли и завоевал Австрийские Нидерланды. Журден с армией Самбры и Мааса разгромил австрийцев при Флерюсе в битве, решаемой храбростью Марсо, подтвердив таким образом победу. Другие генералы также

поднимались к возвышению. Гох в 1793 году разбил австрийцев под командованием Вурмзера при Вайсенбурге и изгнал их из Эльзаса. Теперь он еще больше прославился своими успехами в борьбе с повстанцами на западе. Сен-Сир, Бернадотт и Клебер, как и многие другие современники Бонапарта, также отличились в незначительных сражениях.

По происхождению крестьянин, Пишегрю, тем не менее, был назначен церковным авторитетом ученым в Бриенне. В условиях нехватки генералов он был выбран Сен-Жюстом для продвижения по службе, как и Гош в то время, когда Карно открыл для себя Журдана. Оказав помощь Гошу в завоевании Эльзаса, когда ему было всего тридцать два года, когда он был дивизионным генералом, он начал в следующем, 1794 году, использовать свои чрезвычайные полномочия, и с Моро в качестве заместителя командующего он изгнал англичан и австрийцев из Нидерландов. Оба этих генерала были чувствительными и ревнивыми людьми; после блестящей карьеры при республике они стали роялистами и пришли к несчастливому концу. Моро был на два года младше. Он был сыном бретонского юриста и привлек к себе внимание и как местный политик, и как капитан-доброволец в бретонской борьбе за независимость, к которой он не испытывал сочувствия. Как великий солдат, он стоит в одном ряду с Гошем после Наполеона в революционное время. Гош был еще моложе, родившись в 1768 году. В 1784 году он поступил на службу простым солдатом и поднялся по служебной лестнице благодаря своим способностям. Он умер в возрасте тридцати лет, но как политик и стратег он уже был знаменит. Клебер был эльзасцем, получившим образование в военном училище в Мюнхене, и ему был уже сорок один год. Записавшись добровольцем во время Революции, он так отличился на Рейне, что его быстро повысили в звании; но, столкнувшись с препятствием в своем стремлении иметь независимое командование, он утратил свой пыл и больше не отличался, пока не поступил на службу к Наполеону в Египте. Там он проявил такие способности, что его считали одним из соперников Бонапарта. Он был убит азиатом в Каире. Бернадотт был на четыре года старше Бонапарта, сына парижского юриста. Он тоже поступил на службу в королевскую морскую пехоту и вырос благодаря собственным заслугам. Он был грубым радикалом, чьи военные способности сочетались с его искусством в дипломатии. Его быстрое продвижение по службе было достигнуто в Рейнских кампаниях. Гувион Сен-Сир также родился в 1764 году в Туле. Он был маркизом, но ярким реформатором и прирожденным солдатом. Он начинал капитаном-добровольцем в штабе Кюстина и, поднявшись по служебной лестнице, как и другие упомянутые выше, стал отличным генералом, хотя шансов отличиться у него было немного. Журдан также был дворянином, родившимся в Лиможе и получившим титул графа в 1762 году. Его долгая карьера была скорее солидной, чем блестящей, хотя он отличился в северных кампаниях и закончил маршалом, военным советником Жозефа Бонапарта в Неаполе и Мадриде.

Рекорд военной энергии, проявленный освобожденной нацией при якобинском правлении, является, как заявил Фокс в Палате общин, абсолютно уникальным. Двадцать семь побед, из них восемь в решающем сражении; сто двадцать сражений; девяносто тысяч пленных; захвачено сто шестнадцать городов и важных мест; взято двести тридцать фортов или редутов; в руки французов попали три тысячи восьмисот единиц артиллерии, семьдесят тысяч мушкетов, тысяча тонн пороха и девяносто штандартов — таков невероятный рассказ. Более того, армия подверглась чистке с такой же безжалостностью, с какой коммерческая корпорация относится к некомпетентным сотрудникам. Часто утверждается, что армии республиканской Франции и Наполеона были, в конце концов, армиями Бурбонов. Это не так. Закон о воинской повинности, хотя и очень несовершенный сам по

себе, был дополнен всеобщим энтузиазмом; теперь в рядах была нация, а не наемники; реорганизация изменила всю структуру, и с первого января 1792 года по двадцатое января 1795 года сто десять командиров дивизий, двести шестьдесят три бригадных генерала и сто тридцать восемь генерал-адъютантов либо подали в отставку, либо были отстранены от исполнения обязанностей, либо уволены со службы. У республики были новые лидеры и новые люди в ее армиях.

Нация, очевидно, решила, что естественной границей Франции и ее собственной революционной системы является Рейн. Ницца и Савойя округляют свою территорию с юга. Предполагалось, что новое правительство завоюет это многое, будет управлять и удерживать; революция в других странах, побуждаемая французским влиянием, но не направляемая им, должна вести свои собственные дела. Это была, конечно, совершенно новая дипломатическая ситуация. Под ее давлением Голландия с помощью армии Пишегрю стала Батавской республикой и уступила Голландскую Фландрию Франции; в то время как Пруссия вышла из коалиции и по Базельскому мирному договору, подписанному пятого апреля 1795 года, согласилась на нейтралитет всей северной Германии. В обмен на владения церковных князей в центральной Германии, которые в конечном итоге должны были быть секуляризованы, она уступила Франции беспорное владение левым берегом Рейна. Испания, Португалия и маленькие государства южной Германии и Италии одинаково устали от соперничества, тем более что они были пропитаны либеральными идеями. Они уже готовились покинуть Англию и Австрию, великие державы, которые все еще оставались непоколебимыми. За исключением Португалии, они в течение нескольких недель согласились на условия, выдвинутые в Базеле. Рим, как подстрекатель непреклонных вандейских священнослужителей, был, конечно же, на стороне Великобритании и Империи.

На родине военный успех республики некоторое время был столь же заметен. К концу 1794 года бретонские крестьяне, которые под именем шуанов стали незаконными разбойниками с большой дороги, были полностью разгромлены; и английская экспедиция, отправленная в Киберон в следующем году для возобновления беспорядков, потерпела полный, почти нелепый провал. Восстание в Вандее упорно продолжалось, но в июне 1795 года оно было подавлено казнью более семисот эмигрантов, которые вернулись на английских судах, чтобы раздуть вновь разгорающийся роялистский пожар.

В коллекции мистера Эдмона Тэньи.

Мария-Жозефина-Роза Ташер де Ла Пажери,
называемая Жозефиной, императрица Франции.

С рисунка Жана-Батиста Изаби

(карандашный рисунок, отретушированный акварелью), выполненного в 1798 году.

Роялисты, посеявшие панику пятью годами ранее, не смогли превзойти даже Террор. Шаретт, вандейский лидер, отомстил холокостом двух тысяч пленных республиканцев, которых он захватил. После событий Термидора Конвент распахнул двери тюрем, положил конец кровопролитию и провозгласил амнистию. Очевидная власть парижских бюргеров, форма, приданная жирондистами новой конституции, всеобщее стремление к миру и возвращению комфорта и процветания еще больше ободрили роялистов и позволили им вызвать широко распространенное отвращение. Они восстали во многих частях юга, насаждая то, что по цветам, которые они носили, известно как "Белый террор", и безжалостно убивая в отчаянии робкой мести своих ничего не подозревающих и не готовых к республиканским взглядам соседей. Разыгрываемые сцены были более ужасными, человеческая резня - более кровавой, чем любая из известных в самые мрачные дни революционного движения в Париже. Это вполне можно считать предварительным испытанием перед Великим Белым террором 1815 года, в ходе которого неистовство и фанатизм роялистов и римских католиков превзошли самые неистовые усилия радикалов по незаконному кровопролитию. Жертвами стали империалисты, вольнодумцы и протестанты.

Поэтому якобинцы, ввиду столь опасной ситуации, и не без некоторых оснований, решили, что они сами должны проводить в жизнь новую конституцию. Они оказались в

самом отчаянном положении, потому что население Парижа теперь считало их непосредственно ответственными за существующую нехватку продовольствия, нехватку, приравняваемую к голоду. Время от времени в течение нескольких месяцев толпа вторгалась в зал Съезда, требуя хлеба с сердитым, голодным шумом. Участники смешались с беспорядочной толпой на танцполе и временно успокаивали их пустыми обещаниями. Но каждый набег беспорядков был хуже предыдущего, пока Гора не осталась не только без поддержки черни, но и стала объектом отвращения к ним и их полуголодным лидерам. Следовательно, их единственный шанс на власть заключался в какой-то новой реорганизации, при которой они не были бы столь заметны в делах. В то же время роялисты увидели в положениях новой хартии средство для достижения своих собственных целей и, полагаясь на позицию столицы, которая в равной степени возмущала толпу и бюргеров, решили одновременно нанести удар за господство и вытеснить якобинцев. Свидетельства их активности появлялись как в военных, так и в политических кругах. В течение всего лета 1795 года в армии царила необъяснимая вялость. Считалось, что Пишегрю намеренно подорвал свои собственные способности и способности Журдана, и ненужное перемирие, которое он заключил с Австрией, во многом подтвердило эту идею. Впоследствии было доказано, что несколько членов Конвента поддерживали связь с роялистами. Среди их агентов была довольно важная персона — некий Обри, — который, вернувшись после событий Термидора, так и не отрекся от своих истинных чувств роялиста; и будучи позже назначен председателем армейского комитета, занимал эту должность, когда карьере Бонапарта временно помешало понижение в звании из артиллерии в пехоту. По этой абсурдной причине долгое время несправедливо считалось, что он также был причиной первоначального перевода на запад.

Съезд был осведомлен обо всем, что происходило, но также был бессилен исправить ситуацию. После упразднения могущественного и ужасного Комитета безопасности, который проводил свои операции с таким успехом, какой присущ безжалостной энергии, девятого августа было признано необходимым воссоздать нечто подобное, чтобы справиться с новым кризисом. В то же время дух часа был смягчен формированием шестнадцати других комитетов для контроля за действиями центрального. Такое распыление исполнительной власти было фактическим параличом действий, но это должно было быть лишь временным, вскоре они эффективно централизовали бы свои силы. Конституция была принята всего две недели спустя, двадцать второго августа. Сразу же секции Парижа начали проявлять раздражение по поводу ограничений, установленных для их выбора новых представителей. У них было много сочувствующих в провинциях, и крайние реакционеры Революции ликовали. К счастью для Франции, Карно был временно оставлен контролировать военное министерство. Его уволили только в марте следующего года.

Когда генерал Бонапарт добрался до Парижа и поселился в убогом жилище, которое вынудил его выбрать его скудный кошелек, он обнаружил, что город странным образом преобразился. Движимый твердым намерением не соглашаться на должность, отведенную ему в армии Запада, и, при необходимости, бросить вызов своему военному начальству, его юмор выводил его из всякого сочувствия к царящему веселью. Горький опыт научил его, что в гражданской войне последствия победы и поражения одинаково бесславны. Из-за непостоянства общественного мнения мстящий герой сегодняшнего дня может легко стать отвергнутым изгоем завтрашнего дня. Та репутация, которую он приобрел в Тулоне, была

уже частично растрочена; остальное легко могло быть полностью растрочено в Вандее. Он чувствовал и сказал, что может подождать. Но как насчет его хлеба насущного?

Гостинные Парижа открылись как по волшебству перед "сезамом" Термидора и перспективами установления постоянного порядка при Директории. Здесь были визиты, ужины и танцы; переодевания, флирт и интриги; пешие прогулки, вождение автомобиля и верховая езда — все занятия народа, омраченного жестоким и кровавым прошлым и вновь утверждающего свою врожденную страсть к удовольствиям и утонченности. Все классы предавались самым диким спекуляциям, биржевым развлечениям были государственные и корпоративные ценные бумаги, дух азартных игр поглощал энергию обоих полов в отчаянных играх на ловкость и случай. Театры, которые никогда не закрывали своих дверей даже в самые страшные периоды террора, были заполнены толпами людей, которые упивались возбуждением. Мораль того времени была ничуть не лучше прежней, ибо в этом новом обществе наблюдалась странная смесь элементов. Люди, стоявшие у власти, были представителями всех классов — горстка старой аристократии, множество богатых бюргеров, определенная доля колониальных набобов из Вест-Индии и других мест, авантюристы всех мастей, несколько даже городских жителей и несколько деревенских простолюдинов. Покупка и продажа конфискованных земель, национального достояния, которое обеспечивало слабое обеспечение государственного долга и обесценившихся облигаций, обогатила тысячи людей вульгарного толка. Новоиспеченные богачи теряли равновесие и флегматичность, становясь такими же легкомысленными и агрессивными, как и худшие. Ингредиентам этой причудливой мешанины еще предстояло изучить язык и природу друг друга; тонкости речи, жестов и выражения лица, которые когда-то имели хорошо понятное значение в высших кругах правительства и общества, должны были быть скорректированы в соответствии с представлениями разношерстной толпы и получить новую общепринятую валюту. В таком беспорядочном переходе порок не требует маски лицемерия, добродетель беспомощна, потому что неорганизована, и что-то вроде буйства характеризует поведение. Здравый смысл и грубоватая доброта многих новичков, привычная респектабельность ветеранов в тот момент были одинаково бездействующими, потому что еще не замешаны в ту массу, которую им предстояло заквасить.

Тем не менее, в этой разнородной массе наблюдалась изумительная демонстрация социальной мощи; конечно, она была несоизмерима по масштабам с тем, что было сделано для национальной обороны, но, тем не менее, имела почти, если не полностью равное значение. На протяжении всей революционной эпохи велось много дискуссий по поводу реформ в образовании. Именно в 1794 году Монжу, наконец, удалось основать великую политехническую школу, учреждение, которое явно соответствовало национальным особенностям, поскольку с того дня оно усилило естественную склонность французов к прикладной науке и побудило их к неоправданному и прискорбному пренебрежению многими важными гуманизирующими дисциплинами. Вскоре после этого Музыкальная консерватория и Институт были окончательно реорганизованы. Было начато создание больших коллекций Музея искусств и ремесел (Консерватории искусств и ремесел), а также были открыты постоянные курсы лекций при Национальной библиотеке, Ботаническом саду, Медицинской школе и других научных учреждениях. Почти сразу же начала появляться философская литература; были написаны картины, и театры вновь открылись с новыми и сносными пьесами, написанными для данного дня и места. Более того, в самый разгар войны была предпринята попытка освободить прессу. Попытка была опрометчивой,

и результаты оказались настолько плачевными для ведения дел, что газетам в результате заткнули рот еще крепче, чем когда-либо.

Когда Бонапарт устроил свою жизнь и начал осматриваться, он, должно быть, был ошеломлен ненавистью к Конвенту, столь широко и открыто проявлявшейся со всех сторон. Провинции считали революцию свершившейся. Париж, очевидно, был в таком дурном расположении духа с организацией, которая ее представляла, что республика, по всей видимости, была фактически уничтожена. "Переизберите две трети членов Конвента в новый законодательный орган!" - заявляли разгневанные демагоги парижских секций. "Никогда! Эти люди, которые, по их собственному признанию, в течение трех лет во всех этих ужасах были трусливыми орудиями чувства, которое они не могли обуздать, но теперь они самозванные и реформированные умеренные! Невозможно!" Подкупленные иностранным золотом и действовавшие под влиянием роялистов, или по причине голода, или из-за решимости зажиточных провести радикальные перемены, или из-за всех этих влияний вместе взятых, секции постепенно организовывались для сопротивления, и вскоре стало ясно, что Национальная гвардия сочувствует им. Конвент был столь же бдителен и начал вооружаться для начала конфликта. У них уже было несколько сотен артиллеристов и пять тысяч регулярных войск, проникнутых скорее национальным, чем местным духом; теперь они начали набирать специальную гвардию в полторы тысячи человек из отчаянных людей, которые были верными последователями Эбера и Робеспьера. Боевой дух Конвента был неугасим. Представив "две трети" в новом правительстве, они фактически объявили войну всем врагам, внутренним и внешним. Своим декретом от двадцать четвертого октября 1792 года они объявили, что их целью являются естественные границы Франции. Фактически получив их, они теперь были полны решимости защищать их. Таково было наследие Конвента Директории, наследие, которое на неопределенный срок продлило революцию и с самого начала свело на нет новое государственное устройство.

Месяц или больше Буонапарте был простым наблюдателем или, в лучшем случае, заинтересованным исследователем событий, взвешивая и размышляя в неизвестности многое из того, что он делал тремя годами ранее. Военное министерство выслушало и удовлетворило его серьезную просьбу о том, чтобы он мог оставаться в Париже до тех пор, пока не будет завершено общее перераспределение офицеров, которое было определено и, по его счастливой случайности, уже осуществлялось. По прошествии первых недель с юга пришли известия о реакции в пользу якобинцев. С каждым днем становилось все яснее, что Конвент имеет моральную поддержку за пределами крепостных стен Парижа, а внутри города можно поддерживать нечто вроде якобинского салона. Многие представители этой веры, недовольные новыми условиями в Париже, в частности, корсиканцы, были приняты в доме мадам Пермон в одиночестве. Она сама и ее прекрасная дочь, впоследствии мадам Пермон. Жюно и герцогиня Абрантес. Саличетти выбрал другого ребенка, уже взрослого сына, своим личным секретарем и, конечно, был особым любимцем в доме. Первым проявлением возрождающейся уверенности якобинцев стало нападение, совершенное двадцатого мая на Конвент голодными бунтовщиками, которые требовали принятия конституции 1793 года. Результат был катастрофическим для радикалов, потому что беспорядки были подавлены благодаря мужеству и присутствию духа, проявленным Буасси д'Англасом, спокойным и решительным умеренным. Ему было поручено действовать в одиночку в снабжении Парижа продовольствием, и он храбро принял на себя ответственность и взобрался на президентское кресло посреди суматохи, чтобы защитить себя. Толпа размахивала перед его лицом окровавленной головой Феро, его соратника,

которого они только что убили. Говоривший почтительно склонил голову, и его неустрашимый вид напугал лидеров, которые ускользнули, сопровождаемые толпой. Следствием стало полное уничтожение Горы двадцать второго мая. Комитеты Конвента были распущены, их артиллеристы временно уволены, а конституция 1793 года была отменена.

Уютный дом мадам. Пермон был почти единственным пристанищем Бонапарта, который, хотя и разочаровался, все еще оставался якобинцем. Что-то похожее на отчаяние появилось в его манерах; отсутствие нормальной пищи истощило его тело, в то время как неуверенность в будущем оставила свой отпечаток на его бледном лице и в беспокойных глазах. В этом не было ничего удивительного, поскольку его личные и семейные дела, по-видимому, были безнадежны. Его братья, как и он сам, теперь были лишены прибыльной работы; они вместе с ним, возможно, и даже вероятно, вскоре могли быть причислены к подозреваемым; лишенный могущественного покровителя, а его семья снова оказалась в реальной нужде, Наполеон едва ли подходил ни по одежде, ни по настроению для общества даже своих друзей. Хозяйка описала его как человека с "резкими, угловатыми чертами лица; маленькие руки, длинные и худые; волосы длинные и растрепанные; без перчаток; в плохо сшитых, плохо начищенных ботинках; всегда имевшего болезненный вид, что было результатом его худощавого и желтого цвета лица, который подчеркивали только два глаза, блестящие пронизательностью и твердостью". Бурьен, который к этому времени вернулся с дипломатической службы, не был впечатлен внешностью или характером своего знакомого, который, по его словам, "был плохо одет и неряшлив, его характер был холодным, часто непроницаемым. Его улыбка была пустой и часто неуместной. У него бывали моменты яростного веселья, от которых становилось не по себе и не хотелось его любить".

Неудивительно, что этому человеку было не по себе. Его худшие опасения оправдались, когда влияние Горы было уничтожено — Карно, организатор победы, как его называли, был единственным из всех старых лидеров, кому удалось спастись. Salicetti слишком заметную партизан не обращают внимания на разъяренных бюргеров. Некоторое время он был скрыт мадам. Пермон в ее парижском доме. Он избежал мести своих врагов, переодевшись ее лакеем, сбежав вместе с ней, когда она уехала на юг в поисках убежища для себя и детей. Даже рядовые члены "Горы" либо бежали, либо были арестованы. То, что Бонапарте не причинили вреда, по-видимому, доказывает, как ловко он скрывал свою связь с ними. История о том, что в эти дни он сделал предложение руки и сердца мадам. Пермон, хотя и не имеет никаких подтверждающих доказательств, имеет вид вероятного, отчасти из-за отчаяния, которое могло бы заставить его искать любую поддержку, даже у жены такого же возраста, как его мать, отчасти из-за существования письма к леди, которое, хотя и загадочно, демонстрирует интересную смесь уязвленной гордости и реальной или притворной ревности. Письмо датировано восемнадцатым июня 1795 года. Он объясняет, что чувствовал, что она сочтет его обманутым, если он не сообщит ей, что, хотя она и не сочла нужным довериться ему, он все это время знал, что она скрывает Саличетти. Затем следует обращение к этому соотечественнику, очевидно, призванное очистить автора от всякого налета якобинства и сформулированное в таких выражениях: "Я мог бы донести на тебя, но не сделал этого, хотя это было бы всего лишь справедливой местью. Кто выбрал более верную роль? Иди, ищи с миром убежища, где ты сможешь вернуться к лучшим мыслям о своей стране. Мои губы никогда не произнесут твоего имени. Покайся и, прежде всего, оцени мои мотивы. Я заслуживаю этого, ибо они благородны и великодушны". В этих

словах, обращенных к политическому беженцу, он использует фамильярное республиканское "ты"; в речи, обращенной, как и при вступлении, к самой даме, он прибегает к вежливому и отстраненному "ты". "Мадам. Пермон, мои добрые пожелания сопровождают тебя, как твоего ребенка. Вы два слабых создания, у которых нет защиты. Да пребудут с тобой Провидение и молитвы друга. Прежде всего, будьте благоразумны и никогда не оставайтесь в больших городах. Adieu. Примите мои дружеские приветствия". [\[49\]](#)

Смысл этого послания неясен; возможно, он таков: мадам. Пермон, я любил тебя и мог бы с чистой совестью погубить соперника, который является твоим протее, потому что однажды он причинил мне зло, как он сам признает. Но прощай. Я не держу на вас зла. Иначе это может возвестить об очередном изменении политической погоды поворотом петуха. Как добропорядочный гражданин, презирующий ужасы прошлого, я мог бы донести на вас, Саличетти. Я этого не сделал, потому что вспомнил старые времена и твою беспомощность и хотел свалить тебе на голову горящие угли, чтобы ты увидел ошибочность своего пути. Последнее толкование находит подтверждение в полном отречении от якобинства, которое автор сделал вскоре после этого, и в его последующем трудном объяснении, что в "Ужине Бокера" он не отождествлял себя с солдатом-якобинцем (пока точная констатация факта), но хотел лишь беспристрастным изложением фактов показать безнадежность марсельского дела и предотвратить бесполезное кровопролитие. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXII.

ГЕНЕРАЛ КОНВЕНТА БОНАПАРТ [\[50\]](#).

Разочарования — Очередной отпуск — Связь с Баррасом — Официальное общество в Париже — Бонапарт как кавалер — Состояние его семьи — Политический генерал — Открытие в Турции — Возможности в Европе — Социальный прогресс — Официальная деградация — Планы реставрации — Планы роялистов — Враждебность Парижа Конвенту — Бонапарт, генерал войск Конвента — Его стратегия.

1795.

Пересмотр армейского списка с последующим перераспределением офицеров обернулся плохо для Бонапарте. Обри, глава комитета, по-видимому, был совершенно безразличен к нему, не проявляя никакой неприязни и уж точно никакой активной доброй воли по отношению к бывшему якобинцу, чье имя, более того, было последним в списке офицеров артиллерии в порядке старшинства. Согласно правилам, когда одно подразделение службы было перегружено, лишние офицеры должны были быть переведены в другое. Теперь так обстояло дело с артиллерией, и Бонапарте, как нештатный сотрудник, тринадцатого июня был снова отправлен на запад, но на этот раз только в качестве простого бригадного генерала пехоты. Похоже, на протяжении всей жизни он испытывал больше мстительности по отношению к Обри, человеку, который, по его мнению, был виновником этого конкретного несчастья, чем по отношению к любому другому человеку, с которым он когда-либо контактировал. При таком жестком изучении армейского списка преувеличенные

претензии на службу и лживые свидетельства больше не принимались. По этой причине Жозеф также уже потерял свое положение и собирался поселиться со своей семьей в Генуе, в то время как Луи фактически отправили обратно в школу, отправив в Шалон. Бедный Люсьен, потрясенный всеобщим крахом радикалов, имея на иждивении жену и ребенка, был в отчаянии. Остальные члены семьи были временно лишены средств к существованию, но помогали себе сами.

В этом не было ничего нового; но, несмотря на все это, однообразие ситуации, должно быть, приводило в уныние. Решение Наполеона было вскоре принято. Он либо действительно заболел от лишений и разочарований, либо вскоре стал таким. Вооружившись медицинской справкой, он подал заявление и получил отпуск. Когда этот шаг был сделан, следующим, в соответствии с неизменными и привычными инстинктами человека, было подать заявление в соответствии с законом о пробеге, чтобы оплатить свои расходы по путешествию, которое он предпринял до Парижа во исполнение приказа, данного ему двадцать девятого марта, следовать к своему посту на западе. Опять же, следуя прецедентам своей жизни, он подсчитал километраж не из Марселя, откуда на самом деле стартовал, а из Ниццы, тем самым значительно увеличив сумму, которую он запросил и своевременно получил. Во время отпуска его напряженный мозг был занят несколькими проектами. Наиболее важными были спекуляции на изолированных землях эмигрантов и монастырей и написание двух монографий — одной истории событий с девятого Фруктидора II года (двадцать шестое августа 1794 г.) до начала IV года (двадцать третье сентября 1795 г.), другой - мемуаров об армии Италии. Первое предположение, несомненно, возникло из-за ажиотажа спекуляций, который становился все более распространенным и который теперь был сравним только с тем, что царило во Франции во времена проекта Лоу на Миссисипи или в Англии во время пузыря Южных морей. Знание того, что золотая монета в двадцать франков стоила семьсот пятьдесят в бумажном эквиваленте, дает представление о финансовых условиях. Джозефу был представлен проект покупки определенной собственности в качестве хорошей инвестиции в приданое его жены, но он провалился из-за внезапной отмены закона, по которому совершались такие покупки. Обе темы были закончены, и еще одна, "Исследование политики: как исследование причин смут и разногласий", была набросана, но так и не завершена. Мемуары об армии Италии были фактически планом наступательной войны, который он изложил молодому Робеспьеру; теперь он был пересмотрен и отправлен высшей военной власти — новому центральному комитету, назначенному взамен Комитета безопасности. Все эти занятия были очень хороши, но отпуск быстро истек, а ничего не получалось. Как нельзя кстати у инвалида случился рецидив, и он смог добиться продления отпуска до четвертого августа, даты, когда треть членов комитета по назначению офицеров уйдет на пенсию, в том числе ненавистный Обри.

Рассказывая о тех днях на острове Святой Елены, он сказал: "Я жил на парижских улицах без работы. У меня не было привычек общения, я ходил только на съёмочную площадку в доме Барраса, где меня хорошо принимали.... Я был там, потому что в другом месте мне было нечего предложить. Я привязался к Баррасу, потому что больше никого не знал. Робеспьер был мертв; Баррас играл роль: я должен был привязаться к кому-то и чему-то". Не следует забывать, что Баррас и Фрерон были дантонистами, когда вместе с Бонапартом участвовали в осаде Тулона. После Термидорных событий они полностью отреклись от якобинства и в настоящее время находились в союзе с умеренными элементами парижского общества. Комнаты Барраса в Люксембургском отеле были центром всего веселого и ослепительного в

этом коррумпированном и беззаботном мире. Разумеется, они были местом прибежища самых красивых и блестящих женщин, влиятельных, но не чрезмерно щепетильных. Mme. Тальен, которую называли "богиней Термидора", была королевой этого кружка; едва ли менее прекрасными и грациозными были вдова Богарне и мадам Дж. Récamier. Баррас был дворянином; инстинкты его класса сделали его восхитительным хозяином.

О том, что видел и пережил Наполеон, он написал верному Жозефу. Письма представляют собой правдивую расшифровку его эмоций, ключевой нотой которых является восхищение парижанками. Экипажи и веселый мир появляются снова, или, скорее, больше не вспоминается, как после долгого сна, что они когда-либо перестали блеснуть. Чтения, курсы лекций по истории, ботанике, астрономии и т.д. Следуют одно за другим. Здесь собрано все, чтобы развлекать и делать жизнь приятной; вы отвлекаетесь от своих мыслей; как вы можете испытывать грусть при такой интенсивности цели и бурлящей суматохе? Женщины повсюду: в театре, на прогулках, в библиотеках. В кабинете ученого вы найдете очень очаровательных людей. Только здесь из всех мест в мире они заслуживают того, чтобы стоять у руля: мужчины без ума от них, думают только о них и живут только благодаря их влиянию. Женщине нужно шесть месяцев в Париже, чтобы понять, чего она заслуживает и в чем ее сфера деятельности". [\[51\]](#) Пока он еще не встречался с мадам . Богарне. Общий тон переписки бодрый и указывает на то, что усилия Бонапарта по созданию нового союза увенчались успехом, что его состояние улучшилось и что в головокружительном мире есть нечто, представляющее необычайный интерес. По мере того как его состояние улучшалось, в нем росло больше надежд, и он чаще появлялся в обществе. Иногда он даже отваживался на небольшие любезности. Представлен мадам Дж. Тальен, его часто видели на ее приемах. Поначалу он был застенчивым и сдержанным, но время и привычки позволили ему чувствовать себя более непринужденно. Однажды вечером, когда постепенно образовались небольшие группы для обмена шутками и остротами, он, казалось, совершенно утратил свою робость и, приняв вид гадалки, схватил хозяйку за руку и разразился длинной чепухой, которая очень позабавила остальных присутствующих.

Эти месяцы также улучшили положение семьи. Его мать и младшие сестры чувствовали себя почему-то более комфортно в своем доме в Марселе. Впоследствии им были предъявлены обвинения в странных деяниях, но вполне вероятно, что эти истории не имеют под собой иного основания, кроме злобы. Наполеон получил значительную сумму за пробег, почти две тысячи семьсот франков, и, каким бы хорошим сыном он ни был, вполне вероятно, что он поделился этими деньгами со своей семьей. И у Элизы, и у маленькой Полины теперь были поклонники. Феш, которого Люсьен описал как "всегда свежего, не как розу, а как хорошую редиску", с комфортом ждал в Эксе в доме старых знакомых возможности вернуться на Корсику. Приготовления Жозефа к переезду в Геную были почти завершены, и Луи с комфортом устроился в школе в Шалоне. "Брут" Люсьен был единственным невезучим из всех: его опасения оправдались, и, будучи объявлен якобинцем, он теперь лежал, охваченный ужасом, в тюрьме Экса, а вокруг него казнили людей его круга.

Пятого августа члены нового Комитета безопасности наконец приступили к своим обязанностям. Едва ли не первым документом, представленным на встрече, было требование Бонапарта восстановить его в звании артиллериста. Он полон негодования и изобилует вольными заявлениями о его прошлых заслугах, смело претендуя на почести последней короткой, но успешной итальянской кампании. Газета была передана соответствующим властям, и две недели спустя ее автор получил категорический приказ

присоединиться к своему корпусу на западе. Что может быть более забавно характерным для этого настойчивого человека, чем прочитать в письме Жозефу, датированном следующим днем, двадцатым августа: "В данный момент я прикомандирован к топографическому бюро Комитета безопасности для руководства армиями на площади Карно. Если я пожелаю, правительство может направить меня в Турцию в качестве генерала артиллерии, с хорошим жалованьем и великолепным титулом, для организации артиллерии Великой Турции". Затем следуют планы относительно назначения Жозефа на консульскую службу, встречи в Ливорно и дальнейшей спекуляции землей. В заключение приведем эти замечания, которые не только демонстрируют большую остроту наблюдения, но и заслуживают внимания как проявление постоянного качества человека - всегда иметь наготове альтернативу: "Пока тихо, но, возможно, надвигаются бури; праймериз состоятся через несколько дней. Я возьму с собой пять или шесть офицеров.... Поручение и декрет Комитета безопасности, который нанимает меня для руководства армиями и составления планов кампании, в высшей степени лестны для меня, и я боюсь, что они больше не позволят мне поехать в Турцию. Посмотрим. Возможно, сегодня у меня под рукой предвыборная кампания.... Пиши всегда так, как будто я еду в Турцию".

Все это было наполовину правдой. Благодаря заискиванию перед Баррасом и Дулсе де Понтекуланом, еще одним доброжелателем, оба влиятельные люди, и назойливому обращению к Фрерону, находившемуся тогда на пике своего могущества, но вскоре проявившему катастрофическую неспособность, Буонапарте фактически стал членом комиссии четырех, которая руководила армиями, а Дюто был отправлен вместо него на запад. Более того, у него также был шанс реализовать те мечты о достижении славы на Востоке, которые преследовали его с детства. В этот момент в политике Восточной Европы царила серьезная напряженность, и французы увидели возможность нанести удар Австрии с другой стороны, заключив союз с Турцией. Последняя страна, конечно, была совершенно не готова к войне и обратилась с просьбой о назначении французской комиссии для реконструкции своих оружейных заводов и улучшения артиллерийской службы. Бонапарт, узнав об этом факте, немедленно подготовил два мемориала: один о турецкой артиллерии, а другой о средствах укрепления турецкой мощи против посягательств европейских монархий. Он отправил их вместе с заявлением о назначении его главой комиссии, приложив также хвалебные свидетельства о его незаурядных способностях от Дулсе и от Дебри, своего новоиспеченного друга.

Но перспектива карьеры на Востоке временно исчезла. Новая конституция, принятая, как уже говорилось, двадцать второго августа, могла вступить в силу только после выборов. Тридцать первого августа план Бонапарта по проведению предстоящей итальянской кампании был прочитан комитетом Конвента, признан удовлетворительным и принят. Он остается во многих отношениях величайшим из всех военных документов Наполеона, его единственная ошибка заключается в том, что ни один гений, уступающий его собственному, не смог бы осуществить его. Время от времени некоторые стратегические авторитеты выдвигают обвинение в том, что этот план был целиком заимствован из трудов Майбуа, французского генерала, который привел свою армию к катастрофе в Италии в 1746 году. Существует достаточно свидетельств того, что Бонапарт читал Майбуа, и любой читатель может заметить сходство двух планов. Но различия, на первый взгляд незначительные, столь же важны, как и различия в характерах этих двух мужчин. Как и многие другие обвинения в плагиате, выдвинутые против Наполеона педантами, это упускает из виду разницу между посредственностью и гениальностью в использовании материалов. Вовсе не

вероятно, что начальники Бонапарта не знали о лучших книгах, посвященных вторжению в Италию, или об их почти современной истории. Они не выдвинули обвинений в плагиате по той простой причине, что их там нет, и они были впечатлены предложениями своего генерала. Возможно даже, что Буонапарте разработал свой план еще до прочтения Майбуа. Волни заявил, что слышал, как автор читал его и комментировал вскоре после своего возвращения из Генуи и Ниццы. [\[52\]](#) Великий ученый был уже под таким глубоким впечатлением, как год спустя Карно, а теперь и военная комиссия. Несколько дней спустя писатель и составитель плана осознал произведенное им впечатление: казалось очевидным, что у него в руках реальность, достойная всех возможностей на Востоке. Поэтому он написал Жозефу, что собирается остаться в Париже, объяснив, как бы между прочим, что таким образом он может искать любую желательную вакансию на консульской службе и, по возможности, обеспечить ее для себя.

Мечты другого рода вытеснили в его сознании все видения восточного великолепия; ибо в последующих письмах к тому же корреспонденту, писавшихся почти ежедневно, он излагает серию довольно поразительных планов, которые, среди прочего, включают женитьбу, городской дом и загородную резиденцию с кабриолетом и тройкой лошадей. Как все это должно было произойти, мы не можем полностью выяснить. План женитьбы четко изложен. Джозеф женился на одной из дочерей сравнительно богатого торговца. Его попросили расспросить своего шурина о другой, знаменитой Дезире Клари, которая впоследствии стала мадам. Бернадотт. Две лошади должны были быть предоставлены правительством взамен пары, которой он, как можно было предположить, владел в Ницце в соответствии с занимаемым им тогда званием и которую, согласно приказу, продали при отправке в морскую экспедицию на Корсику. Откуда должны были взяться третья лошадь и деньги на дома, непостижимо; но, на самом деле, Наполеон уже переехал из своего убогого жилья в лучшее на улице Мишодьер и фактически вел переговоры о покупке красивого особняка неподалеку от Буррьена, состояние которого также было возвращено. Загородный дом, который имел в виду спекулянт и за который он намеревался предложить цену до полутора миллионов франков, был продан другому покупателю за три миллиона, или, по тогдашней цене золота, около сорока тысяч долларов! У такой важной персоны, как он теперь, конечно, должен был быть секретарь, и на эту должность был назначен верный Жюно.

Заявка на лошадей оказалась серьезным делом и снова поставила искателя приключений на грань разорения. История, которую он рассказал, не была ясной, отчеты не подтверждали ее, твердолобые чиновники военного министерства, очевидно, не поверили ни единому слову из его заявлений, — которые, по сути, были неправдивыми, - и, поскольку центральный комитет снова потерял треть своих членов поочередно, среди них Дулсе, теперь в нем не было никого, кто мог бы защищать дело Бонапарта. Соответственно, об этом много говорили в очень влиятельных кругах, и почти одновременно был опубликован отчет о его официальном запросе о восстановлении, который был отложен из-за процедуры, предписанной в таких случаях, и был завершен только сейчас. Оно было не только неблагоприятным само по себе, но и содержало конфиденциальную информацию, в которой сурово осуждались нарушения в поведении заявителя, и в частности его упорный отказ подчиняться приказам и вступать в Армию Запада. Таким образом, случилось, что пятнадцатого сентября имя Бонапарта было официально вычеркнуто из списка дежурных генералов "ввиду его отказа приступить к назначенному ему посту". Действительно, казалось, что имя Наполеона почти могло быть заменено именем Тантала в басне. Но

ирония судьбы заключалась в том, что в этот самый день подкомитет по иностранным делам вынес на рассмотрение всего собрания предложение отправить человека, который теперь был опальным преступником в большом статусе и с полной свитой, на службу в Константинополь в армию Великого турка!

Никто никогда лучше Бонапарта не понимал возможностей политического влияния в военной карьере. Он не только умел натягивать лук Ахиллеса, но и всегда держал наготове дополнительную тетиву. До сих пор за десять лет службы он был повышен в должности только один раз в соответствии с заведенным порядком; остальные ступени высоты, которой он достиг, были обеспечены либо какой-нибудь поразительной демонстрацией способностей, либо влиянием, либо хитростью. Он был сначала корсиканцем, потом французом, сначала политиком, а потом солдатом. Такого ветерана не должен был смутить даже самый сокрушительный удар; разве у него даже сейчас не было трех могущественных защитников — Барраса, Тальена и Фрерона? Поэтому он с готовностью повернулся спиной к несимпатичным армейским чиновникам, простым солдатам с холодными головами и безжалостными суждениями. Очевидным кратчайшим путем к реставрации было осуществление проекта трудоустройства в Константинополе; он был официально рекомендован, и, чтобы добиться его принятия, он возобновил свои настойчивые домогательства. Свое звание он все еще сохранял; он мог надеяться вернуть себе положение каким-нибудь блестящим ударом, который он мог выполнить только без ограничений со стороны приказов и по собственной инициативе. Его надежды возросли, или казалось, что возросли, поскольку его иск не был отклонен, и двадцать шестого сентября он написал Джозефу, что вопрос о его отъезде является срочным, добавив, однако: "Но в данный момент наблюдаются некоторые приступы возбуждения и тревожные симптомы". Он был прав в обоих предположениях. Комитет безопасности официально рассматривал предложение о его переводе на службу султану, в то время как одновременно дела как в Париже, так и на границах "кипели".

Тем временем роялисты и клерикалы не бездействовали. Они ничему не научились из событий Революции и даже смутно не понимали своего собственного положения. Их собственные союзники отказались как от своих чувств, так и от своих действий в те самые моменты, когда они считали, что с честью борются за самосохранение. Английские государственные деятели, такие как Гранвилл и Харкорт, теперь думали и говорили, что невозможно навязать Франции форму правления, неприятную ее народу; но британский регент и французский претендент, который после смерти своего несчастного племянника, дофина, был признан державами Людовиком XVIII, упрямо объединялись под старым девизом бурбонов "Все или ничего". Перемены в Конвенте, в парижском обществе, даже в самой стране, которая вот-вот должна была отказаться от своего крайнего якобинства и подавляющим большинством голосов принять новую конституцию, — все это обмануло их, и они решили бороться за все, что потеряли. Теперь считается, что все приготовления были готовы к вторжению с рейнской границы, к тому, что Пишегрю поднимет белый флаг и двинется со своими войсками на Париж, и к одновременному восстанию роялистов во всех округах Франции. Четвертого октября английский флот появился у северного побережья Франции, имея на борту графа Артуа и большой отряд эмигрантов, сопровождаемый мощными силами англичан, состоявшими частично из регулярных войск, частично из добровольцев. На этом предварительные мероприятия были завершены.

Общепризнанный роялизм имел лишь косвенное отношение к первому крупному конфликту в этой борьбе. К этому времени парижские секции были основательно реорганизованы, очистившись от крайних демократических элементов из пригородов. Они были хорошо вымуштрованы, хорошо вооружены и с энтузиазмом сопротивлялись постановлению Конвента, требующему обязательного переизбрания "двух третей" от его существующего состава. Национальная гвардия была не менее озлоблена против этой меры. В то время в Париже было три опытных офицера, которые были способны возглавить восстание, и на них можно было положиться в противостоянии Конвенту. Это были Даникан, Дюку д'Отерив и Лаффон, все роялисты в душе; последний был эмигрантом и признавал это. Конвент также к этому времени завершил свой набор и принял другие меры обороны; но у него не было надежного человека для командования своими силами, поскольку из четырнадцати генералов республики, находившихся тогда в Париже, только двое были безусловно лояльны Конвенту, и оба они были людьми с очень безразличным характером и бездарными офицерами.

Силы Конвенции технически были частью армии, известной как армия внутренних дел, командующим которой был Мену. После официального провозглашения новой конституции двадцать третьего сентября признаки открытого восстания в Париже стали слишком явными, чтобы их можно было больше игнорировать, и в ту ночь в театре Одеон состоялся массовый митинг различных секций с целью подготовки планов открытого сопротивления. Церковь Лепельтье, расположенная в самом сердце Парижа, включающая самых богатых и влиятельных представителей торгового класса, впоследствии собралась в своем зале и выступила с призывом к восстанию. Это были не презренные враги: в памятное десятое августа их батальон Национальной гвардии погиб вместе со швейцарцами, защищая Тюильри. Мену, повинаясь приказу Конвента разоружить повстанческие отряды, на мгновение выступил против них. Но эта работа была ему не по вкусу. После коротких переговоров, в ходе которых он вяло порекомендовал им разойтись и вести себя как добропорядочные граждане, он отвел свои войска в казармы и оставил вооруженные и разъяренные части хозяевами положения. Быстрые и энергичные меры были необходимы как никогда. Уже несколько дней лидеры Съезда обсуждали свои планы. Карно и Тальен в конце концов согласились с Баррасом в том, что человеком, который, скорее всего, тщательно выполнит активную работу, был Буонапарте. Но, по-видимому, они не осмеливались полностью доверять ему, поскольку сам Баррас был назначен главнокомандующим. Его "маленький корсиканский офицер, который не станет церемониться", как он его называл, номинально должен был стать лейтенантом. Четвертого октября Бонапарте вызвали на совещание. Гонцы искали его в его доме и во всех его убежищах, но не могли найти. Было девять часов вечера, когда он появился в штаб-квартире на площади Карусель. Эта задержка дала Баррасу шанс намекнуть, что его пылкий друг-республиканец, который всю предыдущую неделю нетерпеливо искал работу, не заслуживал доверия в условиях кризиса и вел переговоры с сепаратистами. Буонапарте сообщил, что прибыл с участка Лепельтье, но вел разведку противника. После довольно резкого разговора Баррас назначил его адъютантом, на должность, для которой он был предназначен с самого начала. Каким бы ни было понимание ситуации генералом, адъютанту было ясно — он должен быть сам себе хозяин. [\[53\]](#)

Не терялось ни минуты, и в течение всей ночи велись самые энергичные и непрерывные приготовления. Бонапарт был таким же самым собой на улицах Парижа, как и на улицах Аяччо, за исключением того, что его энергия была пропорционально более лихорадочной,

поскольку защита Тюильри и пристроенной к нему школы верховой езды, в которой заседал Конвент, была более грандиозной задачей, чем так и не заверченный захват корсиканской цитадели. Проспекты и улицы города чем-то напоминают главные долины и долины притоков горного хребта, и задача ведения кампании в Париже была менее непохожей на задачу маневрирования в узких ущельях Апеннин, чем можно было бы предположить; по крайней мере, стратегия Бонапарта была почти одинаковой в обоих случаях. Все его приемы были выполнены виртуозно. Враг, рассеянный пока по всему Парижу по обоим берегам реки, был сначала рассеян надвое путем захвата и укрепления мостов через Сену; затем все подходы были также охранены, в то время как фланговая артиллерия была установлена на узких улочках, чтобы контролировать главные артерии. По предложению Барраса лихой, безрассудный, непокорный Мюрат, впервые появившийся в возрасте двадцати семи лет на большой сцене этих событий, по приказу Бонапарта привез пушки из лагеря Саблон. Как показалось это событие, они были бесценны в руках подготовленного артиллериста. Наконец, на месте, где сейчас находится площадь Согласия, был создан резерв, готовый к использованию по обе стороны реки, с открытой линией отступления к Сен-Клу позади него. Каждый приказ был отдан от имени Барраса, и Баррас в своих мемуарах претендует на все почести того времени. Он заявляет, что его помощник был пешим, в то время как он был человеком верхом на лошади, вездесущим и властным. Он даже не признает, что Бонапарт ездил верхом на извозчике, как это были готовы признать даже побежденные. Секции, конечно, ничего не знали ни о новом командующем, ни о Бонапарте и помнили только о малодушии Мену. Без пушек и без плана они решили немедленно изгнать Конвент и сокрушить его силы численным превосходством. Таким образом, набережные левого берега были заняты крупными частями Национальной гвардии, готовыми ворваться в город с тыла, когда основная атака будет предпринята с севера через лабиринт улиц и тупиковых переулков, которые тогда назывались улицами Св. Оноре и коротким, широким проливом Л'Эшель должны отвлечь силы Конвента в этом направлении, чтобы оказать ему сопротивление. Своего рода встреча была назначена в церкви Святого Роха, которая должна была использоваться как склад припасов и убежище. Многочисленные сектанты были, фактически, размещены там в качестве вспомогательных сил в решающий момент. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXIII.

ДЕНЬ ПАРИЖСКИХ СЕКЦИЙ.

Война при Сен—Роше и Королевском мосту — Порядок восстановлен — Смысл конфликта — Политические опасности — Дилемма Буонапарта — Его истинное отношение — Внезапное богатство — Директория и их генерал — Влюбленный Буонапарт — Его корсиканский темперамент - Его матримониальные приключения.

1795.

На этой общей позиции противоборствующие силы столкнулись друг с другом утром пятого октября, тринадцатого числа Вандемьера. Численное превосходство было огромным, поскольку силы Конвента насчитывали всего около четырех тысяч регулярных войск и

тысячу добровольцев, в то время как силы секций насчитывали около двадцати восьми тысяч национальных гвардейцев. Но первые были дисциплинированными, у них было оружие, и они были отчаянно способными; и не было рассеянного, колеблющегося руководства. То, что легенда приписывает Наполеону Бонапарту в качестве его комментария к поведению короля Людовика в Тюильри, теперь должно было стать идеалом Конвента. "Человек на коне" и жаркий пушечный огонь должны были завершить день. Казалось, обе стороны не хотели начинать. Но в половине пятого пополудни стало ясно, что решающий момент наступил. Словно инстинктивно, но на самом деле по сигналу Даникана, силы секций из северной части столицы начали вливаться по узкой главной улице Сент-Луиса. Оноре за школой верховой езды, к главному входу в Тюильри. Они, без сомнения, чувствовали себя в большей безопасности в задней части Конференц-зала, окруженные высокими стенами домов, чем на открытых пространствах, которые им пришлось бы пересечь, чтобы атаковать его с фронта. Как раз перед тем, как их уплотненная масса достигла церкви Святого Роха, она была остановлена. Внезапно осознав, что в боковых улочках справа зияют дула вражеских пушек, возбужденные горожане потеряли голову и начали стрелять из своих мушкетов. Затем с быстрым, внезапным взрывом улица была очищена ужасным разрядом картечи, которой были заряжены полевые орудия Барраса и Буонапарте. Акция продолжалась около часа, поскольку народ и Национальная гвардия собирались снова и снова, и каждый раз их косил такой же ужасный выстрел. Наконец, они больше не могли спланиваться и отступили к церкви, которую удерживали. На левом берегу аналогичная стычка закончилась аналогичным образом. Трижды Лаффон собирал свои силы и бросал их на Королевский мост; трижды они были отброшены назад перекрестным огнем артиллерии. Затем сцена менялась, как исчезающий мираж. Появились охваченные благоговейным страхом гонцы, спешившие повсюду с потрясающими новостями с обоих берегов реки, и все парижские войска отступили в укрытия. Еще до наступления темноты триумф Конвента был полным. Драматический эффект этого достижения был усилен появлением верхом на лошади здесь, там и повсюду, в течение короткого часа битвы, внушающего благоговейный трепет лидера; как до, так и после он был невидим. Несмотря на заявления Барраса, не может быть никаких сомнений в том, что этим драматическим персонажем был Бонапарт. Если нет, то за что он был так щедро вознагражден в непосредственном продолжении? Баррас не был артиллеристом, и это было проявление эксперта, дающего виртуозные уроки артиллерийской практики изумленному миру, который и не подозревал, что ему еще предстоит продемонстрировать ценность избранного им оружия на более широких полях сражений. На данный момент Бонапарту было удобно выступать просто как агент. В его отчетах об этом деле его собственное имя не упоминается. Очевидно, что от начала до конца он намеревался создать впечатление, что, хотя и действует заодно с якобинцами, он делает это потому, что они на данный момент представляют истину: по этой причине его нельзя отождествлять с ними.

Таким образом, "дуновением картечи" то, что волшебный историк того времени "специально назвал Французской революцией", вовсе не было "унесено в космос". Хотя царство террора не возобновилось, якобинцы все же сохранили свою власть, и Конвент продолжал жить под названием Директории. Она продолжала жить своим собственным глупым анархическим образом, пока "человек на коне" тринадцатой Вандейской не утвердился первым среди французских генералов, а якобинцы не вызвали тоску во всей Франции. Хотя события двадцать пятого октября стали кровавым триумфом Конвента, были казнены лишь несколько видных лидеров повстанцев, в том числе Лаффон; и были приняты суровые меры в отношении политического статуса вернувшихся эмигрантов. Но в

основном политика Конвента определялась неожиданным милосердием. Они закрыли залы, в которых встречались люди из мятежных приходов, и еще раз реорганизовали Национальную гвардию. Порядок был восстановлен без особых усилий. За стенами Парижа новость произвела волшебное впечатление. Артуа, впоследствии Карл X, хотя и высадился тремя днями ранее на острове Иль-Дье, теперь вновь высадился на берег и отплыл обратно в Англию, в то время как другие лидеры роялистов благоразумно сдерживали своих сторонников и не предпринимали никаких мер. Новая конституция была в короткое время предложена нации и принята подавляющим большинством; члены Конвента были уверены в своем превосходстве в новом законодательном органе; и вскоре восстание в Вандее и Бретани было подавлено настолько, что восемьдесят тысяч солдат были отправлены на службу за границу. Для руководителей его войск Конвент предусмотрел самое либеральное положение: все командиры дивизий тринадцатой Вандемской были повышены в звании. Бонапарт был назначен заместителем командующего Внутренней армией: другими словами, был утвержден в должности, которую, хотя и неофициально, он сам создал и сделал прославленной. Поскольку Баррас почти сразу ушел в отставку, это было равносильно очень высокому продвижению по службе.

Этот памятный "день секций", как его часто называют, был неосвященным днем для Франции и французской свободы. Это было первое появление армии со времен революции в качестве опоры политической власти; это было началом процесса, который превратил главнокомандующего армией в диктатора Франции. Все чисто политические силы должны были постепенно исчезнуть, чтобы освободить место военному государству. Временная тирания Конвента покоилась, по крайней мере, на согласии народа; но в самый разгар его приготовлений увековечить чисто гражданскую и политическую администрацию насилие секций вынудило его передать новые учреждения на попечение солдат. Идеализм новой конституции был очевиден с самого начала. Все шансы Директории на успех зависели не от внутренней ценности системы или ее приспособляемости к нынешним условиям, а от поддержки заинтересованных лиц у власти; среди них командующие армией были не в последнюю очередь влиятельны. После подавления секций старый Конвент продолжал заседать в стиле Первичной ассамблеи и был занят отбором тех своих членов, которые должны были быть возвращены в законодательный орган в соответствии с новой конституцией. Поскольку не было никаких условий для создания какого-либо временного правительства, осуществление реальной власти было приостановлено; выборы были всего лишь фикцией; магистратура была домом, подметенным и украшенным, готовым занять его первому встречному.

Поскольку армия, а не народ сделали возможным грядущее правление, исполнительная власть с самого начала была бы созданием армии; и поскольку в соответствии с конституционными положениями не существовало законных средств компромисса между Директорией и законодательной властью в случае конфликта, так что более сильный обязательно сокрушил бы более слабого, следовательно, вооруженная власть, поддерживающая директоров, в конце концов должна восторжествовать, и человек, который контролировал это, должен стать хозяином Директории и правителем страны. Более того, народ может быть свободным только тогда, когда первая и беспрекословная преданность каждого гражданина - не партии, а своей стране и ее конституции, причем его партийная преданность совершенно вторична. Во Франции все было далеко не так: нация была разделена на непримиримые лагеря, состоящие не из конституционных партий, а из яростных приверженцев; многие даже из умеренных республиканцев теперь открыто

выражали желание какой-либо монархии. Внешне конституция была самой свободной из всех созданных на сегодняшний день. Однако в нем были три фатальных ошибки, которые сделали его наилучшим возможным инструментом для тирана: его нельзя было менять в течение длительного периода; между враждующими законодательной и исполнительной властью не было арбитра, кроме силы; исполнительную власть теперь поддерживала армия.

Невозможно доказать, что Бонапарт понимал все это в то время. Когда он был на острове Святой Елены, он говорил так, как будто это так и было; но, к сожалению, его более поздние труды, какими бы ценными с психологической точки зрения они ни были, ничего не стоят с исторической точки зрения. Они изобилуют искажениями, которые частично происходят по прошествии времени и из-за слабости памяти, частично из-за умышленного умысла. Желая, чтобы эпизод его жизни с Робеспьером и Саличетти был забыт, он пытается в своих мемуарах создать впечатление, что Конвент приказал ему возглавить артиллерию в Тулоне, хотя на самом деле он находился в Марселе как простой прохожий по пути в Ниццу, а в Тулоне - как временное дополнение к армии Карто, став активным участником частично по случайности, частично по доброй воле личных друзей. Точно так же он придумал басню о "дне секций", чтобы не создавалось впечатления, что он строил козни для себя в советах Конвента, и чтобы доля Барраса в его возвышении была предана забвению. Эта история о Наполеоне дошла до нас в трех стадиях своего развития от стольких же разных переписчиков, которые слышали ее в разное время. Последнее, приведенное Лас Кейсом, было исправлено собственноручно Наполеоном.^[54] Это звучит следующим образом: В ночь на третье октября он был в театре, но, услышав, что Мену фактически отступил перед палатами и должен быть арестован, он вышел и отправился на заседание Конвента, где, стоя среди зрителей, услышал, как его собственное имя упоминалось в качестве преемника Мену. В течение получаса он обдумывал, что ему следует делать, если его выберут. В случае поражения его будут ненавидеть все последующие поколения, в то время как победа будет почти отвратительной. Как он мог намеренно стать козлом отпущения за стольких преступлений, к которым он был совершенно незнаком? Зачем выступать в роли признанного якобинца и за несколько часов пополнять список имен, произносимых с ужасом? "С другой стороны, если Конвент будет разгромлен, что станет с великими истинами нашей Революции? Наши многочисленные победы, наша так часто проливаемая кровь - все это не что иное, как позорные деяния. Иностранец, которого мы так основательно покорили, торжествует и ошеломляет нас своим презрением; неспособная раса, властные и неестественные последователи вновь появляются с триумфом, сваливают на нас наше преступление, вершат свою месть и управляют нами, как илотами, рукой чужака. Таким образом, поражение Конвента увенчало бы чело иностранца и запечатлело бы позор и рабство нашей родной земли". Такие мысли, его молодость, вера в собственные силы и в свою судьбу перевернули чашу весов.

Заявления, сделанные при таких обстоятельствах, не являются доказательством; но в них есть такая большая вероятность истины, что если мы представим старого Бонапарта в немилости, по—прежнему следующего побуждениям своего любопытства, по—прежнему безразличного к успеху любого из принципов, и инстинктивно солдата, как в былые времена, - если мы вспомним его в этом образе и вспомним, что он больше не юный корсиканский патриот, а зрелый космополит, снedaемый личными амбициями, - мы можем с уверенностью заключить, что он был совершенно беспристрастен по отношению к вовлеченным сторонам, склонялся к поддержке о принципах Революции, как он их понимал, и видел в сложностях этого часа вероятную возможность для своих амбиций. Во всяком

случае, его поведение после четвертого октября, по-видимому, подтверждает эту точку зрения. Он изменился, стал пылким, полным надежд и неудержимым, каким был всегда, когда ему везло; но теперь, кроме того, стал смелым, властным и самоуверенным до такой степени, какой эти характерные качества никогда не достигали раньше.

Его первой заботой было поставить на боеспособную основу Внутреннюю армию, разбросанную по многим департаментам, недисциплинированную и дезорганизованную; следующей - привести в повиновение все низшие элементы Парижа, все еще голодные и свирепые, путем реорганизации Национальной гвардии и формирования отборного отряда для особой защиты законодательного собрания; следующей - показать себя могущественным другом каждого, кто в немилости, светским человеком без злобы или преувеличенного пристрастия. В то же время он погрузился в спекуляции и посылал невероятно крупные суммы различным членам своей семьи, причем в его письмах упоминался один перевод в размере четырехсот тысяч франков. Люсьен был возвращен в объятия своей низкородной, но верной и любимой жены и отправлен к матери и сестрам в Марсель; Людовика привезли из Шалона и произвели в лейтенанты; Жерома отправили в школу в Париже; а Жозефу была обеспечена консульская должность. Отбросив всякую застенчивость, генерал Буонапарте стал полноценным светским человеком и кавалером. Ни один социальный ранг теперь не был ему чужд; остатки старой аристократии, богатые граждане Парижа, вернувшиеся жирондисты, многие из которых стали убежденными роялистами, новые депутаты, офицеры, которые в какой-то момент, как и он сам, потеряли свои должности, но теперь, благодаря его благосклонности, были восстановлены в должности, - всех их он старался обхаживать, льстить и сделать своими.

Такая деятельность, конечно, не могла пройти незамеченной. Новое правительство было сформировано без помех, Директория выбрана, законодательный орган сформирован. Из пяти директоров — Барраса, Ребелла, Карно, Летурно де Ламанш и Ларевельер-Лепо — все голосовали за смерть Людовика XVI и были так называемыми цареубийцами; но, хотя они сильно различались по характеру и способностям, все они, за исключением Барраса, были верны своим убеждениям. Они едва ли понимали, насколько сильным было отвращение к народным чувствам, и, совершенно игнорируя невозможность согласованных действий между собой, надеялись использовать свою власть с такой умеренностью, чтобы склонить все классы на сторону новой конституции. Они были чрезвычайно встревожены поведением генерала, командующего их армией, стремившегося к сближению с людьми всех взглядов, но не желали правильно интерпретировать это. Согласно Конвенции, Армия внутренних дел была инструментом, а ее командующий - всего лишь марионеткой; теперь исполнительная власть столкнулась с независимостью, которая угрожала сменой ролей. Эта ситуация была тем более тревожной, что Буонапарте был способным и не противным полицейским. Среди многих других неоценимых услуг правительству он лично закрыл великий клуб Пантеона, который был местом сбора недовольных.^[55] В течение еще одной голодной зимы не было зафиксировано ни одной опасной вспышки. В то же время в низших кругах часто наблюдались проявления ревности, особенно среди тех, кто знал происхождение и карьеру своего молодого хозяина.

К концу года осанка и поведение генерала стали скованными, сдержанными и неуклюжими. Для такого поведения были названы различные причины. Многие думали, что это из-за сознания социальной неполноценности, и его недоброжелатели до сих пор заявляют, что парижская жизнь была слишком суровой даже для его уверенности в себе, указывая на изменение его почерка и грамматики, на его попеременное молчание и болтливость как доказательство душевного беспокойства; на его угрюмые размышления и грубые угрозы как на театральное притворство, скрывающее уязвленную гордость; и на его предстоящую женитьбу как на отчаянный шаг по обеспечению себе общественного достоинства, пропорционального карьере, которую он видел открывающейся перед ним в политике и на войне. У обычного человека, не подвергнутого микроскопическому исследованию, такое поведение было бы объяснено тем, что он влюблен; свадьба обычно рассматривалась бы как естественное и прекрасное следствие сильной страсти.

Люди не забыли, что Бонапарт однажды осудил любовь как пагубную страсть, от которой Бог должен защищать свои создания; и по этой, среди прочих причин, они объявили его неспособным к бескорыстной привязанности. Но верно и то, что он также осудил Буттафуоко за то, что тот, помимо других совершенных им преступлений, "женится, чтобы расширить свое влияние"; и мы вынуждены спросить, какое из двух чувств является подлинным и характерным. Возможно, и то, и другое, и ни то, ни другое, в зависимости от настроения мужчины. Внешний каприз у великих натур часто является маской внутреннего упорства, особенно среди беспринципных, которые приспособливают свой язык к своим нынешним целям, презирая банальную последовательность. Первобытный корсиканец был одновременно груб и нежен, в одно время легко доводился до слез, в другое - бесчувствен; в одно время был эгоистичен, в другое - расточителен; и все же у него был последовательный характер. Хотя в дальнейшей жизни Наполеону не нравилось, когда его называли корсиканцем, он, тем не менее, был типичным представителем своей расы: он мог презирать любовь и в то же время добровольно становиться ее рабом; он был жестоким и диктаторским, но, как сказал нынешний объект его страсти, "нежнее и слабее, чем кто-либо мог мечтать".[\[56\]](#)

Так было и с его ухаживаниями: в них были элементы романтической, самозабвенной страсти, но также и пронизательного, расчетливого эгоизма. В неопытной юности его отношения к другому полу были либо детскими, либо болезненными, либо аморальными. В раннем взрослении он производил впечатление человека, который жаждал воспитания, а не галантности. Как якобинец, он искал такой поддержки, какую мог найти в доброй воле женщин, связанных родственными узами с мужчинами, стоящими у власти; как французский патриот, он прилагал напряженные усилия, чтобы обеспечить влиятельный союз посредством брака. Похоже, он обратился к мадам Пермон. Состояние которой, несмотря на ее преклонный возраст, было бы большим облегчением для его нищеты. Отвергнутый ею, он пребывал в расстроенном и отчаянном эмоциональном состоянии, пока военный и политический успех не придал ему достаточной уверенности в себе, чтобы попробовать еще раз. Твердо стоя на лестнице честолюбия, он не был равнодушен к обеспечению социальной опоры для дальнейшего восхождения, но, тем не менее, пребывал в таком смятении чувств, что делало его особенно восприимчивым к настоящей страсти. Он добивался руки богатой и красивой Дезире Клари; [\[57\]](#) первое свидетельство в его переписке о серьезном намерении жениться на ней содержится в письме Джозефу от восемнадцатого июня 1795 года; и в течение нескольких недель после этого он писал время от времени с некоторым нетерпением, как будто она была застенчивой. В качестве объяснения

утверждается, что Наполеон, посетивший ее задолго до этого по просьбе Жозефа, который тогда был в нее влюблен, сам заинтересовался ею и, убедив своего брата жениться на ее сестре, заключил с ней соглашение, которое было равносильно помолвке. Время и расстояние охладил его пыл. Теперь он фактически бросил ее ради мадам. Богарне, которая ослепляла и сводила с ума его. Это утверждение, вероятно, основано на фактах, но нет никаких доказательств, достаточных для обоснования обвинения в явной недобросовестности со стороны Наполеона. Ни он, ни мадемуазель Дж. Клэри, по-видимому, была пылкой, когда Жозеф в качестве посредника начал, согласно французскому обычаю, устраивать предварительные брачные церемонии; и когда генерал Бонапарт безумно влюбился в мадам. Богарне, дело было закрыто. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXIV.

БРАК СКЛОННОСТЕЙ И ИНТЕРЕСОВ [\[58\]](#).

Ташер и Богарне — Казнь Александра Богарне — Приключения его вдовы — Встреча Наполеона и Жозефины — Неуверенность последней — Ее характер и положение — Страсть и удобство — Приданое невесты — Жизненная философия Бонапарта — Лестница к славе.

1796.

В 1779 году, когда мальчишки в Бриенне все еще мучили маленького неукротимого корсиканского дворянина и гнали его в свой сад Форталис искать уединения от их насмешек в обществе его Плутарха, в Париж с Мартиники прибыл преуспевающий плантатор этого острова, французский дворянин из хорошей семьи, месье Ташер де ла Пажери, во второй раз привезший в этот город свою дочь Жозефину. Тогда ей было шестнадцать лет, без красоты и образования, но вполне повзрослевшая, с быстрым креольским умом и грациозной гибкостью фигуры, которые делали ее самой привлекательной женщиной. Годы своей жизни, с десяти до четырнадцати, она провела в монастыре Порт-Ройяла. Прожив этот период на своем родном острове, она собиралась выйти замуж, о чем договорились ее родственники во Франции. Ее женихом был младший сын друга семьи, маркиза де Богарне. Невеста вышла замуж двадцатого октября, а церемония состоялась тринадцатого декабря. Молодой виконт привез свою жену домой, в подходящее заведение в столице. У них родились двое детей — Эжен и Гортензия; но еще до рождения последней муж поссорился со своей женой по причинам, которые так и остались неизвестными. Суд разрешил раздельное проживание с выплатой алиментов мадам де Богарне, которая несколько лет спустя переехала в дом своего отца на Мартинике. Ее муж отплыл в Америку с войсками Буйе и оставался там до начала революции, когда вернулся и был избран депутатом Генеральных штатов.

Став ярким республиканцем, он несколько раз был президентом Национального собрания, и его дом был важным центром влияния. В 1790 году М. Ташер умер, и его дочь вместе со своими детьми вернулась во Францию. Вероятно, это было сделано по просьбе ее мужа, поскольку она сразу же присоединилась к нему в его загородном поместье, где они

продолжали жить как "брат и сестра", пока гражданин Богарне не был назначен командующим Рейнской армией. По мере приближения дней Террора каждый человек благородной крови все больше и больше подвергался опасности. Наконец настал черед Богарне; он тоже был выдан Коммуне и заключен в тюрьму. Вскоре его жена оказалась за той же решеткой. Их дети находились на попечении тети, мадам Эгле, которая была и должна была снова стать выдающейся женщиной в обществе, но временно обратилась за защитой к старому знакомому, бывшему аббату, ставшему членом Коммуны. Доблестный молодой генерал не был одним из четырех оправданных из сорока девяти человек, среди которых он в конце концов был вызван в коллегия адвокатов революционного трибунала. Он умер двадцать третьего июня 1794 года, верный своим убеждениям, признавшись в своем прощальном письме жене в братской привязанности к ней и торжественно передав на ее попечение свое доброе имя, которое она должна была восстановить, доказав его преданность Франции. Дети должны были стать ее утешением; они должны были стереть позор его наказания практикой добродетели и — цивилизованности!

За время своего пребывания в тюрьме мадам. Богарне приобрела очень полезного друга. Это был товарищ по несчастью с таким же характером, но гораздо более одаренный, чья девичья фамилия была Кабаррюс, которая позже стала мадам де Фонтенэ, которая впоследствии развелась и, выйдя замуж за Тальена, депутата Конвента в Бордо, прославилась как его жена, и которая, разведшись во второй раз и женившись в третий раз, умерла как принцесса де Шиме. Девятое Термидора спасло их обоих от гильотины. В последующие дни у них было множество возможностей проявить свои легкие, но умные натуры. Мме. Богарне, как и ее подруга, расправила крылья, как бабочка, вырвавшись из-за прутьев своей камеры. Будучи креолкой и рано повзрослев, ее физическое очарование уже увядало. Ее дух тоже достиг своего зенита и миновал его, поскольку в своих письмах того времени она описывает себя как вялую. Тем не менее, в самих этих письмах есть некоторая жизнерадостность и значительная одаренность определенного рода. Через несколько недель после освобождения она отдала Эжена и Гортензию в ученики обойщику и портнихе соответственно, [\[59\]](#) она была в отношениях с Баррасом настолько близких, что их считали подозрительными, в то время как ее ежедневные сношения были с теми, кто довел ее мужа до ужасного конца. В роскошном и распущенном обществе она была успешной интриганкой как в вопросах политики, так и в удовольствиях; сведущая в искусстве кокетства и наряда, она стала для нуждающихся и амбициозных успешным посредником с властью имущими. Предпочитая, как она довольно демонстративно заявляла, руководствоваться чужой волей, она мало думала о своих детях или о печальном наследии доброго имени своего мужа. Она подражала, по крайней мере внешне, беспринципной светскости окружающих, хотя друзья считали ее добросердечной и добродетельной. Какова бы ни была ее истинная натура, она пользовалась влиянием среди выдающихся людей того веселого круга, который подражал придворным кругам старины, и влиянием, которое стало не совсем по душе безнравственному провансальскому дворянину, развлекавшему и поддерживавшему легкомысленный кружок. Возможно, экстравагантность томной креолки была для Баррас такой же невыносимой, какой впоследствии стала для ее второго мужа.

Встреча Наполеона и Жозефины была событием первостепенной важности. [\[60\]](#) В его собственном отчете дважды упоминается, что красивый и заплаканный мальчик явился вскоре после разоружения секций к коменданту города и попросил меч своего отца. Просьба была удовлетворена, и на следующий день мать мальчика, мадам. Богарне, пришли, чтобы поблагодарить генерала за его просьба закона о реституции. Очарованный ее грацией,

Бонапарт отныне был ее рабом. Холодный критик должен помнить, что, во-первых, после событий пятого октября никого не разоружали, единственным действием Конвента, которое можно было бы даже истолковать как враждебность, был указ, лишающий эмигрантов права избираться в законодательный орган в соответствии с новой конституцией; что, во-вторых, эта история приписывает судьбе то, что на самом деле было связано с дружбой Барраса, факт, который его бенефициар предпочел бы забыть или скрыть; и, наконец, что бенефициар оставил другой отчет, в котором он признался, что впервые встретил свою жену в доме Барраса, что подтверждается Люсьеном в письме. его мемуары. В страсти нет никаких сомнений; это была сложная эмоция, состоящая частично из сантиментов, частично из личных интересов. Те, кто родился в грубых и простых условиях жизни, часто ослеплены очаровательным этикетом и таинственными формами искусственного общества. Наполеон никогда не делал вид, что родился в этой манере, и никогда не притворялся, что перенял ее строгий самоконтроль, потому что не мог; хотя после зимы 1795 года он часто проявлял слабое и преувеличенное уважение к общественным условностям. Дело было не в том, что ему нужно было напускать на себя ложный и поверхностный лоск или что он особенно заботился о том, чтобы показать свое равенство с теми, кто привык к приличному обществу; но, вероятно, он считал великолепную демонстрацию и многозначительную официальность той древней знати, которая с самого начала так жестоко пренебрегла им, лучшей из возможных опор для трона.

Люсьен с интересом наблюдал за происходящим и подумал, что в течение всей зимы за его братом скорее ухаживали, чем он был поклонником. В своих мемуарах он наивно задается вопросом, что бы Наполеон делал в Азии — либо на индийской службе Англии, либо против нее в России, поскольку в ранней юности он тоже думал об этом, — фактически, что бы он вообще делал без защиты женщин, в которую он так твердо верил, если бы он, подобно Магомету, не нашел каиджу по крайней мере на десять лет старше себя, благосклонность которой открыла ему блестящую карьеру. В различных документах того времени и в самих обстоятельствах также есть намеки на то, что Баррас был искусным сводником. В письме, приписываемом Джозефине, но без адреса, факты, кажется, проливают яркий свет. Она просит совета у подруги по вопросу о браке. После шутливой представления своего поклонника как стремящегося стать отцом детям Александра де Богарне и мужа его вдовы, она в шутливой, но безжалостной манере описывает свой собственный характер и заявляет, что, хотя она не любит Бонапарта, она не испытывает отвращения. Но может ли она удовлетворить его желания? "Я восхищаюсь мужеством генерала; обширностью его информации обо всех видах вещей, о которых он говорит одинаково хорошо; быстротой его ума, которая позволяет ему улавливать мысль другого человека еще до того, как она будет высказана; но, признаюсь, я боюсь власти, которой он, кажется, стремится обладать над всеми окружающими. В его пронзительном внимании есть что-то странное и необъяснимое, что приводит в трепет даже наших режиссеров; тогда подумайте, как это пугает женщину". [\[61\]](#) Писательницу также приводит в ужас сам пыл страсти ее поклонника. После своей первой молодости, как она может надеяться сохранить для себя ту "неистовую нежность", которая почти безумна? Не перестанет ли он вскоре любить ее и не пожалеет ли о браке? Если так, то ее единственным ресурсом были бы слезы — действительно, жалкие, но все же единственные. "Баррас заявляет, что, если я выйду замуж за генерала, он обеспечит ему верховное командование армией Италии. Вчера Бонапарте, говоря об этой милости, которая, хотя еще и не оказана, уже вызвала ропот его коллег по оружию, сказал: "Неужели они думают, что я нуждаюсь в защите, чтобы добиться успеха? Когда-нибудь они будут только рады, если я отдам им свой. Мой меч у меня на поясе,

и с ним я далеко пойду."Что вы думаете об этой уверенности в успехе? Разве это не доказательство уверенности, проистекающей из чрезмерной самооценки? Бригадный генерал, защищающий глав правительств! Я не знаю; но иногда эта нелепая самонадеянность доводит меня до того, что я начинаю верить во все возможное, что этот странный человек хотел бы, чтобы я сделал; а с его воображением кто может предугадать, что он предпримет?" Это письмо, хотя его часто цитируют, настолько примечательно, что, как некоторые думают, оно может быть более поздним изобретением. Если она была написана позже, то, вероятно, была изобретением самой Джозефины. [\[62\]](#)

Божество, способное пробудить такой пыл в Наполеоне, на самом деле было на шесть лет старше своего поклонника, и Люсьен доказывает своим преувеличением на четыре года, что она определенно выглядела старше своего реального возраста. У нее не было состояния, хотя с помощью уловок, которыми могла бы воспользоваться умная женщина, она заставила Бонапарта думать, что находится в достатке. У нее не было социального положения, потому что ее гостиную, хотя и посещали мужчины с древним именем и высоким положением, не украшало присутствие их жен. Сам дом, который она занимала, имел сомнительную репутацию, поскольку был подарен жене актера Тальма одним из ее любовников и был одолжен мадам Богарне из Барраса. Богарне. У нее были тонкие каштановые волосы, цвет лица ни в свежем, ни блеклые, выразительные глаза, маленький *retroussé* нос, красивый рот, и голос, который очаровал всех слушателей. Она была довольно низкорослой, но ее фигура была настолько идеально сложена, что создавала впечатление высокого роста и гибкости. Ее прелести едва скрывала одежда, которую она носила, сшитая по вызывающей моде того времени, без какой-либо поддержки фигуры, кроме пояса, и такая же узкая на плечах, как и на стройных ногах. По-видимому, именно ее элегантность и манеры, а также ее чувственность покорили Бонапарта, поскольку он описал ее как обладательницу "спокойного и достойного поведения, присущего старому режиму".

Какие мотивы могли объединиться, чтобы преодолеть ее угрызения совести, мы не можем сказать; возможно, любовь к приключениям, возможно, пробудившееся стремление к успеху в других областях, кроме той, от которой преклонные годы вскоре вынудили бы ее отказаться. Она знала, что у Бонапарта не было никакого состояния, но она также знала, опираясь на высочайший авторитет, что и благосклонность, и богатство с ее помощью вскоре достанутся ему. Как бы то ни было, его иск быстро продвинулся вперед, и к концу января 1796 года он был обеспечен своим призом. Его любовные письма, судя по одному из сохранившихся, были такими же пламенными, как и депеши, которыми он вскоре начал наэлектризовывать своих солдат и всю Францию. "Я просыпаюсь, переполненный тобою, - писал он. - Твой портрет и опьяняющее очарование прошлой евы не дают моим чувствам покоя. Милая и несравненная Джозефина, как странно ты влияешь на мое сердце! Ты сердись, я вижу, что ты печален, тебе не по себе ... Моя душа тронута горем, и нет покоя твоему другу; но есть ли что-то большее, когда, уступая всепоглощающему желанию, я вырываю из твоих губ, из твоего сердца пламя, которое поглощает меня? Ах, в ту же ночь я понял, что твой портрет - это не ты! Ты уходишь в полдень; еще три часа, и я увижу тебя снова. А пока, *моя сладкая любовь*, тысячу поцелуев; но не дари мне ни одного, потому что они воспаляют меня всю". Какая неподдельная и безрассудная страсть! "Ты" и "ты" могут быть странно перепутаны; грамматика может быть запутанной и плохой; язык может быть даже несколько неделикатным, как это звучит в других отрывках, отличных от приведенных: но смысл был бы достаточно сильным для самой взыскательной женщины.

Девятого февраля 1796 года было объявлено их оглашение; второго марта жених получил приданое своей невесты по собственному назначению, по ходатайству Карно, а не Барраса, в качестве главнокомандующего итальянской армией, все еще под именем Буонапарте; [\[63\]](#) седьмого числа ему вручили его звание; девятого числа гражданский судья провел церемонию бракосочетания; а одиннадцатого муж приступил к исполнению своих обязанностей. для своего поста. В свидетельстве о браке в Париже жених указывает свой возраст как двадцать восемь лет, но на самом деле ему еще не исполнилось двадцати семи; невеста, которой было тридцать три, указывает, что ей не исполнилось и двадцати девяти. Ее имя пишется как Деташер, его Бонапарт. Новое рождение, новое крещение, новая карьера, новый старт в новой сфере, Корсика забыта, якобинство отвергнуто, генерал и мадам. Бонапарт поклонились миру. Церемония не привлекла внимания общественности и была крайне бесцеремонной, на ней не присутствовал ни один член семьи ни с той, ни с другой стороны. Мадам Мама, на самом деле, была очень разгневана и предсказала, что при такой разнице в возрасте их союз будет бесплодным.

Было одно странное предзнаменование, которое при правильном прочтении отличает это обычное явление. На обручальном кольце были два слова — "Судьбе". Слова были зловещими, поскольку свидетельствовали о политике, давно сформированной и впоследствии никогда не скрывавшейся, которая была притворством, чтобы обмануть Жозефину, а также весь остальной мир: даритель собирался взять на себя новую роль — "человека судьбы", — чтобы какое-то время воздействовать на воображение и суеверия своего века. Иногда он забывал о своей роли и показывал проницательного, расчетливого, трудолюбивого человека под маской, который был не столько фаталистом, сколько олицетворением судьбы, не столько дитем фортуны, сколько ее создателем. "Великие события, - писал он вскоре из Италии, - всегда зависят лишь от одного волоска. Ловкий человек извлекает выгоду из всего, не пренебрегает ничем, что может увеличить его шансы; менее ловкий, иногда пренебрегая единственным шансом, терпит неудачу во всем ". Вот и вся философия жизни Бонапарта. Возможно, временами он был искривлен в другой профессии; если так, то это потому, что он не мог найти другого выражения тому, что в его натуре соответствовало романтичности в других.

Генерал и его адъютант прибыли в Марсель в положенное время. С ними были Мармон, Жюно, Мюрат, Бертье и Дюрок. Двое последних пока достигли немногого: Бертье было сорок три, Дюроку - всего двадцать три. Обоим было суждено сблизиться с Наполеоном и сделать известную карьеру. Хорошие новости об успехах Наполеона задолго до них, дом Бонапартов стал прибежищем многих лучших и наиболее амбициозных людей южной страны. Элизе было сейчас двадцать, и, хотя она была очень востребована, она явно отдавала предпочтение Паскуале Баччокки, бедному молодому корсиканцу, за которого впоследствии вышла замуж. Шестнадцатилетняя Полин, необычайная красавица, была увлечена серьезным флиртом с Фрероном, который, не будучи избранным в Пятсот, был назначен на прибыльную, но не слишком влиятельную должность в большом провинциальном городе — комиссара департамента. Каролина, младшая сестра, подавала большие надежды, даже чем Полин. Наполеон остановился на несколько дней под крышей своей матери, чтобы уладить эти брачные процедуры так, как он считал наиболее выгодным. Двадцать второго марта он прибыл в штаб-квартиру Итальянской армии. Командование было принято с простым и подобающим случаю церемониалом. Короткая депеша Директории, извещающая об этом знаменательном событии, была подписана "Бонапарт". Корсиканский дворянин ди Бонапарт теперь полностью превратился во

французского генерала Бонапарта. Процесс был долгим и трудным: лояльный корсиканец; наемный космополит, готовый как опытный артиллерийский офицер служить в любой стране и под любым знаменем; наконец, француз, либерал и революционер. До сих пор он был последователен в каждом характере; на долгие годы он оставался неизменным искренним французским патриотом, всегда, конечно, ориентируясь на главный шанс. По мере развития событий трансформация началась снова; и "ловкий" человек, пользуясь каждым шансом, снова стал космополитом — на этот раз не как солдат, а как государственный деятель; не как слуга, но как *универсальный император*, слишком большой для одной страны, решивший еще раз воссоединить весь западный христианский мир и, подобно великому немцу Карлу тысячу лет назад, сделать имперские границы совпадающими с границами ортодоксального христианства. Однако могущество этой империи должно было опираться на латинянина, а не на тевтона; не на Германию, а на Францию. Его великолепию суждено было воплотиться не в Ахене и не в Вечном городе, а в Париже; и его предназначением было привести не к христианскому тысячелетию во славу Бога, а к научному равновесию социальных состояний во славу династии Наполеона, постоянному, поскольку приносящему всеобщее благо. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXV.

ЕВРОПА И СПРАВОЧНИК [\[64\]](#).

Первая коалиция — Англия и Австрия — Армии Республики — Казна Республики — Необходимое рвение — Директория — Ее члены — Аббат Сийес — Карно как образцовый гражданин — Его способности военного организатора — Его Личный характер — Его политика — Франция в начале 1796 года — Планы Директории — Их наследие.

1796.

Великая европейская коалиция против Франции, сформированная в 1792 году, имела мало центристремительной силы. В 1795 году Пруссия, Испания и Тоскана отступили по причинам, уже указанным в другой связи, и заключили мир на условиях, настолько выгодных, насколько они могли обеспечить. Голландия была завоевана Францией зимой 1794-95 годов, и по сей день иллюстрированные школьные учебники напоминают каждому ребенку Французской Республики полубезызвестную историю о том, как голландский флот был захвачен французскими гусарами. Жестокий холод надолго запомнился как феноменальный, а замерзшие гавани делали сопротивление флота невозможным, в то время как кавалерия в безопасности передвигалась по толстому льду. Батавская республика, как теперь называлось Голландское содружество, на самом деле была уделом Франции.

Но Англия и Австрия, хотя и покинутые своими сильнейшими союзниками, все еще оставались грозными врагами. Политика первого заключалась, с одной стороны, в господстве на морях и разрушении торговли Франции, с другой - в разжигании беспорядков в самой стране путем субсидирования роялистов. В обоих планах она преуспела: ее флоты

были вездесущи, восстания Шуанов и Вандеи были постоянными, а аристократы-эмигранты угрожали всем границам. Австрия, с другой стороны, когда-то подверглась жестокому разгрому. С тех пор как Фридрих Великий отвоевал у нее Силезию и тем самым включил протестантскую Пруссию в число великих держав, она чувствовала, что баланс сил нарушен, и повсюду искала какие-нибудь территориальные приобретения, чтобы восстановить свое значение. Нынешний император Франциск II и его ловкий министр Тугут были одинаково упрямы в своей решимости извлечь что-то стоящее из бурлящего котла до того, как погаснет пламя войны. Они думали о Баварии, о Польше, о Турции и об Италии; особенно в последней стране казалось, что для Венеции наступил срок жизни и что после ее неминуемой кончины ее прекрасные владения на материке полностью заменят Силезию. Россия видела свою выгоду в ослаблении Турции или центральноевропейских держав и стала молчаливым союзником Австрии в этой политике.

Великие армии французской республики были созданы Карно с помощью его способного лейтенанта Дюбуа де Крансе; они были организованы и направлялись без посторонней помощи гения первой. Будучи первыми национальными армиями, которые знала Европа, они, как никто другой, были воодушевлены той формой патриотизма, которая основывается не просто на животном инстинкте, но на принципе. Они с радостным рвением боролись за утверждение и расширение прав человека. В течение двух лет от Вальми до Флерюса (1792-94) они вели священную войну. Но победа изменила их качество и отношение. Французский народ слишком часто разочаровывался в своих гражданских правителях; армия заменила конституцию после 1796 года. Сознывая свою силу и себя как вооруженную нацию, офицеры и солдаты все больше сближались ради взаимной выгоды, не только политической, но и материальной. Гражданское правительство должно было иметь деньги, только армия могла распоряжаться деньгами, и вся военная организация брала на себя полную ответственность. Некоторые офицеры уже упивались богатством и великолепием, все больше желали последовать их примеру, рядовые жаждали хотя бы приличного снаряжения и немного карманных денег. Пока еще проклятие грабежа не было синонимом завоевания, пока еще свободный и великодушный пыл юности и воинские традиции проявляли свою силу, пока еще самопожертвование до предела выносливости было добродетелью, пока еще язва похоти и разврата не разрушила лагерную жизнь. Освобожденный от уз формальности и простых договорных отношений с начальством, мужественность проявлял себя в сложных расспросах о мотивах и планах офицеров, обсуждении того, что было сделано и что должно было быть сделано, прежде всего в резкой критике правительства и его планов. Они были настолько постоянно вводящими в заблуждение и лицемерными, что юрист-политик, игравший такую роль в Париже, казался солдатам презренным, а "мошенник-юрист" был почти синонимом для военного сознания должностного лица и гражданского правителя. В ходе событий патриотизм армии выдвинул на первый план концепцию Руссо о естественных границах. Во всей стране существовало только одно мнение относительно ее границ, а именно: что Ницца, Савойя и западный берег Рейна по своей природе являются частью Франции. Относительно того, что было за пределами, мнения разделились: одни считали, что они должны продолжать борьбу, чтобы навязать свою собственную систему везде, где это возможно, в то время как другие, как было объяснено ранее, были либо безразличны, либо утверждали, что нация должна сражаться только за свои естественные границы. В поддержку последнего настроения выступало общее стремление к миру, которое постепенно охватывало всю страну.

Из коллекции У. К. Крейна. Гравировка Г. Физингера.

Buonaparte.

Нарисовано С. Гереном.

Передано на хранение в Национальную библиотеку
29 - го вандемьера 7 - го года Французской Республики

Ни один народ никогда не шел на такие жертвы во имя свободы, на какие пошли французы. В течение многих лет голода они голодали с мрачной решимостью, и худоба их расы была притчей во языцех более чем для поколения. Более столетия они были жертвами системы, отвратительной как для их интеллекта, так и для их характера, — системы абсолютизма, которая существовала за счет иностранных войн и успешных апелляций к национальному тщеславию. Теперь, наконец, они, по всей видимости, были истощены, их казна обанкротилась, их бумажные деньги ничего не стоили, их сельское хозяйство и промышленность были парализованы, их внешняя торговля разорена; но они лелеяли иллюзию, что их свободы в безопасности. Их солдат плохо кормили, плохо вооружали и плохо одевали; но они были свободными людьми при такой дисциплине, какая возможна только среди свободных людей. Почему бы их успеху в мирном искусстве не быть столь же великим, как в славных и успешных войнах, которые они вели? Следовательно, и в стране, и в правительстве, как и в армии, была значительная и постоянно растущая партия, которая требовала всеобщего мира, но только с соблюдением "естественной" границы, и небольшая партия, которая считала мир обязательным, даже если нация будет ограничена своими старыми границами.

Но такая разумная и умеренная политика была невозможна по двум причинам. Вследствие тринадцатого Вандемского дня радикальная партия все еще выживала и контролировала правительственный аппарат; и, несмотря на кажущееся превосходство умеренных идей, роялисты по-прежнему были непримиримы. В частности, это был религиозный вопрос, который сам по себе подразумевал политическую, социальную и

экономическую революцию, которую люди, подобные тем, кто заседал в Директории, отказывались понимать, потому что предпочитали рассматривать ее на основе чистой теории. [\[65\]](#) Великий западный округ Франции был римским, роялистским и сельскохозяйственным. В их жизни и вере было единство настолько полное, что любое нарушение равновесия порождало безумие и хаос, ожесточенную борьбу за саму жизнь. Для Гоша было открытием, что для умирения Вандеи грубой силой было совершенно недостаточно. Крестьянство было нищим и диким, но непоколебимым. Хотя он применял силу к знати, чужеземцам и безумцам, его победа была в основном моральной, потому что он вернул людям их поля и их церковь, их институты, несколько видоизмененные и улучшенные, но все еще старые. Ни один человек менее гигантского морального роста не осмелился бы таким образом бросить вызов мелкому атеистическому фанатизму Директории. Франция обеспечила просвещенное законодательство, которое не соблюдалось, религиозную свободу, которую нельзя было практиковать из-за недоброжелательности правительства, гражданскую свободу, которая была всего лишь притворством из-за внутреннего насилия, политическую свободу, которая была химерой перед враждебно настроенными иностранцами. Поэтому администрации казалось, что одно зло должно излечивать другое. Внутренние беспорядки, как они наивно полагали, можно было держать под некоторым контролем только с помощью агрессивной внешней политики, которая должна была ввести повстанческие элементы в заблуждение относительно ресурсов правительства. До сих пор, всеми правдами и неправдами, армии, насколько они вообще были одеты, им платили жалованье и кормили, кормила, оплачивала и одевала администрация в Париже. Если бы армии все еще маршировали и сражались, нация была бы впечатлена силой Директории.

Справочник ни в коем случае не был однородным органом. Сомнительно, был ли Баррас искренним республиканцем или искренен в чем-либо, кроме своего стремления удержаться на плаву по течению времени. Многие полагали, что он надеялся на восстановление монархии через отвращение нации к таким невыносимым беспорядкам, которые вскоре стали ассоциироваться у них с названием республики. Его дружба с генералом Бонапартом была неоднозначной величиной; поскольку, хотя он, несомненно, хотел обеспечить государству в случае любого будущего кризиса поддержку столь способного человека, он в то же время использовал его как своего рода общественного козла отпущения. Его собственная сила заключалась в нескольких фактах: он был последователем Дантона; он был офицером и по этой причине был назначен главнокомандующим против парижских секций; он был достаточно проницателен, чтобы выбрать Бонапарта своим агентом, так что пользовался престижем успеха Бонапарта; и в новом столичном обществе он был великолепен, экстравагантен и распушен, единственный представитель в Директории вновь пробудившейся страсти к жизни и удовольствиям, его коллеги были строгими, ненавязчивыми и экономными демократами.

Главной опорой Барраса в правительстве был Ребелл, энергичный эльзасец и грубоватый демократ, с энтузиазмом относившийся к Революции и ее распространению. Сам он не был французом, но в душе был немцем и считал, что немецкие земли — Голландию, Швейцарию, саму Германию — следует привлечь к великому движению. Как и Баррас, которому нужен был беспорядок для его орлеанистских планов и пополнения его щедрого кошелька, Ребелл презирал новую конституцию, но по другой причине. Ему это показалось надуманным теоретическим документом, настолько разделяющим осуществление власти, что могло полностью уничтожить ее. Его роль была связана с миром финансов, и его всегда

подозревали, хотя и несправедливо, в нечестивых союзах с армейскими подрядчиками и биржевыми спекулянтами. Ларевельер был еще одним доктринером, но, по сравнению с Ребеллом, фанатиком. Он был жирондистом, добропорядочным гражданином и принимал активное участие в формировании новой конституции; но ему не хватало практического здравого смысла, и он ненавидел Церковь с такой же узкой горечью, как самый злопамятный современный агностик, стремясь, однако, не просто уничтожить ее, но, подобно Робеспьеру, заменить ее культом разума и человечности. Четвертый член Директории, Летурнер, был простым солдатом, офицером инженерных войск. Обладая большим здравым смыслом и твердой головой, он тоже был искренним республиканцем; но он был терпимым, умеренным, добрым человеком, как и его друг Карно, с которым по прошествии времени и по мере того, как в Директории постепенно развивался непримиримый раскол, он всегда голосовал в меньшинстве из двух человек против трех других.

Сначала членом исполнительной власти был избран печально известный аббат Сийес. Он был глубоким и смуглым, как Бонапарт, которому позже оказал ценные услуги. Его всегдашнее знаменитый памфлет, который в 1789 году триумфально доказал, что Третье сословие - это ни много ни мало французская нация, заставил многих считать его радикалом. Шли годы, он стал оракулом своего времени и как таковой приобрел огромное влияние даже в дни Террора, который он был бессилен предотвратить и на который смотрел с ужасом и отвращением. Какими бы ни были его первоначальные идеи, он, по-видимому, в течение некоторого времени после тринадцатого Вандемского был орлеанистом, главой партии, которая больше не желала строгой наследственной и абсолютной монархии, но считала, что в сыне Филиппа Эгалитэ у них был полезный принц для управления конституционным королевством. Возможно, по этой причине, возможно, из-за той, которую он привел, а именно из-за того, что новая конституция еще не была правильной, он наотрез отказался от предложенного ему места в Директории.

Именно в качестве замены этому опасному провидцу Карно был назначен директором. Сейчас ему шел сорок третий год, и он был на пике своих способностей. В нем воплотилось все, что было умеренного и здравого, следовательно, все, что было непреходящего во Французской революции; он был глубоким ученым, и его трактат о метафизике математического анализа составляет важную главу в истории математической физики. Как офицер инженерных войск он добился высочайших отличий, в то время как на посту военного министра проявил себя первоклассным организатором и стратегом. Но его высшей целью было стать образцовым гражданином Франции. В своих семейных отношениях как сын, муж и отец он считался соседями образцом для подражания; в своей общественной жизни он с такой же искренностью стремился иллюстрировать высшие идеалы восемнадцатого века. Таков был пыл его республиканства, что ни один человек или партия во Франции не вызывали у него такого отвращения, кроме того, что он использовал бы одну из них или обе, если необходимо, для блага своей страны, хотя он был похож на Чатема в своем высоком презрении к партиям. Следовательно, для него как патриота Франция, в отличие от внешнего мира, была на первом месте, каким бы ни было ее правительство; но Франция, к которой он стремился, была страной, возрожденной евангелием человечества, пробужденной к высшей деятельности равенством всех перед законом, очищенной тем самоотречением каждого человека, которое делает всех людей братьями и уничтожает угрозу закона.

И все же он не был мечтателем. Будучи членом Национального собрания, он проявил такой практический здравый смысл в выбранной им области военной науки, что в 1793 году Комитет безопасности доверил ему руководство войной. Критерием ранга и командования было больше не рождение, не старшинство и не влияние, а заслуги. Дикие и невежественные орды людей, которых закон о воинской повинности вызвал на поле боя, были чем-то доселе неизвестным в Европе. Именно Карно организовал, одел, накормил и обучил их. Именно он разработал новую тактику и новые всеобъемлющие планы, которые сделали его национальные армии той силой, которой они стали. Именно в администрации Карно молодые генералы впервые вышли на первый план. Именно по его милости почти каждый мужчина из той плеяды современных воинов, которые так долго поражали Европу своими ратными подвигами, впервые появился в качестве кандидата на повышение. Моро, Макдональд, Журден, Бернадотт, Клебер, Мортье, Ней, Пишегрю, Дезэ, Бертье, Ожеро и сам Бонапарт — каждый из них был продуктом системы Карно. Он был создателем армий, которые на какое-то время сделали всю Европу данником Франции.

На протяжении всей эпохи, обнажившей низость большинства натур, его характер оставался неизменным. Он начал жизнь при старом режиме с написания и публикации панегирика Вобану, который был опозорен за откровенные высказывания в адрес Людовика XIV. Когда его призвали принять участие в правительстве, он был сторонником сильной национальности, справедливого управления внутри страны и бесстрашного выступления перед всем миром. Будучи военным министром, он однажды фактически покинул свой пост и поспешил в Мобеж, где поражение угрожало Журдану, разработал и привел в действие новый план, лично возглавил победоносный штурм, а затем вернулся в Париж, чтобы вдохновить страну и армию известием о победе; все это он делал так, как будто это была обычная обязанность, не афишируя себя парадом или церемонией. Даже Робеспьер трепетал перед его едкой иронией и все же не осмеливался, как ему того хотелось, включить его в число своих жертв. После событий Термидора, когда было предложено казнить всех тех, кто санкционировал кровавые деяния Террора, за исключением Карно, он предотвратил радикальную меру, встав на свое место и заявив, что он тоже действовал вместе с остальными, придерживался, как и они, убеждения, что иначе страну спасти было невозможно, и что поэтому он должен разделить их судьбу.

В более мягком свете новой конституции темное пятно на его послужном списке, в котором он так откровенно признался, становилось менее отталкивающим по мере того, как неизменное достоинство и искренность его натуры проявлялись в терпимости, которая, по его мнению, сейчас так же необходима, как когда-то была безжалостная суровость. На целый год слава французского оружия померкла: его главной идеей было сначала восстановить его величие, затем с честью заключить мир и дать новой жизни его страны возможность для расширения при мягком и твердом введении новых законов. Будь он диктатором во время кризиса, несомненно, его план, какой бы трудной ни была задача, мог бы быть реализован; но, когда Летурнер находился в меньшинстве из двух человек против беспринципного авантюриста, ведущего за собой двух фанатиков, было невозможно обеспечить единство исполнительной власти, необходимое для успеха.

Таким образом, в начале 1796 года положение Франции было таким же тревожным, как и всегда, а основа ее институтов более чем когда-либо нестабильной. В исполнительной власти существовало безнадежное разделение и отсутствовала координация в соответствии с конституцией между ней и другими ветвями власти, в то время как законодательная

власть не представляла народ. Казна была пуста, голод распространился так же широко, как и прежде, администрации практически не существовало. Армия, на данный момент проверенная, выглядела неуспешной, подавленной и неоплачиваемой. Голод плохо знает дисциплину, и с временной потерей дисциплины моральный дух войск был подорван. Чтобы спасти конституцию, общественное мнение должно быть отвлечено от внутренних дел и примирено. С этой целью германский император должен быть вынужден уступить границу по Рейну, и должны быть найдены деньги по крайней мере на самые насущные нужды армии и правительства. Если бы республика могла обеспечить Франции ее естественные границы и добиться мира на суше, она могла бы надеяться на конечный успех в конфликте с Англией. С этой целью его территориальные завоевания должны быть разделены на три класса: те, что находятся в "естественных пределах" и уже названы для инкорпорации; те, что должны быть возведены в буферные государства для защиты от нежного республиканского абсолютизма и всех его ужасов; и, наконец, такие районы, которые могут оказаться ценными для обмена с целью окончательной консолидации первых двух классов. Что касается второго типа, то Директория считала наиболее важной Германскую конфедерацию. Был пример того, как Екатерина поступила с Польшей. Поскольку та была разделена, то и Германия должна была поступить так же. На его землях должны быть созданы четыре курфюршества: одно для возмещения ущерба Оранскому дому от Голландии, другое от Вюртемберга; остальные, в зависимости от обстоятельств, будут переданы в дружеские руки.

Средства достижения цели были таковы. Россию нужно принудить к бездействию, настроив против нее с помощью взяток и обещаний всех ее врагов на востоке. Пруссию необходимо склонить к сотрудничеству путем давления на короля Георга Ганноверского, вплоть до уничтожения его королевства, и надеждой на консолидацию территории с возможностью сохранения императорского достоинства. Австрию следовало частично принудить, частично подкупить к созданию континентальной коалиции против Великобритании путем раздела ее владений как к северу, так и к югу от Альп. Испанию необходимо втянуть во всеобщий союз против Великобритании, потакая страхам любовника королевы Годоя, премьер-министра и вершителя судеб Испании. Сделав это, Великобритания, согласно освященному веками, изношенному устройству Франции, королевской или радикальной, должна быть захвачена и поставлена на колени. План был таким же старым, как Филипп ле Бель, и с тех пор появлялся время от времени либо как *добросовестная* политика, либо как средство расшевелить сердца французов и получить деньги из государственного кошелька на общественную оборону. Для достижения этой цели Директории необходимо восстановить разрушенную морскую мощь республики, построить новые корабли и переоборудовать старые; тем временем, как это сделали Ришелье или Мазарини, необходимо поднять восстание против британского правительства и поддержать недовольных повсюду в пределах границ Великобритании, особенно в Ирландии. Таков был глупый план Директории: два хорошо зарекомендовавших себя средства, оба дискредитировавших себя так часто, как только пытались. Для территориальной перестройки Европы Пруссия, хотя и временно сдерживаемая, уже имела решающее значение; но первые усилия французской дипломатии в Берлине привели к категорическому отказу идти дальше уже заключенного мира или принимать химерические предложения, которые были сделаны сейчас. Обратившись затем к Австрии, Директория заключила перемирие первого февраля 1796 года, но в Вене предложение Мюнхена и двух третей Баварии, выхода к Адриатике и союза против России для восстановления Польши — конечно, без Галиции, которую Австрия должна была сохранить, — было воспринято лишь

как значимое из того, что осмелилась предложить французская дерзость, и, когда оно было услышано, было презрительно отвергнуто. Программа для Италии была в основном сохранена в том виде, в каком она была изложена в 1793 году: уничтожение папской власти, свержение всех существующих правительств, разграбление их богатых сокровищ, уничтожение феодальных и церковных институтов и возрождение ее народов на демократических началах. Ни революционные элементы полуострова, ни ревнивые принцы не могли примириться с активными и вездесущими французскими агентами, даже в Генуе, хотя между Венецией и Неаполем повсюду было достаточно разговоров, чтобы поддерживать живую надежду и раздражать неудачливых участников переговоров. Европейский мир был обеспокоен и измучен неопределенностью, темными заговорами, взаимным недоверием. Он не был готов к войне, но война была единственным средством разрешения невыносимых проблем. Англия, Австрия, Россия и Франция под руководством Директории должны сражаться или погибнуть.

Не следует забывать, что это была монархическая, светская и незапамятная политика Франции как нарушительницы европейского мира; продолженная республикой, она стала еще более пагубной и раздражающей сторонников баланса сил. Республика была не только более энергичной и менее щепетильной, чем монархия, но и ее соперники действительно находились в очень низком положении. Великобритания лишила Францию и Голландию их колоний, но эти новые владения и океанскую магистраль необходимо защищать ценой огромных затрат. Палата общин отказалась санкционировать новый заем, и нация была истощена до такой степени, что Питт и король, уклоняясь от гнусных нападков лондонского населения и с тревогой отмечая возобновление кровавых беспорядков в Ирландии, предприняли ложный маневр мирных переговоров через агента, которого они наняли в Швейцарии, чтобы разжигать демонстрации роялистов против Франции везде, где это было возможно. Восьмого марта 1796 года Уикхем спросил, на каких условиях Директория заключит почетный мир, и менее чем через три недели получил ответ, в котором говорилось, что Франция ни при каких обстоятельствах не вернет свои континентальные завоевания. В некотором смысле именно польская политика России держала Пруссию и Австрию настолько занятыми разделом, что зарождающаяся французская республика не была задумана в своей колыбели соседними державами. При условии, что ей принадлежала львиная доля Польши, Екатерина была безразлична к успеху якобинства. Но вскоре она увидела опасность всеобщего пожара и, применив эпитет Вольтера для обозначения церковности к республике, закричала на всю округу: "Сокрушите гнусное!" Сознавая свой преклонный возраст, не доверяя всем возможным наследникам своего трона: Павлу-параноику, Константину - грубому распутнику и сверхэлегантному Александру, она отказалась от коалиции с Англией и направила свою деятельность на восток, против казаков, в Персию; но она согласилась быть посредником между Австрией и Великобританией. Австрия хотела заполучить Нидерланды, но только в том случае, если она могла бы обеспечить себе с их помощью укрепленный пояс, с помощью которого можно было бы защищать и удерживать их. Она также желала получить Милан и Дипломатические миссии в Италии, а также Венецию. В качестве цены за продолжение войны с Францией эти земли и субсидия в размере трех миллионов фунтов стерлингов были условиями, выдвинутыми Великобританией. Не имея в своем распоряжении армии и предельно истощив военно-морские ресурсы, Георг III согласился выплачивать сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов в месяц до тех пор, пока парламент не выделит более крупную субсидию. Австрийский министр Тугут согласился. Кобенцль, австрийский посол в Санкт-Петербурге, уладил дела с Екатериной относительно Баварии, французские роялисты под

предводительством Конде подкупили Пишегрю обещанием передать крепости севера под их оккупацию, австрийская армия на Рейне была усилена. В ответ Журден был расквартирован на нижнем, а Моро — на верхнем Рейне, у каждого по восемьдесят тысяч человек, Бонапарт был отправлен в Италию, а Гош подготовил разношерстную команду изгоев и вандейцев, с которыми они должны были проникнуть в Ирландию, присоединиться к Вулфу Тону и его объединенным ирландцам и таким образом развязать гражданскую войну на этом несчастном острове. Европа в целом ожидала главного удара к северу от Альп в центральной Германии: посвященные знали лучше. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXVI.

БОНАПАРТ НА ВЕЛИКОЙ СЦЕНЕ [\[66\]](#).

Бонапарт и армия Италии — Система грабежей — Генерал как деспот — Республиканские армии и политика Франции — Италия как центр внимания — Состояние Италии — Проницательность Бонапарта — Его план действий — Его армия и генералы — Мощь армии Италии — Наполеоновские принципы ведения войны — Развитие военной науки — Достижения Бонапарта — Его финансовая политика — Последствия Его успеха.

1796.

Неминуемая борьба велась не за что иное, как за новую порцию национальной жизни во Франции. Многим пришло в голову, что в такой битве изменения революционного характера — в том, что касается не только снабжения и управления армиями, что касается не только великой стратегии, которую должна принять и осуществлять Франция, но и в том, что касается самой структуры и отношений других европейских наций, — были бы оправданы. Но чтобы быть оправданными, они должны быть адекватными; а чтобы быть адекватными, они должны быть неожиданными и основательными. Какими они должны быть? Эдип, который решает эту загадку для Франции, — человек времени. Он был найден в Бонапарте. Что означают эти звонкие слова из штаба в Ницце, которые двадцать седьмого марта 1796 года достигли ушей голодных, нетерпеливых солдат и потрясенного мира? "Солдаты, вы раздеты, вас плохо кормят. Правительство вам многим обязано; оно ничего не может вам дать. Ваше долготерпение, мужество, которое вы проявляете среди этих скал, великолепно, но они не приносят вам славы; ни один луч не отражается на вас. Я хочу повести вас на самые плодородные равнины мира. Богатые провинции, великие города будут в вашей власти; там вы найдете честь, славу и богатство. Солдаты Италии, неужели вам недостает чести, мужества или постоянства?"

Такой язык имеет только одно значение. Согласно предварительной договоренности с Директорией, французская армия должна была получать жалованье, французская казна пополняться за счет земель, которые были очагом войны. Корсиканцев на французской службе долгое время подозревали в том, что они иногда служили своим собственным интересам в ущерб принятой ими стране. Бонапарт не был исключением, и иногда он считал необходимым оправдаться. Например, он тщательно объяснил, что его брак связывает его с

республикой еще одной узой. Тем не менее, похоже, что его продвижение по службе, взаимодействие с директорами и его преданность республике были связаны в первую очередь с личными амбициями, хотя во вторую очередь и случайно с увековечиванием правительства, якобы основанного на Революции. С самого начала независимой карьеры Наполеона появляется что-то от будущего диктатора. Это подразумеваемое обещание, что грабежи и разбои впредь будут безнаказанными, чтобы его солдаты могли набивать свои карманы, является признаком устоявшейся политики, которая все более определенно выражалась в каждом последующем воззвании, выходившем из-под его пера. Это повторялось всякий раз, когда требовалось вдохнуть новую энергию в колеблющиеся колонны, всякий раз, когда от рядовых требовалось каких-то беспрецедентных усилий в темном замысле армии, пока, наконец, не было дано категорическое обещание, что каждый мужчина вернется во Францию с деньгами, достаточными для того, чтобы стать землевладельцем.

В новом заклинании была магия, очарование никогда не переставало действовать; с этого первого звонка из Ниццы началась трансформация французской армии, сражавшейся теперь уже не из принципа, а ради славы, победы и добычи. Ее лидер, в случае успеха, был бы ни в коем случае не конституционным генералом, а деспотичным завоевателем. Внешне любезный и без раздражающей снисходительности; внимательный везде, где милосердие укрепило бы его репутацию; полностью осознающий влияние драматической ситуации или содержательного афоризма на умы людей и мастерски использующий и то, и другое; апеллирующий в качестве кульминации к мощному мотиву алчности в каждом сердце, Бонапарт вскоре стал не только генералом непревзойденного гения, не только организующим законодателем завоеванных земель и народов, но, что было важно для всей его карьеры, кумиром армии, которая не была, как в старину, слугой великой нации, но и, поскольку новая эпоха преобразила ее, саму нацию.

Особое отношение Бонапарта к Италии, Корсике и Конвенту сделало его еще в 1794 году, когда он был всего лишь начальником артиллерии, реальным руководителем Итальянской армии. Он не принимал личного участия в победоносной кампании того года, но ее победы, как он справедливо утверждал, были обусловлены его планами. Во время неудачной корсиканской экспедиции следующей зимой, за которую он был лишь косвенно ответственен, австро-сардинцы в Пьемонте воспользовались тем, что поглотили так много французских войск, чтобы свести на нет все, что было достигнуто к настоящему времени. Летом 1795 года Испания и Пруссия заключили мир с Францией. В результате вся Северная Европа была объявлена нейтральной, а поле боевых действий на Рейне было ограничено центральной зоной Германии, в то время как в то же время французские солдаты, сформировавшие Пиренейскую армию, были переброшены в Приморские Альпы. Таким образом, в 1796 году главный вопрос заключался в том, кто должен был стать главным оружием нападения на Австрию - Рейнская армия или армия Италии.

Разделенные интересы и искаженные убеждения быстро породили во французской нации два мнения, каждое из которых с ожесточением поддерживалось его сторонниками. До сих пор Рейнская армия была намного сильнее, и император сосредоточил свои силы, чтобы противостоять ей. Но самые мудрые головы поняли, что Австрию можно обойти с фланга со стороны Италии. Ворота в Ломбардию охраняла маленькая крепкая армия Виктора Амадея при поддержке небольшого австрийского отряда. Если бы савойский дом, который, как говорили, носил на поясе ключи от Альп, можно было завоевать и заставить заключить

сепаратный мир, австрийская армия была бы разбита, и шоссе на Вену открылось бы сначала через равнины Ломбардии, затем через австрийский Тироль или еще через Венецианские Альпы. Как ни странно, самое ясное и убедительное изложение этого плана было сделано эмигрантом в Лондоне, неким Дютейлем, в интересах Англии и Австрии. Но союзники были глухи к его предостережениям, в то время как Бонапарт тем временем навязал ту же идею французским властям и добился ее принятия. И он, и они были более склонны к этому плану, потому что однажды он уже был успешно инициирован; потому что генерал, изучив Италию и ее народ, досконально понимал, какие взносы могут быть с них взысканы; потому что Рейнская армия была радикально республиканской и знала свою собственную силу; потому что поэтому личные амбиции Бонапарта и, фактически, само существование Директории в равной степени зависели от успеха в других местах, кроме центральной Европы.

Будучи на протяжении веков полем битвы соперничающих династий, Италия, хотя и являлась географической единицей с более четкими естественными границами, чем у любой другой страны, и с населением, довольно однородным по рождению, языку и институтам, не была ни нацией, ни семьей родственных наций, но скоплением разнородных государств. Некоторые из них, такие как Венеция и Генуя, носили гордое звание республик; на самом деле это были узкие, коммерческие, даже пиратские олигархии, лишенные какой-либо активной политической жизни. Папа, как и другие мелкие правители, был всего лишь светским князем, деспотичным и даже не просвещенным, как великий герцог Тосканы. Неаполь и Милан стонали под игом иностранных правителей, и единственным приемлемым правительством на всей территории страны было правительство савойского дома в Пьемонте и Сардинии, землях, где революционный дух свободы был наиболее распространен и активен. Мелкие дворы, подобные дворам Пармы и Модены, были гнездами интриг и коррупции. Конечно, в каждом месте был тот спасительный остаток благородных людей, который всегда по воле провидения остается как семя; но люди в целом были невежественны и обессилены. Вековые накопления, нажитые обширной и прибыльной торговлей или возделыванием щедрой земли, не были полностью растрочены из-за неправильного правления, и во многих почтенных и по-прежнему великолепных городах даже имелись богатые запасы денег. Нигде в древних центрах римского содружества, память о которых теперь была в моде во Франции, нельзя было разглядеть ничего большего, чем отражение французских революционных принципов; права человека и республиканская доктрина были привлекательными предметами дискуссий во многих городах по всему полуострову, но там было мало той яростной преданности их осуществлению, которая так распространена за пределами Альп.

Проницательность Бонапарта оправдалась в этих условиях. Будучи убежденным республиканцем, он мог объявить себя возрождателем общества и освободителем народа. Если, как предполагалось, он уже мечтал о троне, то где можно было так легко утвердиться, будучи уверенным в его долговечности? Как завоеватель, он имел бы у своих ног разделенный, беспомощный и богатый народ. Если бы старое пламя корсиканских амбиций еще не погасло, он чувствовал, что, возможно, смог бы обрушить месть побежденного и разгневанного народа на Геную, их давнего угнетателя.

Его приготовления начались еще осенью 1795 года, когда при содействии Карно объединенные пиренейская и итальянская армии были направлены на выполнение старой задачи по открытию дорог через горы и вдоль морского побережья в Ломбардию и

центральную Италию. Они выиграли битву при Лоано, которая снова овладела Приморскими Альпами; но долгая зима среди этих суровых вершин сделала армию несчастной и лишенной всего необходимого. В течение всей той зимы было трудно удерживать даже Внутреннюю армию в сердце Франции; единственным шансом для Италии было движение. Готовый план действий был отправлен из Парижа в январе. Но, как уже было сказано, командующий генерал Шерер и его штаб были возмущены, отказавшись рассматривать его предложения, будь то предложения по снабжению их всем необходимым в Ломбардии или предложения о смелых операциях, необходимых для достижения этой цели.

Бонапарт, который мог изобрести такие планы, один мог осуществить их; и эта задача была поручена ему. В течение следующих десяти недель не пренебрегали ни одной подготовкой. Почти пустой сундук Директории был вычищен дочи́ста; из этого источника новый командующий получил сорок семь тысяч пятьсот франков наличными и векселя еще на двадцать тысяч; в Тулоне и Марселе были выданы принудительные займы на значительные суммы; а Саличетти взимал в Генуе контрибуции зерном и фуражом в соответствии с планом, который был заранее согласован между ним и генералом в их якобинские времена. Таким образом, армия, которую Бонапарт в конце концов привел в движение, была прекрасным военным двигателем. Его насущные потребности были удовлетворены, ветераны с энтузиазмом отнеслись к своей работе, и это заметное обещание добычи привело их в состояние неподдельного энтузиазма. Более того, молодой командир был настолько осмотрителен, насколько только может быть человек с выдающимися способностями, когда собирается рискнуть всей своей жизнью и поставить на карту целый мир. Его дивизионные генералы сами были выдающимися людьми — персонами не меньшими, чем Массена, Ожеро, Лагарп и Серюрье. О Массене уже был дан некоторый отчет. Ожеро был старше Бонапарта на тринадцать лет, скромного и малоизвестного происхождения, который искал счастья в качестве учителя фехтования на службе у бурбонов в Неаполе, а позже завербовался во французские войска, отправленные в Испанию в 1792 году, вырос благодаря своим способностям до бригадного генерала, затем командира дивизии в армии Италии. Он был груб по манерам и плебейски настроен, ревновал к Бонапарту, но храбр и способен. В дальнейшем он сыграл важную роль и достиг высокого положения, хотя не доверял ни императору, ни империи в целом и дрогнул перед серьезными кризисами. Ни Лаарп, ни Серюрье не отличались за пределами своей профессии, но в этом они были преданны и достойны восхищения. Лахарп был членом знаменитой швейцарской семьи, изгнанной из дома за преданность свободе. При Лакнере в Германии он заслужил и сохранял прозвище "храбрый"; пока не был смертельно ранен в ночной атаке при переправе через По после Миллезимо, он продолжал свою блестящую карьеру и далеко бы продвинулся, если бы его пощадили. Серюрье был ветераном Семилетней войны и Португалии, ему уже исполнилось пятьдесят четыре года. Способный и заслуживающий доверия, он был осыпан милостями Наполеона и дожил до 1819 года. Таких людей было очень легко вывести из себя. Но то, что должен был сделать главнокомандующий, было сделано с такой плавностью и мастерством, что даже они не могли найти повода для придирок; и хотя поначалу они были холодны и сдержанны, вскоре они поддались влиянию, которое наполняло волнением сам воздух, которым они дышали.

В этот момент, помимо Национальной гвардии, у Франции была армия и, в некотором смысле, военно-морской флот: и в том, и в другом случае боеспособные силы насчитывали более полумиллиона человек. Номинально разделенных на девять армий, вместо

четырнадцать, как планировалось вначале, на самом деле было всего семь; из них четыре имели второстепенное значение: небольшая, скелетированная армия внутренних войск, силы на западе под командованием Гоша, вдвое более крупные и с лучше укомплектованными рядами, довольно сильная армия на севере под командованием Макдональда и аналогичная армия в Альпах под командованием Келлермана, с Бертье и Вобуа в качестве лейтенантов, которые вскоре стали частью вооруженных сил Бонапарта. Они должны были, по возможности, поддерживать внутренний порядок и наблюдать за Англией, в то время как три большие активные организации должны были объединиться для свержения Австрии. На Рейне находились две действующие армии — одна под Дюссельдорфом под командованием Журдана, другая под Страсбургом под командованием Моро. Макдональд был шотландским якобитом по происхождению, французским роялистом, перешедшим в республиканство благодаря женитьбе. Сейчас ему был тридцать один год. Обученный в полку Диллона, он единственный из его офицеров остался верен демократическим принципам после начала революции. За храбрость при Жемапе он был произведен в полковники, а за верность, когда Дюмурье перешел на сторону австрийцев, получил звание бригадного генерала. За свои заслуги под командованием Пишегрю в Голландии он был дополнительно вознагражден повышением в должности, а после заключения Кампо-Формийского мира был переведен с Рейна в Италию. Он всегда был верным другом Бонапарта и получал самые высокие почести. Келлерман был баварцем, а когда был связан с Бонапартом, ветераном, ему был шестьдесят один год. Он участвовал в Семилетней войне и снова в Польше в 1771 году. Ярый республиканец, он отличился на службе с самого начала революционных войн: хотя его дважды обвиняли в некомпетентности, он был с триумфом оправдан. Он без зависти связал свою судьбу с судьбой Бонапарта и пожинал обильные лавры. О Бертье и других великих полководцах мы уже говорили. Вобуа не отличился. У ворот Италии стоял Бонапарт с третьей армией, которой вскоре предстояло стать самой активной из всех. В начале у него было, по общим сведениям, около сорока пяти тысяч человек; но кампания, которую он вел, к своему завершению приобрела такие масштабы, что, несмотря на понесенные потери, итальянская армия насчитывала почти вдвое больше людей, готовых к выступлению в поход, не считая гарнизонных войск и инвалидов. Цифры в отчетах военного министерства неизменно были намного больше; но огромный процент, иногда доходивший до трети, всегда находился в госпиталях, в то время как часто до двадцати тысяч оставались удерживать различные крепости. Бонапарт, по очевидным причинам, неизменно представлял свои эффективные силы меньшими, чем они были на самом деле, и оглушал слух Директории постоянно повторяющимися требованиями о подкреплении. Беспристрастная оценка установила бы численность его войск на поле боя в любой момент времени во время этих операций не ниже тридцати пяти тысяч и не намного выше восьмидесяти тысяч.

В предстоящую кампанию был включен еще один элемент чрезвычайной важности. Старая порочная система, с помощью которой бдительная демократия ревниво предписывала своим генералам каждый шаг, который необходимо было предпринять, была сметена Бонапартом, который как "человек" Робеспьера был досконально знаком с ее работой с другой стороны. Теперь он был главнокомандующим, и он настаивал на абсолютном единоначалии, как необходимом для экономии времени. Учитывая это, его снаряжение было полным. Следует помнить, что в 1794 году он объяснял своим покровителям, что полевая война похожа на осаду: направив все силы в одну точку, можно пробить брешь и нарушить равновесие сил противника. К этой концепции концентрации для наступления он, по согласованию с Директорией, добавил другую, концепцию экспансии

на данной территории для обеспечения жизнедеятельности. У него был еще третий вариант: войну нужно сделать как можно более ожесточенной и ужасной, чтобы сделать ее короткой, и таким образом уменьшить ее ужасы. Какими бы банальными и простыми ни казались сейчас эти афоризмы, все они были оригинальными и абсолютно новыми, по крайней мере, в том, что касается быстрого и яростного применения их Бонапартом. Традиции рыцарства, непрекращающиеся войны двух с половиной веков, гуманные представления Церкви, уважение к человеческой жизни, трудности коммуникаций, нехватка боеприпасов и вооружения — все эти и другие элементы объединились, чтобы превратить войну под руководством посредственных полководцев в величественный церемониал и уменьшить количество настоящих сражений, которые происходили, когда они происходили, только после тщательной подготовки, как неприятная необходимость, по своего рода общему соглашению и с церемонией дуэли.

Тюренн, Мальборо и Фредерик, все люди хладнокровного темперамента, были величайшими полководцами своего времени и добились успеха во многом благодаря отсутствию у них сантиментов и пренебрежению условностями. Их представления и поведение демонстрировали те же инстинкты, что и у Бонапарта, и их умы расширились благодаря изучению великих кампаний, подобных той, которая питала его зачаточный гений и сделала возможным его непревзойденное достижение. У него было почти такое же военное снаряжение, как и у них. Мужчины Европы существенно не изменились в росте, весе, образовании или моральных устоях с последних лет Тридцатилетней войны. Дороги были несколько лучше, очертания гор, возвышенностей и долин были лучше известны, и, подобно своим великим предшественникам, хотя и в отличие от современников, Бонапарт умел пользоваться картой; но в основном мало что изменилось в условиях передвижения и управления войсками. Новости распространялись медленно, семафорный телеграф лишь постепенно входил в обиход, и самые быстрые курьеры добирались из Ниццы в Париж или из Парижа в Берлин за семь дней. Огнестрельное оружие любого вида было немного усовершенствовано: Пруссия фактически утверждала, что она была вынуждена вести переговоры о мире, потому что Франция контролировала производство оружейных кремней. Ковка пушек была более тонкой, а артиллерийское вооружение в целом более эффективным. Во Франции произошли значительные изменения к лучшему в руководстве и тактике; остальная Европа следовала старым и более формальным методам. За пределами республики церемонии все еще господствовали при дворе и в лагере; юношеская энергия была заглушена рутинной; и генералы, выступавшие против Бонапарта, были по большей части людьми преклонных лет, преданными традициям и неспособными быстро адаптировать свои идеи к наступлениям и атакам, основанным на концепциях, радикально отличающихся от их собственных. Временами новому завоевателю доставляло истинное горе то, что его противники были такими неэффективными ископаемыми. Молодой и в то же время способный; используя естественные преимущества своей территории для поддержки храбрости своих войск; с умом, который был не только точным и решительным, но и всеобъемлющим в своих наблюдениях; не стесненный контролем или принципами; противостоящий генералам, которые не могли думать о двадцатилетнем мальчике как о равном себе; с лучшей армией и лучшим театром военных действий в Европе; наконец, с независимо развитым гением и представлениями о своей профессии, которые обобщали опыт его величайших предшественников, Бонапарт совершал подвиги, которые казались чудесными даже по сравнению с подвигами Гоша, Журден, или Моро, который уже так поразил мир.

В течение одиннадцати дней австрийцы и сардинцы были разделены, последние потерпели поражение и были вынуждены подписать перемирие. Отдохнув два дня, через две недели он одержал победу в Ломбардии и вступил в Милан как завоеватель. Прошло две недели, и он снова вознамерился менее чем за месяц подчинить своему влиянию большую часть центральной Италии. Против врага, теперь отчаявшегося и загнанного в угол, его операции были разделены на четыре подразделения, каждое из которых привело к наступлению — первое, длившееся девять дней, против Вурмзера и Квасдановича; второе, длившееся шестнадцать дней, против Вурмзера; третье, длившееся двенадцать дней, против Альвинчи; и четвертое, длившееся тридцать дней, пока он не захватил Мантую и не открыл горные перевалы для своей армии. В течение пятнадцати дней после начала военных действий против папы он заставил его подписать Толентинский мирный договор; и в течение тридцати шести дней после того, как они ступили на дорогу из Мантуи в Вену, французы были в Леобене, расположенном всего в девяноста милях от австрийской столицы, и диктовали условия Империи. В период с двадцать седьмого марта 1796 года по седьмое апреля 1797 года Бонапарт смирил самую надменную династию в Европе, сверг государственную систему Центральной Европы и инициировал процесс, который, по видимому, окончательно закрепил господство Пруссии, которая тогда считалась всего лишь парвеню.

Невозможно оценить огромные суммы денег, которые он требовал за ведение войны, которая, по его словам, велась с целью освобождения Италии. Солдаты его армии были хорошо одеты, сытно накормлены и хорошо экипированы со дня их вступления в Милан; задолженность по их жалованью была не только погашена, но им было дано разрешение грабить страну до тех пор, пока не была достигнута точка, которая, казалось, ставила под угрозу успех, когда обычное мародерство было быстро прекращено самыми жестокими примерами. Казна Директории не была наполнена, как казна офицеров-завоевателей, но она больше не была пуста. Короче говоря, Франция достигла вершины своего революционного величия; и поскольку теперь она была передовой державой на Континенте, шаткие монархии в соседних странах были вынуждены снова рассмотреть вопросы, которые, как они надеялись, были решены в 1795 году. Как и предвидел Бонапарт, судьбы Европы действительно зависели от судьбы Италии.

За несколько предшествующих лет Европа привыкла к военным сюрпризам. Армии французской республики, движимые преданностью своим принципам и своей нации, совершили чудеса. Но даже они не обнаружили ничего, что хоть в малейшей степени предвещало бы это. Тогда, как и сейчас, любопытство было разожжено, и самые тщательные исследования были потрачены на анализ процесса, с помощью которого были совершены такие чудеса. Исследователи и их читатели были настолько ошеломлены зрелищем и его результатами, что своего рода благоговейная доверчивость помешала им распознать правду; и даже сейчас представление о сверхъестественном влиянии, сражающемся на стороне Бонапарта, не исчезло полностью. Но факты в том виде, в каком мы их знаем, демонстрируют умение бороться с неспособностью, энергию, какой еще никто не видел, борющуюся с вялостью, воплощенный принцип огромной жизненной силы, сражающийся с безжизненной, исчезающей системой. Последствия были поразительными, но логичными; детали звучат как роман из страны Эблис. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXVII.

ЗАВОЕВАНИЕ ПЬЕМОНТА И МИЛАНЦЕВ [\[67\]](#).

Армии Австрии и Сардинии — Монтенотте и Миллезимо — Мондови и Чераско — Последствия кампании — Равнины Ломбардии — Пересечение По — — Продвижение к Милану — Лоди — Отступление австрийцев - Моральные последствия Лоди.

1796.

Виктор Амадей Сардинский не был непривычен к потере территории на севере, потому что с незапамятных времен его дом отказывался от живописных, но бесплодных земель за Альпами, чтобы получить плодородные поля под ними. Конечно, для него было тяжелым ударом, что Савойя, давшая имя его семье, и Ницца с ее прекрасным и господствующим местом были потеряны для его короны. Но до сих пор во время всех общеевропейских потрясений на долю его предшественников, смотревших на Италию "как на артишок, который нужно есть лист за листом", выпадали какие-то существенные куски; и вполне вероятно, что кусочек Ломбардии станет его собственным призом при следующем умиротворении. Все свое правление он потратил на укрепление своей армии, и, будучи передовой военной державой Италии, его молодые и энергичные люди с помощью Австрии защищали проходы на свою территорию. Дорога из их столицы в Савону на море вилась через Севу и Миллезимо над главным хребтом Апеннин, на вершине которого к ней присоединялось шоссе через Дего и Каир, ведущее на юго-запад от Милана через Алессандрию. Пьемонтцы под командованием Колли охраняли подходы к своей столице; австрийцы под командованием Болье - к Милану. В совокупности их численность была несколько больше, чем у французов, но две армии были разделены.

Болье начал боевые действия десятого апреля, отдав приказ атаковать французскую дивизию Лаарпа, которая была переброшена к Вольтри. Австрийцы под командованием Аржанто должны были ударить им в тыл из Монтенотта, деревни к северу от Савоны, с

целью оттеснить это крыло армии Бонапарта назад по прибрежной дороге, на которой, как надеялись, они попадут под огонь орудий Нельсона. Лагарп, однако, отступил в Савону в полной безопасности, так как английского флота поблизости не было. Вслед за этим Бонапарт, внезапно обнаружив новое построение своей армии на северном и южном направлениях, перешел в наступление. Аржанто, которого временно сдерживало отчаянное сопротивление горстки французских солдат под командованием полковника Рампона, был застигнут врасплох и разгромлен при Монтенотте двенадцатого числа силами, намного превосходящими его собственные. На следующий день Массена и Ожеро погнали обратно к Дего австрийскую дивизию, которая достигла Миллезимо по пути на соединение с Колли; а пятнадцатого числа в этом месте Бонапарт лично уничтожил остатки корпуса Аржанто. Шестнадцатого числа Болье покинул горы, чтобы закрепиться у Акви на равнине. Таким образом, все австрийские войска были не только отброшены назад, но и полностью отделены от пьемонтцев.

У Бонапарта в кармане был дурацкий план, предложенный Директорией в качестве временного возврата к официальной традиции, приказывающей ему наступать в Ломбардию, оставляя враждебно настроенных пьемонтцев слева от себя и неуверенных генуэзцев справа. Он проигнорировал это, по-видимому, без колебаний, и, бросив свои силы на северо-запад, к Севе, где были размещены пьемонтцы, напугал их и вынудил отступить. Однако двадцать второго апреля они были настигнуты у Мондови и наголову разбиты, потеряв не только свои лучшие войска, но и полевые части и обоз. Три дня спустя Бонапарт продвинулся вперед и занял Чераско, который был удален от Турина, столицы Пьемонта, всего на двадцать пять миль по короткой, легкой и теперь открытой дороге. Двадцать седьмого числа сардинцы, изолированные в горном амфитеатре и не имея никакой надежды на помощь от своего поверженного союзника, предприняли попытки заключить перемирие, предшествующее миру. Они были с готовностью приняты Бонапартом; и хотя у него не было разрешения от правительства на выполнение таких функций, он демонстративно пренебрегал инструкциями в этом вопросе, как и в каждом последующем шаге, который он предпринимал. Переговоры велись вежливо и твердо, на основе воинской чести, к большому удивлению пьемонтцев, которые ожидали иметь дело с диким якобинцем. В речи Бонапарта не было даже слова, напоминающего о республиканской суровости; как уже отмечалось, слово "добродетель" не слетало с его уст, его язык был языком рыцарства. В любезных выражениях он потребовал сдачи Кони и Тортоны, знаменитых "ключей от Альп", с другими опорными пунктами второстепенной важности, потребовав также права пересекать территорию Пьемонта по своему желанию. Документ был завершен и подписан двадцать восьмого.хлопотный вопрос о гражданских полномочиях для заключения международного договора был обойден, назвав это соглашение военной конвенцией. Тем не менее, оно было обязательным из-за своего названия. Действительно, эта идея постепенно переросла в новую политику, ибо точно так же, как грабежи и разбои были безжалостно подавлены победоносным полководцем, все соглашения заключались временно на военной основе, включая соглашения о контрибуциях. Саличетти был комиссаром Директории, и между ним и Бонапартом не было никаких трений. Оба извлекали выгоду из партнерства, в котором часто появлялись возможности для личных начинаний, в то время как военная казна была хорошо обеспечена, а денежные переводы в Париж были достаточно большими, чтобы сохранить лицо и утихомирить шумиху Директории. Виктор Амадей получил мат, и Бонапарт был волен расправиться с Болье.

Северная Италия.

Иллюстрирует кампании 1796 и 1797 годов.

Эта короткая кампания была в некоторых отношениях незначительной, особенно по сравнению с цифрами и результатами того, что должно было последовать. Но имена Монтенотте, Миллезимо, Дего, Мондови и Чераско всегда были дороги Бонапарту и стоят на высоком месте на его величайшем памятнике. Король Сардинии был тестем Людовика XVIII, и его двор был гнездом французских эмигрантов-заговорщиков. Когда его агенты достигли Парижа, Директория встретила их с грубым негодованием и принудила к союзу, хотя им было приказано заключить только мир. Их суверен был унижен до предела возможного. Потеря крепости лишила его власти. По условиям договора он должен был изгнать французских роялистов со своих земель. Лишенный таким образом как силы, так и престижа, он недолго пережил позор и умер, не оставив Карлу Эммануилу, своему сыну, никакой реальной власти, кроме власти над островом Сардиния. Контраст между свирепым бахвальством Директории и великодушной простотой великого завоевателя не ускользнул ни от итальянцев, ни от умеренных французов. Для них, как и для Бонапарта, военного и политического претендента на свою первую независимость, все, абсолютно все было поставлено на карту в тех первых сражениях; от этого зависела не только его карьера, но и их освобождение. Приятной чередой пролетели весенние дни, похожие на сцену преображения. Успех витал в воздухе, успех не случайный, а результат предусмотрительности и тщательной комбинации. Генералы, зараженные духом своего лидера, соперничали друг с другом в смелости и доблести. Знаменитая позиция "Счастливого отчаяния" Рампона остается непревзойденной в анналах войны.

С высот Севы предводитель побеждающих и теперь преданных солдат мог показать им и их не менее восторженным офицерам ворота в плодородную и хорошо орошаемую землю, куда он обещал их привести, - исторические поля Ломбардии. Во Франции, какой бы щедрой ни была ее почва, нет ничего, сравнимого с этим неисчерпаемым кладезем природы. Окруженные с севера и запада величественными массивами Альп, а с юга меньшими, но все еще могучими бастионами Апеннин, эти равнины обязаны горам не только своим плодородием и процветанием, но и самим своим существованием. Бесчисленные ручейки, поднимающиеся среди ледяных вершин великой цепи или нижних пиков малой, соединяются во все растущие потоки приятной воды, которые в конце концов объединяются в медленный, но впечатляющий По. Тающие снега и проливные дожди наполняют эти водотоки богатым обломочным материалом с холмов, который из года в год

обновляет почву, которую он изначально создал. Благоприятный климат и благодатная почва являются для трудолюбивых жителей обильной наградой за их труды. В самую сильную летнюю жару проходящий мимо путешественник, если он остановится, услышит тихий шум медленно текущей воды в оросительных шлюзах, которые со всех сторон восполняют недостаток дождя. Пшеница, ячмень, рис, кукуруза, фрукты и вино - вот лишь некоторые из основных продуктов питания. Большие фермы с амбарами, чьи массивные чердаки и стонущие косилки свидетельствуют о важности ломбардского сельского хозяйства, сгруппированы в деревушки, которые возникают в изобилии через кратчайшие промежутки времени. И взгляду того, кто впервые видит их с вершины горы сквозь тусклую дымку солнечного дня, города кажутся разбросанными, как зерно из рук сеятеля. Степень недоумения становится полной, когда память вспоминает, что этот итальянский сад был наградой, за которую с глубокой древности боролись народы Европы, и что летопись веков неизгладимо начертана на стенах и украшениях бесчисленных сооружений — театров, дворцов и церквей, — которые так спокойно покоятся внизу. Несомненно, это зрелище пробудило новые ощущения у самого тупого санкюлота в армии Бонапарта. Какие радужные видения оформились в сознании их лидера, мы можем только догадываться.

Пьемонт покорился, и обещанный спуск на эти богатые равнины не был отложен ни на мгновение. "Ганнибал, - сказал главнокомандующий своему штабу, - штурмом взял Альпы. Мы обошли их с фланга". Он задержался только для того, чтобы в скромных выражениях сообщить о своих подвигах Директории и рекомендовать для повышения тех, кто, подобно Ланну и Лануссе, заслужил отличия. Первый был ровесником Бонапарта, но не имел солидного образования из-за бедности своих родителей. Он поступил на службу в 1792 году, а в 1795 году уже был полковником благодаря своему необычайному врожденному мужеству и способностям. Из-за ненависти к легату Конвента он был понижен в звании после Базельского мира и вступил добровольцем в армию Бонапарта. После этого его продвижение по службе было быстрым и регулярным, пока он не стал близким другом и непоколебимым сторонником генерала. Лануссе было всего двадцать четыре, но он уже четыре года был командиром батальона и теперь начал блестящую, хотя и короткую карьеру, которая закончилась его смертью в 1801 году в Абукире. Наступление армии Бонапарта началось тридцатого мая. Ни Генуе, ни Тоскане, ни Венеции не следовало давать времени на вооружение; с Болье нужно было встретиться, пока его люди все еще были подавлены, и до прибытия подкреплений, ибо огромная тридцатитысячная армия под командованием Вурмзера должна была быть немедленно отправлена для поддержания власти Австрии в Италии. Болье был типичным австрийским генералом, семидесяти одного года от роду, но все еще крепким, приверженцем прецедента и единственным ориентиром для себя считал опыт. Полагаясь на принципы стратегии в том виде, в каком он их усвоил, он занял то, что считал сильной позицией для обороны Милана, его линия простиралась на северо-восток за Тичино от Валенцы, места, где слухи, старательно распространяемые Бонапартом, утверждали, что французы попытаются прорваться силой. Укрепленный в своих суждениях этими сообщениями, старый и осторожный австрийский командующий храбро стоял в ожидании, в то время как противостоящий ему молодой и отважный авантюрист быстро прошел по правому берегу пятьдесят миль вперед, к Пьяченце. Там он совершил свою переправу седьмого мая на обычных паромов и по понтонному мосту. Немногочисленная австрийская кавалерия, высланная просто для разведки линии фронта, не оказала сопротивления. Враг был перехитрен и практически обойден с фланга, оказавшись теперь в величайшей опасности. У Болье едва хватило времени свернуть лагерь и в горячей спешке двинуться на северо-восток, к Лоди, где за быстрым течением Адды он

предпринял последнюю попытку защитить Милан, резиденцию австрийского правительства. Фактически, его передвижения были настолько поспешными, что авангарды обеих армий случайно встретились у Фомбио восьмого мая, где ожесточенное сражение привело к победе французов. Лагарп, проявивший в этом бою свою обычную храбрость, был убит несколько часов спустя по ошибке своих солдат в ночной перестрелке с пикетами второго австрийского корпуса. Девятого числа герцоги Пармский и Пьяченцкий подчинились договорам, продиктованным французским командующим, и одновременно правящий эрцгерцог покинул Милан. На следующий день преследующая армия была у Лоди.

Бонапарт написал Директории, что он ожидал, что переход По окажется самым смелым и трудным маневром кампании. Но как только это было достигнуто, он снова продемонстрировал совершенное владение своим искусством, проявив такую маневренность, что избежал сражения, в то время как великая река все еще находилась непосредственно у него в тылу. Затем его вызвали на третье чрезвычайное происшествие, не менее важное. В определенное время Адду можно перейти вброд в некоторых местах, но нелегко; а в Лоди деревянный мост длиной около двухсот ярдов тогда занимал место более позднего монолитного сооружения из каменной кладки и железа. Подходы к этому мосту Болье захватил и укрепил. На северо-западе находился Милан; на востоке находилась почти неприступная крепость Мантуя. Разбитые при Лоди, австрийцы все еще могли отступить и закрепиться под стенами любого из городов с некоторой надеждой на победу: в намерения Бонапарта входило настолько дезорганизовать армию противника, что ни то, ни другое было бы невозможно. Соответственно, десятого мая французские силы были сосредоточены для наступления. Они выступили немедленно и двигались так быстро, что настигли австрийский арьергард прежде, чем он успел отступить за старые готические стены города и закрыть ворота. Подгоняя их вперед, французы сражались на марше. Решающий бой очистил улицы, и после упорного сопротивления храбрые защитники отступили по мосту на восточный берег того, что теперь было их последним оплотом, реки. С хладнокровным и отчаянным мужеством Зеботтендорф, австрийцы которого насчитывали менее десяти тысяч человек, затем привел в действие свою артиллерию и снес деревянную мостовую.

Через короткое время мост, без сомнения, был бы объят пламенем; было неясно, даст ли зыбкое и каменистое дно ручья сверху или внизу брод или позволит перейти его каким-либо другим способом. Под личным наблюдением Бонапарта и, следовательно, с поразительной быстротой французские батареи были расставлены и начали ответный раскат грома. В порыве личного рвения командир даже на мгновение бросился под вихрящийся град выстрелов, чтобы лучше прицелиться из двух орудий, которые в спешке были неправильно наведены. Под этим ужасным огнем и контрударом австрийцам было невозможно поднести факел к какой-либо части сооружения. За французскими орудиями стояли три тысячи гренадеров, ожидавших сигнала. Вскоре наступил кризис. Отряд кавалерии Бонапарта нашел ближайший брод в нескольких сотнях ярдов выше моста, и было видно, как в дыму они пытались переправиться, хотя и безуспешно, и обойти правый фланг австрийской пехоты, которая была размещена на безопасном расстоянии за артиллерией на противоположном берегу. Быстро, как мысль, в самый последний момент генерал отдал свой приказ, и гренадеры бросились к мосту. Очевидцы заявили, что огонь австрийской артиллерии теперь усилился, в то время как из домов на противоположной стороне солдаты, до сих пор скрывавшиеся, осыпали наступающую колонну залпом мушкетных пуль. На один-единственный судьбоносный момент она дрогнула. Бертье и Массена, с другими не менее преданными делу, бросились во главе ее и сплотили ряды. В

несколько мгновений дело было сделано, мост был захвачен, батареи замолчали, и враг начал полное отступление.

Рассеянные, ошеломленные и напуганные, обескураженные австрийцы чувствовали, что никакая человеческая сила не сможет одолеть такого врага. Больше не мог больше оставаться за Адд; но, отступив за Ольо к Минчо, параллельному притоку По, он нарушил нейтралитет Венеции, захватив Пескьеру, где этот ручей вытекает из озера Гарда, и распространил свою линию за реку от венецианского города на севере до Мантуи, самого дальнего южного форпоста Австрии, сорвав таким образом один, и притом не менее важный, из планов Бонапарта. Что касается итальянцев, то они казались лишенными здравого смысла и по большей части молча подчинялись тому, что требовалось. Время от времени у итальянских якобинцев случались вспышки энтузиазма, и в неразберихе военных действий они тайно мстили своим консервативным соотечественникам путем вымогательства и террора. Население находилось в замешательстве между горем фактической потери и радостью освобождения от старой тирании. Подозрительные и ловкие, но в то же время медлительные и потакающие своим слабостям, простые люди пришли к выводу, что тяжкое бремя грядущего будет облегчено великодушием, и заняли выжидательную позицию.

Моральный эффект сражения при Лоди был неисчислим. Репутация Бонапарта как стратега уже была установлена, но его личное мужество никогда не подвергалось испытанию. Настоящее поле битвы - это нечто совершенно отличное от большого театра военных действий, и люди задавались вопросом, владеет ли он первым так же хорошо, как и вторым. До сих пор он не был испытан ни в отношении своей тактики, ни в отношении своей отваги. В обоих отношениях Лоди буквально вознес его до звезд. Без сомнения, риск, на который он пошел, был ужасен, а человеческие потери ужасны. Критики также указали на более безопасные способы, которые, по их мнению, привели бы к тому же результату; как бы то ни было, никаким другим способом нельзя было добиться такого же драматического эффекта. Франция обезумела от радости. Народы Италии склонились перед чудом, которое, таким образом, парализовало и очаровало их всех. Австрия была подавлена, а ее армии охвачены благоговейным страхом. Когда пять дней спустя, пятнадцатого мая, среди молчаливых, но дружелюбных толп изумленных людей Бонапарт вступил в Милан, не как завоеватель, а как освободитель Ломбардии, во главе своих ветеранских колонн, его чело уже озарял мягкий луч сверхъестественного света, предвещавший растущему числу его последователей полную славу, в которой ему впоследствии предстояло засиять в воображении миллионов. Именно в честь Лоди обожавшие его солдаты дали ему имя "Маленький капрал", под которым они с тех пор знали его всегда. Он сам признавался, что после Лоди в его сознании впервые возникло некое представление о своем высоком предназначении. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXVIII.

НЕПОКОРНЫЙ ЗАВОЕВАТЕЛЬ И ДИПЛОМАТ.

Утверждение независимости Бонапартом — Беспомощность Директории — Угрозы и прокламации — Генерал и его офицеры — Всеобъемлющий гений Бонапарта — Преданность Франции — Беспокойство в Италии — Позиция австрийцев —

Стратегия Бонапарта — Его концепция проблемы в Италии — Обоснование Его дальновидности — Модена, Парма и папство — Французские радикалы и папа — Политика Бонапарта — Его амбиции.

1796.

Когда весть об успехах в Пьемонте достигла Парижа, были объявлены и отпразднованы общественные празднества; но демократический дух руководителей не мог смириться ни с презрительным пренебрежением к их плану, которое продемонстрировал Бонапарт, ни с его высокомерным присвоением дипломатических полномочий. Зная, насколько глубоко их доктрина проникла в Пьемонт, они намеревались сделать его республикой. Поэтому было невыносимо, что из-за вмешательства Бонапарта они все еще были вынуждены вести переговоры с монархией. Договор с королем Сардинии был нелюбезно продиктован и подписан ими пятнадцатого мая, но перед этим они решили подрезать крылья своему опасному соколу. Они думали добиться этого, назначив Келлермана разделить с Бонапартом командование победоносной армией и утвердив Саличетти своим дипломатическим полномочным представителем для сопровождения ее. Весть об этом дошла до завоевателя в Лоди накануне его триумфального вступления в Милан. "При нынешнем положении дел, - быстро ответил он Директории, - у вас должен быть генерал, пользующийся вашим полным доверием. Если я должен сообщать о каждом шаге правительственным комиссарам, если они имеют право изменять мои передвижения, выводить или посылать войска, то ничего хорошего в дальнейшем не жди". Карно он писал в то же время: "Я считаю, что один плохой генерал стоит двух хороших.... Война подобна правительству, это вопрос такта.... Я не хочу, чтобы мне мешали. Я начал с некоторой славой; я хочу продолжить достойно вас". Сознывая, вероятно, что его собственная республиканская добродетель не сможет долго противостоять открывающимся перед ним искушениям, он начал последнее послание, как бы оправдываясь и предвосхищая возможные обвинения: "Клянусь, я не имею в виду ничего, кроме страны. Вы всегда найдете меня на прямом пути. Я обязан пожертвовать ради республики всеми своими взглядами. Если люди пытаются выставить меня не в лучшем свете в вашем отношении, мой ответ - в моем сердце и в моей совести ". Конечно, нет необходимости добавлять, что Директория уступила не только в том, что касалось единоначалия, но и в роковом и жизненно важном вопросе - доверить все дипломатические переговоры ему.

Сделав этот последний шаг, исполнительная власть фактически отказалась от своей идентичности. Однако ликование парижского населения и солдат было таково, что унижение или даже вынужденная отставка диктатора-победителя немедленно обеспечили бы падение директоров. Они даже не могли протестовать, когда вскоре после этого от Бонапарта пришла депеша, в которой сообщалось, что статьи "славного мира, который вы заключили с королем Сардинии" дошли "до нас", и многозначительно добавлялось в более позднем абзаце, что войска довольны, поскольку получают половину своего жалованья монетами. Голоса в Париже заявили, что за такие высказывания писатель должен быть расстрелян. Возможно, те, кто придавал худшее толкование внешне безобидным словам, были правы в своем инстинкте. В действительности Директория полностью зависела от армии с октября прошлого года; и хотя такая оскорбительная инсинуация на этот факт была бы, если бы она была преднамеренной, крайне неприятной, все же те, кто извлек выгоду из этого факта, не осмеливались возмущаться даже отдаленным упоминанием об этом.

Фарс продолжался еще некоторое время, Бонапарт играл свою роль с исключительным мастерством. Он отправил Келлерману в Савойю, не передавая это по правительственным каналам, субсидию в размере миллиона двухсот тысяч франков. Пока ему ничто не мешало, его депеши в Париж были воинственными и прямыми, хотя после прохождения По они стали несколько напыщенными и изобилуют его старомодными, любопытными, а иногда и некорректными классическими или литературными аллюзиями. Но если ему хоть в малейшей степени перечили, если не прибывало подкрепление или если в Париже появлялись какие-либо признаки независимости, они становились раздражительными, говорили о плохом здоровье, угрожали отставкой и требовали прислать много людей, чтобы заменить его в тех разнообразных функциях, которые он выполнял в своем личном лице. Конечно, эти тирады часто не производили немедленного эффекта, но, по крайней мере, не было предпринято никаких усилий, чтобы поставить эффективный крест на карьере писателя. Прочитанные столетие спустя в холодном и критическом свете, прокламации Бонапарта того же периода кажутся высокопарными, отрывистыми и театральными. В них, однако, все еще можно обнаружить своего рода промежуточную сентиментальность, и в век романтической преданности идеалам качество смутной наводящей на размышления мысли сошло за настоящую монету. Чего бы еще ни недоставало этим композициям, у них было одно высшее достоинство - достижение своей цели, ибо они вызывали у французских солдат бешеный энтузиазм.

Фактически, если Директория опиралась на армию, то армия Отныне принадлежала Бонапарту. В тот самый день, когда был взят Милан, Мармон услышал из уст своего лидера памятные слова: "Фортуна - женщина; чем больше она делает для меня, тем больше я буду требовать от нее.... В наши дни никто не задумал ничего великого; на мою долю выпало привести пример ". Это язык, который солдаты любят слышать от своего командира, и он, без сомнения, повторялся по всей армии. "С этого момента, - писал тот же хронист несколько месяцев спустя, - основная часть жалованья была в монетах. Это привело к большим изменениям в положении офицеров и в определенной степени в их привычках". Бонапарт был неподкупен. Однажды Саличетти объявил, что брат герцога Моденского ждет снаружи с четырьмя сундуками, в которых миллион франков золотом, и убедил генерала, как друга и соотечественника, принять их. "Благодарю вас, - последовал спокойный и многозначительный ответ. - Я не отдам себя в руки герцога Моденского за такую сумму". Но аналогичные предложения были сделаны главнокомандующим своим подчиненным, и они с меньшей осмотрительностью попали в ловушку, забрав все, что могли достать, и таким образом став рабами своего добродетельного лидера. В то время ходили слухи, что некоторые генералы, не осмеливаясь отправить свои нечестным путем заработанные деньги во Францию и не имея возможности вложить их в другое место, на самом деле везли в своем багаже сотни тысяч франков. Эта проституция его подчиненных была частью системы. Двадцать миллионов франков были приблизительно общей суммой всех взносов, объявленных Директории, и в их нищете это казалось огромным. Они также с удовольствием приняли сотню лучших лошадей Ломбардии, чтобы заменить, как написал Бонапарт, отправляя свой подарок, обычных лошадей, которые тянули их экипажи. Были ли эти ничтожные четыре миллиона долларов всем тем, что было получено от конфискации княжеских владений и секуляризации церковных владений? Ни в коем случае. Армейский сундук, о содержимом которого никто, кроме Бонапарта, не знал, был так же неисчерпаем, как кувшин вдовы. В начале кампании в Пьемонте были демонстративно выставлены пустые фургоны, представляющие военные средства, находящиеся в распоряжении командующего: теперь те же самые машины стонали под тяжестью сокровищ и хранились в

надежном укрытии. Он вполне мог бы сказать, как он это сделал в июне Мио, что комиссары Директории скоро уйдут и не будут заменены, поскольку они ничего не значат в его политике.

Таким образом, с приходом в Милан начинается новая эпоха в замечательном развитии, которое мы пытаемся обрисовать. Военный гений того, кто был патриотом Корсики и республиканцем-якобинцем, в конце концов возобладал над всеми другими его качествами. Из-за непоследовательности человеческой природы эти прежние персонажи время от времени проявляли себя как все еще существующие, но отныне они были подчиненными. Покоренный Милан был волшебным образом обеспечен временным правительством, готовым после запоздалого согласия Директории преобразоваться в Транспаданскую республику и перейти под защиту Франции. Каждая деталь управления, каждый чиновник и его функции находились под руководством Бонапарта. Он знал землю и ее ресурсы, людей и их способности, взаимоотношения окружающих государств и особенности их правителей. Такой кропотливый анализ, какой демонстрируют его депеши, такое понимание плана и деталей, такое отсутствие путаницы и ясность видения, такое отсутствие колебаний и такая четкость плана, кажется, доказывают, что либо герой, либо демон снова на земле. Все способности, которые этот человек проявлял до сих пор, какими бы великими они ни были, становятся незначительными по сравнению с олимпийскими способностями, которые он демонстрирует сейчас и будет продолжать демонстрировать в ближайшие годы. Его сухожилия - железные, нервы - стальные, его глаза не нуждаются во сне, а мозг - в отдыхе. То, что сказал о нем пленный венгерский ветеран в Лоди, относится как к его политической деятельности, так и к его военному беспокойству: "Он ничего не знает об обычных правилах ведения войны: иногда он на нашем фронте, иногда на фланге, иногда в тылу. Нет никакой поддержки такому грубому нарушению правил". Его чувства и рассудок действительно не были скованы человеческими ограничениями; они работали спереди, в тылу и с фланга, часто одновременно и всегда без путаницы.

Удивительно ли, что французская нация, только что оправившаяся от разгула безбожия и анархии, начала незаметно поддаваться чарам столь соблазнительного ухажера? В течение некоторого времени солдаты, как писали миланские газеты, были сборищем оборванцев, вечно летевших перед оружием его Величества Императора; теперь они были победителями, ведомыми вторым цезарем или Александром, одетыми, накормленными и получавшими зарплату за счет побежденных. Перед ярыми французскими республиканцами и перед народами Италии этот феноменальный деятель провозгласил, что он прибыл, чтобы разорвать цепи пленников, и почти в тот же час написал Директории, что он взимает налог в размере двадцати миллионов франков со страны, которая, хотя и была истощена пятилетней войной, была тогда самой богатой в цивилизованном мире. Не были забыты и чувство собственного достоинства Франции и страсть парижан к украшениям. Начался процесс грабежа, если не в направлении, то, по крайней мере, в той мере, до сих пор неизвестной современному миру, — грабеж научных образцов, рукописей, картин, статуй и других произведений искусства. Трудно определить ответственность за эту политику, которая подавляющим большинством образованных и интеллигентных французов считалась правильной с моральной и юридической точек зрения. Ничто так не льстило национальной гордости, как собрание в Париже художественных ценностей всех наций, ничто так не унижало ее, как их рассеивание по приказу союзников-победителей. В предыдущем году из Голландии и Бельгии было вывезено несколько произведений искусства, и Директория снова и снова отдавала официальные приказы о зачистке папских

галерей; но существует стойкое убеждение, основанное, без сомнения, на врожденной вероятности, что вся всеобъемлющая схема разграбления произведений искусства была предложена в первую очередь Бонапартом и предварительно согласована между ним и исполнительной властью перед его отъездом. Во всяком случае, он попросил и легко добился от правительства назначения комиссии ученых и экспертов для осмотра итальянских городов; и вскоре несметные сокровища искусства, литературы и науки начали стекаться в галереи, шкафы и библиотеки Парижа. Несколько смелых голосов среди столичных художников протестовали против осквернения; нация в целом была пьяна от восторга и не желала слушать. Рафаэля, Леонардо и Микеланджело, Корреджо, Джорджоне и Поля Веронезе вместе со всеми менее известными мастерами погрузили в трюмы фрегатов и отправили через Тулон в новый Рим; в то время как Монж и Бертолле рылись в научных коллекциях Милана и Пармы в поисках наиболее редких образцов. Науке, в сущности, предстояло процветать на берегах Сены как никогда прежде или где-либо еще; и великие исследователи Италии, забывшие о своей родине, должны были обрести новое гражданство в мире знаний в столице европейских свобод. Подобные слова, адресованные астроному Ориани, указывают на то, что в голове Бонапарта зародилась идея универсального федеративного государства, которому будут подчиняться национальные республики.

Ни одна сцена в истории военных действий не была более театральной, чем вступление французов в Милан. Театрализованное представление было организовано по образцу римского триумфа, а расстояния были рассчитаны таким образом, что Бонапарт был единственной впечатляющей фигурой. Со своим худощавым лицом и острым греческим профилем, длинными, гладкими, непудренными локонами, простой униформой и неудобной посадкой в седле он выглядел как новый человеческий тип, не ангел и не дьявол, а непостижимое явление из другой сферы. Для офицеров и рядовых чувственный город широко распротер свои объятия, а оборванные солдаты были неуместными фигурами, в то время как их артисты были элегантны и привередливы настолько, насколько гости и не мечтали. С суровой беспристрастностью освободитель подавлял все излишества в своей армии, но сразу же был поднят вопрос о контрибуциях, расквартировании, контрибуциях и финансовой организации, и были приняты необходимые меры. Богатые начали прятать свое имущество, а бюргеры кричать. Вскоре возникло сопротивление, сначала угрюмое, затем активное, особенно в пригородных деревнях, где французы подверглись ожесточенным нападениям. Один из них, Бинаско, был сожжен и разграблен в назидание остальным и городу в целом. Порядок был восстановлен, и неумолимый процесс захватов продолжился. Павия заявила о неповиновении; чиновникам угрожали смертью, многие видные граждане были взяты в заложники, и город три дня подвергался разграблению. "Такой урок исправил бы народ Италии". Им не нужен был второй пример, это было правдой, но цена "освобождения" была ужасающей.

Когда итальянское восстание было подавлено, французская нация воодушевлена, предоставлены независимые средства и Директория поставлена на свое место, Бонапарт получил свободу развивать и доводить до конца свои дальнейшие планы. Перед ним была территория Венеции, государства, некогда сильного и ужасного, но теперь, когда дело касалось населения страны, это был слабый и мягкий правитель. После быстрого принятия решения французский наблюдательный корпус был направлен для захвата Брешии и наблюдения за тирольскими перевалами. Австрии, конечно, было выгодно, чтобы нейтралитет Венеции не был нарушен, за исключением ее собственных войск. Но французы, смело начав формальное неповиновение, поспешили пойти дальше. Больше, не колеблясь, под

ложным предлогом захватил Пескьеру, другой венецианский город, который, благодаря своему расположению на выходе из озера Гарда, имел первостепенное стратегическое значение. Теперь он стоял лицом к лицу со своими преследователями на укрепленной линии, установленной без учета территориальных границ за всем течением Минчо. Такова была ситуация к северу и востоку от французской армии. К юго-востоку, на болотистых берегах той же реки, недалеко от ее впадения в По, находилась Мантуя. Этот город, который даже при обычных обстоятельствах был почти неприступной крепостью, был укреплен чрезвычайным гарнизоном, в то время как окружающие низменности были искусственно затоплены в качестве высшей меры безопасности.

Бонапарт намеревался отбросить Болье назад и захватить линию Адидже, гораздо более сильную, чем линия Минчо, для отражения австрийского вторжения с севера. Что для него значил нейтралитет слабого правительства и что значили предписания международного права, за которыми не стояла никакая сила, кроме моральной? Австрия, согласно договору, имела право перебрасывать свои войска по двум большим военным дорогам в пределах венецианской юрисдикции, и ее разбитые армии только что использовали одну из них для отступления. Вряд ли можно было ожидать, что победоносный полководец приостановит свое преследование из-за отсутствия нескольких строк, написанных на листе гербовой бумаги. Соответственно, простым маневром австрийцев заставили поверить, что его целью был захват Пескьеры и перевалов над озером Гарда; следовательно, бросая вызов международному праву и нарушая свои договоры, они сосредоточились в этом месте, чтобы отразить его атаку. Затем быстрым форсированным маршем французы были сосредоточены не на сильном правом фланге противника, а на его слабом центре в Боргетто. Кавалерия Бонапарта, до сих пор плохо конная и робкая, но теперь реорганизованная, была брошена вперед для выполнения своей легкой задачи. Под командованием Мюрата они прорвались вперед и, воодушевленные собственными блестящими успехами, с тех пор славились своей эффективностью. Затем Бонапарт с основной армией поспешил миновать Мантую, когда она лежала за своими бастионами болотной лихорадки, и австрийские силы были разрезаны надвое. Правое крыло бежало в горы; левое было фактически в ловушке. Без какого-либо объявления войны Венеции французы немедленно заняли Верону, а несколькими днями позже - Леньяго; Пескьера была укреплена, а Пиццигеттоне оккупирован, как и Брешия, при этом контрибуции всякого рода взымались даже более безжалостно, чем с миланцев. Овладение этими новыми позициями изолировало Мантую более прочно, чем это могло бы сделать формальное окружение; но, тем не менее, было сочтено разумным не оставлять лазеек, и несколько недель спустя восьмитысячная армия французов расположилась перед ее воротами.

Было очевидно, что в течение короткого времени мощные австрийские силы выступят с альпийских перевалов на север. Следовательно, дальнейшее продвижение вглубь венецианских земель обернулось бы гибелью для французов. Не оставалось ничего, кроме долгих часов осады, ибо Мантуя стала решающим пунктом. В разгар летней жары этот промежуток времени вполне можно было бы посвятить отдыху, но это был едва ли не самый напряженный период в жизни Бонапарта. Согласно отвергнутому Директорией плану разделения командования в Италии, миссия, возложенная на Келлерманна, заключалась в организации республик в Пьемонте и Милане, а затем в защите тирольских перевалов от наступления австрии с севера. Бонапарт должен был двинуться на юг вдоль побережья, чтобы последовательно произвести революцию в Генуе, Тоскане, Папской области и Неаполе. Вся эта идея была с презрением отвергнута Бонапартом, и блестящие успехи их

генерала вынудили Директорию не просто потворствовать его неповиновению, но фактически одобрить его политику. Теперь у него была возможность оправдать свое предвидение. Понимая, в отличие от правительства, что Австрия была их единственным грозным врагом на суше, настоящим оплотом всей итальянской системы, он первым делом пошатнул ее могущество, по крайней мере на время. Опора была убрана, конструкция начала рушиться, и за этот промежуток ожидания она рухнула. Его возможность была упущена, его решение созрело.

Впереди Венеция была в его власти; позади него партизанские отряды так называемых барбетов, сформированные на генуэзской территории и снаряженные недовольными беглецами, угрожали недавно завоеванным воротам из Франции, где сходятся Лигурийские Альпы и Апеннины. Первым шагом Бонапарта было навязать покорному Пьемонту новое соглашение, в соответствии с которым, для пущей уверенности, Алессандрия была добавлена в список крепостей, находящихся в руках Франции; затем, в качестве его второй меры, Мюрат и Ланн предстали перед Генуей во главе вооруженных сил с инструкциями сначала схватить и расстрелять многих преступников, нашедших убежище на ее территории после восстаний в Ломбардии, а затем пригрозить Сенату дальнейшими карательными мерами и приказать немедленно уволить полномочного представителя австрийской империи. Из Парижа пришел приказ выгнать английский флот из гавани Ливорно, где, несмотря на мирный договор между Тосканой и Францией, все еще находились вражеские арсеналы и корабли. Это было сделано. Неаполь не стал дожидаться вторжения на свои территории, но запросил пощады и был унижен, будучи вынужден вывести свой флот из состава коалиции, а кавалерию - из состава австрийской армии. На какое-то время город Рим был оставлен в покое. Сила папского владычества находилась в Болонье и других дипломатических миссиях за Апеннинскими, включавших многие из лучших округов Италии; и там предстояло нанести мастерский удар.

На троне Модены находился австрийский эрцгерцог: его правительство было безжалостно разгромлено и фактически уничтожено, выкуп был установлен в размере разорительной суммы в десять миллионов франков двадцатью лучшими картинами княжества. Но в Парме был испанский принц, с домом которого Франция заключила один договор и надеялась заключить гораздо лучший. Поэтому герцогу было милостиво разрешено купить перемирие огромной, но все же возможной контрибуцией в размере двух миллионов франков деньгами, а также провизией и лошадьми в достаточном количестве. Знаменитый Святой Иероним из Корреджо был среди двадцати картин, изъятых в Модене. Эрцгерцог неоднократно предлагал выкуп за него в миллион франков - сумму, в которую оценивалась его стоимость, но его просьба не была удовлетворена. Затем последовала Болонья и прилегающие к ней территории. Такова была тирания церковного контроля, что подданные папы в этом самом древнем и знаменитом очаге учености приветствовали французов с неподдельной радостью; и самая прекрасная часть папских государств по собственному желанию освободилась из-под старого ига. Преемник святого Петра был рад выкупить свой капитал, заплатив номинально двадцать один миллион франков. На самом деле ему пришлось пожертвовать гораздо больше, поскольку его галереи, как и галереи Модены, были лишены своих драгоценностей, в то время как средства, изъятые в правительственных учреждениях и взимаемые нерегулярными способами, увеличили общую стоимость, отправленную в Париж, почти вдвое по сравнению с номинальным взносом. Все это, объяснил Бонапарт, было только началом, праздностью летней жары. "Это перемирие, - писал он в Париж двадцать первого июня 1796 года, - поскольку оно заключено

с "собачьей звездой", а не с папской армией, я считаю, что вам не следует спешить с заключением мира, чтобы в сентябре, если все пойдет хорошо в Германии и северной Италии, мы могли овладеть Римом".

Жозефина, императрица Франции.

С картины Франсуа Жерара.

В музее Версаля.

На самом деле этот гениальный человек действительно практиковал умеренность, поскольку и он, и перепуганные итальянцы, учитывая их относительное положение, понимали это. Какой бы ни была первоначальная договоренность с директорами, не было ничего, чего бы они теперь не ожидали и не требовали от Италии; они написали, требуя, в дополнение ко всему, что было упомянуто ранее, всякого рода добычи у Ливорно; мачт, канатов и корабельных припасов из Генуи; лошадей, провизии и фуража из Милана; а также пожертвований драгоценностями от правящих принцев. Что же касается папской власти, то французские радикалы с радостью уничтожили бы ее. Они не забыли, что Бассевиль, дипломатический агент республики, был убит на улицах Рима и что никакого возмещения ущерба не было произведено ни наказанием убийцы, ни каким-либо иным образом. Папа римский, заявляли они, был истинным виновником ужасной гражданской войны, разжигаемой непреклонным духовенством и с такой яростью ведущейся во Франции. Более того, все сентиментальное и философское движение века во Франции и других странах рассматривало церковную централизацию и иерархическую тиранию папства как опасный пережиток абсолютизма.

Но Бонапарт был мудр для своего поколения. Взносы, которые он взимал по всей Италии, были ужасны; но они были такими, что она могла вынести и все еще восстанавливать силы для дальнейшей службы в том же направлении. Более того, либерализм Италии не был радикализмом Франции; и покорное папство имело неизмеримо большую ценность как там, так и в других частях Европы, чем непримиримое и беглое. Папа римский тоже, хотя и ослабленный и униженный как светский князь, был пощажен для дальнейшей пользы своему завоевателю как духовный сановник. Помимо всего этого, огромное моральное влияние оказывала умеренная и, по-видимому, безличностная политика. Бонапарт, хотя лично и по натуре был страстным и своенравным человеком, чувствовал себя обязанным, как представитель великого движения, проявлять сдержанность, прилагая усилия к тому, чтобы жить просто, одеваться просто, почти поношенно, и продолжая со спокойным расчетом отказываться от огромных взяток, которые начали и продолжали предлагать ему лично правители Италии. Все его генералы и фискальные агенты страны были в его власти, потому что именно при его попустительстве они невероятно разбогатели, в то время как сам он оставался сравнительно бедным и для своего положения почти нищим. Армия была его преданным слугой; Италия и весь мир должны увидеть, насколько его умеренность отличалась от алчности республики и ее орудий, таких вандалов, как комиссары Гаро и Саличетти.

Таков был "досуг" того, кто по всей видимости был всего лишь человеком, причем самым обычным. На медалях, отчеканенных в ознаменование этой первой части итальянской кампании, он все тот же стройный юноша с длинными волосами, каким он был по прибытии в Париж годом ранее. Было замечено, однако, что прежняя безразличная манера была несколько подчеркнутой и, следовательно, искусственной; что взгляд был, по крайней мере, таким же прямым и пронизательным, как всегда; и что вокруг была, наполовину намеренно, наполовину бессознательно, распространена атмосфера безапелляционного командования — но и только. Воплощение честолюбия было давно завершено; сопутствующая ему властная манера проявлялась, но медленно. В Бонапарте угадывались, как говорит Виктор Гюго, неясные очертания Наполеона. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXIX.

БАССАНО И АРКОЛА.

Австрийская система — Австрийская стратегия — Кастильоне — Завоевания Франции — Бассано — Французы в Тироле — Французы потерпели поражение в Германии — Бонапарт и Альвинчи — Успехи Австрии — Кальдиеро — Первая битва при Арколе — Вторая битва при Арколе.

1796.

Тем временем наступил конец июля. Император Франциск принял решение. Рискую потерпеть поражение на Рейне, он должен сохранить свои итальянские владения и престиж. Он все еще был римским императором, наследником незапамятного достоинства, повелителем прекраснейших земель полуострова. Поэтому Вурмзер, которого Австрия

считала своим величайшим полководцем, был отозван в Вену с запада и послан во главе двадцатипятитысячного свежего войска собрать колонны армии Болье, рассеянные в Тироле. Сделав это, он должен был принять на себя главное командование и выдвинуться на помощь Мантуе. Первая часть его задачи была успешно выполнена, и уже сейчас, в соответствии с указаниями Государственного совета империи и в соответствии с той же до сих пор универсальной, но порочной системой ведения кабинетной кампании, от которой только что отказался Бонапарт, он спускался с Альп тремя колоннами общей численностью около сорока семи тысяч человек. В гарнизоне Мантуи было около пятнадцати тысяч человек. Бонапарт был намного слабее, имея всего сорок две тысячи человек, и из них около восьми тысяч были заняты осадой этого места. Вурмсер был мастером старой школы, работавшим как автомат под рукой своего правительства и командовавшим в соответствии с избитыми правилами своими хорошо оснащенными батальонами, каждый солдат которых был новобранцем, обходившимся так дорого, что разрушительные сражения проводились как можно реже, потому что сражаться со многими означало финансовый крах. В результате, подобно всем лучшим генералам своего класса, он превратил войну, насколько это было возможно, в серию маневров. Ему противостоял эмансипированный гений, которому не мешали ни режиссеры, ни общественный совет. В традициях Революции, как и в представлении Фридриха Великого, война была не игрой, а кровавым решением, и чем быстрее будет принято решение, тем лучше. Национальная воинская повинность под руководством Дюбуа де Крансеобеспечила наличие неограниченного количества людей при наименьших затратах; в то время как организация Карно сделала возможным быстрое управление войсками в больших количествах за счет упрощения механизма. Бонапарт собирался показать, что можно сделать с помощью оружия, которое попало ему в руки.

Владение Мантуей имело решающее значение для судьбы Италии, поскольку ее обладатель мог иметь своего рода верховную власть в каждом маленьком итальянском государстве. Если Бонапарт возьмет и удержит его, Австрия будет фактически изгнана из Италии, а ее престиж подорван. Следовательно, она должна ослабить его, иначе потеряет не только свою власть на полуострове, но и свое положение в Европе. С этой целью и в соответствии с установленными правилами стратегии австрийцы тремя дивизиями двинулись с гор против французской линии, которая тянулась от Брешии мимо Пескьеры, в верховьях Минчо, и через Верону к Леньяго на Адидже. Две из этих армий должны были пройти соответственно по восточному и западному берегам озера Гарда и, обойдя с флангов уступающие силы французов с обеих сторон, окружить и захватить их в плен. Другая дивизия находилась на реке Адидже перед Вероной, готовая освободить Мантую. Между этой рекой и озером возвышается величественная громада Монте-Бальдо, крутая на восточном и более пологая на западном склоне. Это последнее, поскольку давало некоторое пространство для маневров, действительно было ключом к отрывку. Первое наступление австрийцев на этой линии было таким, что французские аванпосты в Лонато и Риволи были отброшены, и какое-то время казалось, что там будет всеобщее бегство. Но французы стояли твердо и остановили дальнейшее наступление. Целый день Бонапарт и Вурмсер стояли друг против друга. Тем временем, однако, левая австрийская колонна продвигалась к Вероне, в то время как правая, под командованием Квасдановича, уже захватила Брешию, захватила шоссе на Милан и отрезала французам путь к отступлению. Этот ход в плане Вурмсера был пока что полностью успешным, и на мгновение показалось, что продолжение будет таким же. Положение его противников было отчаянным.

Во время этого кризиса произошла первая из тех любопытных сцен, которые периодически повторяются в жизни Бонапарта. Некоторые, в том числе очевидцы, приписывают их подлинной панике. Его первой мерой было отправить летучих адъютантов числом десять человек, чтобы сосредоточить свои разрозненные силы в критической точке, к югу от озера Гарда. Его гений решил, что победа на поле боя гораздо более плодотворна, чем сдерживание гарнизона. Соответственно, он приказал Серюрье снять осаду Мантуи, а его осадные орудия усилить и отвести. Полученную таким образом дивизию он немедленно отправил для полевых операций в направлении Брешии. Но их численность была настолько мала, что едва ли могла облегчить ситуацию. Соответственно, был созван военный совет, чтобы решить, должна ли армия оставаться и сражаться или отступить для дальнейшего сосредоточения. Главнокомандующий, по-видимому, был сильно взволнован и, согласно рассказу Ожеро, посоветовал последнее. Поскольку враг находился между французами и Адд, не было открыто никакой другой линии, кроме той, что вела на юг через низменность, через По; и следовать по ней означало нечто сродни беспорядочному бегству. Тем не менее, все генералы поддержали это предложение, за исключением одного, пламенного отчаянного рассказчика, который презирал саму идею отступления на любом рубеже и с презрением вылетел из комнаты. Бонапарт расхаживал по залу допоздна; наконец, он, похоже, принял совет Ожеро и отдал приказ к сражению. Но первые движения были выполнены плохо. Бонапарт, казалось, почувствовал, что предзнаменования были неблагоприятными, и снова были вызваны генералы. Ожеро открыл собрание театральной и декламационной, но серьезной речью, подбадривая своих товарищей и настаивая на целесообразности сражения. На этот раз бежал Бонапарт, очевидно, в отчаянии, оставив главное командование, а вместе с ним и ответственность, отважному Ожеро, чей энтузиазм, как он, несомненно, видел, подействовал на других генералов. Опасное предприятие увенчалось успехом, причем в соответствии с уже принятым планом. Ожеро отдал приказы, и с быстрой концентрацией все имеющиеся в наличии люди были брошены против австрийской колонны под командованием Квасдановича у Лонато. Многие из этого может быть правдой; отбросив непоследовательность и бахвальство Ожеро, это возможно, но маловероятно.

Результатом стала легкая победа, враг был отброшен на безопасное расстояние, и четвертого августа Брешия была эвакуирована, а разбитые колонны отступили за озеро Гарда, чтобы присоединиться к Вурмзеру на другом берегу. Подобно обычному вращению маятника, французы снова двинулись назад и той же ночью столкнулись с австрийским центром, но теперь каждой ротой в строю и Бонапартом во главе. Часть противника, численностью около двадцати пяти тысяч человек, достигла Лонато, спеша на поддержку Квасдановича. Вурмсер проиграл за день до Мантуи. Во второй раз спешащие французы вступили в схватку со своим противником почти на том же поле. Во второй раз они легко одержали победу. На самом деле, это второе поражение было настолько ужасным, что разрозненные отряды австрийцев бесцельно бродили по округе, не зная своего пути. Одна из них, численностью в четыре тысячи человек, достигнув Лонато, обнаружила, что он почти покинут французами, а у Бонапарта и его штаба осталось всего тысяча двести человек. Герольд с завязанными глазами, как это было принято в то время, был немедленно отправлен призвать французского командующего сдаться превосходящим австрийским силам. Свободные остатки победоносной армии быстро собрались, и среди них был представлен посланник. Когда с его глаз сняли повязку, ослепленный светом, падающим на сотни блестящих мундиров, послышался властный голос его злейшего врага, приказывающий ему вернуться и сказать своему командиру, что говорить о капитуляции

французской армии - личное оскорбление, и что именно он должен немедленно сдаться сам и его дивизия. Смелый план удался, и к десяти тысячам ранее убитых, раненых и захваченных в плен завоевателей добавились четыре тысячи пленных. На следующее утро Вурмсер выступил вперед и, расположившись правым флангом на берегу озера Гарда, предложил сражение. Решающее сражение произошло в центре его длинной, слабой линии обороны у Кастильоне, где около пятнадцати тысяч австрийцев случайно остановились без приказа и, следовательно, без уверенности в поддержке. И снова позиция французов была настолько слабой, что, по-видимому, повергла Бонапарта в панику, и снова, согласно мемуарам генерала Ландриэ, огонь и наскоки Ожеро привели к вступлению в сражение, в то время как Бонапарт отступил в угрюмом настроении. Какой бы ни была правда, атака была предпринята. К вечеру ожесточенная борьба закончилась. Это событие пятого августа Наполеон всегда называл настоящей битвой при Кастильоне. Два дня спустя Вурмсер, который наивно надеялся, что Мантуя принадлежит ему, а французы полностью отступают, привел за собой неровную линию из двадцати пяти тысяч человек. Они были легко разгромлены Бонапартом в результате серии хитроумных маневров седьмого числа и без особого кровопролития. В ту ночь Вурмсер потерпел полное поражение, а австрийцы начали полное отступление в сторону Тироля. Если бы огромный риск этих нескольких дней был направлен против французов, кто был бы виноват, кроме сумасброда Ожеро? Как оказалось, чья была слава, как не Бонапарта? По крайней мере, эта паника, похоже, была тщательно рассчитана и искусно разыграна. Неделью спустя французские позиции снова были перекрыты перед Мантуей, которая, хотя и не была окружена, по крайней мере, находилась в блокаде. Крепость была восстановлена и перегруппирована, в то время как осаждающие были вынуждены уничтожить свой собственный поезд, чтобы предотвратить его захват врагом. Но Франция владела реками Минчо и Адидже, потеряв в общей сложности около десяти тысяч человек, в то время как Австрия потеряла около двадцати тысяч человек и питала слабую надежду. Обе армии были измотаны, но большая ставка еще не была выиграна. Если австрийская война была полностью дискредитирована, то нерегулярная, разрозненная, неуверенная французская война прошлой недели не увеличила славы Франции.

В кратчайшие сроки были переброшены новые войска как из Вены, так и из Парижа. Вместе с ними из австрийской столицы пришли четкие инструкции Вурмсеру о том, что в любом случае он должен снова наступать на Мантую. Повинуясь этому приказу императора, двадцатитысячная дивизия армии под командованием Давидовича была оставлена в австрийском Тироле в Ровередо, недалеко от Трента, чтобы остановить продвижение французов, которые со своими подкреплениями продвигались через перевал, как будто для того, чтобы присоединиться к Моро, который успешно продвинулся вперед и должен был быть в Мюнхене. Основные силы австрийской армии под командованием Вурмзера перешли в долину Brenty и продвигались к Мантуе. Если бы он решил повернуть на запад против французов, резерв мог бы спуститься в долину Адидже ему на помощь. Но Бонапарт не собирался ни проходить мимо, оставляя открытым путь на юг, ни быть запертым в долинах Тироля. Быстрым броском Давидович сначала потерпел поражение при Ровередо, а затем был отброшен далеко за пределы Трента в более высокие долины. Победитель задержался только для того, чтобы издать прокламацию, предоставляющую автономию тирольцам под защитой Франции; но неблагодарные крестьяне предпочли автономию, которой они уже пользовались, и укрепили свои стремительные попытки к сопротивлению. Быстро повернув в долину Brenty, Бонапарт двухдневным форсированным маршем застал врасплох авангард Вурмзера у Примолано и захватил его; на следующий день, восьмого сентября, Массена

рассек надвое и полностью разгромил основную армию при Бассано. Часть уцелевших отступила во Фриули, в сторону Вены. Людям под личным командованием Вурмсера ничего не оставалось, как броситься, если возможно, в Мантую. С этими силами, всего около шестнадцати тысяч человек, генерал-ветеран серией блестящих маневров пробил себе путь за фланг блокировавших французских линий, где доблестно оборонялся сначала у Сен-Жоржа, а затем у Фавориты. Но он был изгнан с обеих позиций и вынужден найти убежище в знаменитой крепости.

Молниеносная быстрота этих операций довершила деморализацию австрийских войск. Укрепленные ущелья и скалы Тироля пали перед атаками французов так же легко, как и их брустверы на равнинах. У Вурмсера в Мантуе было двадцать шесть тысяч человек, но от страха и лихорадки половина из них попала в госпитали.

Тем временем французское оружие на Севере постигла катастрофа. Журден перешел Рейн у Дюссельдорфа, как и Моро у Келя. У каждого из них было около семидесяти пяти тысяч человек, в то время как армия австрийского эрцгерцога Карла сократилась из-за отъезда Вурмсера в Италию до гораздо меньшего числа. Согласно плану Директории, эти две французские армии должны были наступать параллельными линиями к югу от нейтральной зоны через Германию и присоединиться к Бонапарту через Тироль для наступления на Вену. Моро разгромил австрийцев и беспрепятственно добрался до Мюнхена. Вюртемберг и Баден заключили мир с Французской республикой на ее собственных условиях, а Саксония, отозвав свои войска из коалиции, объявила себя нейтральной, как это сделала Пруссия. Но Журден, захватив Вюрцбург и выиграв битву при Альтенкирхене, был встречен на пути к Ратисбону и Ноймаркту и основательно избит тем же молодым эрцгерцогом Карлом, который приобрел опыт и научился мудрости после своего поражения от Моро. Таким образом, обе французские армии были отброшены назад к Рейну, и не могло быть никакой дальнейшей надежды на осуществление первоначального плана. Таким образом, внимание всего мира было сосредоточено на победоносной армии Италии и ее молодом командующем, важность которого еще больше возросла благодаря исполнению его собственного пророчества о том, что судьба Европы зависит от исхода его кампании в Италии.

Это было не пустое хвастовство. Упрямая решимость Франциска отвоевать Италию придала новое мужество консерваторам центральной и южной Италии, которые не скрывали ни своей решимости, ни своих приготовлений уничтожить французскую мощь и влияние в границах Модены, Рима и Неаполя. Таким образом, Бонапарт получил возможность сделать еще один важный шаг в освобождении от Директории. До сих пор он заявлял и подтверждал свою военную и дипломатическую независимость: теперь он смело взял на себя политическое господство. Хотя временами он был невысокого мнения об итальянцах, все же он признавал их более высокие качества. В Модене, Реджо, Болонье и Ферраре были тысячи людей, которые понимали значение зарождающейся эпохи. Он нанес им визиты и в течение короткого промежутка времени, проведенного в его распоряжении, сердечно похвалил их сопротивление реакционерам. Опредив Директорию, он объявил, что Модена и Реджо находятся под защитой Франции. Эта смелая процедура обеспечила ему господство среди всех итальянских либералов и сделала уверенным продолжение его кампании до победного конца. Болонья и Феррара, сдавшиеся под защиту франции двадцать третьего июня, вскоре открыто восстали против возрождавшегося папского влияния, и даже в далеком Неаполе либералы снова воспрянули духом.

Поскольку слава императорского оружия была блестяще подтверждена на севере, правительство в Вене, естественно, не считало невозможным освободить Мантую и восстановить престиж Австрии на юге. Нужно было приложить все усилия. Были вызваны тирольские меткие стрелки, большое количество необученных рекрутов было собрано в Иллирии и Хорватии, в то время как несколько ветеранов были взяты из войск эрцгерцога Карла. Когда они были собраны, Квасданович оказался во Фриули с более чем тридцатью пятью тысячами человек, в то время как у Давидовича в Тироле было восемнадцать тысяч. Главное командование обеими армиями было поручено Альвинчи, опытному, но пожилому генералу, принадлежавшему к тому же роду, к которому принадлежал Вурмсер. Примерно первого октября две армии двинулись одновременно, одна вниз по Адидже, другая вниз по Пьяве, чтобы соединиться перед Виченцей и двинуться на помощь Мантуе. В четвертый раз Бонапарту предстояло вести ту же битву, на том же поле, с той же целью, с тем же численным превосходством. Его положение, однако, было немного лучше, чем было раньше, поскольку несколько батальонов ветеранов, которые больше не были нужны в Вандее, прибыли из Западной армии; его собственные солдаты также были хорошо экипированы и полны энтузиазма. Первого октября он написал в Справочную Службу, что у него было тридцать тысяч действующих пациентов; но, вероятно, у него было больше, поскольку вряд ли, как он сказал, восемнадцать тысяч находились в больницах. Более того, население вокруг него и за его спиной теряло веру в Австрию и становилось благосклонно настроенным по отношению к Франции. Поэтому были призваны многие из его гарнизонов; и за вычетом восьми тысяч человек, предназначенных для осады Мантуи, у него все еще оставалась армия численностью почти в сорок тысяч человек, с которой он мог встретить австрийцев. Конечно, среди его генералов было некоторое недовольство. Ожеро был тщеславен и жесток, Массена чувствовал, что не получил должной похвалы Бассано, и у обоих были сочувствующие даже в рядах. Это было неизбежно, учитывая политику и систему Бонапарта, и несколько снижало эффективность его работы.

Хотя баланс, таким образом, был в целом в пользу французов, все же этот четвертый этап кампании начался для них катастрофой. Чтобы предотвратить объединение двух армий своего врага, Бонапарт приказал Вобуа, который был оставлен выше Трента охранять французские завоевания в Тироле, атаковать Давидович. Результатом стал разгром, и Вобуа был вынужден оставлять одну сильную позицию за другой — сначала Трент, затем Ровередо, — пока, наконец, он не почувствовал, что может закрепиться на правом берегу Адидже у Риволи, который господствует над южными склонами Монте-Бальдо. Другой берег был в руках австрийцев, и Давидович мог безопасно выйти на равнину. Такой результат был в значительной степени достигнут благодаря умелой горной войне тирольского ополчения. Тем временем Массена переехал из Бассано вверх по Пьяве, чтобы понаблюдать за Альвинчи. Ожеро был в Вероне. четвертого ноября Альвинчи продвинулся вперед и занял Бассано, вынудив Массену отступить перед его превосходящими силами. Бонапарт, полный решимости не допустить соединения двух австрийских армий, двинулся с дивизией Ожеро на усиление Массены и оттеснил Альвинчи обратно в долину Пьяве. Ожеро сражался весь день шестого числа при Бассано, Массена - при Цитадели. Это первое столкновение было нерешительным; но после получения известий о поражении Вобуа французы сочли за лучшее отступить на следующий день. Теперь не было ни единого препятствия для соединения двух австрийских армий, и девятого ноября Альвинчи двинулся к Вероне, где французы остановились восьмого. Все выглядело так, как будто Бонапарт будет атакован сразу с обоих флангов и, таким образом, разбит.

Верона расположена на обоих берегах реки Адидже, через которую перекинута несколько мостов, но сердце города находится справа. Остатки армии Вобуа были собраны в Риволи, несколькими милями выше по тому берегу, и Бонапарт максимально использовал реку в качестве естественного укрепления и сосредоточил остальные свои силы на том же берегу. Альвинчи подошел и занял Кальдиеро, расположенный на пологом возвышении на другом берегу к юго-востоку; но французская дивизия в Риволи, которая благодаря решительным методам Бонапарта была полностью посрамлена и теперь жаждала реванша, сдерживала Давидовича. Он оставался на некотором расстоянии к северу, где, как ожидалось, должен был переправиться и спуститься на левый берег. Чтобы предотвратить это, двенадцатого ноября корпус Массены предпринял ожесточенную атаку на позиции Альвинчи. Попытка оказалась совершенно безуспешной, и французы были отброшены с серьезными потерями в три тысячи человек. Положение Бонапарта теперь было еще более критическим, чем при Кастильоне; ему пришлось сражаться с двумя новыми австрийскими армиями, по одной на каждом фланге, а Вурмзер с третьей готовился к вылазке из Мантуи в его тыл. Если между австрийскими лидерами должно быть хотя бы частичное сотрудничество, он должен отступить. Но он был уверен, что никакого сотрудничества вообще не будет. Из сил в Вероне и что перед Мантуей было собрано двадцать тысяч человек, чтобы спуститься по течению Адидже в болотистые земли вокруг Ронко, где должна была быть произведена переправа и пойман Альвинчи, если возможно, у Виллановы, на его левом фланге. Этот поворотный маневр, хотя и очень опасный, был довольно успешным, и критики считают его одним из лучших в этой или любой другой кампании Бонапарта. Среди этих болот, рвов и дамб методичные австрийцы, стремившиеся захватить сильные позиции одним ожесточенным натиском, оказались в крайне невыгодном положении перед новой тактикой быстрого передвижения разрозненными колоннами, которые было трудно атаковать. Ложным отступлением на запад французская армия оставила Верону, не привлекая внимания, но быстрым контрмаршем утром пятнадцатого ноября она достигла Ронко, благополучно переправилась через реку и повернула назад, чтобы обойти австрийские позиции с фланга.

Первая оборона противника была предпринята у Арколи, где короткий узкий мост соединяет высокие дамбы, регулирующие медленное течение маленькой речки Альпон, притока Адидже на его левом берегу. Этот мост защищали два батальона хорватских новобранцев, командир которых, полковник Бригидо, разместил пару полевых орудий таким образом, чтобы окружить его. Французы наступали тремя колоннами по такому же количеству дорог, центральная из которых вела к мосту. Первая попытка переправиться была отбита смертоносным огнем, который хорваты вели со своей защищенной позиции. Ожеро со своим отборным корпусом справился не лучше во второй атаке, возглавляемой им самим, несущим знамя; и в третьем катастрофическом натиске Бонапарт, который собственноручно подхватил знамя и водрузил его на мосту, сам был сброшен обратно в трясины, где он погиб бы, если бы в четвертый раз не вернулись гренадеры, которые отбросили преследующих австрийцев и вытащили своего командира из болота. Воодушевленные его неустрашимой отвагой, доблестные шеренги снова выстроились. В этот момент другой французский корпус переправился ниже по течению на понтонах, и австрийцы были дезорганизованы, несмотря на большое подкрепление, подошедшее под Альвинчи, последняя атака на мост была успешной. Захватив Арколу, французы обошли противника с тыла и отрезали не только его артиллерию, но и резервы в долине Бренты. Преимущество, однако, было полностью сведено на нет мастерским отступлением Альвинчи со своей позиции у Кальдиеро, осуществленным по другим дамбам и другому мосту дальше на север, которые французы не смогли вовремя захватить.

Бонапарт быстро отступил к Ронко и снова пересек Адидже, чтобы встретить атаку, которую, как он предполагал, Давидович, возможно, форсировав позицию Вобуа, затем наверняка предпримет. Но этот генерал все еще находился на своем старом месте и не подавал никаких признаков активности. Это движение ввело Альвинчи в заблуждение, который, думая, что французы выступили из Мантуи, вернулся через Арколу, чтобы преследовать их. И снова французский командующий повел свои войска через Адидже в болотистую низменность. Его враг не забыл отчаянной схватки у моста и был робок; и, кроме того, в своем сомкнутом строю он не мог соперничать на такой местности с разомкнутыми рядами французов. Отступив без какого-либо реального сопротивления до Арколи, австрийцы во второй раз укрепились в этом обнесенном красными стенами бурге. Бонапарт не мог позволить себе еще одну прямую атаку с сопутствующими потерями и попытался переломить позицию, перейдя вброд Альпон там, где она впадает в Адидже. Он потерпел неудачу и снова отступил к Ронко, второй день оставаясь в нерешительности. Однако утром семнадцатого, при неизменном изобилии ресурсов, был принят новый план, который успешно осуществился. Один из понтонов на Адидже затонул, и отряд австрийцев атаковал небольшое подразделение, дислоцированное на левом берегу для его охраны, в надежде разрушить оставшуюся часть моста. Они были отброшены назад, к болотам, которыми они намеревались прикрыть свой фланг. Гарнизоны как Арколы, так и Порчила, соседней деревни, были серьезно ослаблены задержанием этих сил. Две французские дивизии были немедленно отправлены, чтобы воспользоваться этим преимуществом, и в то же время среди ив полларда, окаймлявших рвы за отступающими австрийцами, была устроена засада. В подходящий момент засада была раскрыта, и ужасный огонь загнал три тысячи хорватских новобранцев в болото, где большинство из них утонуло или было расстреляно. Продвинувшись затем за Альпон по мосту, построенному предыдущей ночью, Бонапарт дал бой на возвышенности противнику, численность которого теперь, по его расчетам, была сравнята с его собственной. Австрийцы оказали яростное сопротивление; но такова была их доверчивость ко всему, что мог предпринять их враг, что простая уловка французов заставила их поверить, что их левый фланг обошла дивизия, тогда как на самом деле всего двадцать пять человек были посланы объезжать болота и трубить в горны. Будучи одновременно атакованы Ожеро на фронте того же крыла, они, наконец, в хорошем порядке отступили к Монтебелло. Оттуда Альвинчи медленно отступал в долину Бренты. Французы вернулись в Верону. Давидович, не зная обо всем, что произошло, теперь окончательно выбил Вобуа; но, обнаружив перед собой Массену с его дивизией там, где он ожидал увидеть Альвинчи и большую австрийскую армию, он благоразумно отступил в Тироль. Только двадцать третьего ноября, спустя много времени после отъезда обоих своих коллег, Вурмсер совершил блестящую, но, конечно, безрезультатную вылазку из Мантуи. Французы были настолько измотаны, а австрийцы настолько разбиты и рассеяны, что по молчаливому согласию военные действия были приостановлены почти на два месяца.

[\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXX.

ВЛАСТНЫЙ ДУХ БОНАПАРТА.

Трансформация Бонапарта — Военный гений — Силы и принципы — Теория и поведение — Политическая деятельность — Цели для Италии — Частная переписка — Отношение к итальянским державам — Антагонизм к Директории — Стоящая перед Ним задача — Диктатор в маске.

1796.

В течение двух месяцев, между серединой ноября 1796 года и серединой января 1797 года, в характере и поведении Бонапарта произошли заметные изменения. После Арколи он предстал человеком, сильно отличавшимся от новичка, которым он был до Монтенотта. Дважды его судьба висела на волоске: его спасла отчаянная храбрость Рампона и его солдат при Монте-Легино, и снова отвага Ожеро при Лонато; дважды он едва избежал плена, один раз при Валеджо, один раз при Лонато; дважды его жизнь была спасена в пылу сражения, словно чудом, один раз при Лоди, другой раз при Арколе. Эти факты, очевидно, произвели глубокое впечатление на него, поскольку были использованы наилучшим образом для того, чтобы сделать новый шаг в общественном развитии. До сих пор он был таким же предприимчивым, как величайший сорвиголова среди младших офицеров, рискуя своей жизнью в каждом новом предприятии; с тех пор он, казалось, ценил себя и рассчитывал не только на то, что подвергнет опасности свою жизнь, но и на задушевность беседы, прекрасно приспособлявая ее к какому-нибудь великому результату. Постепенно и неофициально было организовано нечто вроде личной охраны, которая, по мере того как идея становилась привычной, была искусно превращена в отборный корпус, лучшие офицеры и лучшие солдаты которого чувствовали себя почетными членами. Постоянное присутствие таких людей неизбежно отдаляло главнокомандующего от тех коллег, которые до сих пор были близкими товарищами. Что-то в природе официального этикета однажды установилось, и было легко расширить его правила и подтвердить их. Таким образом, генералы все больше и больше отдалялись от своего начальника, и перед новым годом они незаметно усвоили манеру обращения, которая демонстрировала высокое внешнее уважение, и фактически прекратили всякие дружеские отношения с тем, кто еще так недавно был просто первым среди равных. Врожденная склонность Бонапарта командовать при таких обстоятельствах переросла в привычку к властному диктованию. Учитывая то, что было достигнуто, даже самому упрямому демократу было бы невозможно проконтролировать этот процесс. Ни один из принципов Бонапарта не потерпел неудачи в триумфальном оправдании.

В последующие годы сам Наполеон считал, и последующая критика подтвердила его мнение, что итальянская кампания, взятая в целом, была его величайшей. Революция любой общественной системы, социальной, политической или военной, всегда является гигантской задачей. Это было не что иное, как то, что Бонапарт совершил не в одной, а во всех трех сферах в течение лета и осени 1796 года. Эти изменения, как и изменения в большинстве революций, были изменением акцента и степени применения уже

предсказанных принципов. "Разделяй и властвуй" было старой максимой; было в новинку видеть, как она применяется в войне и политике так, как Бонапарт применял ее в Италии. Было отмечено, что существенное различие между Наполеоном и Фридрихом Великим заключалось в том, что последнему не приходилось убивать по десять тысяч человек в месяц. Идея о том, что война должна быть короткой и ужасной, действительно, была ясна великому пруссаку; Карно и the times предоставили возможность для ее убедительной демонстрации гением великого корсиканца. Концентрация осаждающих для прорыва городских стен не была чем-то новым; но триумфальное применение того же принципа к линии войск противника, хотя и хорошо известное Юлию Цезарю, было забыто, и его возрождение стало шедевром Наполеона. Солдафоны семнадцатого и восемнадцатого веков настолько преувеличили военные формальности, что связь армий с полем боя была мало изучена и почти забыта; использование карты и компаса, изучение рельефов и профилей в топографии привели в руках Бонапарта к результатам, которые более тупым умам казались не чем иным, как чудом. Один из них состоял в том, чтобы противопоставить жесткой формации войск старой школы любое формирование, более или менее открытое и нерегулярное в зависимости от обстоятельств, но всегда такое, которое лучше всего соответствовало характеру места боевых действий. Первые два дня в Арколе стали триумфальным подтверждением этой концепции. Наконец, французских солдат завораживала первобытная дикость их генерала, который, хотя и был частично скрыт и несколько сдерживался тренировками, тем не менее желал, чтобы трофеи их завоевания были потрачены на обогащение победивших соперников; который презирал ограниченность человеческих сил в себе и в них и таким образом совершал подвиги силы и хитрости, которые до пресыщения удовлетворяли ту любовь ко всему необычному, идеальному и великому, которая присуща духу их нации. В успешном сочетании и эволюции всех этих элементов было величие, которое Бонапарт и каждый солдат его армии оценили по достоинству.

Военная сторона гения Бонапарта обычно считается самой сильной. Судя по тому, что легко видно в виде непосредственных последствий и постоянных результатов, это кажется правдой; и все же это была лишь одна из многих сторон. Следующей по значимости, если не равной ей, была его деятельность в политике и дипломатии. Легко обзывать, клеймить народы Италии, все нации даже западной Европы, как коррумпированные и ослабленные, смеяться над их политикой как устаревшей и клеймить их правителей как неспособных дураков. Обычный человек может, с помощью знаний, образования и проницательности, приобретенных опытом его расы за дополнительное столетие, обернуться и показать, насколько заурядным был человек, опрокинувший такое старое прогнившее сооружение. Это метод недоброжелателей Наполеона, за исключением тех случаев, когда, вдобавок, они сначала преувеличивают его порочность, а затем еще больше искажают пропорцию, рассматривая его прекрасные способности через другой конец стекла. Мы все знаем, как легко даются великие дела, когда они уже совершены, как прост ключ к тайне, когда она раскрыта. С точки зрения морали, Бонапарт был дитем природы, рожденным в небогатом сословии, подвергавшимся ударам жестокого и безжалостного общества, в юности вынужденный идти на все ради самосохранения, вынужденный бороться с невозрожденным миром его собственным оружием. Он не изменился от выстрела пистолета. Обретение репутации и власти не уменьшило двулчия его характера; напротив, это, возможно, усилило его. Конечно, яростный свет, который начал обрушиваться на него, придал ему еще большую значимость. Истина, честь, бескорыстие теоретически являются добродетелями всей философии; практически это добродетели христиан в христианском обществе. Где

отпрыску корсиканского рода, невежественному в моральных или религиозных чувствах, выброшенному в атмосферу и окружение Французской революции, научиться практиковать их?

Такие соображения необходимы для наблюдения за успехами Бонапарта как политика. Его первое соглашение с различными народами центральной Италии было, как он заявил, лишь временным. Неопределенный статус, созданный этим, на мгновение пришелся по душе Директории. Их политика заключалась в уничтожении существующих институтов и предоставлении порядку развиваться из хаоса как можно лучше. Какими бы доктринерами они ни были, они намеревались уничтожить абсолютную монархию в Италии, как и везде, если это возможно, а затем остановиться, предоставив освобожденные народы самим себе. Некоторые наивно верили, что из анархии возникнет, в соответствии с "законом природы", чистая демократия; в то время как другие придерживались той же веры, что результатом будет конституционная монархия. Более того, с точки зрения расстояния вещи кажутся проще, чем вблизи. Искренность республиканства Бонапарта была подобна искренности его поведения — дело времени и места, соответствие условиям, а не абстракциям. Он знал итальянскую мафию и верно описывал ее в своих письмах как тупую, невежественную и ненадежную, не подготовленную к самоуправлению. Он был готов установить формы конституционного управления; но, несмотря на сердечную поддержку со стороны многих приверженцев Революции, он считал, что эти формы, вероятно, если не наверняка, рухнут под собственным весом, и был убежден, что реальный суверенитет на долгие годы должен обеспечиваться каким-либо сильным протекторатом. Ему казалось необходимостью войны, что эти народы должны облегчить разорение французской казны и армии, необходимостью обстоятельств, что Франция должна быть восстановлена к силе и здоровью, воздав должное их сокровищам искусства и науки, как и сокровищам всего мира, и необходимостью политической науки, что искусственные границы должны быть разрушены, как это было во Франции, для создания однородных условий, необходимых для национального или административного единства.

Сами итальянцы не понимали ни политики французской исполнительной власти, ни политики своего завоевателя. Переходное положение, в котором последний оставил их, вызывало большое беспокойство. Перепуганные местные власти не просили ничего лучшего, как оставить все как есть, чтобы извлечь выгоду из этого события, каким бы оно ни было. После каждого австрийского успеха возникали многочисленные местные восстания, которые командиры французского гарнизона сурово подавляли. Временные правительства вскоре перестали быть полезными, и враги Франции начали пользоваться беспорядками, чтобы отменить то, что было сделано. Англичане, например, захватили Порто-Феррайо вместо Ливорно; папа пошел еще дальше и, несмотря на перемирие, собирал армию для возвращения Болоньи, Феррары и других своих утраченных миссий. Таким образом, случалось, что в промежутках между самыми трудоемкими военными операциями политическая деятельность, одновременно всеобъемлющая и лихорадочная, соответствовала в сознании Бонапарта той, которая была необходима для регулирования его кампании.

С самого начала возник антагонизм между представлениями Директории и интересами Бонапарта. Последний соблюдал все формы консультаций со своим начальством, но действовал без малейшей ссылки на их инструкции, часто даже до того, как они могли получить его депеши. И он, и они знали слабость французского правительства и

внутреннюю абсурдность ситуации. Историю французского завоевания Италии можно было бы рассказать именно так, как если бы генерал-захватчик действовал исключительно под свою ответственность. В его обращениях к итальянцам был один язык; в его письмах исполнительной власти - другой; в нескольких конфиденциальных семейных сообщениях - еще один; в его собственном сердце жила все та же старая идея использовать каждый выпавший день для увеличения собственного состояния. Насколько у него была хоть капля любви к родине, она была направлена на Францию, и то, что мы можем назвать его принципами, было концепциями, почерпнутыми из Революции; но каким-то образом наилучшие интересы Франции и безопасность революционной доктрины с каждым днем все больше проявлялись в умиротворении Италии, унижении Австрии и превосходстве армии. Был только один человек, который мог обеспечить безопасность всех троих; мог придать последовательность вялой и дальновидной политике Директории; мог пресечь ужасные грабежи ее гражданских агентов в Италии; мог с любым проявлением разума смирить Италию одной рукой, а затем другой пробудить в ней здоровую энергию; мог обогатить и прославить Францию, сокрушив при этом надменное соперничество Габсбургов, чего никогда не удавалось ни одной королевской династии.

Эти цели сделали Бонапарта самым мягким и уступчивым из людей в некоторых областях; в других они развили и закалили его властность. Его переписка отражает как его мягкость, так и его произвол. Его письма в Директорию изобилуют похвалами своим офицерам и рядовым, сопровождаемыми требованиями о повышении в должности тех, кто оказал выдающиеся услуги. В письме генералу Кларку девятнадцатого ноября 1796 года из Вероны он говорит словами, полными пафоса: "Ваш племянник Эллиот был убит на поле битвы при Арколе. Этот юноша хорошо разбирался в оружии; несколько раз он маршировал во главе колонн; в один прекрасный день он стал бы достойным офицером. Он умер со славой, перед лицом врага; он не страдал ни мгновения. Какой разумный человек не позавидовал бы такой смерти? Кто он такой, чтобы в превратностях судьбы не согласиться покинуть таким образом мир, столь часто достойный презрения? Кто из нас сто раз не сожалел о том, что он не мог таким образом избавиться от мощного воздействия клеветы, зависти и всех отвратительных страстей, которые, кажется, почти полностью управляют человеческим поведением?" Возможно, эти несколько слов, адресованных вдове одного из его покойных офицеров, еще прекраснее: "Мюиرون погиб рядом со мной на поле последней битвы при Арколе. Вы потеряли мужа, который был вам дорог; я - друга, к которому я давно был привязан; но страна теряет больше, чем мы оба, в результате смерти офицера, отличавшегося не только своими талантами, но и редким мужеством. Если я могу быть чем-то полезен вам или его ребенку, прошу вас, полностью рассчитывайте на меня ". Это было все; но и этого было достаточно. С созреванием характера и под влиянием жизненных обязанностей наконец-то сформировался индивидуальный стиль. Она воинственна и лаконична почти до аффектации, не поддается переводу и прекрасно отражает характер ее автора.

Но часы, когда главнокомандующий был измотан войной, утомлен, раним и подвержен человеческим сожалениям, как и другие люди, были не теми, которые он открывал миру. Он был безапелляционен, а иногда даже раздражителен с французскими исполнительными органами после того, как они оказались в его руках; в Италии он взял на себя родительскую роль, назначая наказания и награды так, как лучше всего соответствовало его целям. С Сардинией был заключен определенный мирный договор, и эта держава, хотя и слабая и искалеченная, шла своим путем. Транспаданская республика, которую он начал

организовывать, как только переехал в Милан, была тщательно взлелеяна и направлялась в своем искусственном существовании; но у людей, были они пригодны или нет, не было шанса проявить какую-либо реальную независимость под сенью такой власти. Более того, это была не власть Франции, ибо по специальному приказу Бонапарта гражданские агенты Директории были подчинены военным командирам, якобы потому, что первые были такими алчными. Ломбардия, таким образом, стала его собственностью. Рим заключил Болонское перемирие просто для того, чтобы выиграть время, и в надежде в конечном итоге нанести удар французскому оружию. Предлог для возобновления военных действий был легко найден ею в глупом приказе, отданном из Парижа, согласно которому папа должен, наконец, признать законными тех представителей духовенства, которые присягнули на верность последовательным конституциям, принятым при республике, и отозвать все свои прокламации против тех, кто соблюдал свои клятвы и подчинялся. Понтифик, рассчитывая на окончательный успех Австрии, фактически прервал переговоры. Бонапарт сообщил французскому агенту в Риме, что он должен сделать все, чтобы выиграть время, все, чтобы обмануть "старого лиса"; в благоприятный момент он рассчитывал наброситься на Рим и отомстить за национальную честь. За это время Неаполь также стал непокорным; отказываясь от дани, требуемой Директорией, он не только собирал солдат, как папа римский, но и фактически располагал несколькими полками в походном порядке. Венеция, отстаивая свой нейтралитет, все больше и больше возмущалась постоянными посягательствами на ее территорию. Мантуя все еще оставалась непокорной крепостью, и в условиях этого кризиса не оставалось ничего другого, как возродить доверие к Франции, где народы были настроены наилучшим образом, а их старые правители - наиболее слабыми.

Соответственно, Бонапарт провел формальную консультацию с Директорией относительно плана действий, а затем, не дожидаясь от нее ответа и без согласия наиболее глубоко заинтересованных лиц, разорвал перемирие с Моденой под предлогом того, что пятьсот тысяч франков выкупа еще не выплачены, и сверг герцога с трона. Это герцогство было ядром, вокруг которого должна была образоваться Чиспаданская республика: совместно с ее жителями жителям Реджо, Болоньи и Феррары было предложено сформировать свободное правительство под этим названием. По крайней мере, был предлог для включения миланцев в состав Транспаданской республики — изгнать захватчика со своей земли. На этот раз подобного предлога не было, и Директория выступила против столь смелого акта в отношении этих земель, опасаясь общественного мнения по этому поводу. Они надеялись, что война скоро закончится, и были близки к мнению, что их армии должны в ближайшее время предоставить итальянцев самим себе. Поведение их генерала, однако, указывало в противоположном направлении; он вынудил местных либералов округа предпринять необходимые шаги для организации нового государства так быстро, что Директория оказалась вынужденной уступить. Возможно, но маловероятно, что, как было выдвинуто обвинение, Бонапарт действительно намеревался добиться того, что произошло на самом деле, - сохранения зависимости Французской республики от множества искусственных правительств. Непрерывное вмешательство Франции в дела итальянцев уничтожило в конце концов все ее влияние и заставило их возненавидеть ее владычество, маскировавшееся под либерализм, даже больше, чем они ненавидели открытую, но мягкую тиранию тех королевских отпрысков иностранного происхождения, которые недавно были свергнуты со своих тронов. В течение этих месяцев в переписке Бонапарта несколько театрально повторяется преданность Франции и республиканским принципам, но в первую очередь он заботился о своей армии и успехе кампании. Он вел себя так, как поступил бы любой генерал, заботящийся о прочности своих позиций на чужой территории, его уловки

принимали форму постоянного повторения политических шибболетов, которые тогда использовались во Франции. Вскоре после этого Неаполь заключил мир; восстание на Корсике против английского владычества позволило Франции еще раз захватить этот остров; и Генуя вступила в официальный союз с Директорией.

Насколько важными были эти обстоятельства в сравнении, можно понять, только рассмотрев фиаско Справочника в других местах. Неудивительно, что они пресмыкались перед Бонапартом, прикарманивая его миллионы и спасая свое лицо дома и за границей благодаря его победам, и только его. У них было два великих плана по уничтожению британской мощи: первый - вторгнуться в Ирландию, закрыть все порты Северного моря для британской торговли и, наконец, высадиться на британских берегах вместе с непреодолимым воинством французской демократии. О последующих событиях жизни Наполеона следует судить с учетом той мертвой серьезности, с которой Директория вынашивала этот план. Но она также была универсальной и имела вторую альтернативу - разжигать восстания в Персии, Турции и Египте, захватывать последнюю страну и угрожать Индии. Этот второй план повлиял на карьеру Бонапарта глубже, чем первый, оба были частью традиционной французской политики и ценились французской общественностью как великие направления расширения французской известности и французского влияния. И с тем, и с другим должен считаться любой поклонник Франции. Для участия в ирландской экспедиции Гош был доступен; в своих тщетных попытках добиться успеха он подорвал свое здоровье и своей безвременной кончиной устранил одного из возможных соперников Бонапарта. У директоров была Голландия, но они не смогли завоевать Пруссию дальше, чем это было предусмотрено условиями, заключенными в 1795 году в Базеле, поэтому их план эмбарго был бесполезно приостановлен. Они проявили значительную активность в строительстве флота, и король Испании, несмотря на противодействие Годоя, принял титул французского адмирала. По Сан-Ильдефонскому мирному договору был заключен наступательный союз против Великобритании, ее торговля была исключена из Португалии; Луизиана и Флорида отошли к Франции. Все пункты, кроме этого последнего, были недействительными из-за слабости Испании, но Бонапарт обратился к испанским бурбонам с просьбой о компенсации путем предоставления какой-либо итальянской территории Пармскому дому. Как мы уже указывали в другом месте, их наступление на Австрию в центральной Европе провалилось, поскольку Журдан был серьезно разбит под Вюрцбургом. На Вену не было открытой дороги, кроме как через Италию. Их переговоры с папством потерпели полный провал; только победоносный воин мог преодолеть его могучие сомнения, которые в совокупности препятствовали искреннему присоединению французских католиков к республиканской системе. По необходимости их представления о судьбе Италии должны были уступить его представлениям, которые сильно отличались от их собственных.

При таких условиях другие интересы атрофируются; с тех пор, например, в натуре Бонапарта не появляется и следа корсиканского патриота. Единственная слабая искра оставшегося интереса, похоже, была потушена приказом о том, что Поццо ди Борго и его друзья, если они не сбежали, должны предстать перед судом. Другие его меры в отношении некогда любимого острова были такими же расчетливыми и бесстрастными, как и все, что он предпринимал в отношении самого безразличного княжества материка, и даже доходили до провозглашения принципа, согласно которому ни один корсиканец не должен работать на Корсике. Это гражданин не Корсики и даже не Франции, а Европы, который второго октября требует мира от императора, угрожая, что, если он не будет заключен на выгодных

условиях, Триест и Адриатическое море будут захвачены. В то же время Директория получила от него еще одно напоминание о своей позиции, что также указывает на интересное развитие его собственной политики. "Уменьшите число своих врагов. Влияние Рима неисчислимо; было опрометчиво порывать с этой властью; это дает ей преимущество. Если бы со мной посоветовались, я бы отложил переговоры с Римом, как с Генуей и Венецией. Всякий раз, когда ваш генерал в Италии не является стержнем всего, вы подвергаетесь большому риску. Эти слова не будут приписаны честолюбию; у меня слишком много почестей, и мое здоровье настолько подорвано, что я полагаю, что должен просить вас о преемнике. Я больше не могу сесть на лошадь; у меня не осталось ничего, кроме мужества, которого недостаточно на таком посту, как этот". Перед этим диктатором в маске стояли две задачи, по-своему столь же трудные, как и все, за что когда-либо брался даже он, каждая из которых требовала применения способностей, противоположных по качеству, но столь же тонких, как и любые другие в человеческом разуме. Мантуя еще не была захвачена; с Римом и папой римским предстояло поступить так, чтобы оказать высочайшую услугу ему самому, Франции и всей Европе. В обоих этих начинаниях он хотел укрепиться и в то же время не испытывать препятствий. В Директории теперь была сильна привычка к уступчивости, и они продолжали уступать, как и прежде. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXXI.

РИВОЛИ И КАПИТУЛЯЦИЯ МАНТУИ.

Дипломатический маневр Великобритании — Кларк и Директория — Екатерина Великая и Павел I — Стратегический план Австрии — Возобновление военных действий — Австрийцы при Риволи и Ногаре — Ночной марш Бонапарта к Риволи — Монте Бальдо и Бернер Клаузе — Битва при Риволи — Битва при Ла Фаворите — Подвиги французской армии — Достижение Бонапарта — Падение Мантуи.

1797.

Пятый этап итальянской кампании был четвертой попыткой Австрии восстановить свое положение в Италии, положение, от которого, по мнению ее правителей, все еще зависели все ее судьбы. Ее энергия превратилась теперь в своеволие отчаяния. События в Европе развивались сами по себе, без учета ее выгод. Кратковременное унижение Франции в результате поражения Журдана, плачевное состояние британских финансов, о чем свидетельствует падение трех процентов до пятидесяти трех, беспокойное и опасное положение Ирландии в связи с угрозой надвигающегося вторжения Гоша, - эти обстоятельства создали в Лондоне ощущение, что, возможно, настало благоприятное время для переговоров с Францией, где также велась активная агитация за мир. Соответственно, осенью 1796 года лорд Малмсбери был отправлен в Париж с жесткими предостерегающими инструкциями. Посланник был холоден и надменен; Делакруа, французский министр, был тщеславен и поверхностен. Вскоре выяснилось, что предложение агента было либо настолько неопределенным, что казалось бессмысленным, либо настолько выгодным для Великобритании, что было смехотворно в принципе. Переговоры были всего лишь дипломатическим ограждением. Для англичанина публичным правом Европы все еще было

право Утрехтского мира, особенно в том, что касалось Нидерландов; для француза это было нелепо, поскольку Нидерланды уже входили во Францию в силу закона и правила естественных границ. Примерно в середине ноября Малмсбери сообщили, что он должен либо говорить по существу, либо уйти. Конечно, речь шла о Бельгии; если бы Франция отказалась от своих претензий на Антверпен, она могла бы получить компенсацию в Германии. Последовали еще какие-то бесполезные разговоры о том, что обе стороны тогда, как и прежде, и после этого до конца, считали самой сутью своего спора. Малмсбери отправился домой в конце декабря, и вскоре после этого флот Гоша потерпел крушение в Ла-Манше. Результатом британской миссии было прояснение проблем, еще раз консолидировать британский патриотизм, возобновить войну на определенной основе. Гош был назначен в армию Самбры и Мааса, заявив, что сначала он прогремит у ворот Вены, а затем вернется через Ирландию в Лондон и установит мир во всем мире.

Тем временем Директория отметила возможность независимых переговоров с Австрией. Оно не намеревалось, каким бы покладистым оно ни было до сих пор, оставлять Бонапарта беспрепятственным в столь важной операции. Напротив, он выбрал гибкого и послушного агента в лице генерала Кларка, отпрыска семьи ирландских беженцев, либо мягкого республиканца, либо конституционного монархиста, в зависимости от обстоятельств, любителя мира и порядка, сторонника примиренческого духа. Ему был передан конфиденциальный, тщательно разработанный и гибкий план директоров по территориальным компенсациям в качестве основы для заключения мира, результат которого в любом случае оставил бы Пруссию преобладающей в Германии. Либеральная и благосклонно относящаяся к Революции, как они верили, она могла бы тогда заключить с ними прочный союз. В Италии Франция должна была поддерживать свою новую власть и удерживать завоеванное для собственного удовольствия. Бонапарт намеревался поступить так, как считал необходимым в обоих этих случаях. После Арколи австрийский министр Тугут выразил чувство глубочайшего унижения от того, что юноша, командующий добровольцами и негодьями, должен выполнять свою волю с прекрасными войсками и опытными генералами империи. Но, не растерявшись, он обратился за помощью к России. Екатерина играла с якобинством, чтобы оккупировать и Пруссию, и Австрию, одновременно консолидируя и подтверждая свою силу в Польше и на Востоке. Этого она добилась и теперь была готова взнудать дикого скакуна, которого сама же и отвязала. Вмешавшись в благоприятный час, она могла бы освободить Италию, взять под контроль центральную Европу, подчинить север и править вселенной.

Соответственно, она потребовала от Питта субсидии в размере двух с половиной миллионов долларов и приказала Суворову с шестидесятитысячным войском выступить на помощь Австрии. Как раз тогда, в сентябре 1796 года, шведский король Густав IV находился в Санкт-Петербурге на своей помолвке с внучкой императрицы Александрой. Он потребовал, чтобы она, как само собой разумеющееся, приняла его веру. В этом ей было презрительно отказано, и приготовления к фестивалю продолжались до завершения, как будто ничего не произошло. В назначенный для церемонии час жених не появился и не собирался появляться. Ужас сменился чувством возмущения, но "Королек", как называли его знатные придворные, стоял непоколебимо. Императрица была вне себя, ее здоровье пошатнулось, и она умерла менее чем через два месяца, семнадцатого ноября. Опасный слабоумный, ее сын Павел I, правил вместо нее. Какой бы странной фигурой он ни был, он, по крайней мере, отказался от завоевательной политики своей матери и отменил ее

приказы Суворову, отозвав его и его армию. Австрия была в страхе, но она была неустрашима.

Еще раз Альвинчи, отчаявшийся в успехе, но послушный своим приказам, приготовился двинуться вниз по Адидже из Трента. Большое рвение было проявлено в Австрии. Венские добровольческие батальоны отказались от работы по охране домашнего очага, для которой они завербовались, и со знаменем, вышитым собственноручно императрицей, присоединились к действующим силам. Тирольцы, вопреки чудовищному воззванию, в котором Бонапарт, объявлявший себя их победителем, угрожал смертью любому, кто поднимет оружие против Франции, снова обратились за поддержкой к своему императору. Вернувшись к старому роковому плану, Альвинчи должен был атаковать основные силы французской армии; его коллега Провера должен был следовать по Бренте в низовья Адидже, где он мог бы осуществить переправу и освободить Мантую. Он также должен был ввести противника в заблуждение, выставив напоказ большие силы, чем у него было на самом деле, и таким образом отвлечь главную армию Бонапарта к Леньяго в нижнем Адидже. К Вурмзеру был отправлен гонец с письмами за подписью самого императора, приказывавшими ему, в случае поражения Проверы, покинуть Мантую, отступить в Романью и под своим собственным командованием объединить гарнизон и папские войска. Этот приказ так и не дошел до адресата, поскольку его податель был перехвачен и был вынужден с помощью рвотного средства отдать депеши, которые он проглотил.

Седьмого января 1797 года Бонапарт отдал приказ укрепить коммуникации вдоль своей линии, сосредоточив две тысячи человек в Болонье, чтобы подавить некоторые враждебные демонстрации, недавно предпринятые в защиту папы римского. На следующий день австрийская дивизия, стоявшая в Падуе, предприняла короткую атаку на дивизию Ожеро и девятого числа загнала ее в Порто-Леньяго, крайний правый край французской линии. Это могло означать не что иное, как возобновление военных действий со стороны Австрии, хотя было невозможно сказать, откуда будет нанесен главный удар. Одиннадцатого Бонапарт был в Болонье, заключая выгодный договор с Тосканой; чтобы быть готовым к любому развитию событий, он выступил в тот же вечер, поспешил со своими войсками через Адидже и двинулся к Вероне.

Двенадцатого, в шесть часов утра, противник атаковал авангард Массены у Сен-Мишеля, пригорода этого города. Они были отброшены с потерями. Рано утром того же дня Жубер, который находился с наблюдательным корпусом дальше, на старой и испытанной позиции у подножия Монте-Бальдо, узнал о передвижениях противника и занял Риволи. В течение дня две австрийские колонны попытались изменить его позицию, захватив его аванпост в Короне, но они были отбиты. Тринадцатого числа ему стало известно, что основные силы австрийцев находятся перед ним и что их намерение состояло в том, чтобы окружить его с левого фланга. Соответственно, он проинформировал Бонапарта, оставил Корону и приготовился отступать из Риволи. В тот вечер Провера навел понтонный мост через Адидже в Ангьяри, ниже Леньяго, и переправился с частью своей армии. На следующий день он отправился в Мантую, но был так измотан Гийе и Ожеро, что переезд оказался безрезультатным, и он добрался не дальше Ногары.

Высоты Риволи контролируют передвижения любых сил, выходящих из Альп через долину Адидже. Они обрывисты со всех сторон, кроме одной, где с наибольшей высоты часовня Святого Марка выходила на извилистую дорогу, крутую, но доступную для

кавалерии и артиллерии. Возвышаясь над общим уровнем плоскогорья, этот холм сам по себе является своего рода природной цитаделью. Поздно вечером тринадцатого числа Жубер в ответ на отправленное им сообщение получил приказ укрепить плато и удерживать его любой ценой, поскольку Бонапарт теперь догадывался, что главная атака должна быть нанесена именно там, чтобы отвлечь все сопротивление от Проверы, и что в случае успеха две австрийские армии встретятся у Мантуи. К десяти вечера того же дня отчеты, полученные от Жубера и разведчиков, больше не оставляли сомнений в этом выводе. Таким образом, в ту же ночь, находясь в полной готовности к любому событию, Бонапарт двинулся к Риволи с войском численностью около двадцати тысяч человек. В его состав входили все свободные французские солдаты между Дезенцано и Вероной, включая дивизию Массены. [68] Путем напряженных усилий они достигли высот Риволи около двух часов ночи четырнадцатого. Альвинчи, не зная о случившемся, ждал рассвета, чтобы осуществить свой первоначальный план окружения и захвата сравнительно небольшого отряда Жубера и укрепленного пункта, который он должен был удерживать, места, давно признанного северными народами ключом к воротам Италии. Прибывший Бонапарт увидел в лунном свете пять дивизий, расположившихся внизу полукругом; их бивуачные костры ясно давали понять, что они отделены друг от друга значительным расстоянием. Тогда он понял, что его инстинкт был верен, что это была главная армия и что решающая битва состоится на следующий день. Следующие часы были потрачены на то, чтобы распределить свои силы для отражения атаки в любой форме, которую она могла принять. Ни один человек не был потрачен впустую, но регион был занят пикетами, аванпостами и резервами, размещенными так искусно, что изучение этого поля и расположения Бонапартом своих сил стало классическим примером в военной науке.

Ущелье, по которому река Адидже прорывается через самые низкие предгорья Альп и выходит в низменности, известно с глубокой древности. Римляне считали его входом в Киммерию; в германских мифах он воспет как Бернер Клауз, величественные ворота из их сурового климата в страну чужаков, ту теплую, светлую землю, к роскошной и упорядоченной жизни, о которой всегда тосковали их сердца. Вокруг его пропастей и изолированных, хмурых бастионов сгустились песни и басни, и эффект таинственности усиливался ужасающим величием этого места. Над всем возвышается Монте-Бальдо, хмурый своими темными пропастями на холодных вершинах немецкого нагорья, улыбающийся своими солнечными склонами над голубыми водами озера Гарда и плодородной долиной реки По. При изменении стратегии, связанном с введением пороха, очаг наибольшего сопротивления находился уже не в ущелье, а в его устье, где Риволи с одной стороны и Сераино с другой, соответственно, контролируют пологие склоны, которые спускаются на восток и запад к равнинам. Альпы действительно смотрели сверху вниз на "Маленького капрала", который, обойдя их оборону с одного конца, теперь собирался форсировать их центр, а позже пройти мимо их восточного края в наследственные владения германских императоров на Дунае.

На раннем рассвете начался конфликт, который должен был решить судьбу Мантуи. Первое ожесточенное сражение произошло между австрийскими левыми и французскими правыми у Сан-Марко; но оно быстро распространилось по всей линии до Каприно. Некоторое время австрийцы имели преимущество, и результат был неопределенным, поскольку оставленные французами у Каприно позиции на мгновение уступили перед натиском основных сил австрийской армии, предпринятым в соответствии с первым планом Альвинчи, и, как он предполагал, на уступающие силы значительно превосходящей

их численностью. Бертье, который благодаря своему спокойному мужеству быстро снискал расположение своего командира, пришел на помощь, и Массена, последовав решению, которое неразрывно связало его имя с этим знаменитым местом, наконец восстановил порядок во французских рядах. Каждая последующая атака австрийцев была отбита с яростью, которая отбрасывала их правый фланг и центр назад к Монте-Бальдо во все возрастающем замешательстве. Сражение продолжалось почти три часа, прежде чем Алвинчи понял, что перед ним не дивизия Жубера, а армия Бонапарта. Затем пятая австрийская колонна двинулась вперед с берега Адидже, чтобы взобраться на высоту Риволи, и Жубер, левый фланг которого у Сан-Марко был сильно обложен, не смог остановить это движение. На мгновение он оставил дорогу без защиты. Австрийцы ворвались на холм и захватили господствующую позицию; но одновременно с противоположной стороны примчались три французских батальона, карабкаясь наверх, чтобы восполнить потери. Нервная активность последних быстро привела их на вершину, где они сразу же были подкреплены частью кавалерийского резерва, и штурмующие колонны были в беспорядке отброшены назад. В этот момент в тылу Бонапарта появился австрийский корпус, которому было суждено ударить французам в Риволи в тыл. Если бы он прибыл раньше, позиция, как заявили французы, была бы для них потеряна. Как бы то ни было, вместо того, чтобы предпринять атаку, австрийцам пришлось ее выжидать. Бонапарт направил против них падающий артиллерийский огонь и отбросил их обратно к озеру Гарда. Таким образом, он выиграл время для переформирования своих собственных рядов и позволил Массене сдерживать еще одну австрийскую колонну, которая пыталась обойти его с левого фланга. Вслед за этим французский резерв под командованием Рея, наступавший с запада, полностью отрезал поворачивающую колонну и вынудил ее сдаться. Остальные силы Альвинчи уже были в полном отступлении, и это положило конец самому серьезному поражению и полному разгрому, которые до сих пор терпели австрийские войска. Деморализация бегущих и рассыпавшихся колонн была настолько полной, что молодой французский офицер по имени Рене, командовавший пятьюдесятью солдатами в деревушке на озере Гарда, успешно повторил уловку Бонапарта при Лонато и продемонстрировал такое внушительное доверие летучему отряду из полутора тысяч австрийцев, что они сдались перед превосходящими их силами. На следующее утро на рассвете Мюрат, который маршировал всю ночь, чтобы занять этот пункт, появился на склонах Монте-Бальдо над Короной и объединился с Жубером, чтобы выбить австрийцев с их последнего плацдарма. Преследование продолжалось до самого Трента. За эти два дня было захвачено тринадцать тысяч пленных.

Увеличенный план
ОЗЕРА ГАРДА
и прилегающей страны.

Карта
иллюстрирующая кампанию,
Предшествовавшую
КАМПО-ФОРМИЙСКОМУ МИРНОМУ ДОГОВОРУ
1797 года.

В то время как Мюрат карабкался по склонам Монте-Бальдо, Бонапарт, не давая отдыха усталым ногам дивизии Массены, — тем самым людям, которые два дня назад ночью выступили из Вероны, — возвращался по своим следам по хорошо протоптанной дороге мимо города Катулла и Капулетти в направлении Мантуи. Провера переправился через Адидже у Ангьяри с десятью тысячами человек. Дважды он подвергался нападению: один раз спереди со стороны Гийе, другой раз с тыла со стороны Ожеро. В обоих случаях его потери были серьезными, но, тем не менее, в то же утро, когда Альвинчи бежал в Тироль, он, наконец, появился с шестью тысячами человек в пригороде Сент-Джордж, перед Мантуей. Ему удалось связаться с Вурмсером, но блокировавшая его французская армия держала его в узде в течение дня и ночи, пока не прибыл Бонапарт со своим подкреплением. На следующее утро произошло генеральное сражение, Провера атаковал спереди, а Вурмзер, по предварительной договоренности, совершил вылазку с тыла во главе крупного отряда. Последний был отброшен обратно в город Серюрье, командовавшим осаждающими, но только после ожесточенного и смертельного столкновения на дамбе. Это была дорога из Мантуи в загородную резиденцию ее герцогов, известную как "Ла Фаворита", и была выбрана для вылазки как имеющая независимую цитадель. Виктор с частью войск, переброшенных из Риволи, "ужасной пятьдесят седьмой полубригадой", как назвал их Бонапарт, атаковал Проверу в то же время и привел его ряды в такое расстройство, что он был рад сдать все свои силы. Это столкновение, произошедшее шестнадцатого января под Мантуей, известно как битва при Ла Фаворите, из-за позиции, занятой Серюрье по дороге к этой резиденции. Ее результатом стали шесть тысяч пленных, среди них венские добровольцы со знаменем императрицы, и множество орудий. На пятьдесят пятом году жизни этот французский солдат удачи наконец достиг кульминации своей карьеры. Он участвовал в Семилетней войне, в Португалии и на Корсике, и Революция дала ему возможность раскрыться. Он помогал Шереру во взятии Приморских Альп и сражался с лавиной силой при Мондови и в последующих сражениях. Хотя его успехи были связаны с успехами Бонапарта, они поднимались все выше и выше. Будучи губернатором Венеции, он был настолько честен и неподкупен, что заслужил прозвище "Девственница Италии". Разочарование от поражения при Моро в 1798 году привело его к уходу в гражданскую жизнь, где он был стойким бонапартистом и верным чиновником до конца наполеоновской эпохи, когда перешел на сторону бурбонов.

Бонапарт подсчитал, что до сих пор в ходе итальянских кампаний армия республики провела в течение четырех дней два серьезных сражения и, кроме того, шесть раз вступала в бой; что они взяли, по общим сведениям, почти двадцать пять тысяч пленных, включая генерал-лейтенанта, двух генералов и пятнадцать полковников; захватили двадцать штандартов с шестьюдесятью артиллерийскими орудиями и убили или ранили шесть тысяч человек.

Эта короткая кампания при Риволи стала поворотным пунктом войны и, можно сказать, определила историю Европы на двадцать лет. Хронисты подробно останавливаются на тех нескольких моментах у Святого Марка и плато Риволи, задаваясь вопросом, каким был бы результат, если бы австрийский корпус, вышедший в тыл Риволи, прибыл на пять минут раньше. Но точная и беспристрастная критика должна решить, что каждый шаг в достижении успеха Бонапартом был достигнут благодаря тщательной продуманности и наиболее эффективному распределению сил, находившихся под его командованием. Он был настолько уверен в успехе, что даже во время кризисов, когда Массена, казалось, спасал положение слева, а австрийцам, казалось, было суждено вырвать победу из поражения справа, он был уверен в себе и жизнерадостен. Новая система полевых операций получила триумфальное подтверждение в руках ее автора. Полководец-победитель расточал безграничные похвалы своим непобедимым эскадрильям и их командирам, но ничего не сказал о себе, предоставив миру судить, был ли это человек или демон, который, будучи еще юношей и занимаясь общественной деятельностью всего один сезон, унизил самую гордую империю на Континенте, покорил Италию и на ее земле воздвиг неизвестные прежде государства без согласия какой-либо великой державы, не исключая Франции. Неудивительно, что этот персонаж иногда говорил о себе: "Скажи, что моя жизнь началась в Риволи", поскольку в других случаях он начинал свою военную карьеру в Тулоне.

Отступление Вурмсера к Мантуе в сентябре было успешным благодаря сильному отряду кавалерии, который сопровождал его. Он смог продержаться четыре месяца только за счет мяса их лошадей, которых было пять тысяч, которые были убиты и засолены, чтобы увеличить запасы гарнизона. Даже этот ресурс был теперь исчерпан, и после нескольких дней промедления доблестный старик отправил гонца с обычными заявлениями о своей способности к дальнейшему сопротивлению, чтобы, конечно, добиться наиболее благоприятных условий капитуляции. В связи с прибытием этого посыльного во французскую штаб-квартиру есть прекрасный анекдот, который, хотя, возможно, и не буквально, но, вероятно, идеально соответствует действительности. Когда австрийский посланник вошел к Серюрье, за столом сидел еще один человек, закутанный в плащ, очевидно, занятый письмом. После того, как посланник закончил обычное перечисление элементов силы, все еще оставшихся у его командира, неизвестный человек вышел вперед и, держа в руке исписанный лист, сказал: "Вот мои условия. Если бы у Вурмсера действительно был провиант на двадцать пять дней и он говорил о капитуляции, он не заслуживал бы почетной капитуляции. Но я уважаю возраст, доблесть и невзгоды маршала; и откроет ли он свои ворота завтра или подождет пятнадцать дней, месяц или три месяца, у него все равно будут те же условия; он может ждать, пока не будет съеден последний кусок хлеба ". Посланник был умным человеком, который впоследствии прославил свое собственное имя, имя Кленау. Он узнал Бонапарта и, взглянув на условия, нашел их настолько щедрыми, что сразу признал отчаянное положение гарнизона. По сути, это изложение мемуаров Наполеона. В современной депеше Директории об этом ничего нет, поскольку он никогда не посвящал их в такие подробности; но в двух других депешах он говорит то, что на первый взгляд противоречит буквальной правде. Первого февраля, в письме из Болоньи, он заявил, что отзовет свои условия, если Вурмсер не согласится до третьего: однако в письме, датированном тем же днем, он пускается в пространный и высокопарный панегирик престарелому фельдмаршалу и заявляет о своем желании проявить истинно французское великодушие к такому врагу. Простое объяснение заключается в том, что, направив условия, Бонапарт немедленно отступил из Мантуи, чтобы оставить Серюрье командовать капитуляцией - славой, которую он так хорошо заслужил, - а

затем вернулся в Болонью, чтобы начать последние приготовления против Рима. В промежутке Вурмсер сделал предложение, еще более выгодное для себя. Бонапарт раздраженно отверг это предложение, но с возвращением своего великодушного чувства он решил, что, по крайней мере, не откажется от своего первого предложения. Придирчивые критики никогда не бывают довольны и даже обвиняют в том, что, когда десятого числа Вурмсер и его гарнизон наконец выступили, отсутствие Бонапарта было нарушением вежливости. Не требуется большого рвения в его защиту, чтобы утверждать, напротив, что в столь беспрецедентных обстоятельствах разница в возрасте между соответствующими представителями старой и новой военной системы сделала бы присутствие Бонапарта еще одной каплей в горькой чаше первой. Великодушие молодого завоевателя в связи с падением Мантуи было неподдельным и в высшей степени благородным для него. Так, по крайней мере, думал сам Вурмсер, который написал Бонапарту самое любезное письмо, предупреждая его, что в Болонье был составлен заговор с целью отравить его известным, но никогда не виданным составом, столь известным в итальянской истории, — aqua tofana.

[\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXXII.

УНИЖЕНИЕ ПАПСТВА И ВЕНЕЦИИ [\[69\]](#).

Рим под угрозой — Пий VI Капитулирует — Толентинский мир — Бонапарт и папство — Планы на Восток — Франция успокоена — Политика Австрии — Эрцгерцог Карл — Бонапарту мешает Директория — Его отношение к Венеции — Положение Венеции — Содружество Предупреждено.

1797.

Бонапарт, похоже, вслед за Риволи пришел к убеждению, что человек, принесший такую славу оружию Франции, был, по крайней мере, так же тверд в привязанностях ее народа, как и Директория, которая не имела на них никакой власти, кроме как в своих претензиях представлять Революцию. Кларк прибыл в Милан двадцать девятого ноября 1796 года. Бонапарт прочитал его, как открытый свиток, мгновенно обнаружив, что этому изящному придворному было поручено удерживать маленького генерала на своем месте в качестве подчиненного и использовать его для заключения мира любой ценой. Пользуясь полным доверием Карно и почти наверняка всей Директории, легко завоеванный дипломат раскрыл своему худощавому, длинноволосому, плохо одетому, проницательному и поверхностному инквизитору драгоценное содержание правительственного разума. Религиозная революция во Франции потерпела полный провал, разгул порока посеял ужас даже в умах неверующих, в ответ последовал мощный прилив ортодоксальности; если политическую революцию вообще можно было спасти, то ценой мира, и мира очень быстрого. Директория с самого начала имела мало прав на звание спасителя республики, и даже это ежедневно оспаривалось все большим числом людей: самым заметным и ослепительным представителем Революции теперь была Армия Италии. Не из-за "этих негодяев-юристов", как Бонапарт впоследствии назвал директоров, разыгралась его великая битва при Риволи. Принимая во внимание этот факт, легко понять короткую последовавшую кампанию против

Пия VI и ее последствия. Как заявил французский генерал, это было правдой, что Рим не соблюдал условий перемирия ни в миролюбивом поведении, ни в выплате контрибуции и разжигал сопротивление французскому оружию по всему полуострову. Директории, которая желала полного свержения папства, Бонапарт предложил, чтобы с учетом этого Рим был передан Испании. Под этими предложениями он собрал в Болонье безразличную силу в одиннадцать тысяч солдат, состоявшую наполовину из его собственных людей, другую половину - из итальянцев, горящих революционным рвением, и поляков, народа, который после недавнего расчленения своей страны искал во Франции возможного союзника в ее восстановлении. Основная дивизия двинулась на Анкону; меньшая дивизия численностью в две тысячи человек направилась через Тоскану в долину Тибра.

Положение папы было совершенно отчаянным. Испанцы когда-то были хозяевами Италии; теперь они были естественными союзниками Франции против Австрии, и снисходительность Бонапарта к Парме и Неаполю укрепила эти узы. Правивший в Неаполе король Обеих Сицилий Фердинанд IV был одним из испанских бурбонов, но его очень способной и властной женой была дочь Марии Терезии. Поэтому его положение было своеобразным: если бы он осмелился, он послал бы армию на поддержку папы, поскольку до сих пор его супруга формировала свою политику в интересах Австрии; но, прекрасно понимая, что поражение будет означать ограничение его владений островом Сицилия, он предпочел оставаться нейтральным и подбирать те крохи, которые ему удавалось получить со стола Бонапарта. Для этого были веские причины. Английский флот был более или менее неудачлив с весны 1796 года: победы Бонапарта, дополненные активностью французских крейсеров, затруднили его пребывание в Средиземном море; Корсика была оставлена в сентябре; а в октябре испанцы буквально преследовали эскадру адмирала Манна в Атлантике. Следовательно, Фердинанд не мог ожидать помощи от британцев. Что касается папских наемников, то они долгое время были посмешищем для Европы. Теперь они не опровергали свой характер. Не было ни одного серьезного сражения; в Анконе и Лоретто тысяча двести пленных и сокровища, оцененные в семь миллионов франков, были взяты без боя; и девятнадцатого февраля Бонапарт продиктовал условия мира в Толентино.

Условия были не такими, как ожидали ни папа, ни Директория. Далеко не такими. Конечно, помимо первого выкупа, была назначена новая денежная компенсация в размере трех миллионов долларов, что составляло, если прибавить к тому, что было взыскано прошлым летом, в общей сложности более семи. Дальнейшими условиями были сдача дипломатических миссий Болоньи и Феррары вместе с Романьей; согласие на включение в состав Франции Авиньона и Венессена, двух папских владений в долине Роны, которые уже были аннексированы; и временная сдача Анконы в качестве залога выполнения этих обязательств; далее, рассеивание папской армии с удовлетворением за убийство в уличном бою Бассевиля, французского полномочного представителя. Этого, однако, было далеко до уничтожения папства как светской власти. Более того, жизненно важный вопрос о церковной власти не упоминался, за исключением того, что он гарантировал ее в переданных миссиях. Директории Бонапарт объяснил, что при таких повреждениях римское здание рухнет под собственной тяжестью; и все же он оказал свою могущественную защиту французским священникам, которые отказались принести присягу гражданской конституции, требуемой республикой, и которые, отрекшись от своей верности, нашли убежище в Папской области. Этот последний шаг был сделан в рамках гуманитарной деятельности. На самом деле, этот первый открытый и радикальный отход от политики Директории обеспечил Бонапарту самую безграничную личную популярность среди

верующих римских католиков повсюду и был шагом, предваряющим его дальнейший союз с папством. Бездумные массы начали сравнивать порабощение Римской церкви во Франции, которое было делом рук ее правительства, с совершенно иной судьбой ее верных приверженцев в Риме под гуманным контролем Бонапарта.

Более того, именно французские коллекционеры-граждане, а не армия, продолжали прочесывать каждый город в поисках предметов искусства. Считалось, что Италия наконец отказалась от "всего любопытного и ценного, за исключением нескольких предметов в Турине и Неаполе", включая знаменитый чудотворный образ Богоматери из Лоретто. Процитированные слова были использованы Бонапартом в депеше Директории, к которой прилагался любопытный документ совсем иного характера. Благодарность Пия за его спасение была такова, что он направил легата со своим апостольским благословением к "дорогому сыну", который вырвал папскую власть из самых пасти разрушения. "Дорогой сын" было всего лишь формальной фразой, и из французского штаба был получен любезный ответ. Это столь же официальное письмо Бонапарта было отправлено в Париж, где, как он знал, оно было расценено Директорией как хорошая шутка, которая, как предполагалось, рассматривала дипломатию своего генерала как в высшей степени патриотическую. Но, как, без сомнения, предвидел автор, это произвело совершенно иной эффект на публику. С этого момента каждый благочестивый католик не только во Франции, но и по всей Европе, независимо от его отношения к Директории, был либо признанным союзником Бонапарта, либо, по крайней мере, готов был ждать событий в нейтральном духе. Что же касается папства, то отныне оно было инструментом в руках завоевателя: он был полон решимости использовать его как незаменимый оплот общественной порядочности и политической стабильности. Один из кардиналов подарил милостивому хранителю своего ордена бюст Александра Македонского: после заключения мира стало обычной лестью говорить, что Бонапарт, как и Александр, был греком по происхождению и, как Цезарь, римлянином по могуществу.

Находясь в Анконе, Бонапарт испытал временный рецидив своего стремления к власти на Востоке. Он писал, описывая гавань как единственную хорошую на Адриатике к югу от Венеции и объясняя, насколько бесценной она была для влияния Франции на Турцию, поскольку контролировала сообщение с Константинополем, а Македония находилась всего в двадцати четырех часах езды. К этому посланию он приложил письма от царя к великому магистру Мальты, которые были изъяты у курьера. Именно благодаря легкому объединению идей вскоре после этого Бонапарт начал выдвигать предложения о захвате Мальты и вторжении в Египет. Это, как объяснялось в другом месте, были старые схемы французской внешней политики, и ни в коем случае не оригинальные для него; но поскольку они долгое время оставались на заднем плане, о них легко вспомнили, тем более что за короткое время и новый диктатор, и Директория, казалось, нашли в них средство для урегулирования своих натянутых отношений.

Когда двадцать пятого января 1797 года весть о Риволи достигла Парижа, город впал в безумие радости. В тот же день Кларку были отправлены инструкции, предлагающие уступки Австрии ради мира, но предписывающие ему консультироваться с Бонапартом на каждом шагу! "Завоевателю директу" всего два дня спустя было недвусмысленно рекомендовано свергнуть католицизм в религии, "самое опасное препятствие на пути установления французской конституции". Это был новый тон, и генерал мог предположить, что его Толентинский мирный договор будет ратифицирован. Кроме того, его заверили, что

какие бы условия мира он ни продиктовал Австрии под стенами Вены, неприятные Директории или нет, они обязательно будут приняты французской нацией.

Тем временем внешние дела Австрии пришли в крайне опасное состояние. Уход английского флота из Средиземного моря не только способствовал успеху Бонапарта в Италии, но и Россия уведомила об изменении политики. Если современная государственная система Европы и опиралась на какую-либо доктрину более твердо, чем на другую, то это была теория территориальных границ и нерушимости национального существования. И все же, вопреки всякому праву и всем международным законам, Пруссия, Россия и Австрия в 1772 году налетели, как стервятники, на Польшу и разделили между собой большие части ее еще живого тела. Операция пришлось им настолько по душе, что ее повторили в 1792 году и завершили в 1795 году. Последний раздел был произведен с пониманием того, что в обмен на львиную долю, которую она получила, Россия окажет активную помощь Австрии в ее планах относительно северной Италии. Не довольствуясь миланцами и протекторатом над Моденой, Франциск уже обратил свой взор на материковую часть Венеции. Но когда семнадцатого ноября 1796 года умерла великая Екатерина, а ее преемник Павел отказался выполнять обязательства своей матери, исчезла всякая надежда на дальнейшую помощь, империя, потерпевшая поражение при Риволи, оказалась в еще более тяжелом положении, чем когда-либо. Пруссия консолидировалась в великую державу, которая, вероятно, в конце концов уничтожит австрийское влияние в германском сейме, который контролировал дела империи. И в Италии, и в Германии судьба ее соперницы была на грани срыва. Тугут вполне мог бы воскликнуть, что смерть Екатерины стала кульминацией несчастий Австрии.

Для Австрии настал поистине мрачный час; и в условиях кризиса Тугут, способный и мужественный министр императора, решил, наконец, бросить в Италию не часть, а всю военную мощь своего господина. Молодой эрцгерцог Карл, снискавший большую славу как завоеватель Журдана, был соответственно вызван из Германии с силами своей армии, чтобы прорваться через Тироль и помешать французам выйти на открытую теперь дорогу на Вену. Этот брат императора, хотя ему было всего двадцать пять лет, в свое время был вторым после Бонапарта генералом. Великолепное упорство, с которым Австрия собирала одну великую армию за другой для противостояния Франции, было достойно ее традиций. Даже когда этими армиями командовали ветераны старой школы, они были ужасны: кабинету министров в Вене казалось, что если Карлу будет предоставлено руководить ими в соответствии с его собственными планами, они наверняка одержат победу. Если бы он и его Рейнская армия с самого начала находились в Италии, думали они, результат мог бы быть иным. Возможно, они были правы; но его запоздалому прибытию в последний час было суждено ни к чему не привести. Городской совет отправил его во Фриули, район итальянских Альп на границе с Венецией, где другая армия — шестая за год — должна была собраться для защиты австрийской границы и ожидать прибытия ветеранов из Германии. Это войско, в отличие от остальных пяти, состояло из разнородных элементов и до дальнейшего усиления уступало по численности французам, которые в конце концов были усилены пятнадцатью тысячами человек под командованием Бернадотта из армии при Самбре и Маасе.

Когда Бонапарт двинулся из Мантуи к Альпам, его позиция была самой прочной из всех, которые он до сих пор занимал. Директория до тех пор проявляла свою непростую ревность к нему, отказываясь от подкреплений, которых он постоянно требовал. Стало очевидно, что приближающиеся выборы приведут к уничтожению их влияния в "Пятистах" и что больше,

чем когда-либо, они должны зависеть от поддержки армии. Соответственно, они проглотили свою гордыню и сделали Бонапарта сильным. Это изменение в политике правительства также оказало наиболее благоприятное влияние на юг и восток Франции для его целей. Личная неприязнь генералов, командовавших в этих округах, причинила ему множество неудобств в связи с Парижем, а также в переправке войск, припасов и тому подобного. Теперь они осознали, что в условиях приближающегося политического кризиса судьба республики будет зависеть от армии, и по этой причине они должны быть снисходительны к ее передовой фигуре, чьи подвиги затмили даже подвиги Гоша в Нидерландах и западной Франции. Италия была полностью покорена, и в тылу великого завоевателя не было ни одной враждебной державы. Среди многих завоеванных его имя было даже любимым: для жителей Милана его жизнь и окружение представляли такой же интерес, как если бы он был их собственным суверенным принцем. На фронте, однако, дело обстояло иначе, поскольку позиция эрцгерцога Карла оставляла территорию Венеции непосредственно между враждебными армиями таким образом, что, по-видимому, вынуждала Бонапарта принять определенную политику в отношении этой державы.

Однако на данный момент французский главнокомандующий не объявил о своем решении; не было даже официального предложения договориться с венецианской олигархией, которая, судя по всему, оставалась такой же надменной, как всегда, такой же темной и непостижимой в своих действиях, такой же сомнительной в вопросе добросовестности. И все же вскоре стал очевиден метод Бонапарта в борьбе с ней, который, хотя и отличался от всего, что он применял по отношению к другим итальянским державам, был идеально приспособлен к целям, которые он имел в виду. Он уже нарушил венецианский нейтралитет и намеревался полностью проигнорировать его. В качестве предвкушения того, что могло ожидать эту республику, французским солдатам было позволено грабить ее города до тех пор, пока жители не пришли в такое отчаяние, что ответили убийством нескольких своих противников. Затем начался упорный и раздражающий процесс обвинений, жалоб и увещаний, пока истоки соответствующих правонарушений не были забыты в череде взаимных обвинений. Затем, в качестве предупреждения всем, кто стремился поставить под угрозу "дружественные отношения" между странами, отряд французских солдат был бы переброшен то в один город, то в другой. Этот процесс продолжался без перерыва и с беспощадной энергией, пока венецианские чиновники не были буквально сбиты с толку. Протесты были напрасны: Бонапарт смеялся над формами. Наконец, когда протесты оказались безрезультатными, измученная олигархия начала наконец вооружаться, и вскоре под ее знамена были зачислены сорок тысяч человек, в основном славянских наемников. Со своей обычной примирительной мягкостью Бонапарт затем предложил сенату союзный договор, наступательный и оборонительный.

Это был не просто дипломатический ход. Определенные соображения вполне могли склонить олигархию принять этот план. Между городами венецианского материка и самим городом не было утраченной любви, поскольку аристократия последнего не желала вносить в свою Золотую книгу никаких имен, кроме имен своих собственных домов. Более того, революционное движение уже настолько усилило недовольство, которое распространилось на восток от миланцев и теперь преобладало в Брешии, Бергамо и Пескьере, что эти города действительно благоволили Бонапарту и стремились отделиться от Венеции. Более того, венецианский сенат в начале января был проинформирован своими агентами в Париже о слухе, что при заключении мира Австрия возместит себя венецианской территорией за

потерю миланцев. Беспокойство отдаленных городов на границах Ломбардии было вызвано желанием союза с Транспаданской республикой. Они мало знали, какую иную судьбу уготовил им Бонапарт. Он действительно удерживал ту часть материка, на которой они находились, в качестве контрибуции за Австрию. Венеция была почти уверена, что потеряет их в любом случае, и он чувствовал, что если она откажется от союза с Францией, он мог бы тогда, с меньшим проявлением несправедливости, передать их и их территории Франциску в обмен на Бельгию. Однако он предложил, если республика примет его предложение, заверить в лояльности своих городов при условии, что только венецианцы внесут знатные семьи материка в Золотую книгу.

Но, несмотря на такое наводящее на размышления предупреждение, сенат содружества придерживался своей политики совершенного нейтралитета. Бонапарт согласился с этим решением, но приказал ему разоружиться, согласившись в этом случае контролировать либералов на материке и гарантировать венецианские территории, оставив достаточно войск как для обеспечения этих целей, так и для охраны своих собственных коммуникаций. Если они будут подделаны, он предупредил сенат, что немедленно прозвучит похоронный звон по независимости Венеции. Никто не может сказать, что ожидало бы гордый город, если бы он выбрал альтернативу - не нейтралитет, а союз с Францией. Бонапарт всегда осуществлял свой план двумя способами, и вполне вероятно, что ее конечная судьба была бы одинаковой в любом случае. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXXIII.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ МИРА—ЛЕОБЕН.

Планы Австрии относительно последней итальянской кампании — Битва при Тальяменто — Отступление эрцгерцога Карла — Обращение Бонапарта к жителям Каринтии — Жубер уходит из Тироля — "Философическое" письмо Бонапарта — Его положение в Леобене — Переговоры о мире — Характер Договора — Грубая дипломатия Бонапарта — Успехи Франции на Рейне — Заговоры Директории — Восстание Венеции — Война с Венецией.

1797.

Городской совет в Вене подготовил для эрцгерцога Карла модификацию того же старого плана, только на этот раз подход предусматривался со стороны Пьяве и Тальяменто, рек, которые берут начало среди гротескных Доломитовых Альп и в Карнийских Альпах. Они текут на юг, как реки Адидже и Брента, но их долины шире там, где они переходят в низменности, и к ним легче добраться. Вспомогательные силы под командованием Лузиньяна находились теперь к западу от Пьяве, в то время как основные силы под командованием Карла ожидали подкрепления в широких промежутках в верховьях Тальяменто, через которые проходила прямая дорога на Вену. На этот раз порядок атаки был полностью изменен, потому что Бонапарт со своей усиленной армией численностью около семидесяти пяти тысяч человек решил перейти в наступление до того, как ожидаемые пополнения из австрийской рейнской армии достигнут лагеря его врага.

Кампания была недолгой, поскольку жители не встретили сопротивления, какого не было бы в Немецких Альпах, среди тирольцев, озлобленных врагов Бонапарта; и объединенные силы Австрии были намного слабее сил Франции. Жубер с восемнадцатью тысячами человек был оставлен для подавления Тироля. Хотя ему было всего двадцать восемь лет, он прошел путь от добровольца во всех званиях и теперь был дивизионным генералом. Он приобрел известность на Рейне и достиг апогея своей славы в этой экспедиции, которую он так блестяще провел, что в конце кампании его выбрали для доставки захваченных штандартов в Париж. Его провозгласили будущим человеком. Но впоследствии его достижения были посредственными, и пятнадцатого августа 1799 года он был смертельно ранен в битве при Нови, когда собирал армию, обреченную на поражение. Двум небольшим силам под командованием Килмейна и Виктора, связанным с Ланном, было поручено следить за Венецией и Римом соответственно; но общий порядок в Италии был доверен местным легионам, которые организовал Бонапарт. Судьба мало что еще приготовила для Килмейна, доблестного ирландского кавалериста, который был одним из выдающихся генералов своей армии. Уже будучи ветераном сорока шести лет, как тогда считались ветераны, он сражался в Америке и на Рейне и наполнил чашу своей славы при Пескьере, Кастильоне и Мантуе. Ему еще предстояло стать губернатором Ломбардии и закончить свою карьеру из-за смертельной болезни, когда он стал главнокомандующим "Армией Англии". Виктор, раненный под Тулоном, бригадный генерал в Пиренеях, подчиненный неудачливого Шерера в Италии, быстро дослужился при Бонапарте до дивизионного генерала. Будучи человеком низкого происхождения, он едва достиг своего тридцать четвертого года, когда в этом случае проявил высокий военный и дипломатический талант. На протяжении всего консульства и империи он занимал один важный пост за другим, причем настолько успешно, что заслужил уважение даже бурбонов, и умер в 1841 году, преисполненный лет и почестей. Ланну было сейчас двадцать восемь. Ребенок бедных родителей, он начал жизнь учеником красильщика, поступил на службу в двадцать три года и через два года стал полковником, настолько поразительными были его мужество и природные дарования. Призванные служить под началом Бонапарта, они стали закадычными друзьями. Простой, прямолинейный человек, Ланн был свирепым, как боевой пес, и таким же преданным. В последующие годы он следовал за Бонапартом во всех его предприятиях, и Наполеон на Мархфельде в 1809 году горько плакал, когда его верный наставник был разорван на куски.

Массена двинулся вверх по Пьяве против Лузиньяна, захватил его арьергард и оттеснил его на север за Беллуно, в то время как эрцгерцог, таким образом, отделенный от своего правого фланга, отступил, чтобы охранять дорогу на Карниолу. Бонапарт со своей прежней быстротой достиг берегов Тальяменто напротив австрийских позиций шестнадцатого марта, задолго до того, как его ожидали. Его войска маршировали всю ночь, но почти сразу же предприняли ложный маневр, как будто хотели форсировать переправу перед лицом своего врага. Австрийцы на левом берегу ожидали наступления в идеальном порядке, а расположение кавалерии, артиллерии и пехоты было превосходно приспособлено к местности. Казалось, что первая встреча двух молодых генералов сложится в пользу Карла. Но он не был ни таким хитрым, ни таким неутомимым, как его враг. Французы отступили, очевидно, измотанные, и расположились бивуаком, как будто на ночь. Австрийцы, не ожидавшие ничего нового в этот день и занявшие оборону, последовали примеру своих противников. Прошло два часа, когда внезапно вся французская армия поднялась, как один человек, и, построившись в линию без малейшего промедления, бросилась к ручью, который в этом месте был быстрым, но легко переходимым вброд, протекая между широкими,

низкими берегами, усыпанными гравием. Внезапность была полной; ручей был форсирован, и австрийцы едва успели построиться, когда французы налетели на них. Они храбро сражались в течение трех часов, пока их фланг не был повернут. Затем они организованно отступили, бросив много оружия и потеряв несколько пленных.

Массена, ожидавший сигнала за промежуточным хребтом, при первых звуках пушек двинулся в верховья той же реки, пересек ее и окружил перевалы итальянских Альп, по которым сообщение с австрийской столицей было наиболее быстрым. Следовательно, Карлу ничего не оставалось, как отступить прямо на восток, через большой водораздел Альп, где они впадают в Адриатическое море, и войти в долину Изонцо, за этим полноводным потоком, который, как он наивно надеялся, остановит преследование французов. Однако мороз сковал его в нескольких местах, и они были быстро обнаружены. Бернадотт и Серюрье взяли штурмом крепость Градиска и взяли в плен две тысячи пятьсот человек, в то время как Массена захватил форт в Кьюза-Венета и, рассеяв целую дивизию бегущих австрийцев, захватил пять тысяч вместе с их припасами и снаряжением. Затем он атаковал и разгромил вражескую охрану на перевале Понтебба, занял Тарвис и таким образом перерезал их сообщение с долиной Пустер, по которой должен был прибыть австрийский отряд с Рейна. Именно в этой кампании Бернадотт заложил фундамент своего будущего величия. Он был сыном юриста в По, где родился в 1764 году. Поступив на службу простым солдатом, он был ранен на Корсике, стал командиром батальона под командованием Кюстина, генералом бригады под командованием Клебера и командовал дивизией во Флерюсе. В прошлом году он разделил поражение при Журдане на Рейне, но при Бонапарте стал знаменитым участником победы. Будучи якобинским демократом, позже Директория поручала ему важные миссии, но в них он не добился большого успеха. Именно как солдат он поднялся в последующие годы до высот, которые, по его собственному мнению, пробудили соперничество с Наполеоном; стремясь к высшему званию, он заключил выгодный брак с невесткой Жозефа Бонапарта и так управлял своими делами, что, как хорошо известно, оказался на троне Швеции и основал правящий дом этого королевства.

Бонапарт обхаживал ошеломленных жителей Каринтии своими мягко сформулированными прокламациями, и его наступающие колонны не были потревожены крестьянами, в то время как он продвигался дальше, захватив Клагенфурт и Триест и Фиуме, единственные гавани на австрийском побережье. Затем он вернулся с основной частью своих войск и, перейдя перевал Тарвис, вступил в Германию у Филлаха. "Мы пришли, - сказал он жителям, - не как враги, а как друзья, чтобы положить конец ужасной войне, навязанной Англией министерству, купленному на ее золото". И население, слушая его голос сирены, поверило ему. Все это было сделано до конца марта; и Карл, численность армии которого сократилась менее чем на три четверти, отдыхал к северу по дороге на Вену, за рекой Мур, измученный и ежедневно ожидающий, что его вынудят к дальнейшему отступлению.

Жубер не добился такого успеха. Согласно инструкциям, он продвинулся вверх по Адидже до Бриксена, в самое сердце враждебного Тироля. Австрийцы снова призвали горцев к оружию, и для сопротивления захватчикам были собраны значительные силы под командованием Лаудона. Между Бонапартом и Директорией существовало общее, но весьма неопределенное соглашение о том, что Моро снова должен пересечь Рейн и снова наступать, на этот раз на соединение с Жубером для похода на Вену. Но директора, охваченные подозрением, нарушили свое слово и, ссылаясь на свою бедность, не предприняли ни шага к оснащению Армии Севера. Следовательно, Моро был вне досягаемости; он даже не пересек Рейн. Следовательно, Жубер оказался в затруднительном положении, поскольку вся страна теперь восстала против него. Он с трудом продвигался вперед и с серьезными потерями вел одно ужасное сражение за другим; в конце концов, однако, он пробился в долину Драв и двинулся вниз по этой реке, чтобы присоединиться к Бонапарту. Бонапарт расценил это как выдающийся подвиг, но австрийцы фактически дали отпор; и Тироль, и Венеция ликовали, и последствия распространились так далеко на восток, что достигли австрийских провинций Адриатического моря. В Триесте и Фиуме не было гарнизонов, и австрийцы снова заняли их; венецианский сенат организовал тайное восстание, которое вспыхнуло одновременно во многих местах и было подавлено только после того, как многие французы, в том числе инвалиды в госпиталях, были убиты.

Тридцать первого марта Бонапарт, получив определенную и официальную информацию о том, что он не может ожидать немедленной поддержки от Рейнской армии, направил из Клагенфурта эрцгерцогу то, что он назвал "философским" письмом, привлекая внимание к тому факту, что именно Англия поссорила Францию и Австрию, державы, которые на самом деле не имели претензий друг к другу. Разве принц, столь далекий по высокому происхождению от мелких слабостей министров и правительств, не вмешался бы как спаситель Германии, чтобы положить конец страданиям бесполезной войны? "Что касается меня самого, то, если сообщение, которое я имею честь сделать, спасет жизнь хотя бы одному человеку, я должен был бы больше гордиться этой гражданской короной, чем печальной славой, которая является результатом военного успеха". В то же время Массена продвигался вперед в долину Мура, через перевалы Ноймаркта; и еще до конца недели его захват Сен-Михаэля и Леобена лишил последней надежды на соединение между войсками Карла и его ожидаемыми подкреплениями с Рейна. Австрия вела подготовку к войне с той же гордой решимостью, которую она всегда проявляла, а Карл продолжал свои катастрофические военные действия с Массеной. Но когда Тугут получил "философское" письмо от Бонапарта, которое Карл незамедлительно отправил в Вену, императорский кабинет не колебался, и вскоре полномочные представители были на пути в Леобен.

Положение Бонапарта в Леобене ни в коем случае не соответствовало положению французских войск в радиусе девяноста миль от Вены. Революционное движение в Венеции, незаметно, но действительно поддерживаемое французскими гарнизонами, имело успех в Бергамо, Брешии и Сало. Сенат в отчаянии отправил послов к Бонапарту в Геритц. Его ответ был примирительным, но он заявил, что ничего не предпримет, пока город Венеция не пойдет на долгожданную уступку в отношении надписей в Золотой книге. В то же время он потребовал ежемесячной выплаты в размере миллиона франков взамен всех реквизиций на своей территории. В Париже венецианский посол добился не большего успеха, и с известием об уходе Жубера из Тироля вспыхнуло ужасное восстание, в результате которого погибло много французов в Вероне и других местах. Предложения Бонапарта относительно предварительных условий заключения мира с Австрией были составлены до того, как

известие об этом событии достигло его: но с учетом того, что Тироль и Венеция пылали у него в тылу и угрожали его связям; без надежды на помощь со стороны Моро в исполнении его требований; и с учетом растущей враждебности, проявляющейся среди населения наследственных государств Австрии, в которые он проник, неудивительно, что его первоначальный план подтвердился. "В Леобене, - однажды сказал он, используя метафору игрока, - я играл на двадцать одно, а у меня было только двадцать".

Поэтому, когда Мервельд и Галло, должным образом аккредитованные полномочные представители Австрии, и генерал Бонапарт, представляющий французскую республику, но не имеющий официальных полномочий от ее правительства, встретились в замке Гесс в Леобене, все они знали, что положение французов действительно очень шаткое и что условия, которые будут выдвинуты, не могут быть теми, которые диктует торжествующий завоеватель в разгар победы. Ни у одной из сторон не было никаких угрызений совести по поводу нарушения общественного права Европы путем лишения другого гражданства; но им нужен был какой-нибудь предлог. Пока они находились на начальной стадии переговоров, появился предлог, ибо девятого апреля Бонапарт получил известие об убийствах, о которых уже говорилось, и о спровоцированном французами сражении в Сало, в ходе которого бергамские горцы взяли в плен триста человек из гарнизона, в основном поляков. Это дело было лишь немногим более серьезным, чем многочисленные другие конфликты, связанные с партизанской войной, которые происходили ежедневно; но этого было достаточно. С притворной яростью французский генерал обратился к венецианскому сенату, как будто их земля была совершенно непримиримой, и потребовал от них невозможных действий по возмещению ущерба. Жюно был отправлен в Венецию с посланием и передал его с трибуны сената пятнадцатого апреля, в тот самый день, когда его начальник завершал переговоры о передаче материковой части Венеции Австрии.

Партия мира в Вене стала настолько сильной, и таков был ужас ее жителей при виде того, как двор прячет свои сокровища и готовится бежать в Венгрию, что полномочным представителям оставалось только принять предложение Бонапарта, что они и сделали с плохо скрываемым восторгом. Было только одно отличие - великое герцогство Моденское, которое Франциск ради чести своего дома был полон решимости сохранить, если это возможно. Теперь, когда Тоскана, Модена и материковая часть Венеции были в их руках, австрийские власти чувствовали, что время, несомненно, вернет им утраченный Милан. Но Бонапарт был непреклонен. Восемнадцатого числа предварительные слушания были завершены и приняты. Австрийцы торжественно заявили в то время, что, когда должен был состояться официальный обмен документами, Бонапарт представил копию, которая якобы была копией того, что было взаимно согласовано. Однако получатели почти сразу же отметили существенные различия, и когда они с неистовым шумом объявили о своем открытии, холодный, саркастичный генерал без каких-либо замечаний предъявил другой экземпляр, который был признан правильным воспроизведением предварительных согласованных условий. Эта грубая и глупая уловка, по-видимому, была излюбленным приемом, поскольку позже она была опробована в другом заметном случае - на переговорах по Конкордату. Согласно аутентичным статьям, Франция должна была получить Бельгию с "границами Франции", установленными законами республики, намеренно двусмысленное выражение. В этом предварительном плане граница по Рейну не упоминалась. Территория империи также была гарантирована. Эти явные противоречия указывают на нечто вроде паники с обеих сторон и двуличия, по крайней мере, с одной, а возможно, и с обеих, поскольку переписка Тугута указывает на его твердое намерение ограбить и уничтожить

Венецию. В любом случае Австрия получила вождеденную материковую часть Венеции до реки Ольо, вместе с Истрией и Далмацией, венецианскими владениями за Адриатикой, в то время как сама Венеция должна была получить номинальную компенсацию за счет получения трех папских посольств, Болоньи, Феррары и Романьи, которые только что были преобразованы в Транспаданскую республику! Модена должна была быть объединена с Мантуей, Реджо и Миланом в великую центральную республику, которая всегда будет зависеть от Франции и будет связана с ее территорией через Геную. Некоторые статьи были секретными, и все они подлежали несущественным изменениям в ходе заключительных переговоров об окончательном мире, которые должны были состояться позже в Берне, выбранном для этой цели как нейтральный город.

В письме Директории Бонапарт объяснил, что, что бы ни произошло, Папская область никогда не сможет стать неотъемлемой частью Венеции и всегда будет находиться под французским влиянием. Как показали события, он был не более искренен в отношении самого существования Венеции. Выдвинутые им условия были признаны в Вене наиболее выгодными, и в этой столице царило большое ликование. Но показательно, что в ходе рутинных переговоров дипломаты старой школы были прискорбно шокированы поведением своего военного противника, с которым, хотя он и был простым новичком в их искусстве, было очень трудно иметь дело. С самого начала, например, они предложили включить в качестве первого пункта предварительных условий то, о чем Директория давно вела переговоры с Австрией, - признание французской республики. "Вычеркни это", - сказал Бонапарт. "Республика подобна солнцу на горизонте — тем хуже для того, кто его не увидит". Это было всего лишь предвкушением более грубых действий, которые последовали за этим, и еще более грубых нарушений традиций в ходе долгих переговоров, которые должны были последовать за окончательным договором.

В тот самый день, когда подписи были поставлены в Леобене, австрийский герб был посрамлен Гошем на Рейне. Моро не мог переехать из-за отсутствия ничтожной суммы, которую он просил, но не мог получить у Директории. Гош, раздраженный подобными задержками и стремившийся искупить прошлогоднюю неудачу Журдана, наконец выступил в путь и, переправившись через реку в Нойвиде, продвинулся к Хеддерсдорфу, где атаковал австрийцев, которые были ослаблены, чтобы усилить эрцгерцога Карла. Они были разбиты с потерей шести тысяч пленных. Еще одно значительное войско было почти окружено, когда карьера Гоша была внезапно остановлена прибытием курьера из Леобена. Хотя вскоре после этого ему предложили должность военного министра, он отказался. Очевидно, предвидение того факта, что величайшие лавры еще предстоит завоевать, побудило его отказаться и вернуться в свою штаб-квартиру в Вецларе. Там таинственная болезнь, которую многие до сих пор приписывают яду, положила конец его короткой и славной карьере восемнадцатого сентября 1797 года. Его лавры были такими, какие украшают только многообещающего персонажа, безмятежного и щедрого как в успехе, так и в поражении. В Шварцвальде Дезэ, переправившись через Рейн с армией Моро под Страсбургом, также гнал австрийцев перед собой. Он тоже подвергся подобным испытаниям, и эти блестящие достижения пришли слишком поздно. Они не получили никаких преимуществ в условиях мира, и слава унижения Австрии осталась за Бонапартом. Десо был овернцем, аристократом с известной родословной, тщательно подготовленным в качестве кадета к военной карьере. Сейчас ему было двадцать девять, он служил на Рейне адъютантом Виктора, бригадным генералом в Мозельской армии и дивизионным генералом под командованием Журдана и Моро. Переведенный в Италию, он стал близким другом и

верным сторонником Бонапарта. Его манеры были обаятельными, мужество заразительным, либеральные принципы неоспоримыми. На полях сражений Директории и Консульства нет более прекрасной фигуры.

По всей Франции существовало значительное недовольство умеренностью Бонапарта, а среди крайних республиканцев, особенно в Директории, было ощущение, что он должен был уничтожить австрийскую монархию. Ларевельер и Ребелл полностью придерживались этого мнения, и в определенной степени продажный Баррас, поскольку он получил взятку в шестьсот тысяч франков от венецианского посла в Париже, чтобы заставить Бонапарта подавить мятежников на материке. Переписка различных эmissаров, связанная с этим делом, попала в руки генерала в Милане и отдала Директорию в более полную его власть, чем когда-либо. Девятнадцатого апреля, однако, он написал, как бы отвечая на возможные упреки: "Если бы в начале кампании я настаивал на поездке в Турин, я бы никогда не сдал По; если бы я настаивал на поездке в Рим, я бы потерял Милан; если бы я настаивал на поездке в Вену, возможно, я бы сверг Республику". Он хорошо понимал, что страх даст то, от чего может отказаться отчаяние. Само собой разумеется, что, когда условия Леобена достигли Парижа, Директория ратифицировала их: даже несмотря на то, что они были незаконно согласованы неавторизованным агентом, они отделили Англию от Австрии и сокрушили коалицию. Однако директоры уведомили Бонапарта об одной вещи, которую он не должен был делать; это заключалось в дальнейшем вмешательстве в дела Венеции. Этот приказ поступил к нему восьмого мая, но всего за неделю до этого Венеция как независимое государство прекратила свое существование.

Случайность и хитроумная предварительная подготовка привели дела этого древнего государства к такому кризису. Всеобщее восстание и битва при Сало дали предлог для захвата материковой части Венеции; вскоре после этого неизбежные результаты французской оккупации предоставили возможность полностью уничтожить олигархию. Эвакуация Вероны гарнизоном ее бывших хозяев была отдана в рамках всеобщего разоружения Италии. Веронцы были сильно, яростно возмущены, узнав, что их собираются перевести на сторону ненавистных войск; и семнадцатого апреля, когда появился отряд для подкрепления уже находившихся там французских войск, горожане поднялись в неистовом негодовании и загнали ненавистных захватчиков в цитадель. В течение следующих дней триста французских мирных жителей в городе, все, кто не смог найти убежища, были убиты: старые и молодые, больные и здоровые. В то же время отряд австрийцев под командованием Лаудона прибыл из Тироля, чтобы присоединиться к Фиоравенте, венецианскому генералу, и его славянам. Это, конечно, усилило суматоху, так как французы начали обстреливать город из цитадели. На мгновение объединенные силы осаждающих, преувеличивая сообщения об отступлении Жубера и неспособности Моро продвинуться вперед, надеялись на окончательный успех и низвержение французов. Но слухи из Леобена заставили австрийцев отступить вверх по Адидже, и на помощь французам пришел ломбардский полк. Венецианские войска были взяты в плен, а город разоружен; также были захвачены Пескьера, Кастельнуово и многие другие, которые не оказали сопротивления.

Через два дня после этой яростной вспышки веронского негодования — события, известного французам как Веронская Пасха, — произошло другое, гораздо менее важное само по себе, но имеющее, возможно, еще большую ценность как совокупное доказательство того, что рана, уже нанесенная Бонапартом венецианскому государству, была смертельной. Французское судно, шедшее впереди двух австрийских крейсеров, появилось у берегов Лидо

и бросило якорь под арсеналом. Вход вооруженного судна в гавань Венеции противоречил древнему обычаю, и капитану было приказано снять якорь. Он отказался. Вслед за этим, в глупом рвении, орудия венецианских фортов открыли огонь по кораблю. Многие из команды были убиты, а остальные брошены в тюрьму. Это был последний штрих, все, что было необходимо для оправдания планов Бонапарта. Посольство сената находилось с ним в Граце, когда в его штаб-квартиру пришли ужасные новости из Вероны. Тогда он обошелся с ними сурово, потребовав не только освобождения каждого человека, заключенного по политическим мотивам в их тюремных стенах, но и выдачи их инквизиторов. "У меня больше не будет ни инквизиции, ни Сената; я буду Аттилой в Венеции!... Мне не нужен ни ваш союз, ни ваши планы; Я намерен установить закон". Они покинули его с мрачными и точными предчувствиями относительно того, что содержалось в тех секретных документах, которые были выполнены в Леобене. Когда два дня спустя пришло известие о продолжающемся конфликте с французами в самой Венеции, послы были отпущены без дополнительной аудиенции с помощью записки, в которой говорилось, что ее автор "не мог их принять, поскольку в них текла французская кровь". Третьего мая, продвинувшись к Пальме, Бонапарт объявил войну Венеции. В соответствии с общей свободой той эпохи военные действия, однако, уже начались; ибо уже тридцатого апреля французы и их итальянские помощники укрепили низменности между венецианскими лагунами, а первого мая основные силы армии появились у Фузины, ближайшего к городу пункта на материке.

[\[Вернуться к содержанию\]](#)

ГЛАВА XXXIV.

ПАДЕНИЕ ВЕНЕЦИИ.

Слабость венецианской олигархии — Ее свержение — Двумя Бонапарта — Письма противоположного содержания — Монтебелло — Республиканский двор — Предложение Англии о мире — Планы Директории — Дипломатическая карьера генерала Кларка — Поведение мадам. Бонапарт — Ревнивая нежность Бонапарта — Социальные завоевания Его жены — Отношения Сильных мира сего.

1797.

Со времен Карфагена на земле не существовало правительства, подобного венецианской олигархии. В лучшем случае оно было мрачным и безжалостным; с исчезновением его силы его деспотизм стал несколько мягче, но даже сейчас ни один обычный человек не мог сорвать завесу с его таинственных, безответственных советов и остаться в живых. Несколько сотен семей управляли страной так же, как они управляли своими частными владениями. Весь интеллект, вся свобода, вся личная независимость были подавлены такой системой. Более просвещенные венецианцы с материка, многие даже в городе, чувствуя влияние того времени, долгое время испытывали беспокойство при своем правительстве, хотя оно, казалось, шло гладко в мирное время. Теперь, когда земля содрогалась под маршем войск Бонапарта, это правительство было не только беспомощно, но и в своей панике фактически вызывало презрение, демонстрируя своим поведением, насколько настоятельной была необходимость перемен. У сената был мощный флот, три тысячи

туземных войск и одиннадцать тысяч наемников; но они нанесли только один бесполезный удар за свой счет, позволив опрометчивому капитану открыть огонь с канонерских лодок по французскому авангарду, когда он появился. Но тотчас же, словно испугавшись собственной безрассудности, они отправили посольство, чтобы узнать волю приближающегося генерала. Чтобы его действия были милосердными, они испробовали план Модены и предложили ему взятку в семь миллионов франков; но, как и в случае с Моденой, он отказался. На следующий день был созван Большой совет, и почти единогласным голосованием патрициев — шестьсот девяносто голосами против двадцати одного — было решено, что они перестроят свои институты на демократических началах. Бледный и перепуганный дож подумал, что в такой капитуляции кроется последняя надежда на спасение.

Ни на минуту Лальман и Виллетар, два французских агента, не прекращали своей революционной агитации в городе. Беспорядки участились, в то время как неопределенность парализовала и разложила патрицианскую партию. Неделью спустя правительство фактически отреклось от престола. Двое совершенно незнакомых людей театральным образом появились у его дверей и письменно предложили Великому Совету, чтобы удовлетворить дух времени, посадить дерево свободы на площади Святого Марка и как можно скорее согласиться со всеми предложениями по либерализации Венеции, которых, по-видимому, требовали настроения населения. Ужас и дезорганизация аристократии были таковы, что вместо того, чтобы наказать за вторжение неизвестных реформаторов смертью, согласно традициям их безжалостной процедуры, они приняли меры для реализации предложений, сделанных таким же мрачным и значительным образом, как и любое из их собственных. Флот был расформирован, а армия расформирована. К концу месяца революция была практически завершена; поскольку восстание их сторонников было ошибочно принято Великим Советом в его малодушном терроре за восстание их противников, они издали декрет об упразднении всех существующих институтов и, после поспешной организации временного правительства, распустили его. Четыре тысячи французских солдат заняли город, и между новой Венецианской республикой и Францией был заключен мнимый мирный договор.

Этот договор на самом деле был не чем иным, как пронунсиаменто Бонапарта. Он объявил всеобщую амнистию всем преступникам, за исключением командира форта Луко, который недавно обстрелял французское судно. Он также гарантировал государственный долг и обещал занимать город только до тех пор, пока этого потребует общественный порядок. По ряду секретных статей, выраженных расплывчато, Венеция была обязана принять условия Леобена в отношении территории, выплатить контрибуцию в размере миллиона двухсот тысяч долларов и снабдить три линейных корабля двумя фрегатами, в то время как в соответствии с общей политикой французской республики эксперты должны были отобрать двадцать картин из ее галерей и пятьсот рукописей из ее библиотек. Каково бы ни было понимание тех, кто подписал эти сокрушительные условия, ни одна европейская держава больше никогда не рассматривала город как независимое государство. К этому расчленению Директория присоединилась постфактум, объявив Венеции войну, которая дошла до Милана только для того, чтобы быть подавленной, когда Венеции уже не было. Кто был более отвратителен - олигархия или ее убийца, - до сих пор остается академическим вопросом, обсуждаемым только в свободное время. Вскоре после этого была отправлена французская экспедиция для захвата ее островных владений в Леванте. Эти меры были тщательно подготовлены в то самое время, когда временное правительство считало, что оно расплачивается за свои новые свободы. А еще раньше, двадцать седьмого мая, за три

дня до отречения аристократии, Бонапарт уже предлагал Австрии всю республику в предложенной форме в обмен на немецкие земли на левом берегу Рейна.

В письме Директории в тот день он заявил, что Венеция, которая находилась в упадке с момента открытия мыса Доброй Надежды и возвышения Триеста и Анконы, с трудом выдержит только что нанесенные ей удары. "Этот жалкий, трусливый народ, непригодный к свободе, без земли и воды — мне кажется естественным, что мы должны передать их тем, кто получил от нас свой материк. Мы захватим все их корабли, мы разорим их арсенал, мы уберем все их пушки, мы уничтожим их строй, мы сохраним Корфу и Анкону за собой". Двадцать шестого, всего за день до этого, в письме к своим "друзьям" из венецианского временного правительства он заверил их, что сделает все, что в его силах, чтобы утвердить их свободы, и что он искренне желает, чтобы Италия, "ныне покрытая славой и свободная от всякого иностранного влияния, снова появилась на мировой арене и утвердила среди великих держав то положение, на которое она имеет право по природе, положению и судьбе". Обычные умы не могут постичь коварство и отвагу, которые, по-видимому, предвидели и заранее подготовили все условия, необходимые для осуществления планов, которые в отношении двурушничества превосходили представления людей даже в тот век двуличия и эгоизма.

Недалеко от Милана, на пологом холме, стоит знаменитая вилла, или загородное поместье, Монтебелло. Из его окон открывается вид на редкой красоты пейзаж: с одной стороны, вдалеке, могучие Альпы с их вершинами из никогда не тающего льда и снега; с трех других - почти сладострастная красота плодородных равнин; в то время как на ближайшем переднем плане находится великая столица Ломбардии с ее великолепной промышленностью, художественными хранилищами и многочисленными шпилями, покрытыми сединой древности. В пределах легкой досягаемости находятся изысканные пейзажи зачарованного региона — итальянских озер. В эту величественную резиденцию удалился Бонапарт. Его летней задачей должно было стать умиротворение Европы и укрепление собственной власти в Италии, во Франции и на севере за Альпами. Эти два объекта шли рука об руку. Из Австрии, из Рима, из Неаполя, из Турина, из Пармы, из Швейцарии и даже из мелких немецких княжеств, судьба которых зависела от перераспределения немецких земель, которое должно было быть произведено имперским сеймом, агенты всех мастей, как военные, так и дипломатические, как тайные, так и аккредитованные, стекались к месту нахождения власти. Экспрессы приходили и уходили во всех направлениях, в то время как скромные поклонники соперничали друг с другом в почтении к взошедшему солнцу.

Использование жесткого этикета было хорошо понято Бонапартом. Он ценил ослепительную силу церемоний, очарование снисходительности и влияние женщины на ведение дел. Все эти влияния он расточал с такой щедростью, которая могла быть постигнута только восточным воображением. Словно для того, чтобы подавить чувства впечатляющим контрастом и символизировать триумф того доминирующего Третьего сословия, представителем которого он утверждал, что является борцом против аристократов, принцев, королей и императоров, простота Революции была персонифицирована и подчеркнута в его собственной персоне. Его показная бережливость, его пренебрежение к одежде, его презрение к личному богатству и его внешним признакам - все это усиливалось окружающей их обстановкой, подобно тому, как оправа из бриллиантов часто подчеркивает характер портрета с невзрачным лицом.

Тем временем Англия, твердо решившая спасти себя и Европу, необходимую для ее благополучия, не была пассивным наблюдателем событий в Италии. Чтобы понять политическую ситуацию, необходимо привести в порядок некоторые факты. В конце 1796 года администрация Питта все еще находилась в тяжелом положении, поскольку поддерживавшие его тори были возмущены его неуспехом, в то время как оппозиция вигов соответственно ликовала и с каждым днем становилась все сильнее. Военно-морскому флоту едва удавалось сохранять видимость, но и только. Существовала настоятельная необходимость в реформе тактики, администрации и оборудования. Франция добилась некоторого прогресса во всех этих направлениях, и, несмотря на помощь Англии, как вандейское, так и Шуанское восстания, по всей видимости, были полностью подавлены. Впоследствии мощная экспедиция под командованием Гоша, снаряженная и находящаяся в готовности к отплытию в Ирландию, чтобы организовать там восстание и дать Англии выпить из ее собственной чаши, хотя и обреченной на катастрофу, сильно повлияла на британское воображение. Было ясно, что виги одержат победу на предстоящих выборах, если что-то не будет сделано. Соответственно, как уже говорилось, Питт решил начать переговоры о мире с Директорией. В качестве своего агента он неблагоразумно выбрал представительного аристократа, который отличился как дипломат в Голландии, организовав оранжевую партию для поддержки прусского оружия в борьбе с растущей демократией этой страны. Более того, посланник был ультраконсерватором в своих взглядах на Французскую революцию и, полагая, что в Западной Европе нет места его собственной стране и ее великому сопернику, считал, что мира не может быть, пока Франция не будет уничтожена. Берк насмеялся над тем, что он отправился в Париж на коленях. Его встретили с подозрением и недоверием, многие считали, что его настоящим поручением была реорганизация роялистской партии во Франции. Кроме того, Делакура, министр иностранных дел, был узким, поверхностным и тщеславным человеком, неспособным ни встретиться с ловким и опытным переговорщиком на своей территории, ни подготовить новые формы дипломатической борьбы, как это сделал Бонапарт. Хорошо бы напомнить, что английское предложение состояло в том, что Великобритания откажется от всех французских колониальных владений, которые она захватила во время войны, при условии, что французская республика откажется от Бельгии. Для понимания позиции Бонапарта в 1797 году важно также вспомнить в этой связи, что судоходство по Шельде всегда было объектом высочайшей важности для Англии: установление сильной враждебной морской державы в гаванях, подобных нидерландским, поставило бы под угрозу, если не уничтожило бы, британскую торговлю с центральной и северной Европой. Ответ Директории заключался в том, что их основной закон запрещает рассмотрение подобного вопроса; и когда Малмсбери настаивал на своем предложении, ему было разрешено в течение сорока восьми часов покинуть страну. Переговоры потерпели фиаско с точки зрения Австрии, хотя и были полезны для укрепления британского патриотизма. Гош, отправленный в Ирландию, обнаружил, что ветер и волны неблагоприятны, а затем вернулся, чтобы заменить Журдана на посту командующего одной из рейнских армий, последний был смещен из-за своих неудач в Германии и был низведен до карьеры политика. Победы Бонапарта не оставили его самому заметному сопернику ничего другого, и он изящно поздравил своего итальянского коллегу с тем, что тот опередил его. Его печальная и подозрительная смерть в сентябре никак не повлияла на условия договора Бонапарта, но подчеркнула необходимость его ратификации.

Директория, нацеленная исключительно на укрепление республики, мало заботилась о Ломбардии и очень о Бельгии; для престижа правительства, даже для его стабильности,

Бельгия с границей по Рейну должна быть защищена. Австрийский министр мало заботился о отдаленных провинциях империи и всецело стремился к компактному объединению территорий. Успехи 1796 года обеспечили Франции договоры с Пруссией, Баварией, Вюртембергом, Баденом и двумя округами Швабии и Франконии, в соответствии с которыми эти державы согласились отказаться от контроля над всеми землями на левом берегу Рейна, которые до сих пор принадлежали им или германскому корпусу. Как следствие, цель Директории могла быть достигнута с согласия Австрии, и Австрия, похоже, была готова. Единственный вопрос заключался в том, вернет ли Франция Миланцев? Карно был категоричен в выражении своего мнения о том, что ради установления мира с честью, скорейшего и прочного мира, она должна это сделать, и его коллеги согласились с ним. Соответственно, Бонапарта предупредили, что в итальянских народах нельзя пробуждать никаких надежд на освобождение. Но такое предупреждение было абсурдным. Директора, будучи не в состоянии ни поддержать своего генерала достаточным подкреплением, ни заплатить его войскам, только в роли освободителя Бонапарт добился успеха в обольщении и завоевании Италии, в содержании и вооружении своих людей и в переливании сокровищ в Париж. Именно по этой причине, каким бы огромным и возмутительным ни было разорение и разграбление нейтрального государства, он считал себя вынужденным свергнуть Венецию и использовать ее в качестве замены Ломбардии в предстоящей торговле с Австрией. Но режиссеры либо не могли, либо не хотели в то время входить в его планы, и отказывались осмысливать ситуацию.

Поэтому, руководствуясь сомнительным здравым смыслом, они решили в ноябре 1796 года послать Кларка, их собственного агента, в Вену. Именно для этого они выбрали человека с безупречными манерами и честной целью, но, вопреки их оценке, весьма умеренных способностей. Конечно, у него должно было быть предварительное соглашение с Бонапартом, и с этой целью он путешествовал через Италию. Будучи любезно встречен, он был совершенно одурачен своим утонченным хозяином, который задерживал его праздными предложениями до тех пор, пока после падения Мантуи, к своему изумлению, он не получил уже изложенные инструкции из Парижа: не делать никаких предложений любого рода без согласия Бонапарта. Затем последовала смерть царицы Екатерины, которая оставила Австрию без союзника, и все последующие события вплоть до кануна Леобена. Тугут, конечно, не хотел видеть в Вене якобинского агитатора, каким, по его мнению, был Кларк, и сообщил ему, что ему не следует приезжать туда, но он может достичь дипломатического взаимопонимания с австрийским посланником в Турине, если сможет. Таким образом, он был благополучно изгнан с места боевых действий во время заключительных сцен кампании и, к удовлетворению Бонапарта, конечно, не смог вовремя прибыть в Леобен для завершения предварительных переговоров в качестве аккредитованного агента республики. Но, чтобы сохранить самоуважение Директории, отныне он должен был сотрудничать с Бонапартом в выработке окончательных условий мира; и с этой целью он, конечно, прибыл в Милан. Поскольку он выражал убежденность правительства в том, что граница по Рейну должна быть условием мира, и обязательно подчеркивал его схему территориальных компенсаций, им нужно было либо управлять, либо игнорировать. Именно разносторонность посланника в Монтебелло обеспечила ему его последующую карьеру при консульстве и империи.

Суд в Монтебелло был не просто насыпи из мужчин. Там был также скопище блестящих женщин, из которых председательствующий гений мадам. Бонапарт. Любовь, сомнения, решение, брак, разлука - таковы были быстро сменявшие друг друга эпизоды ее связи с

Бонапартом в Париже. Хотя она горячо заявляла о своей преданности мужу, в первые дни их разлуки брачный обет давался ей нелегко. Ее муж, по-видимому, был на короткое время более постоянным, но, убедившись в ее непостоянстве, стал таким же неверным, как и она. И все же сложность эмоций — амбиций, своекорыстия и физического влечения, — которые, по-видимому, присутствовали у обоих, хотя и в совершенно разной степени, поддерживали в нем нечто вроде подлинного пыла и привязанности, достаточно искренней, чтобы пробудить в ней ревность. Известие о последовательных победах Бонапарта в Италии сделало его женой героиней в Париже. Во всех салонах столицы, начиная с салонов директоров Люксембургского театра и кончая салонами ее более аристократических, но менее влиятельных знакомых, ее чествовали и ласкали. Уже в апреле 1796 года пришел первый вызов ее мужа присоединиться к нему в Италии. Друзья объяснили ей, что во Франции не принято, чтобы жены генералов присоединялись к лагерному поезду, и она отказалась. Соппротивление лишь разжигало страсти молодого завоевателя, и его пламенные любовные послания доходили до Парижа с каждым курьером. Жозефина, однако, осталась непоколебимой, ибо традиции ее поклонников, которым она их показывала, несерьезно относились к подобной супружеской привязанности. Она была польщена, но во время ухаживания слегка испугана подобными обращениями.

В свое время появились симптомы, которые, по-видимому, были симптомами беременности. Получив это известие, будущий отец не смог сдержать радости. Сохранилось письмо, которое он отправил. Оно было написано из Тортоны пятнадцатого июня 1796 года. Жизнь — всего лишь тщеславное представление, потому что в такой час он отсутствует рядом с ней. Страсть затуманила его разум, но если ей больно, он уйдет, несмотря ни на что, ради нее. Без аппетита и бессонницы, без мыслей о друзьях, славе или стране, весь мир уничтожен для него, кроме нее самой. "Я забочусь о чести, потому что это важно для тебя, о победе, потому что это доставляет тебе удовольствие, иначе я бы оставил все остальное, чтобы броситься к твоим ногам. Дорогой друг, будь уверен и скажи, что ты убежден, что я люблю тебя больше всего, что только можно вообразить, убежден, что каждое мгновение моего времени посвящено тебе; что не проходит и часа без мыслей о тебе; что мне никогда не приходило в голову думать о другой женщине; что все они в моих глазах лишены изящества, красоты, остроумия; что ты — ты один, каким я тебя вижу, какой ты есть — мог бы понравиться и поглотить все способности моей души; что ты постиг все ее глубины; что в моем сердце нет ни одной закрытой для тебя складки, ни одной мысли, которая могла бы я не сопровождать тебя; что моя сила, мои руки, мой разум — все твое; что моя душа пребывает в твоём облике, и что день, когда ты изменишься, или день, когда ты перестанешь жить, будет днем моей смерти; что природа, земля прекрасна в моих глазах только потому, что ты живешь в ней. Если вы не верите всему этому, если ваша душа не убеждена, не насыщена, вы огорчаете меня, вы не любите меня. Между любящими существует магнетическая связь. Ты знаешь, что я никогда не смог бы увидеть тебя с любовником, а тем более вынести, что он у тебя есть: увидеть его и вырвать его сердце было бы для меня одним и тем же; и тогда, если бы я мог, я бы насильно наложил руки на твою священную особу.... Нет, я бы никогда не осмелился, но я бы покинул мир, где то, что является самым добродетельным, обмануло меня. Я уверен и горжусь твоей любовью. Несчастья — это испытания, которые взаимно развивают силу нашей страсти. Ребенок, прекрасный, как его мать, должен видеть свет в твоих руках. Какой бы я ни был жалкий человек, одного дня мне было бы достаточно! Тысяча поцелуев в твои глаза, в твои губы. Очаровательная женщина! какая в тебе сила! Я болен твоей болезнью: кроме того, у меня

жгучая лихорадка. Задержите курьера всего на шесть часов, и пусть он немедленно возвращается, доставив мне дорогое письмо моей королевы".

Наконец, в июне, когда были одержаны первые великие победы, когда признаки материнства оказались ложными и исчезли, когда в Италии ее ожидали почести, подобные почестям государыни, мадам Дж. Бонапарт решила порвать с кругом своих друзей в Париже и уступить все более настойчивым мольбам своего мужа. Путешествуя под присмотром Жюно, она добралась до Милана в начале июля и обнаружила, что генерал больше не авантюрист, а успешный диктатор народа, за которым ухаживают принцы и короли, его обожают массы, и он является арбитром наций. Оказавшись, по-видимому, без усилий, на высоте положения, она начала и продолжала в течение всего года соперничать в своих социальных завоеваниях с победами своего мужа на поприще. Там, где он был Каем, она была Кайей. Высокородные дамы искали ее расположения, а дворяне низко кланялись, чтобы заручиться ее поддержкой. Временами она действительно бросала вызов опасностям восстания и поля битвы. Ее присутствие в их столице использовалось для успокоения раздраженных венецианцев. Чтобы удовлетворить пыл своего супруга, она объехала много городов и, проявляя мягкое сочувствие, несколько уредила дикие амбиции, которые пробудили в нем сцены и характер его успехов. Герои и поэты Рима вышли на ту же сцену. Своей супруге новый цезарь раскрыл видения своего разгоряченного воображения, объяснил ощущения, которые вызывало в нем их призрачное присутствие, и раскрыл свои планы подражания. Для таких целей суд, проведенный летом в Монтебелло, был всего лишь естественным результатом. Его историческое влияние было неисчислимым: с одной стороны, благодаря престижу, который он придавал центральной фигуре на переговорах, и шансу, который он предоставлял для фиксации и кристаллизации неопределенных представлений о времени; с другой стороны, благодаря тому, что он сделал запоминающимся празднование национального праздника четырнадцатого июля 1797 года, события, организованного в политических целях и настолько ослепительного, что закрепил в армии глубокую и безраздельную преданность своему лидеру, что сделало возможной следующую эпоху в его карьере.

Лето было сезоном вынужденного безделья, внешне и в том, что касалось международных отношений, но на самом деле Бонапарт никогда не был ни более активным, ни более успешным. В феврале Банк Англии приостановил выплаты звонкой монетой, и в марте цена английских консолей составила пятьдесят один доллар, что стало самым низким показателем, которого она когда-либо достигала. Битва у мыса Сент-Винсент, произошедшая четырнадцатого февраля, уничтожила военно-морскую мощь Испании и освободила Великобританию от страха перед объединением французского и испанского флотов для вторжения. Но, с другой стороны, на флоте была широко распространена крамола; британские моряки взбунтовались до предела, подняв красный флаг и угрожая пиратством. Восстания, хотя и многочисленные, в конце концов были подавлены, но их воздействие на английский народ было волшебным. Оставшись без союзника из-за смерти Екатерины, выжидания Павла и его склонности к прусской политике нейтралитета, факты, отраженные в предварительных переговорах в Леобене, их правительство предприняло попытки к миру. В делах Директории наступил кризис, и, как своего рода убежище от грозной угрозы народного неодобрения, Делакруа согласился снова принять Малмсбери и возобновить переговоры в Лилле. Как и ожидалось, с самого начала это был второй театральный поединок по фехтованию. Каннинг опасался, что его страна столкнется с несчастным случаем в поединке на шпагах, поскольку предложенные условия были слабой

уступкой французской гордости, положив Нидерланды к ее ногам. Вероятно, предложение в любом случае было несерьезным, фарс быстро закончился, и когда их уловка была встречена, британская нация оправилась и не была встревожена. Потребовалось предельное усердие в использовании личного влияния как со стороны французского генерала, так и со стороны его жены, чтобы подорвать среди европейских дипломатов, собравшихся в Монтебелло, престиж английской морской победы и быструю адаптацию их политики к меняющимся условиям. Но они преуспели, и доказательства в конечном итоге были представлены не только в таких крупных делах, как успех Фруктидора или мир на Кампо Формио, но и в мелких — таких, например, как скорейшее освобождение Лафайета из его австрийской тюрьмы. [\[Вернуться к содержанию\]](#)

КОНЕЦ ТОМА I

Примечание 1: Незаменимым авторитетом для "юности Наполеона" является сборник его собственных статей, отредактированный, не всегда разумно, Фредериком Массоном и опубликованный им в сотрудничестве с Дж. Биаги под названием "Наполеон инконну". Оригиналы сейчас находятся в Лаврентийской библиотеке во Флоренции. Император доверил их кардиналу Фешу в качестве надежного хранилища, вероятно, в надежде, что в конечном итоге они будут уничтожены. Что кардинал на самом деле сделал с ними, остается неясным. Некоторое время назад, в начале девятнадцатого века, они попали во владение некоего Либри, одного из инспекторов французской государственной библиотеки, недобросовестного коллекционера и дилера. Из них он почерпнул достаточно материала для статьи, которая до его опалы была опубликована в первом номере *Revue des Deux Mondes*, но в публикации не было авторитетного заявления, и статья была забыта, какой бы важной она ни была. Оригиналы не были найдены или известны до тех пор, пока в каталоге распродажи библиотеки лорда Эшбернхэма не появился лот, озаглавленный "Просто документы Наполеона". Друг довел этот факт до сведения автора, и когда после хитроумного соперничества между агентами французского и итальянского правительств рукописи были переданы на хранение во Флоренцию, он немедленно попросил разрешения изучить их. Это было незамедлительно удовлетворено, оказалось, что это утерянные документы Феша, и впервые удалось получить четкий отчет о первых годах жизни Наполеона. Стандартными источниками до сих пор были работы Насики, Костона и Юнга: хотя они все еще имеют определенную ценность, она невелика ввиду надежных выводов, которые можно сделать из оригинальных документов о мальчиках Наполеона Бонапарта. Позже, после публикации соответствующей части "Этой жизни", они были отредактированы, напечатаны и опубликованы. В основном здесь нет места для расхождений со стенограммой М. Массона, но в некоторых местах, где текст необычайно плох, собственная стенограмма автора представляет факты так, как они изложены на этих страницах. В течение нескольких лет месье Шу превосходно обобщил все наши подлинные знания по этому предмету — в книге, озаглавленной "Молодая женщина Наполеона". Его собственные исследования выявили еще кое-какой ценный материал. Я без колебаний внес этот пересмотр, чтобы максимально свободно использовать последние авторитетные

источники, но отраднo, что никаких существенных изменений, за исключением небольших дополнений, не было сочтено необходимым. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Примечание 2: Авторитетными лицами на тот период являются Массон: Наполеон инконну. Chuquet: La jeunesse de Napoléon. Jung: Bonaparte et son temps. Böhlingk: Napoleon Bonaparte: seine Jugend und sein Emporkommen. Las Cases: Mémorial de Sainte-Hélène. Antommarchi: Mémoires. Coston: Premières années de Napoléon, Nasica: Mémoires sur l'enfance et la jeunesse de Napoléon. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 3: Источниками этих заявлений являются два письма от 5 апреля 1781 г. и 8 октября 1783 г.; впервые напечатано в Воспоминаниях о жизни Бонапарта и т. Д., от графа Шарля д'Ога.... Этот псевдоним скрывает до сих пор неизвестного автора; документы по большей части считались подлинными и были перепечатаны как таковые многими авторитетными источниками, включая Юнга. Хотя этот автор был чиновником военного министерства и имел в своем распоряжении его архивы, одно письмо он приводит без каких-либо полномочий, а другое - как в "Военном архиве". Многие искатели, включая писателя, искали их там безрезультатно. В последнее время их подлинность отрицалась на основании присущей им невероятности, поскольку карманные деньги, как правило, были почти неизвестны в королевских колледжах, а тоска по дому у корсиканцев столь же распространена, как и у швейцарцев. Но правила ничего не доказывают, и письма кажутся подлинными по своей сути. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 4: Du Casse, Supplément à la Correspondence de Napoléon Ier, Vol. X, p. 50. Masson, I, 79-84. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Примечание 5: это письма, без даты, печати в Костон, а взяты из газет; снова в исправленном виде в Nasica: мемуары сюр детей и молодежи де Наполеон, стр. 71, который утверждал, что сопоставлять его с исходным; и снова в Юнг: Бонапарт и сын темпс, кто дает, как его ведения, архивов де ла герр, сохраняя ровно в том виде, дается Nasica. Документы Наполеона Военного министерства были добровольно и, я полагаю, полностью переданы в мои руки для изучения. Этого письма среди них не было; фактически, мои попытки подтвердить ссылки Юнга были, к сожалению, безрезультатными. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 6: авторитетные источники, как и прежде, для этой и пяти последующих глав. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 7: Это дата, указанная им самим на листке бумаги, озаглавленном "Эпоха моей жизни" и содержащаяся в бумагах Феша, которые сейчас хранятся в библиотеке Лаврентия во Флоренции. Кое-где текст очень трудно расшифровать, но строка "Партия за школу Парижа, 30 октября 1784 года" прекрасно читается. Дела Лас, в Памятномсборнике, том. I, стр. 160, представляет Наполеона цитирующим Кералио, заявившего, что не из-за его рождения или достижений, а из-за качеств, которые он разглядел в мальчике, он отправил его с несовершенной подготовкой в Париж. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 8: Воспоминания короля жозефа, I, 29. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 9: Экзаменатором по математике был великий Лаплас. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 10: взято из апокрифических мемуаров графа д'Ог ... упоминалось ранее. См. Массона: Наполеон инконну, I, 123; Шюке, I, 260; Юнг, I, 125. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 11: Дела Лас, I, 112. Наполеон признавался в своей неспособности выучить немецкий, но гордился своими историческими познаниями. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 12: Забавную карикатуру, сделанную моим товарищем в Париже, см. в Chuquet: La jeunesse de Napoléon, I, 262. The legend is: "Buonaparte, cours, vole au secours de Paoli pour le tirer des mains de ses ennemis." [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 13: Masson (Napoléon inconnu, Vol. I, стр. 160) опровергает все утверждения этого параграфа. Он также доказывает, к своему собственному удовлетворению, что Бонапарта в это время не было ни в Лионе, ни в Дуэ. Приведенный здесь рассказ основан на Костоне и Юнге, который следует первому в своей перепечатке документов, приводя очень сомнительную ссылку, Mss. Archives de la guerre. Хотя я не смог найти эти рукописи, я не желаю полностью отвергать авторитет Юнга или ставить под сомнение его добросовестность. Чиновники часто разыгрывают странные шутки с официальными документами, и их еще можно найти. Более того, есть некоторые незначительные побочные свидетельства. See Vieux: Napoleon à Lyon, p. 4, and Souvenirs à l'usage des habitants de Douay. Дуэ, 1822. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 14: Тома "Наполеона инконну" содержат тексты этих статей, расшифрованные для М. Массона и переработанные им. Мое собственное исследование, которое более чем на год опередило его транскрипцию (1891 год), привело меня к тому, что я абсолютно доверяю их подлинности в том, что касается памяти и добросовестности автора. Я не могу так же положительно, как Массон, полагаться на "Эпох человеческой жизни", которые выглядят как небрежные каракули, сделанные в минуту бездействия на первом попавшемся под руку клочке бумаги. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 15: Переписка сэра Джона Синклера, I, 47. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 16: Souvenirs d'un officier royaliste, par M. de R..., Vol. I, стр. 117. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 17: Напечатано в Napoléon inconnu, Vol. II, стр. 167. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Примечание 18: Подобных случаев неоднократного и продолжительного отсутствия на службе среди молодых офицеров множество, и их легко найти в архивах. Тем не менее, случай Буонапарте - очень необычный пример того, как умный человек мог управлять системой. Факты достаточно скверны, но, как многие города упоминались Гомером, так и в наполеоновской легенде события пребывания в Страсбурге примерно в это время были описаны в мельчайших подробностях. Он состоял в отношениях с известной актрисой и писал стихи, которые печатаются. Даже Меттерних сообщает, что молодой Наполеон Бонапарт только что покинул столицу Эльзаса, когда сам прибыл туда в 1788 году. Позже, в 1806 году, учитель фехтования заявил, что он обучал обоих этих великих людей годом ранее в Страсбурге. И все же рассказать всю историю целиком невозможно. See Napoléon inconnu, Vol. I, стр. 204. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 19: Напечатано в Coston, II, 94. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 20: Переписка сэра Джона Синклера, I, 47. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 21: Текст см. В "Наполеоне инконну", II, 92. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 22: Почти все эти фразы можно найти в заметках, которые он сделал, читая Вольтера и Руссо: *Napoléon inconnu*, II, 209-292. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 23: "Я нахожусь в хижине бедняка, откуда мне хотелось бы написать вам после долгого разговора с этими добрыми людьми". Назика, стр. 161. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 24: *Napoléon inconnu*, II, 108 *et seq.* [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Примечание 25: Письмо Буонапарта Нодену, 27 июля 1791 г., в "Бюше и Ру", Парламентская история, XVII, 56. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Примечание 26: Не совсем ясно, прибыл ли он в конце сентября или в начале октября 1791 года. Он оставался там до мая 1792 года. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 27: Редкая и любопытная брошюра, озаглавленная "Рукопись Эльбийского острова", приписываемая Монтолону и, вероятно, опубликованная Эдвардом О'Мирой, содержит заголовки десяти глав, которые были продиктованы Наполеоном на Эльбе двадцать второго февраля 1815 года. Аргумент таков: бурбоны взойшли на трон в лице Генриха IV, победив так называемую Священную Лигу против протестантов и с согласия народа; таким образом, третья династия последовала за второй; затем пришла республика, и ее преемственность была узаконена победой, волей народа и признанием всех держав Европы. Республика создала новую Францию, освободив галлов от власти франков. Народ возвел своего лидера на императорский трон, чтобы укрепить свои новые интересы: это была четвертая династия и т.д., и т.п. Предполагаемая книга должна была детально проработать саму концепцию нации как проходящей через последовательные фазы: в конце каждой она изнашивается, но новое правление возрождает ее, сбрасывая наросты и давая место внутренней жизни. Интересно отметить происхождение идей Наполеона и упорство, с которым он придерживался их. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 28: *Las Cases: Mémorial de Sainte Hélène*, V, 170. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 29: Воспоминания короля Жозефа, I, 47. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 30: *Napoléon inconnu*, II, 408. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 31: Сообщено Арриги и Ренуччи и приведено в *Napoléon inconnu*, II, 418. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 32: Оригинал этого протеста см. Наполеон инконну, II, 439. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 33: Оба этих человека были щедро помянуты в секретных дополнениях к завещанию Наполеона. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 34: Об этой статье см. Наполеон инконну, II, 462. Юнг: "Бонапарт и времена сына", II, 266 и 498. Похоже, там была официальная часть, предназначенная для публикации, и

свободный, небрежно написанный беглый комментарий о людях и вещах. Прочитированный отрывок взят из последнего. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 35: Мемуары Жозефа и Люсьена, поддерживаемые Костоном и анонимным марсельским краеведом, все едины в утверждении, что семья Буонапарте высадилась там; с другой стороны, Луи в "Исторических документах Олланда", I, 34, категорически и подробно утверждает, что они поселились в Ла Валетте, пригороде Тулона, где они высадились. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 36: Таковы наиболее вероятные причины отступления. Несколько местных хронистов, Сулье, Одри и Жуду, пишущие все трое о 1844 году, заявляют все без исключения, что Буонапарте со своей батареей прошел по правому берегу Роны до Роше де Жюст, где установил свои орудия и открыл огонь по стенам города. Его огонь был настолько точным, что он уничтожил одно орудие и убил нескольких артиллеристов. Осажденный гарнизон федералистов был повергнут в панику и бежал. Ни современные власти, ни сам Наполеон никогда не упоминали о каких-либо столь примечательных обстоятельствах. Фактически, отрывок из "Супа Бокера" объясняет отступление неспособностью кого-либо, кроме ветеранов, выдержать осаду. Наконец, Буонапарте наверняка получил бы повышение за такой подвиг. Доммартин, его товарищ, был таким образом вознагражден за гораздо меньшую услугу. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 37: В Российском архиве за 1866 год говорится, что в 1788 году Наполеон Бонапарт подал прошение о помолвке с Заборовским, лейтенантом Потемкина, который тогда находился с русским флотом в Средиземном море. Утверждение может быть правдой, и, вероятно, так оно и есть, но нет никаких подтверждающих его доказательств. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 38: Самым первым впечатлением, по-видимому, была перепечатка из "Авиньонского курьера": это была дешевая брошюра на шестнадцати страницах, напечатанная тем же шрифтом и на бумаге, что и журнал. Второй оттиск был на двадцати страницах, отпечатанный в типографии в качестве брошюры для "Таймс" для распространения по ближайшим и отдаленным районам. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 39: Авторитетами для этой важной эпохи являются, в первую очередь, Юнг: Бонапарт и его время; Массон: Наполеон инконну; но прежде всего, Шюке: "Жена Наполеона", Т. III, Тулон. Мемуары Барраса совершенно бесполезны, упоминания в Las Cases, Marmont и других источниках имеют ценность, но их необходимо контролировать. Архивы военного министерства были тщательно изучены несколькими исследователями, в том числе и автором. Результаты были опубликованы во многих томах, на которые ссылаются вышеупомянутые авторы, и многие оригинальные статьи полностью или частично напечатаны ими. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 40: В Buchez et Roux, Histoire Parlementaire, XXXI, стр. 268-290, 415-427; XXXII, стр. 335-381 и далее, а также в "Маневрах Сен-Жюста", стр. 360-420 можно найти несколько примеров изложения их взглядов их собственными словами. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 41: Юнг: Бонапарт и времена сына, II, 455. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 42: Переписка Наполеона, I, №. 35. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 43: Las Cases: Mémorial de Sainte-Hélène, I, 141. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 44: Полный отчет об этих важных операциях см. в "Махан: Жизнь Нельсона", I, 123 и далее. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 45: Мармон: Воспоминания, I, 77-78. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 46: Отчет об инспекции в Jung, II, 477. "Слишком много амбиций и интриг для его продвижения". [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Примечание 47: Он был далеко внизу списка, сто тридцать девятым в очереди на повышение. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 48: Возможно, двенадцатая. См. Юнг, III, I. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 49: Соответствие, I, №. 40. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 50: Для этой главы Воспоминания короля Жозефа, I, и Бетлингга: Наполеон Бонапарт и др., I, являются ценными ссылками в дополнение к уже приведенным. Мемуары Барраса особенно вводят в заблуждение, за исключением сравнений. For social conditions, cf. Goncourt, Histoire de la Société Française sous le Directoire, and in particular Adolph Schmidt: Tableaux de la Révolution Française; Pariser Zustände während der Revolutionszeit. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 51: Наполеон Жозефу, июль 1795 г.; в "Дю Кассе": "Королевские братья Наполеона", 8 и в Юнге, III, 41. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 52: Chaptal: Mes souvenirs sur Napoléon, p. 198. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Примечание 53: Мой отчет об этом важнейшем кризисе в жизни Бонапарта был написан после тщательного изучения всех авторитетных источников и отчетов, насколько это было известно. Читатель найдет в монографии "Zivy: Le treize Vendémiaire" множество перепечаток документов и определенные выводы, сделанные на их основе. Результат хорош, насколько это возможно, но, как и вся история, написанная исключительно на основе публичных документов, он неполон. Буонапарте был лишь одним из семи генералов, назначенных служить под командованием Барраса. Похоже, также верно и то, что его подвиги не привлекли к нему всеобщего внимания, поскольку Малле дю Пан говорит о нем как о "корсиканском террористе", а Ремюза описывает изумление своей матери по поводу того, что человек, столь малоизвестный, смог так удачно выйти замуж. Но, с другой стороны, Тибо заявляет, что деятельность Бонапарта произвела впечатление на всех, напряженные усилия Барраса вызывают подозрение, и затем, как и в Тулоне, есть результаты. Некоторые люди, стоящие у власти, отдавали ему должное, поскольку они наградили его экстраординарной наградой. Тогда почему мы также должны полностью отбрасывать собственные свидетельства Бонапарта, которые подтверждают, по крайней мере в том, что касается текста, свидетельства, почерпнутые из других источников? [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 54: Mémorial de Sainte Hélène, II, 246. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 55: Этот важный эксплойт был поставлен под сомнение. Но смотрите американское издание "Истории Франции" Мартина, II, 16. Бабуф вновь открыл в Пантеоне

клуб, который был закрыт Конвентом в Эвеше, и в связи с этим реорганизовал тайное общество. Этот клуб "Пантеон" был закрыт лично Наполеоном 26 февраля 1796 года. См. также Мемориал, II, 257, 258. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 56: Лучшими ссылками на историю Жозефины де Богарне являются: Массон: Жозефина де Богарне, 1763-1796, и Жозефина, императрица и король; Холл: письма Наполеона к Жозефине; Леви: Время Наполеона; вместе с мемуарами Жозефа, Буррьена, Дюкреста, Дюфора де Шевернии Ремюза . [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 57: See Hochschild: Désirée, reine de Suède. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 58: Авторитетные источники для этой главы те же, что и для предыдущей. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 59: See Pulitzer: Une idylle sous Napoléon I. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 60: Мемориал, II, 258; III, 402. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 61: Given in Aubenas: Histoire de l'impératrice Joséphine, I, 293. Откровенно говоря, этот писатель не историк, а апологет. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Footnote 62: Coston: Premières années de Napoléon Bonaparte. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Примечание 63: Карно полностью понял и оценил гениальность, проявленную в плане Бонапарта относительно итальянской кампании, и убедил Директорат согласиться со своим мнением. Они послали копию Шереру, который в то время командовал в Ницце, и он в гневе вернул ее, заявив, что человеку, разработавшему такой план, лучше приехать и воплотить его в жизнь. Директория поймала его на слове. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Примечание 64: К этой и последующим главам у нас есть мемуары Тибодо, Мармона, Дульсе де Понтекулан, Гайда де Невиля и герцогини Абрантес—мадам Жюно. Среди историй наиболее важными являются истории Блана, Тэна, Сибеля, Сореля и Мортимера-Терно. Special studies: C. Rousset, Les Volontaires de 1791-1794. Chassin: Pacifications de l'Ouest and Dictature de Hoche. Mallet du Pan: Correspondance avec la cour de Vienne. Также Переписка Сандоса. Many original papers are printed in Hüffer: Oesterreich und Preussen; Bailleu: Preussen und Frankreich, 1795-1797; and in the Amtliche Sammlung von Akten aus der Zeit der Helvetischen Republik. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 65: См. "Французская революция и религиозная реформа" автора. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 66: государство Европы может быть изучен в соответствии Малле дю Пан и в архивах Woronzoff; в Vivenot: Тугутом и Клерфайт; Доде: лес Бурбонов и Росії; Ла заговор де Pichegru; Сорель: Европа и Французская революция; Леки: Англия в XVIII веке; Стэнхоупа жизни Питта; мемуары князя Адама Чарторыйского, а также дипломатические документы Тугутом, Клерфайт, Герман, и "Сандоз". [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 67: Последними важными источниками об этой кампании и ее результатах, в дополнение к уже приведенным, являются "Сарджент: Первая кампания Наполеона Бонапарта". Sorel: Bonaparte et Hoche en 1797. Bonaparte et le Directoire, Vol. V о его большой работе. Colin: Études sur la Campagne de 1796 en Italie. Fabry: Histoire de l'armée d'Italie, 1796-1797. Bouvier: Bonaparte en Italie, 1796. Дешпи Грэхема, отредактированные Роуз, в "Английском историческом обозрении", том XIV. Tivaroni: Storia del risorgimento italiano. Документы Дропмора. Первостепенную ценность представляют "Переписка" Наполеона, официальное издание и неофициальное, отредактированное Бове. Hueffer: Ungedruckte Briefe Napoleon's in the Archiv für Oest. Geschichte, Vol. XLIX. Ценны также мемуары Мармона, Массены и Десженетта о Ландри в "Ревю дю Серкль Милитари", 1887. Йорк фон Вартенберг: Наполеон альс Фельдхерр, почти вытесняет старые авторитеты Клаузевица, Жомини, Рюстова и Лоссау. There are also Malachowski: Entwicklung der leitenden Gedanken zur ersten Campagne Bonaparte's, and Delbrueck: Unterschied der Strategie Friederich's des Grossen und Napoleon's. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 68: Чуть меньше 40 000. Бонапарт предположил, и его предположение было очень проникательным, что все говорило о том, что ему тогда противостояли 45 000 человек. Австрийцы никогда не проясняли факты, хотя их первоначальная численность оценивается в 28 000 человек. Я не нашел никакой информации о количестве подкреплений. В любом случае, они потеряли здесь 10 000 человек, весь корпус Проверы при Ла Фаворите и 18 000 были взяты в плен при Мантуе: их боевые силы в Италии были уничтожены. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

Сноска 69: Источники для следующих трех глав частично такие же, как и раньше, но, в частности, следующие: Vivenot: Thugut, Clerfayt. Correspondance de Thugut avec Colloredo. Hüffer: Oesterreich und Preussen, etc.; Der Rastatter Congress. Von Sybel: Geschichte der Revolutions Zeit. Bailleu: Preussen und Frankreich. Sandoz-Rollin: Amtliche Sammlung von Akten aus der Zeit der Helvetischen Republic. Sorel: Bonaparte et Hoche; Bonaparte et le Directoire; also articles in the Revue Historique, 1885. Sciout: Le Directoire, also article in Revue des questions historiques, 1886. Boulay de la Meurthe: Quelques lettres de Marie Caroline; Revue d'histoire diplomatique, 1888. Barante: Histoire du Directoire and Souvenirs. Макклеллан: Венецианская олигархия. Bonnal: Chute d'une république. Seché: Les origines du Concordat. Dandolo: La caduta della repubblica di Venetia. Romanin: Storia documentata di Venezia. Слоун: Французская революция и религиозная реформа. В целом и далее, мемуары Мармона, Шапталя, Ландри, Карно, Ларевельер-Лепо (вероятно, не подлинные), Матье Дюма, Тибодо, Мио де Мелито и переписка Малле дю Пана. [\[Вернуться к основному тексту\]](#)

[Назад](#)